

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ
ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ
И РАЗВИТИЯ
(2002–2023 ГГ.)

К 100-летию Республики

Москва
2023

УДК 327.8
ББК 66.4
В60

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
А. Г. Гаджиев, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
Е. С. Мелкумян, д-р полит. наук, ФГБУН ИВ РАН
Н. М. Мамедова, канд. экон. наук, ФГБУН ИВ РАН

В60 **Внешняя** политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики : колл. монография / отв. ред. А. Г. Гаджиев, Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. — Москва : ИВ РАН. — 2023. — 338 с.

ISBN 978-5-907671-32-4

Коллективная монография посвящена рассмотрению основных направлений внешней политики Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.).

Работа выстроена по проблемно-хронологическому принципу. В ней анализируются концепции и подходы, доминировавшие во внешней политике Анкары в первом двадцатилетии XXI века. Отдельно изучены отношения Турции с западными государствами, представлен анализ восточного вектора турецкой внешней политики. Особое внимание уделено российско-турецким отношениям.

Широкий круг проблем, рассмотренных в настоящей монографии, дает полное представление об особенностях современной турецкой дипломатии.

Книга предназначена для ученых, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся внешней политикой Турецкой Республики.

УДК 327.8
ББК 66.4

ISBN 978-5-907671-32-4

© ФГБУН ИВ РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Оглавление

Авторский коллектив	5
От редактора (предисловие)	6
Введение	9
Глава 1. Эволюция концептуальных основ внешней политики Турции в период правления ПСР	12
Глава 2. Экономические предпосылки внешнеполитического разворота Турции в период ПСР.	23
2.1. Экономический фактор во внешней политике Турции периода правления ПСР	23
2.2. Динамика географической структуры внешней торговли Турции как отражение ее меняющихся внешнеполитических приоритетов.	41
Глава 3. Российско-турецкие отношения	69
3.1. Двустороннее политическое сотрудничество	69
3.2. Экономические аспекты российско-турецких отношений	92
3.3. Россия и Турция: аспекты военно-технического сотрудничества в XXI веке	104
Глава 4. Западный вектор внешней политики Турции	119
4.1. Турция и США в период ПСР.	119
4.2. Турция–ЕС: эволюция подходов к развитию взаимоотношений (2002–2023 гг.)	138
4.3. Турецко-греческие отношения	146
4.4. Кипрский вопрос во внешней политике Турции в период правления ПСР	156
4.5. Балканская политика Турции в период правления ПСР	170

4.6. Черноморские проливы во внешней политике Турции в XXI веке	178
Глава 5. Восточный вектор внешней политики Турции . . .	191
5.1. Ближневосточная политика Турции при ПСР. . . .	191
5.2. Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI веке	205
5.3. Турция и Центральная Азия в период правления ПСР	235
5.4. Турция и Южный Кавказ в XXI веке	260
5.5. Развитие японо-турецких отношений в период правления в Турции ПСР	280
5.6. Турция и страны Африки в период правления ПСР	303
Заключение (послесловие)	321
Список литературы	323
Сведения об авторах.	331
Summary.	332
Content.	335
Authors' Team	337

Авторский коллектив

От редактора — Гаджиев А. Г.

Введение — Ульченко Н. Ю., Гаджиев А. Г.

ГЛАВА 1

Гаджиев А. Г.

ГЛАВА 2

2.1 — Ульченко Н. Ю.

2.2 — Волкова С. Л.

ГЛАВА 3

3.1 — Иванова И. И.

3.2 — Ульченко Н. Ю., Иванова И. И.

3.3 — Болдырев А. В.

ГЛАВА 4

4.1 — Свистунова И. А.

4.2 — Гаджиев А. Г.

4.3 — Свистунова И. А.

4.4 — Васильева Е. А.

4.5 — Иванова И. И., Васильева Е. А.

4.6 — Болдырев А. В.

ГЛАВА 5

5.1 — Васильева Е. А., Горбунова Н. М., Иванова И. И.

5.2 — Иванова И. И.

5.3 — Иванова И. И.

5.4 — Иванова И. И.

5.5 — Ледовская О. А.

5.6 — Колесникова М. А.

От редактора (предисловие)

Придя к власти в 2002 году под лозунгом «Всё для Турции», Партия справедливости и развития (ПСР) после успешного проведения двух конституционных референдумов (в 2007 и 2010 гг.) выдвинула в 2010 году концепт «новой Турции». Обозначив в качестве рубежного этапа развития 2023-й год, к которому государство должно было подойти, демонстрируя региональное превосходство по целому ряду направлений, лидеры ПСР поставили перед собой амбициозную задачу — превратить Турцию сначала в «силу, влияющую на характер международного развития», затем — во «влиятельного глобального игрока».

В 2013 году турецким руководством был выдвинут тезис «Мир больше пяти» (с отсылкой к пяти постоянным членам Совета Безопасности ООН). Началось активное позиционирование Турции в качестве одного из растущих центров геополитического влияния. Выступая на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил о стремлении Анкары играть более весомую роль в мировых делах. По его убеждению, внешняя политика современной Турции стала более ответственной, более самостоятельной и более многовекторной.

В 2018 году лидерами ПСР был введен в оборот термин «мощная Турция», которая внутри страны должна опираться на «сильное правительство», а на международной арене — «умное» сочетание элементов «жесткой» и «мягкой» сил, формируя так называемую «ось Турции». Многовекторность в системе координат турецкой внешней политики получила качественно новую интерпретацию. Политическое руководство страны предпочитало говорить не о «смещении оси», а об укреплении сотрудничества с теми или иными странами в интересах турецкого государства.

Союзнические отношения с Западом, как и многоплановое партнерство с Россией, должны были служить, по мнению турецких властей, прежде всего национальным интересам Турции.

В рамках подготовки к избирательной кампании 2023 года ключевые тезисы концепции «ось Турции» нашли отражение в видении «Столетия Турции», провозглашенном в предвыборной программе ПСР. Помимо «Столетия Турции», у ПСР в той или иной степени проработанности имеются программы и на 2053-й год (600 лет с момента завоевания Константинополя в 1453 году), и даже на 2071-й год (1000 лет победы в битве при Манцикерте в 1071 году). Насколько они окажутся востребованными и уместными, покажет время.

В текущем, 2023-м, году Турецкая Республика отмечает 100-летие со дня своего основания. Государством на протяжении последних более двадцати лет неизменно правит ПСР, возглавляемая Р.Т. Эрдоганом. За этот период времени во внешней политике страны произошли существенные перемены. Турция за два десятилетия не только укрепила свое региональное значение, расширив влияние на соседние страны, но и заявила о себе как о «надрегиональной державе» с претензией на более масштабную роль в мировой политике, в том числе в системе глобального управления. Стремление выйти в «высшую лигу» мировой политики отражено практически во всех программных документах ПСР последних пяти лет. Турция в последнее время всячески старается участвовать в формировании международной повестки. Она не является великой державой, но ее действия временами имеют глобальные последствия. Особенно это проявилось в контексте сирийского кризиса, карабахского конфликта, «зерновой сделки» и т.д., когда Турция вновь и вновь оказывалась в фокусе мировой политики.

В мае 2023 года в Турции прошли очередные президентские и парламентские выборы. Р.Т. Эрдоган и его партия вновь одержали победу. Главой МИД в новом кабинете министров стал Хакан Фидан, имеющий колоссальный опыт работы как в вооруженных силах, так и в сфере дипломатии; проработавший в различных вузах и в разведке; в НАТО, ООН и МАГАТЭ; был главой Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТІКА), членом правления Фонда имени Юнуса Эмре и т.д. Его называют «хранителем секретов Эрдогана», «черным ящиком», «кувшином тайн». Не исключе-

но, что в турецкой внешней политике нового периода дипломатический инструментарий будет подвергнут определенной ревизии с учетом современных подходов к обеспечению безопасности.

Ряд обозревателей уже прозвали новый период турецкой дипломатии «эпохой Фидана» по аналогии с прежними периодами Ахмета Давутоглу и Мевлюта Чавушоглу. Определенные перемены в турецкой внешней политике уже начали происходить. Но насколько они кардинальны? Пока мы можем констатировать лишь то, что Турция продолжает усилия по повышению своей роли в существующей системе международных отношений. Очевидно, что возникшая неопределенность в этой системе открывает возможности для таких стран, как Турция, которая, обладая основными атрибутами региональной державы, стремится стать игроком глобального масштаба. Анкара рассматривает неопределенность и переходный период в системе международных отношений как возможность проводить «более напористую» внешнюю политику. В рамках растущего соперничества великих держав современная Турция стремится позиционировать себя в качестве влиятельного участника международных отношений, способного играть роль «балансирующей силы». Современная турецкая дипломатия в текущих геополитических условиях видит для себя некий «трамплин» для реализации собственных амбициозных внешнеполитических задач. Турция стремится стать одним из архитекторов региональной безопасности, участвуя в полном или частичном заполнении политического вакуума, образовавшегося в результате сокращения присутствия западных держав в регионах Ближнего Востока и Африки. Поставки вооружений и открытие военных баз являются важными инструментами внешнеполитического курса страны на современном этапе.

Монография, посвященная внешней политике Турции в начале текущего столетия, не только актуальна, но и имеет большое научное и практическое значение. Освещение различных аспектов внешнеполитической деятельности Турецкой Республики в период нахождения у власти ПСР позволяет определить основные особенности современной турецкой дипломатии, тенденции ее развития, цели и задачи, а также подтвердить научную гипотезу о взаимовлиянии внутренней и внешней политики государства.

Амур ГАДЖИЕВ

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу турецкой внешней политики в период правления Партии справедливости и развития (ПСР), основанной в начале XXI в. под лидерством Реджепа Тайипа Эрдогана и пришедшей к власти в 2002 г.

Актуальность исследования заключается в том, что сегодня турецкий фактор стал играть важную роль практически во всех вопросах региональной и международной повестки, особенно в событиях и процессах, происходящих на Ближнем Востоке, в Черноморском регионе, Закавказье и Центральной Азии. Анкара стремится формировать собственный внешнеполитический курс, определять свои интересы по широкому кругу вопросов, а также достаточно жестко отстаивать свои позиции на международной арене подобно тому, как это происходило во времена Османской империи. Турция за последние два десятилетия приобрела заметное влияние в окружающем ее нестабильном регионе.

Представленная работа выстроена по проблемно-хронологическому принципу. Первая глава посвящена осмыслению целей и задач, а также основополагающих принципов и приоритетных направлений внешней политики современной Турции, претендующей на роль одного из центров геополитического влияния в полицентричном мире. Особое внимание уделено эволюции инструментария, используемого при решении внешнеполитических задач, стоящих перед турецкой дипломатией. Подчеркивается, что в настоящее время в турецкой внешнеполитической мысли продолжается отход от догматических установок идеализма в сторону прагматического мировоззрения реализма. Оперативное реагирование на ситуацию и события в регионе посредством использования элементов «мягкой» и «жесткой» силы

стало неотъемлемой особенностью региональной политики Анкары последних лет. Турция не только укрепила свое региональное значение, расширив влияние на соседние страны, но и заявила о себе как об игроке с претензиями на постоянное участие в системе глобального управления.

Вторая глава посвящена анализу экономических предпосылок внешнеполитического разворота Турции в период правления ПСР. Представлена оригинальная периодизация экономической истории Турецкой Республики, а также рассмотрены изменения в географической структуре ее внешней торговли, происходившие в течение последних двух десятилетий. Отмечается зависимость политики «целевых рынков» от внешнеполитического и экономического курса страны.

В третьей главе рассмотрены российско-турецкие отношения; изучены как политические, торгово-экономические и культурно-гуманитарные связи, так и контакты двух стран по таким чувствительным направлениям, как безопасность, оборона и военно-техническое сотрудничество. Обращается внимание на особенности развития двусторонних отношений в условиях сирийского кризиса, нагорно-карабахского конфликта и специальной военной операции на Украине. Отмечается, что благоприятное развитие в двусторонних отношениях в XXI в. во многом определялось возросшим уровнем взаимного доверия в политической сфере, экономической заинтересованностью сторон во взаимодействии друг с другом и кросс-культурным взаимопониманием.

В четвертой главе авторы анализируют отношения Турции с западными государствами, а также рассматривают политику Анкары по кипрскому вопросу и ее позицию по проблемам Балканского полуострова и Черноморских проливов. Отдельно рассмотрены турецко-американские отношения, развитие которых в период правления ПСР происходило по зигзагообразной траектории — от попыток «перезагрузки» и поиска новой «модели» партнерства до роста напряженности и возникновения целого ряда новых труднопреодолимых противоречий. Отмечен неоднозначный характер развития отношений Турции с Европейским Союзом, которые в результате появления новых переменных, таких как незакон-

ные мигранты, региональные конфликты, спорные месторождения в Средиземном море и др., стали еще более сложными.

В последней главе вниманию читателей представляется детальный анализ восточного вектора внешней политики Турции на современном этапе. Рассмотрены концепции и подходы, доминирующие в политике Анкары на африканском, ближневосточном, южно-кавказском, центральноазиатском и восточноазиатском направлениях. Отдельно изучены отношения Турции с Ираном, Египтом и Ливией, со странами Персидского залива и Израилем. Особое внимание уделено эволюции ближневосточной политики Турции в условиях событий «арабской весны» и продолжающегося сирийского кризиса. Дана характеристика сотрудничеству Турции со странами-гарантами Астанинского процесса по Сирии. Отмечается, что порядок выстраивания взаимодействия с этими странами демонстрирует самостоятельность Анкары и ее способность диверсифицировать внешнеполитические связи.

Широкий круг проблем, рассмотренных в настоящей монографии, позволяет дать полное представление об особенностях внешней политики Турецкой Республики в период от начала XXI в. и до важной даты в истории страны — 2023 г., когда она отмечает столетие со дня своего основания.

Глава 1. Эволюция концептуальных основ внешней политики Турции в период правления ПСР

После прихода Партии справедливости и развития к власти в 2002 г. в Турции начался процесс по сути контрреволюционных реформ в отношении того цивилизационного выбора, который был сделан после 1923 г. За первые два десятилетия XXI в. страна достигла заметных внешнеполитических успехов, получив возможность утвердиться в Черноморском регионе и в регионе Восточного Средиземноморья в качестве регионального лидера, а также претендовать на более весомую роль в мировой политике¹. Современная Турция стала одним из растущих центров геополитического влияния. Рубежным этапом развития был обозначен 2023 г. — год столетия создания Турецкой Республики. Власти Турции рассчитывают, что к этой базовой точке государство подойдет, демонстрируя военное, экономическое, технологическое лидерство и притягательную массовую культуру не только в региональном, но и в глобальном масштабе².

С 2007 г. руководство ПСР начало продвигать идею становления Турции в качестве влиятельного глобального актора, что зафиксировано в содержании партийной программы 2007 г. Так, состоявшиеся в 2007 г. парламентские выборы не только подтвердили успех ПСР, но и определили для правительства спектр новых задач. Функционеры ПСР поставили перед собой цель

¹ Ирхин А. А., Москаленко О. А., «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 94 // <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-bolshe-pyati-stanovlenie-turtsii-v-kachestve-globalnogo-aktora-mirovoy-politiki-perspektivy-i-vyzovy-dlya-rossii/viewer> (дата обращения: 20.03.2023).

² Ульченко Н. Ю., Новый путь Турции? // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 90–101.

придать внешней политике новое качественное измерение: она должна была стать более амбициозной, наступательной и независимой. Собственно, эта цель — придать новое качество внешней политике — была заявлена в предвыборной декларации ПСР 2007 г. Турция больше не ограничивалась стремлением стать «региональной силой»: теперь предстояло превратить страну во «влиятельного глобального актора», для чего требовалось, «отказавшись от позиции страны, реагирующей на международные кризисы и обороняющейся, вооружившись региональным и глобальным видением, стать силой, влияющей на характер международного развития»¹.

Следующий этап пересмотра Турцией существующего мирового порядка относится уже к 2013–2014 гг.: именно в этот период Р.Т. Эрдоган, будучи премьер-министром, выдвинул тезис «Мир больше пяти».

Сегодня концептуальные основы внешней политики Турции претерпевают очередной период трансформации. Формируется новая турецкая внешнеполитическая доктрина. Официального названия и текстового оформления у нее пока нет, но имеется ряд монографий и публикаций ведущих турецких аналитических центров, в которых осуществлена попытка осмысления ее целей и задач, основополагающих принципов, ключевых положений и приоритетных направлений.

Одним из главных подобных трудов, на наш взгляд, можно считать книгу, изданную Фондом политических, экономических и социальных исследований (SETAV) под названием «В процессе глобальных перемен. Большая стратегия Турции»². В качестве основной цели в работе ведущего мозгового центра страны провозглашается «обеспечение защиты долгосрочных интересов Турции и создания вокруг нее такой реальности, в которой она смогла бы занять сильное место в новом пост-турбулентном мире»³. По мне-

¹ 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi // <https://www.akparti.org.tr/media/272213/2007-2007-secim-beyannamesi-ozet.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

² Yeşiltaş M., Pirinççi F., Küresel Dönüşüm Sürecinde Türkiye'nin Büyük Stratejisi, SETA Vakfı, 1. Baskı: Ağustos 2020. İstanbul // <https://setav.org/assets/uploads/2020/08/turkiyenin-buyuk-stratejisi.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

³ Там же.

нию авторов SETAV, «новая позиция Турции должна основываться на сдерживающей военной силе страны»¹.

Таким образом, в основе формирующейся турецкой внешнеполитической концепции, условно названной «Большой стратегией Турции», лежит стремление расширить зону турецкого военнополитического влияния. Сегодня мы видим, что турки обеспечили себе военное присутствие на достаточно обширной территории — от Азербайджана, северного Ирака и Сирии до Катара, Ливии и Сомали. Свое присутствие сами турки объясняют тезисом о том, что «оборона Турции начинается с дальних рубежей», который в свою очередь восходит к натовской стратегии «передовой обороны». Конечно же, турецкая трактовка этой стратегии сильно отличается от натовской интерпретации. Поэтому здесь, на наш взгляд, уместнее говорить не о самой стратегии «передовой обороны» как таковой, а о том, какой смысл данному понятию придают турки. В турецком понимании «передовая оборона» — это защита турецких национальных интересов на дальних подступах. В то же время в Турции нет однозначного понимания относительно инструментария и способов реализации данной стратегии.

Не вдаваясь во внутритурецкие споры, выделим лишь три основные интерпретации стратегии «передовой обороны». Первую из них в своей книге «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» представил Ахмет Давутоглу в контексте концепции «ноль проблем с соседями»². Вторую изложил адмирал Рамазан Джем Гюрдениз в своей работе под названием «Труды о голубой родине»³. Третья интерпретация — это синтез идей Давутоглу и Гюрдениза, который стал проявляться с 2015 г., а именно после создания альянса правящей Партии справедливости и развития с Партией националистического движения.

¹ Yeşiltaş M., Pirinççi F., Küresel Dönüşüm Sürecinde Türkiye'nin Büyük Stratejisi, SETA Vakfı, 1. Baskı: Ağustos 2020. İstanbul // <https://setav.org/assets/uploads/2020/08/turkiyenin-buyuk-stratejisi.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

² Davutoğlu A., Stratejik Derinlik — Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları. Baskı: 79. 2012.

³ Gürdeniz C., Mavi Vatan Yazıları. İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2018.

По мнению А. Давутоглу, Турции для расширения своего влияния необходимо отойти от политики, где ее воспринимают в качестве «моста» между Западом и Востоком, между Севером и Югом, между Европой и Азией, между «христианским миром» и «мусульманским». Турции, по словам Давутоглу, необходимо стать моделью в преобразовании Большого ближневосточного региона (не путать с «Большим Ближним Востоком»). Стратегическое значение Турции заключается не только в географическом местоположении, но и в ее «способности интегрирования с мировой системой». Тезисы Давутоглу легли в основу турецкой внешней политики периода 2002–2015 гг., особенно проявившись во время событий «арабской весны». Правительство ПСР разработало собственную модель проведения реформ и преподнесло это как стратегическую ценность. Основная идея модели ПСР заключалась в следующем: «Как в Турции исламистам удалось серьезно преобразиться, так и в других странах возможны похожие изменения, но при этом не обязательно следовать такому же пути»¹.

Здесь следует отметить, что отчеты ЕС первого десятилетия после прихода ПСР к власти, а также доклады и публикации европейских и американских исследовательских центров определяли кемализм в качестве одного из важных препятствий на пути к «демократизации» Турции. По мнению экспертов ЕС и США, необходимо признать религиозную и этническую принадлежность национальных меньшинств, расширить демократию и ограничить влияние государства в жизни общества. Такая позиция Запада сыграла на руку руководству ПСР. Учитывая, что центральным звеном в турецком государстве являлись вооруженные силы, становится понятным отношение ПСР к «оценкам Запада». Иными словами, руководство ПСР охотно пользовалось рекомендациями Евросоюза для достижения своих целей и прежде всего — для снижения роли военных в политической жизни страны.

В результате роль вооруженных сил в политической жизни Турции стала постепенно снижаться. Со временем данная тенденция приобрела отчетливый и в какой-то мере систематический характер. Многие действия лидеров ПСР вызывали недовольство

¹ Davutoğlu A., там же.

у армейской верхушки, однако ради достижения заветной цели — вступить в Евросоюз — турецкие военные предпочитали проявлять определенную сдержанность. Пользуясь этим, умеренные исламисты, особенно после победы на всеобщих парламентских выборах, проведенных в 2007 г., стали оказывать открытое всестороннее давление на оппозиционные силы в стране. Под особым прицелом оказались наиболее активные сторонники сохранения светского режима.

В рамках борьбы с организацией «Эргенекон» сторонники ПСР устраняли своих главных оппонентов. Масштабный характер процесса перераспределения административной власти стал вызывать среди светских интеллектуалов страны жесткую критику. Особенно с начала 2010 г. в турецких научных кругах развернулась широкая дискуссия вокруг определения типа «современной турецкой демократии». Многие называли ее «опекающей». Некоторые турецкие политологи в своих трудах отмечали, что «режим военной опеки» разрушен и объявлен вне закона, и в качестве альтернативы прежнему режиму умеренные исламисты внедряли «режим гражданской опеки». Об этом, по их мнению, свидетельствовал тот факт, что сторонники ПСР поэтапно укрепляли свои позиции в правоохранительных органах страны и расширяли их полномочия¹. Эксперты, поддерживавшие власть, наоборот, считали, что внутренняя политика, проводимая партией Р.Т. Эрдогана, «укрепляла основы демократического режима». Они также были убеждены в том, что споры об «источнике и характере опеки» опасны, поскольку могут привести к попытке военного переворота, что и случилось в июле 2016 года².

В политической программе ПСР 2007 г. отмечалось, что отношения Турции с ЕС следует рассматривать не только через при-

¹ Saygılı B., *Vesayetçi Demokrasi ve Çoğunlukçu Demokrasi Karşısında Çoğunlu Demokrasi Alternatifi*, Güncel Hukuk, Ağustos 2016 // https://www.academia.edu/40068569/_Vesayetçi_Demokrasi_ve_Çoğunlukçu_Demokrasi_Karşısında_Çoğunlu_Demokrasi_Alternatifi_Güncel_Hukuk_Ağustos_2016 (дата обращения: 23.03.2023).

² Karakoç Ş., *Demokrasiyi Tartışmak: Türkiye'de Demokrasi Tartışmaları Üzerine Bir Dönemlendirme. Muhafazakar Düşünce*. Yıl: 16. Sayı: 58. Ocak-Haziran 2020 // <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1213748> (дата обращения: 23.03.2023).

зму двусторонних связей, но и в рамках стратегического взгляда на перспективы регионального и глобального мира и порядка. В программе подчеркивалось, что, по мнению ПСР, переговорный процесс с Евросоюзом — это не только интеграция, но и процесс перестройки, повышающий политические, экономические, социальные и правовые стандарты Турции¹. Р. Т. Эрдоган утверждал, что ПСР в 2007 г. приняла решение ускорить реализацию всех начатых ранее политических, экономических и административных реформ независимо от темпов проведения переговоров о вступлении в ЕС².

Турция в 2000-х годах пережила процесс трансформации не только внутривластной системы, но и внешнеполитических амбиций, поскольку реформы, проводимые ПСР, носили глубокий и долгосрочный характер. «ПСР словно не новое правительство формировало, а заново создавало государство», — писал в своей книге «Второй период однопартийной системы» турецкий профессор Умит Оздаг (ныне основатель и лидер Партии Победы), который считал, что усилия лидеров ПСР направлены на создание в Турции «авторитарной системы с партией-гегемоном»³.

В свою очередь концепция «Голубая Родина» была впервые изложена в июне 2006 г. адмиралом Рамазаном Джем Гюрденизом во время симпозиума в командном центре Военно-морских сил Турции. Главная идея этой концепции заключается в обеспечении морского превосходства Турции в Восточном Средиземноморье, Персидском заливе и Красном море с опорой на создаваемые повсеместно турецкие военно-морские базы. Это, по мнению Дж. Гюрдениза, должно привести и к расширению морской юрисдикции Турции. Согласно концепции «Голубой Родины», существуют три жизненно важных аспекта безопасности турецкой геополитики в Средиземноморье: 1) проблемы с Грецией

¹ 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi // <https://www.akparti.org.tr/media/272213/2007-2007-secim-beyannamesi-ozet.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

² Çalış Ş., Metkin K., Algı ve Yanılgı: AB Normları, Türkiye'nin Üyeliği ve AK Parti'nin Rolü. Marmara Avrupa Araştırmaları Dergisi, Cilt: 25. No: 2. 2017 // https://avrupa.marmara.edu.tr/dosya/avrupa/mjes%20arsiv/vol%2025_2/01_Calis_Metkin_A5.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

³ Özdağ Ü., İkinci Tek Parti Dönemi. Ankara: Kripto Yayınları, 2011.

(и соответственно с ЕС) относительно районов турецкой морской юрисдикции; 2) потенциал независимого Курдистана со свободным доступом к Средиземному морю; 3) будущее Северного Кипра с геополитическими последствиями для Турции, особенно в отношении прав на гарантии¹.

Появившись в 2006 году, концепция сначала не нашла отклика ни в научной, ни в политической среде, поскольку ее сторонники тогда считались противниками «турецкой демократизации». А затем и вовсе последовали массовые судебные процессы, такие как «Эргенекон», «Молот» и т.д. В итоге около 400 офицеров ВМС оказались за решеткой. Вместе с ними и основатель концепции — Дж. Гюрдениз. Но после 2015 г. эта концепция стала практически основой политики Турции по усилению в море. Следует отметить, что основная часть сторонников идей «Голубой Родины» является антизападниками и придерживается евразийских взглядов.

Так что же произошло в 2015 году? И с чем были связаны перемены? Тогда осужденные по судебным делам «Эргенекон» и «Молот» были оправданы. 7 июня 2015 г. состоялись парламентские выборы. И впервые ПСР утратила возможность формирования правительства в одиночку. Затем был создан «народный альянс» ПСР и ПНД. Партия «Родина» поддержала этот союз. Усилились позиции сторонников концепции «Голубой Родины». В результате стала меняться турецкая внешняя политика и политика Турции в области безопасности по всему фронту — от курдской проблемы до Ф. Гюлена, от России до США, от ЕС до арабского мира. Демократический дискурс, демократические лозунги сменялись на националистическую риторику. В турецкой общественно-политической жизни формировались новые связи, новые форматы взаимодействия, которые ранее казались невозможными. Политический ислам уже не воспринимался кемалистами-националистами в качестве главной угрозы. Возникло гибридное образование, которое на сегодняшний день состоит из неоосманистов-исламистов, националистов-консерваторов, левых кемалистов.

¹ Uzgel İ., Mavi Vatan ve Türkiye'nin yeni güvenlik doktrini. Gazete Duvar. 15.06.2020 // <https://www.gazeteduvar.com.tr/yazarlar/2020/06/15/mavi-vatan-ve-turkiyenin-yeni-guvenlik-doktrini> (дата обращения: 15.03.2021).

Во внешней политике это привело к слиянию отдельных тезисов «Стратегической глубины» с «Голубой Родиной». Общим знаменателем для двух внешнеполитических концепций оказалась стратегия «передовой обороны», то есть обеспечение безопасности государства на дальних рубежах. А. Давутоглу в свое время говорил, что «оборона Стамбула начинается с Боснии, а оборона Эрзурума с Грозного»¹. Это вписывается и в концепцию «Голубой Родины».

Сторонники «Стратегической глубины» в свое время критиковали республиканскую Турцию за ее чрезмерную осторожность во внешней политике. Такую же критику мы видим и среди левых кемалистов. Оба лагеря сходятся в том, что считают «национальный обет» термином, во многом сужающим внешнеполитические горизонты Турции. То есть турецкие внешнеполитические интересы, по мнению сторонников обеих концепций, должны простирались далеко за территории «национального обета», и только в этом случае может быть обеспечена безопасность турецких границ и турецкой территории.

Наиболее демонстративным проявлением «Голубой Родины» стал турецко-ливийский меморандум по разграничению морских зон в Средиземном море, подписанный 27 ноября 2019 г. Согласно данному документу, Турция и Ливия рассматриваются в качестве морских соседей, и морские границы между ними проходят через область, которая не учитывает морские претензии греческих островов, включая Крит.

В 2020 г. турецкие военно-морские силы провели масштабные военные учения под кодовым названием «Голубая Родина». Гюрдениз считает, что республиканская Турция до сих пор чрезмерно мягко относилась к Греции и Кипру, призывая против них к более решительным и жестким мерам. И то, что мы наблюдаем сегодня в восточной части Средиземного моря, а именно геологоразведочное бурение и регулярные нарушения греческого воздушного пространства, является ничем иным, как одним из проявлений концепции «Голубой Родины». Разумеется, данная концепция далека от глубоких теоретических разработок «Стра-

¹ Там же.

тегической глубины». Возможно, поэтому она и не стала полностью ее заменять, а наполнила новым содержанием практически до неузнаваемости.

В последнее время некоторые турецкие эксперты пытались дать определение современной внешней политике Турции. Наиболее удачное определение, которое сочетало бы в себе и начатую А. Давутоглу проактивность, а также отход от цивилизационной многосторонности в сторону гуманизма и моральной ответственности, и решительную реакцию на угрозы и вызовы безопасности с помощью жесткой силы, представлено Фуатом Кейманом в работе «Новая турецкая внешняя политика: на пути к активному “моральному реализму”»¹.

Как видно из заголовка, автор определяет современную турецкую внешнюю политику как «активный моральный реализм». Пока это, на наш взгляд, наиболее удачное определение того внешнеполитического курса, который продолжает оформляться после радикальной перезагрузки 2015 г. В основе «морального реализма» лежит тезис «Мир больше пяти», который является одной из последних разработок турецкой внешнеполитической мысли и активно продвигается в последнее время на международной арене. «Мир больше пяти» предполагает реформу ООН путем расширения состава постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Интересно также, что в политической программе ПСР от 2018 г. раздел, посвященный внешней политике, называется «Внешняя политика и национальная безопасность», что свидетельствует об определенной секьюритизации турецкой дипломатии. Можно предположить, что с назначением экс-главы разведки Хаkana Фидана министром иностранных дел данный тренд усилится.

Таким образом, можно выделить следующие три ключевые тенденции внешней политики Турции на современном этапе: 1) милитаризация, то есть выход на передний план военной силы, и соответственно — ослабление роли дипломатии; 2) укрепление тезиса о том, что оборона Турции начинается за пределами ту-

¹ Keyman F., A New Turkish Foreign Policy: Towards Proactive “Moral Realism”. Insight Turkey. 2017. Vol. 19. No. 1 // <https://www.insightturkey.com/moral-realism/a-new-turkish-foreign-policy-towards-proactive-moral-realism> (дата обращения: 15.03.2021).

рецких границ; 3) развитие оборонно-промышленного комплекса, способного надлежащими образом реализовать на практике взятые на вооружение внешнеполитические идеи.

Сегодня правительство ПСР, создав альянс с националистами-консерваторами и левыми кемалистами, при помощи традиционных государственных механизмов пытается обеспечить региональное лидерство республики, используя помимо привычных элементов «мягкой силы» «жесткую силу» и военный инструментарий.

Если в 2000-х гг. Турция с целью усиления своего влияния в регионе проводила политику, направленную на региональную экономическую интеграцию, пиком которой стал V турецко-арабский экономический форум, состоявшийся 10 июня 2010 г. в Стамбуле, в ходе которого А. Давутоглу объявил о совместном решении Турции, Сирии, Иордании и Ливана создать зону свободной торговли и безвизового режима, то с наступлением «арабской весны» ближневосточная политика Турции изменилась, сделав ставку на поддержку организации «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ), продолжая при этом претендовать на региональное лидерство. Планы Анкары, базировавшиеся главным образом на создании идеологических альянсов и «мягкой силе», не получили поддержки у турецких националистов и левых кемалистов.

Сегодня же мы наблюдаем совершенно иную картину. Правительство ПСР, создав альянс с националистами-консерваторами и левыми кемалистами, при помощи традиционных государственных механизмов пытается обеспечить региональное лидерство республики, используя жесткую силу и военный инструментарий. В свою очередь националистические и левокемалистские круги, используя появившиеся возможности сформированного альянса, продвигают с помощью Эрдогана свои внешнеполитические идеи и свою политику в области безопасности.

Ужесточение позиции по курдской проблеме, проведение военных операций в Сирии главным образом против прокурдских отрядов народной самообороны, вмешательство в ситуацию в Ливии, создание военных баз, наращивание вооружения, активное использование радикальных исламистских группировок с целью снижения потерь в рядах турецкой армии в ходе проведе-

ния трансграничных либо зарубежных военных операций — все это вписывается и в левокемалистскую стратегию по повышению уровня безопасности турецкого государства. Однако нельзя сказать, что между правительством ПСР и левокемалистскими кругами царит полное взаимопонимание. Это, в частности, заметно как на египетском направлении, так и в политике Турции в отношении сирийского правительства. Данное обстоятельство является серьезной проблемой не только для Анкары, но и для ее партнеров.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время в турецкой внешнеполитической мысли продолжается отход от догматических установок идеализма в сторону прагматического мировоззрения реализма. Оперативное реагирование на ситуацию и события в регионе с одновременным использованием элементов «мягкой» и «жесткой» силы стало неотъемлемой особенностью региональной политики Анкары последних лет. Турция не только укрепила свое региональное значение, расширив влияние на соседние страны, но и заявила о себе как об игроке с претензиями на постоянное участие в системе глобального управления.

Глава 2. Экономические предпосылки внешнеполитического разворота Турции в период ПСР

2.1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ПСР

В 2002 г. к власти в Турции в результате политического фиаско правивших длительное время светских правоцентристских партий пришла консервативная происламская Партия справедливости и развития. Удержание ею властных позиций как партией нового типа требовало обновления устоявшихся подходов, в том числе в сфере внешней политики.

В 1990-е внешнеполитические усилия страны были направлены на актуализацию геополитической роли Турции в условиях крушения биполярной системы. Утрату своей стратегической значимости в качестве страны НАТО, граничившей с СССР, турецкий истеблишмент пытался компенсировать активным «походом» на Центральную Азию, пытаясь таким образом стать проводником интересов Запада в регионе.

Новый подход идеологов от внешней политики Партии справедливости и развития, оказавшийся впоследствии довольно продуктивным, состоял в том, что крах биполярной системы стал рассматриваться не как угроза для международного статуса Турции, а как открывшееся «окно возможностей». С одной стороны, изменившаяся ситуация снизила актуальность довлевшей долгие десятилетия над турецкой внешней политикой парадигмы безопасности, значимость которой еще с послевоенных лет связывалась с угрозой, исходившей, как считалось, от СССР. Это означало, что стало возможным ослабление зависимости от традиционных партнеров (США и Западной Европы), с которыми, в первую очередь, Турцию связывала эффективная система обороны в рамках НАТО. Одновременно у ПСР появилась возможность подыграть антизападным, особенно антиамериканским настроениям

значительной части турецких избирателей. «Эта концепция самостоятельности импонирует большинству турок, относящихся к Западу неоднозначно», — констатировал турецкий политолог С. Ульген, оценивая происходившие изменения¹. С другой стороны, появилось больше свободы и возможностей для развития отношений с другими странами.

Поначалу акцент был сделан на государства региона. В программе первого правительства, сформированного ПСР после парламентских выборов 2002 г., подчеркивалось: «Турция — элемент стабильности в своем регионе. Поэтому она постарается проявлять больше инициативы и более заметно участвовать в решении международных кризисных ситуаций, развивающихся в непосредственной близости от нее»². Интерес к «ближнему кругу» объяснялся еще и тем, что в число предварительных условий снятия ограничений, связанных с интересами обеспечения национальной безопасности, входило и изменение исторически конфликтного характера отношений с непосредственными соседями: сами турки воспринимали свою страну как окруженную с трех сторон морями, а с четырех — врагами. Отсюда основная цель раннего этапа внешней политики ПСР — «ноль проблем с соседями». В программе первого правительства ПСР данной целевой установке было уделено особое внимание: «...Турция предпримет дополнительные усилия для поддержания отношений с соседями, опирающихся на диалог, и таким образом повысит свое участие в развитии регионального сотрудничества»³.

Успех ПСР на следующих парламентских выборах 2007 г. означал возможность решения новых задач: внешнюю политику предстояло сделать более амбициозной, активной и самостоятельной. Согласно предвыборной декларации 2007 г., Турции уже не следовало ограничиваться стремлением стать «региональной си-

¹ Ульген С., Место под солнцем или пятнадцать минут славы? Новый внешнеполитический курс Турции. М.: Московский центр Карнеги, декабрь 2010. С. 29 / file:///C:/Users/user/Favorites/Downloads/Ulgen_WorkingPapers_final_rus.pdf (дата обращения: 12.10.2011).

² 58. Hükümet Programı // <http://arsiv.ntv.com.tr/news/189287.asp> (дата обращения: 12.12.2007).

³ 58. Hükümet Programı // <arsiv.ntvmsnbc.com/news/189229.asp> (дата обращения: 12.12.2007).

лой»: ставилась задача превратить страну во «влиятельного глобального актора», для чего надлежало, «отказавшись от позиции страны, реагирующей на международные кризисы и обороняющейся, стать актором, направляющим характер международного развития»¹. Эксперты констатировали активизацию разнонаправленной внешней политики Турции, выходящей за рамки даже широкого региона и нацеленной помимо стран, географически хотя бы относительно близких Турции, на Латинскую Америку, Китай, Африку и пр. Подчеркивая теперь уже внерегиональный характер турецкой внешней политики, турецкий аналитик И. Туран отмечал, что она «имеет не столько исламский дух, сколько представляет интересы стран всего третьего мира»². Эту же мысль разделяли и западные эксперты Дж. Уокер и Э. Алессандри. По их мнению, Р. Т. Эрдоган встраивал внешнюю политику Турции в широкий контекст международных событий, что «помещает Турцию в центр, Турцию, которая выступает в качестве моральной силы и образца действия, равно как и нового влиятельного актора — своего рода Мать Тереза в военных бусах»³. Подобная частично миссионерская установка действительно закреплена и в программе третьего правительства ПСР: «Мы стремимся проводить принципиальную, сбалансированную, обеспечивающую взаимодействие со всеми глобальными и региональными акторами, балансирующую между *идеальными целями* (курсив Н. У.) и рациональной необходимостью внешнюю политику»⁴.

Следует отметить, что подобное расширение внешнеполитических целей весьма удачно балансировало начавшийся процесс торможения в развитии отношений с ЕС. Впоследствии оно оказалось и очень уместной и своевременной компенсацией ряда

¹ Guven ve İstikrar içinde durmak yok yola devam. Ankara: Parti Bünyesinde, 2007. S. 210// <https://www.akparti.org.tr> (дата обращения: 12.12.2007).

² Turan I. Advetures in Causal Analysis: The Whys of Turkey's Deteriorating Relations with Israel//GMF. Analysis. On Turkey Series. Wash., September 15, 2011. P. 3.

³ Walker J. W., Alessandri E. Turkey's Emergence as a Middle Eastern Stakeholder and What this Means for the West//GMF. Analysis. On Turkey Series, Wash., October 10, 2011. P. 1.

⁴ 61. Hükümet Programı. S. 61 // <http://www.basbakanlik.gov.tr/Forms/pgGovProgramme.aspx> (дата обращения: 12.10.2011).

неудач политики по налаживанию отношений с ближайшими соседями.

Подобного рода широкий, вышедший за рамки своего региона подход обеспечивал, в том числе, достижение важных экономических задач Турции, связанных с географической диверсификацией экспорта и выходом на новые рынки. Перейдя в начале 1980-х гг. к стратегии экспортоориентированного развития, чтобы решить проблему острого валютного голода, Турция так и не смогла к началу 2000-х справиться с дефицитом внешней торговли — по итогам 2002 г. он составил 15,7 млрд долл., а отношение экспорта к импорту — чуть менее 70%¹.

Проблема во многом заключалась в том, что не удалось достичь в полной мере целей структурной диверсификации экспорта, повысив долю высокотехнологичной, а, следовательно, более дорогостоящей продукции: вырос удельный вес лишь средне-технологичной продукции, в том числе ее более сложного сегмента — средне-высокотехнологичной (см. Табл. 1). Но отмеченные структурные сдвиги оказались недостаточными для уверенной компенсации импортных затрат.

Таблица 1

СТРУКТУРА ТУРЕЦКОГО ЭКСПОРТА ПО УРОВНЮ ТЕХНОЛОГИЧНОСТИ (%)

Год	Высоко-технологичная продукция	Средневысоко-технологичная продукция	Средненизко-технологичная продукция	Низкотехнологичная продукция
1996	1,7	17,1	18,3	51,3
2005	4,7	29,3	23,5	36,2
2010	2,2	31,7	28,5	30,2
2015	3,9	33,6	25,4	37,1
2016	3,5	33,1	28,3	35,1
2017	3,9	34,6	28,3	33,3
2018	3,5	36,4	27,6	32,6
2019	3,6	36,0	27,5	32,8

Составлено по: База данных Турецкого статистического общества. URL: <https://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 12.08.2022).

¹ Ekonomik Rapor 2002. Ankara: TOBB, 2003. S. 84.

Поэтому турецкие власти переориентировались на более доступную в краткосрочной перспективе стратегию расширения географии рынков сбыта, для реализации которой весьма продуктивны оказались новые внешнеполитические подходы. Как подчеркивает С. Ульген, еще одной движущей силой перемен во внешней политике Турции стало ее превращение в «торгующее государство». Данная категория государств, в отличие от тех, кто опирается на военную мощь и жесткое влияние, делает в отношениях с другими странами акцент на экономической взаимозависимости. Их интересы определяются не только соображениями национальной безопасности в узком понимании — не меньшее значение имеют экономические факторы, такие как торговля, расширение экспортных рынков и прямые иностранные инвестиции¹.

По мнению С. Ульгена, о том, что новая идентичность Турции соответствовала характеристике «торгующего государства», свидетельствовало несколько тенденций. Во-первых, активная интеграция в мировое хозяйство: экспортоориентированная стратегия роста, заключенный в 1996 г. договор с ЕС о таможенном союзе. Во-вторых, активно развивающиеся экономические отношения с соседями по региону (это уже атрибут исключительно эпохи правления ПСР — Н. У.). Объем товарооборота Турции с непосредственными соседями увеличился с 18 млрд долл. в 2000 г. до 53 млрд в 2009 г. «Трансформация и переориентация турецкой экономики привели не только к возникновению новой политической базы поддержки развития внешней торговли, но и к принятию обществом новой внешнеполитической формулы, учитывающей эти экономические реалии», — резюмирует Ульген². В качестве дополнительного фактора развития внешнеторговой активности Турции в регионе отмечаются интересы малого и среднего бизнеса из экономических центров внутренней Анатолии. «Представляя наиболее религиозно ориентированную и наиболее консервативную часть предпринимательских кругов и будучи важным компонентом электоральной поддержки ПСР, эти

¹ Ульген С. Место под солнцем или пятнадцать минут славы... С. 15.

² Там же. С. 16–17.

промышленники в силу сравнительно малых размеров производства не могли рассчитывать на экономию от масштаба и поэтому испытывали трудности с проникновением на «зрелые» рынки Запада. Но они сообразили, что их конкурентное преимущество связано с восточными и южными соседями Турции. В результате эти круги требуют от правительства открытия новых рынков для купли-продажи, в том числе в дружественных теперь соседних странах...»¹.

По итогам проводимой политики географической диверсификации внешней торговли в ее структуре начали происходить существенные изменения (см. Табл. 2).

Таблица 2

Доля отдельных регионов в экспорте Турции (%)

Год	ЕС	Африка	Америка (Северная и Южная)	Азия
2004	49,3	4,6	9,1	16,5
2006	48,3	5,3	7,2	17,8
2008	42,0	6,8	4,8	24,5
2010	40,1	8,0	5,2	27,9
2013	35,7	9,3	5,3	31,3
2014	37,1	8,6	6,2	29,7
2016	39,7	7,9	6,3	28,6
2018	43,3	8,5	6,5	24,8
2019	42,4	9,2	7,5	26,8
2020	41,3	9,0	8,6	26,0
2021	41,3	9,4	10,0	24,7

Составлено по: База данных Турецкого статистического общества. URL: <https://www.tuik.gov.tr/>; 2021 Yılı Ekonomik Rapor. Ankara: TOBB, 2022. S. 137 (дата обращения: 12.08.2022).

Как видим, именно в первый период пребывания у власти ПСР произошло наиболее заметное снижение доли традиционно ведущего внешнеторгового партнера Турции — стран ЕС при одновременном росте значимости азиатских и африканских

¹ Ульген С. Место под солнцем или пятнадцать минут славы... С. 17–18.

стран. Очевидно, географическая диверсификация экспорта стала важным фактором значительного роста его объемов: с 36 млрд долл. в 2002 г. он вырос до 86 млрд долл. в 2006 г. и до 135 млрд в 2011 г. — соответственно почти в 2,4 и 1,6 раза, правда, решить проблему дефицита внешней торговли Турции по-прежнему не удавалось¹.

С другой стороны, рост экспорта во многом был обеспечен успешными ответами правительств ПСР на такие острые экономические вызовы, как разбалансированность бюджета и высокая инфляция. Следуя программе оздоровления экономики, сформулированной, кстати, предшественниками ПСР, власти Турции сумели обеспечить финансовую стабилизацию и оживление экономического роста к выборам 2007 г.

ПСР уверенно позиционировала свои достижения в сфере экономики в основном по принципу контраста, оказавшемуся максимально выигрышным. Период 2003–2007 гг. был объявлен самым блистательным в экономической истории республики. Среди развивающихся стран Турция была признана «восходящей звездой» и «успешным примером для подражания». Аргументировались подобные утверждения следующими убедительными доводами:

- 1) впервые за 34 года экономической истории удалось снизить годовой уровень инфляции до показателей, выражающихся однозначной цифрой (менее 10%; по итогам 2007 г. она составила 8,5%);
- 2) макроэкономическая стабилизация позволила поддерживать устойчивые и при этом достаточно высокие темпы роста. С 2002 г. валовой национальный доход страны вырос в 2,2 раза — с 181 млрд долл. до 400 млрд долл., что позволило Турции занять 17-е место в мировом экономическом рейтинге. В 2006 г. валовой национальный доход на душу населения по текущему обменному курсу составил 5477 долл. против 2598 долл. в 2002 г.

Пересчет национального дохода по паритету покупательной способности обеспечил Турции 6-е место в Европе. Правитель-

¹ Economic Report 2004. Ankara: TOBB, 2005. S. 95; Ekonomik Rapor 2007. Ankara: TOBB, 2008. S. 97; Economic Report 2012. Ankara: TOBB, 2013. S. 151.

ству ПСР удалось активизировать свою социальную политику, как и было заявлено в предвыборной программе¹.

Экономическая политика вознаградила правящую партию доверием избирателей и позволила правительству ПСР завоевать репутацию сохраняющего верность данному слову и не допускающего обмана.

Отдавая должное экономическим достижениям Турции первого периода правления ПСР, следует отметить, что их оборотной стороной стало заметное увеличение дефицита по счету текущих операций платежного баланса: с 0,6 млрд долл. в 2006 г. он увеличился до 74 млрд долл. в 2011 г. — максимальное значение за весь период правления ПСР². Это означало, что в весьма существенной мере достижения правительства опирались на внешнее финансирование. Значительные по объему внешние кредиты позволяли турецкому частному сектору активно осуществлять инвестиционные программы, не прибегая к помощи государства и не угрожая стабильности бюджета. При этом внешнеполитическое обаяние новой Турции в сочетании с макроэкономической стабилизацией оказались достаточными предпосылками привлечения в том числе предпринимательского зарубежного капитала. По итогам 2006 г. валовой приток прямых иностранных инвестиций продемонстрировал небывалый рост, увеличившись более чем в 2 раза и достигнув отметки 17,6 млрд долл. В следующем, 2007 г., их объем вышел на рекордно высокую отметку в 19,1 млрд долл.³

Итак, говоря о факторах экономических успехов Турции в первый период правления ПСР, следует отметить эффективное взаимодействие внешней политики и экономики, что обеспечило стране международное признание и положительный имидж, а вслед за этим и коммерческие дивиденды как на новых экспортных рынках, так и на международном финансовом. «Тесная координация между курсом внешней политики и макроэкономиче-

¹ Guven ve İstikrar içinde durmak yok yola devam. Ankara: Parti Bünyesinde, 2007. S. 26–35// <https://www.akparti.org.tr> (дата обращения: 12.12.2007).

² См. подробнее: Ульянов Н.Ю. Не только институты: что стоит за изменением траектории роста экономики Турции во втором десятилетии XXI в.// Восток (Oriens). 2022. № 3. С. 111–123.

³ Ekonomik Rapor 2009. Ankara: TOBB, 2010. S. 109.

ским управлением предопределила новый уровень открытости международной торговле, который был поддержан институциональными ответами со стороны Турции в стиле «торгующего государства» наподобие члена БРИКС. В этом контексте такие инициативы, как безвизовые поездки, преференциальные торговые соглашения, двусторонние советы высшего уровня по развитию стратегического сотрудничества были предложены большому числу стран Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки и Дальнего Востока, интенсифицировав трансграничное движение товаров, услуг и людей в поддержку нарастающей активности международной торговли», — резюмирует исследователь из Индии Арши Хан¹.

Турецкий автор Кемаль Киришчи также считает правомерным трактовать внешнюю политику Турции первого десятилетия 2000-х гг. как возвращение к концепции торгующего государства, первоначальное обращение к которой, по его мнению, было продемонстрировано еще в 1980-е гг. в период правления Озала, сделавшего ставку на развитие турецкого экспорта. Однако Киришчи подчеркивает, что турецкое торгующее государство было далеко от состояния консолидации: «Если ПСР не удастся осуществить реформы и обеспечить стабильность, нет гарантий того, что государство и его сторонники, погрузившись однажды в военно-политическую и территориальную систему, не окажутся способны к возврату и нарушению баланса, благоприятствующего торгующему государству»².

После победы ПСР на парламентских выборах 2011 г. в программе очередного сформированного ею однопартийного правительства констатировалось, что основная поставленная ранее цель внешней политики Турции достигнута: «Наше понимание внешней политики, видение регионального и глобального развития обеспечило возможности для проведения проактивного

¹ Ashri K. *Titanic Shift in the Republic of Turkey from Stasis to Homonoia/ Perspectives on Turkey's Multi-regional role in the 21st century*. Edited by Mujib Alam. New Delhi: KW Publishers Pvt Ltd, 2015. P. 25.

² Kirişçi K., *The Transformation of Turkish Foreign Policy*. // *New Perspective on Turkey*. March 2009. No. 40. P. 52–54. / https://www.researchgate.net/publication/228461916_The_Transformation_of_Turkish_Foreign_Policy_The_Rise_of_the_Trading_State (дата обращения: 12.08.2022).

и долгосрочного курса. *Турция отныне является не страной, наблюдающей за развитием событий, а страной, задающей направление их развитию* (курсив Н.У.)»¹.

Турецкий аналитик А. Заман отмечал, что, видимо, Эрдоган достиг состояния комфортного баланса между своей мусульманской идентичностью и стратегическим партнерством Турции с Западом: «Он убежден, что может получить лучшее от каждого из миров»².

Таким образом, во второе десятилетие XXI в. турецкая элита вошла с убеждением, что новый международный образ Турции — это образ страны-регионального лидера и одновременно важного субъекта мировой политики, которая в известной мере по-прежнему нуждается в своих традиционных партнерах, но главное — теперь и партнеры нуждаются в ней.

Казалось бы, главной для Турции целью должно было стать удержание достигнутого нового баланса. К этому располагал и внешнеполитический опыт страны, который многократно доказал предпочтительность выверенного и достаточно осторожного балансирования между основными полюсами силы. Однако увлекательный процесс роста внешнеполитической субъектности на фоне укрепления национальной экономики, очевидно, являл собой соблазн отказа от комфортной умеренности.

Тезис о принципиальном изменении характера внешней политики Турции на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. разделяется рядом турецких политиков, представляющих оппозиционные партии страны³. Первый период оценивается как успеш-

¹ 61. Hükümet Programı. S. 61.

² Zaman A. RecepTayyip Erdogan's Lurch towards Islam: An Electioneering Tactic or His True Face Revealed/ GMF. Analysis. On Turkey Series. Wash., January 27, 2011. S. 1.

³ См. подробнее: Coşkun A., Ülgen S. Political Change and Turkey's Foreign Policy. Working Paper. Wash.: Carnegie Endowment For International Peace. November 14, 2022/ <https://carnegieendowment.org/2022/11/14/political-change-and-turkey-s-foreign-policy-pub-88387> (дата обращения: 12.08.2022).

Методология данного исследования базируется на сравнительном анализе результатов интервью со спикерами, курирующими внешнеполитическое направление, в крупнейших оппозиционных партиях Турции, а именно — левоцентристской Народно-республиканской партии (Cumhuriyet Halk Partisi) — Уналом Чевикезом; правоцентристской националистической Хорошей партии (İYİ Party) — Ахметом Эрозаном; и более мелких — Партии демократии и прог-

ный в силу следования Турции традиционным для нее внешне-политическим установкам. К его основным достижениям относят нацеленность на вступление в ЕС и проведение ряда внутренних реформ, что позволило в 2005 г. начать переговоры о полноправном членстве Турции, избрание Турции значительным большинством голосов в Совет Безопасности ООН в качестве непостоянного члена, начало турецкой экспансии на африканском континенте. Более обобщенно успех периода связывается с превращением Турции в надежного, предсказуемого и влиятельного регионального актора с менее западоцентричным восприятием мира, что позволило турецкой дипломатии улучшить понимание своего региона — Ближнего Востока, Балкан и Закавказья.

Переломным моментом во внешнеполитическом курсе страны считается публичная «схватка» Эрдогана с президентом Израиля Шимоном Пересом на Давосском форуме 2009 г., вылившаяся впоследствии в заметное ухудшение двусторонних отношений, и/или события Арабской весны.

По мнению представителей турецкой оппозиции, к числу основных «негативных» новаций турецкой внешней политики относятся, во-первых, трансформация турецкого активизма в различные формы вмешательства во внутренние дела иностранных государств и отказ от оправдавшего себя на протяжении нескольких десятилетий принципа невмешательства. Изменения такого рода стартовали именно в период Арабской весны. Во-вторых, придание внешней политике идеологизированного и предвзятого характера с явно выраженным лоббированием интересов одной из сторон во внутренних конфликтах зарубежных стран. По мнению экспертов, вероятная цель состояла в повышении регионального влияния Турции, но достичь ее подобным образом не удалось. Они убеждены, что Турции следует воздерживаться от проведения внешней политики, управляемой идеологическими

пресса (DEVA), которую возглавляет бывший госминистр (вице-премьер) по вопросам экономического развития и министр иностранных дел Турции Али Бабаджан (на вопросы отвечал Ясемин Бильгель); Партии будущего (Gelecek Parti), возглавляемой бывшим премьер-министром и министром иностранных дел Ахметом Давутоглу (на вопросы отвечал Умит Ярдым); прокурдской Демократической партии народов (Halkların Demokratik Partisi) (на вопросы отвечал Хишьяр Озсой).

догмами, так как в этом случае она приобретает ограниченно узкую направленность. В-третьих, усиление во внешнеполитическом дискурсе популистских элементов, что означает стремление превратить внешнюю политику в инструмент решения внутри-турецких проблем. При этом не вызывает возражения тот факт, что внутренние проблемы влияют на внешнюю политику. Но последняя не должна использоваться для создания подчеркнутой видимости успеха, отвлекая от нерешенных внутренних проблем. В-четвертых, утрата четкой внешнеполитической стратегии и реализма во внешней политике. По мнению экспертов, десятилетие назад ситуация была понятна: Турция стремилась стать членом ЕС и продвигалась в этом направлении, осуществляя необходимые внутривнутриполитические и экономические реформы. Но сегодня невозможно с уверенностью говорить о стратегических приоритетах. Развивая мысль, эксперты подчеркивают, что страна может стремиться к достижению нескольких внешнеполитических целей, но эти цели должны соответствовать возможностям страны. В противном случае внешнеполитический активизм способен привести к серьезным проблемам¹.

Что касается осмысления нового внешнеполитического курса правящей элитой, то ее роль представляется существенно снизившейся, а перечисленные выше его новые черты во многом стали результатом усугубления персоналистского характера, или «эрдоганизации турецкой внешней политики»². Таким образом, на данном этапе ее курс определяется личным стратегическим выбором или тактическими предпочтениями президента Турции Р. Т. Эрдогана. Преимущественное использование для анализа особенностей внешней политики второго десятилетия XXI в. экспертных оценок, а не официальных документов, как это удалось сделать применительно к первому периоду правления ПСР, имеет вполне четкое объяснение — придание официальным доктринальным за-

¹ Coşkun A., Ülgen S. Political Change and Turkey's Foreign Policy. Working Paper. S. 2–5. Wash.: Carnegie Endowment For International Peace. November 14, 2022/ <https://carnegieendowment.org/2022/11/14/political-change-and-turkey-s-foreign-policy-pub-88387> (дата обращения: 12.08.2022).

² См. подробнее: Шлыков П. В. Популизм в политической культуре Турции // Вестник Московского университета. Серия 25-международные отношения и мировая политика. Т. 13. 2021. № 2. С. 144.

явлениям и ПСР, и правительства, и собственно МИД весьма нейтрального, формального характера, утрату ими прежней наступательной выразительности и концептуальной содержательности. Они ограничиваются подтверждением приверженности Турции общим принципам и нормам международного права, стремления к развитию международного сотрудничества и безопасности. Так, в ныне действующей программе ПСР отмечается, что внешняя политика Турции в долгосрочной перспективе будет определяться быстро меняющейся региональной и глобальной конъюнктурой, а также тем, что Турция, основываясь на принципах демократии, экономического развития и уважения прав человека, является важным государством своего региона и намерена проявлять еще больше инициативы в урегулировании региональных кризисов и поддерживать отношения добрососедства с соседними странами, опираясь на диалог¹. Пожалуй, документом, довольно явно иллюстрирующим стремление устраниться от ушедшей из компетенции исполнительной власти детализации внешней политики, стала программа 65-го правительства Турции (май 2016) — последнего, во главе которого стоял лидер победившей партии Бинали Йылдырым, а не сам президент, как это происходит с 2017 г. Во-первых, в программе нет отдельного раздела, посвященного вопросам внешней политики. Они рассматриваются в общем разделе «Сильная Турция». Во-вторых, внешнеполитические тезисы носят довольно общий характер, сводясь к необходимости проведения справедливой и масштабной политики, ее опоре на здоровые ценности. Внешнеполитическая миссия Турции масштабна, но неконкретна — справедливость и помощь нуждающимся и потерпевшим, в частности, беженцам².

Что касается анонса внешней политики турецкого МИД, то в соответствии с тезисом президента республики министерство стремится к реализации «инициативной и человеческой» внешней политики, в рамках которой под инициативностью подразумева-

¹ AK Parti Programı <https://www.akparti.org.tr/parti/parti-programi/1-giris/> (дата обращения: 12.08.2022).

² Başbakan sayın Binali Yıldırım tarafından Türkiye Büyük Millet Meclisine sunulan 65. Hükümet Programı. Ankara, 24 Mayıs 2016. S. 120–121/ https://afyonluoglu.org/PublicWebFiles/Reports-R/Hukümet_Prg/65_hukümet_programi.pdf (дата обращения: 12.08.2022).

ется широта охвата стран дипломатическими усилиями Турции (257 дипломатических и консульских миссий) и в целом ее разносторонность. Под человечностью имеется в виду расширение деятельности Турции в качестве мягкой силы, в частности, речь идет о помощи нуждающимся странам и международным организациям в период эпидемии коронавируса¹. Таким образом, акцент приходится скорее на инструментальное обеспечение внешней политики, а не ее стратегическую концепцию.

Что же касается собственно концепции в уточненной авторской интерпретации Р. Т. Эрдогана, то одной из ее особенностей стало то, что честолюбие в сочетании с переоценкой экономического потенциала страны, отказ от признания факта достижения внутриэкономической стабилизации во многом лишь благодаря возросшей зависимости от использования внешних источников финансирования подтолкнули президента к переходу черты, за которой рискованные внешнеполитические шаги повлекли за собой эффект домино в процессе ослабления национальной экономики. Таким образом, речь идет об одном из проявлений утраты внешней политикой реализма — росте дисбаланса между ее целями, с одной стороны, и возможностями и потребностями турецкой экономики, с другой.

Новый характер связи экономики и внешней политики в условиях утраты последней стиля осторожной умеренности описывается многократным повторением вариаций одного и того же сценария: вызов со стороны Турции традиционным западным союзникам, зачастую неожиданный и не всегда обусловленный очевидными причинами, или же ее неоднозначно воспринимаемые внешнеполитические шаги в региональной политике, ведущие к встревоженности зарубежных инвесторов и выводу ими средств из страны. За этим следует девальвация лиры и рост инфляции. Усугубляется ситуация блокировкой Эрдоганом действий Центрального банка страны по повышению учетной ставки в целях защиты лиры. В итоге предоставленная самой себе национальная валюта продолжает падение, усугубляя рост цен и обстановку тревожной неопределенности в экономике страны.

¹ Официальный сайт Министерства иностранных дел Турции // <https://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa> (дата обращения: 12.08.2022).

Рассмотрим подробнее несколько эпизодов подобного типа.

Поводом для развития одного из них стала та совокупность обстоятельств, которую Р.Т. Эрдоган, а вслед за ним и другие турецкие официальные лица были склонны считать причинами, а именно — «манипулятивные внешние атаки», или «систематические атаки крупных экономических игроков, в частности США». Речь шла о разразившемся между США и Турцией политическом скандале по поводу задержания в стране в октябре 2016 г. американского пастора Эндрю Брансона с последующим судебным разбирательством и угрозой 35-летнего заключения по обвинению в связях с последователями лидера религиозного движения «Хизмет» Ф. Гюлена. В конце июля 2018 г. США и Турция обсуждали вариант обмена пастора на чиновника турецкого Центробанка, приговоренного в Соединенных Штатах к заключению за нарушение санкций против Ирана. Поскольку достичь договоренности не удалось, США приняли решение о резком увеличении таможенных пошлин на турецкую сталь и рассматривали вопрос о расширении экономических санкций в отношении Турции. В итоге резко снизилась привлекательность Турции для международных инвесторов, что и привело к удорожанию доллара на внутреннем рынке.

В августе-сентябре 2018 г. Турция пережила очередное снижение стоимости турецкой лиры на 40% по сравнению с началом 2018 г. На фоне девальвации значительно ускорилась инфляция, ее уровень с начала года составил более 18%, что стало самым высоким показателем с 2004 г. В сентябре Центральный банк Турецкой Республики в качестве реактивной меры повысил ключевую или, как ее называют в Турции, политическую процентную ставку на 625 базисных пунктов — до 24%, тогда как на начало года она составляла 8%¹. Экономика страны пережила период выраженной турбулентности. Темпы роста по итогам 2018 г. снизились и составили 2,6% против 7,4% в 2017 г.²

Шоковое повышение ключевой ставки Центральным банком, которое в тот раз ему еще удалось осуществить, обеспечило Тур-

¹ Erdogan's New 'Existential' Test: Municipal Elections on March 31. CSIS. Commentary. March 29, 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/erdogans-new-existential-test-municipal-elections-march-31> (дата обращения: 12.08.2022).

² Ekonomik Görünüm. Temmuz 2019. Ankara: T. C. Ticaret Bakanlığı, 2019. S. 4.

ции место в числе стран-лидеров по уровню дохода на капитал, восстановив интерес зарубежных инвесторов к турецкому рынку и обеспечив возобновление притока средств извне. Но проблема высокой зависимости Турции от использования внешних источников финансирования, которая и оказалась истинной причиной очередного периода финансовой и экономической турбулентности, осталась не только не решенной, но и, по всей видимости, в полной мере не осознанной.

В последующие после исчерпания конфликта с США пять месяцев курс лиры несколько укрепился, но остался существенно ниже уровня предыдущего года. Все это весьма негативно сказалось на финансовом положении национальных компаний, увеличив их долговую нагрузку.

2019 г. вновь принес испытания турецкой валюте на фоне развития нового эпизода конфликта с США. Его причиной стало начало реализации решения о закупке в Российской Федерации зенитно-ракетных комплексов S400. В этой связи США приняли решение не продавать Турции истребители F-35 и исключить ее из программы по их совместному производству. Американская сторона приступила к обсуждению вопроса о возможном введении в отношении Турции дополнительного пакета санкций в рамках закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA). Настойчивость Эрдогана в отношении вызвавшего недовольство США решения о закупках вооружения в России объяснялась его убежденностью в причастности США к попытке военного переворота в стране в июле 2016 г., а также раздражением в связи с нежеланием Штатов согласиться на экстрадицию в Турцию ставшего идеологическим противником действующего президента Турции Ф. Гюлена. Свою роль сыграл и отказ американской стороны предоставить Турции американские противовоздушные системы «Пэтриот» (Patriot). Считая возможным пойти на углубление конфликта с США, Эрдоган, видимо, исходил и из того, что последний опрос общественного мнения, проведенный в июле 2019 г. на пике дискуссий о приобретении систем S400, выявил негативное отношение к Штатам со стороны 89% турецких граждан¹.

¹ US-Turkey Relations: Summer Doldrums, Autumn Storms? CSIS. Commentary. August 29, 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-turkey-relations-summer-doldrums-autumn-storms> (дата обращения: 12.08.2022).

Таким образом, речь шла об упомянутом выше политическими оппонентами Эрдогана классическом примере использования внешней политики для укрепления позиций президента внутри страны.

Но экономика отказалась внимать воспринятому обществом дискурсу антиамериканизма: по итогам первого квартала 2019 г. темпы ее роста оказались отрицательными впервые с 2009 г. — падение производства составило 2,6%. Курс доллара, с трудом достигший к началу 2019 г. 5,4 лиры, к концу июля вновь составлял 5,7¹.

Столь жесткая система связи национальной экономики и внешнего финансирования существенно сокращает пространство для политического маневра правящей партии и президента Турецкой Республики, требуя демонстрировать осмотрительность и существенно повышая риски экономического коллапса. Происхождение такого рода рисков турецкие авторы З. Ониш и М. Кутлай связывают с неразрешимым противоречием, характерным для турецкой экономики, — «крупной, но бедной ресурсами и (в силу этого — Н.У.) в то же время значительно интегрированной с западными глобальными финансовыми системами»².

Драматизм ситуации для турецкой экономики заключается и в игнорировании Эрдоганом этой жесткой связи и устойчивом представлении о возможности заместить внешнее финансирование внутренним посредством давления на Центральный банк и его принуждения к снижению ключевой ставки, а значит, удешевлению кредита на внутреннем рынке. Однако реальным следствием такой политики становится дальнейшая девальвация национальной валюты и ускоренный рост инфляции, связанный не только с увеличением предложения лиры на внутреннем рынке, но и с ее международным обесценением на фоне роста скептицизма иностранных инвесторов в отношении Турции.

¹ Ekonomik Görünüm. Temmuz, 2019. S. 8, 18.

² Ziya Ö., Kutlay M. The anatomy of Turkey's new heterodox crisis: the interplay of domestic politics and global dynamics/ Turkish Studies, 2020. P. 11/ https://www.academia.edu/44426492/The_anatomy_of_Turkeys_new_heterodox_crisis_the_interplay_of_domestic_politics_and_global_dynamics (дата обращения: 12.08.2022).

Итак, второй период правления ПСР ознаменовался заметным разрывом связи внешней политики с интересами развития национальной экономики. «Происходило усиление секьюритизации внешней политики Турции, значение экономических факторов в определении приоритетов внешней политики снижалось и наблюдался очевидный регресс Турецкого торгового государства», — резюмируют турецкие исследователи Х. Э. Караогуз и М. Кутлай¹. Более того, по-видимому, сложилась связь обратного свойства, характеризую которую, западные аналитики писали о турецкой политической и экономической системах как разбалансированных, а временами дисфункциональных, а о внешней политике — как милитаристской и нацеленной на укрепление власти Анкары в ближайшем зарубежье и выстроенной вокруг националистического нарратива². И действительно, повышение внешнеполитического активизма ценой забвения актуальных потребностей экономики стало одним из важных факторов неустойчивого роста, разгона инфляции. Еще по итогам 2021 г. Турция покинула 20-ку мировых лидеров по размерам экономики, оказавшись на 21-м месте и отдалившись от намеченной Эрдоганом еще в 2011 г. цели войти в десятку крупнейших экономик мира. Чистый приток прямых инвестиций в последние годы не превышал 10 млрд долл., правда, в 2021 г. он составил 13 млрд³, что все же заметно меньше рекорда 2007 г. Замедлились и среднегодовые темпы роста экспорта с 11,4% в 2002–2011 гг. до 4,4% в 2012 г.

«Экономика — основная причина широко распространившегося разочарования правящей ПСР и Эрдоганом. Турецкая экономика находится под давлением, потребительская инфляция достигла 80%. Неконтролируемая инфляция снижает стандарты жизни ря-

¹ Hüseyin Emrah Karaoğuz H.E., Kutlay M. The ties that don't bind: trading state debates and role of state capacity in Turkish foreign policy/ Southeast European and Black Sea Studies, 2022/ <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2109828> (дата обращения: 12.08.2022).

² Pierini M., Siccardi F. Why the EU and United States should Rethink their Turkey Policies in 2021. Carnegie Europe, January 21, 2021/ <https://carnegieeurope.eu/2021/01/21/why-eu-and-united-states-should-rethink-their-turkey-policies-in-2021-pub-83662> (дата обращения: 12.08.2022).

³ 2021 Ekonomik Rapor. Ankara: TOBB, 2022. S. 147.

довых граждан. Беспокойство состоянием экономики, как свидетельствуют результаты опросов, достигло беспрецедентных масштабов — 53% населения характеризуют его как плохое или очень плохое», — резюмируют А. Джошкун и С. Ульген¹.

Итак, турецкая экономика часто подвергается испытаниям на прочность в условиях, когда внешнеполитические вызовы провоцируют обесценение лиры и углубление макроэкономических дисбалансов. Увы, идеи внешнеполитического величия дорого обходятся экономике. Внешнеполитический прагматизм экономически куда полезнее, хотя и менее способен обеспечить вспышку славы национальному лидеру.

2.2. ДИНАМИКА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТУРЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ МЕНЯЮЩИХСЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ

Внешняя торговля продолжала играть важную роль во внешнеполитической стратегии развития Турецкой Республики. При этом с приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) для страны начался новый этап развития. Задача Турции во внешнеэкономической политике заключалась в переходе на новый уровень реализации стратегии экспортоориентирования, цель которой состояла в увеличении производства и экспорта более высокотехнологичной продукции. Одновременно географическая диверсификация экспорта оставалась важным направлением его роста. Многовекторность во внешней политике страны на новом этапе имела отражение и в экспортной стратегии. В период правления ПСР отмечалась значительная географическая активность экспорта, рост числа торговых партнеров и расширение регионов сотрудничества. При этом вектор сотрудничества наряду с традиционным приобретал и новые направления.

В 2001 г. Турция приняла долгосрочную программу экономического развития на 2001–2023 гг. (*Uzun vadeli strateji*), в которой

¹ Coşkun A., Ülgen S. Political Change and Turkey's Foreign Policy. Carnegie Endowment for International Peace. Washington DC, 2022.

вновь было отведено значительное место экспорту, повышению его конкурентоспособности и технологичности, росту добавленной стоимости, а также его развитию в соответствии с мировыми тенденциями¹.

Географическая диверсификация продолжала оставаться важным фактором увеличения стоимости экспорта. Наращивая экспорт, Турция искала новые альтернативные рынки. Реализовывалась стратегия географической диверсификации экспорта посредством освоения новых «целевых» рынков при поддержке государства. Внимание данному аспекту начало уделяться еще с середины 1990-х гг.

С приходом к власти правительства ПСР были расширены масштабы применения политики географической диверсификации экспорта. Страна налаживала торговое сотрудничество не только с соседними и географически близкими странами, но и с более удаленными. Внешнеторговая стратегия страны была охарактеризована как стратегия «одновременности», то есть параллельного развития торговых связей как с традиционными партнерами-странами ЕС, так и с возможно большим числом других государств. Особое внимание уделялось развивающимся странам Азии и Африки, которые отставали от Турции по темпам модернизации и рынки которых ввиду низкого уровня экономического развития имели значительный потенциал восприятия турецкой экспортной продукции на фоне низкой конкуренции — это и был основной замысел внешнеторговой политики ПСР².

Правительством Турции был подготовлен «Стратегический план развития экспорта на 2004–2006 гг.» (İhracat stratejik planı)³. Отмечалось, что в экспортной политике продолжается «раз-

¹ Uzun vadeli strateji ve sekizinci beş yıllık kalkınma planı 2001–2005 // URL: <http://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2018/11/Sekizinci-Be%C5%9F-Y%C4%B1ll%C4%B1k-Kalk%C4%B1nma-Plan%C4%B1-2001-2005.pdf> (дата обращения: 11.10.2022).

² On Birinci Kalkınma Planı (2019–2023) // URL: https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2021/12/Eleventh_Development_Plan_2019-2023.pdf (дата обращения: 20.10.2022).

³ İhracat Stratejik Planı (2004–2006) kapsamında yapılan çalışmalar. İş Yönetim Sistemi Kitabı // URL: <https://e.ogren-sen.com/cografya/1396/index.html?page=2>

ведка и атака на новые рынки». Определялись «национальные рынки-цели». Данная стратегия еще дополнялась и структурной диверсификацией экспорта. Таким образом, страна продолжала политику, направленную на отход от направления «один рынок — один товар». Была разработана стратегия выхода на рынки соседних и пограничных стран. Отмечалось, что необходимо выделять такие «целевые» рынки, которые будут являться приоритетными для обеспечения роста экспорта, развивать отношения со странами, имеющими географическую, историческую и культурную близость, а также со странами, экономики которых имеют взаимодополняющий характер с экономикой Турции¹.

Правительство страны регулярно прописывало меры по географической диверсификации экспорта в Планах экономического развития, Стратегических планах развития экспорта, Правительственных программах. Для удобства далее будут рассмотрены основные меры и мероприятия по внешнеторговой стратегии и дана географическая структура внешней торговли именно по пятилетним периодам Планов экономического развития.

Согласно 8-му пятилетнему Плану экономического развития (2001–2005 гг.) значительное внимание в экспортной стратегии отводилось странам ЕС и ОЭСР. Кроме того, выделялись турецкие и соседние страны, а также Россия как один из основных торговых партнеров. При этом при сотрудничестве с турецкими республиками отмечалось, что Турция является для них примером по построению светского государства и рыночной экономики. Турецкий экспортный кредитный банк Эксимбанк продолжал осуществлять кредитные программы, в том числе и в данном регионе.

Турция также сотрудничала со странами Постоянного Комитета по экономическому и торговому сотрудничеству Организации Исламская Конференции — İSEDAK (İslam Konferansı Teşkilatı Ekonomik ve Ticari İşbirliği Daimi Komitesi). Этому направлению уделялось особое внимание во внешней политике страны. Одним из проектов İSEDAK являлась Исламская организация по страхо-

(дата обращения: 22.11.2022).

¹ Türkiye ihracatının değişimi. 2004 yılı gelişmeleri // URL: <https://ekonturk.tr.gg/İHRACAT.htm> (дата обращения: 10.11.2022).

ванию экспорта и инвестиционным гарантиям, членом которой была и Турция. Турецкие фирмы активно пользовались возможностями, предоставляемыми данной структурой. К тому же при сотрудничестве с исламскими странами также использовалось поощрение со стороны Исламского банка¹.

В программе правительства ПСР, объявленной в ноябре 2002 г., было указано на неудовлетворительные результаты экономического сотрудничества с государствами Центральной Азии и Закавказья и объявлено, что правительство будет прилагать усилия для его дальнейшего развития². В результате Турция начала активно налаживать контакты и заключать соглашения со странами данного региона. Так, в июне 2003 г. было ратифицировано соглашение между правительствами Казахстана и Турции о сотрудничестве³, в сентябре 2005 г. в Тбилиси состоялось заседание межправительственной грузино-турецкой экономической комиссии⁴, в апреле 2004 г. — подписание ряда документов между Турцией и Азербайджаном о долгосрочном экономическом сотрудничестве⁵, на пресс-конференции в Ереване в феврале 2005 г. отмечалось развитие армяно-турецких отношений и ожидание увеличения объема товарооборота минимум в 3 раза после открытия армяно-турецкой границы⁶.

В начале 2000-х гг. Турция продолжала сотрудничать с различными международными экономическими организациями. Так, страна осуществляла меры по оказанию поддержки проектам со

¹ Sekizinci beş yıllık kalkınma planı (2001–2005). 2001 yılı programı // URL: <http://www.docplayer.biz.tr/3881534-Sekizinci-bes-yillik-kalkinma-plani-2001-2005-2001-yili-programi.html> (дата обращения: 14.10.2022).

² Е. И. Уразова. Евразийское направление внешней политики Турции при правительстве Партии справедливости и развития (ПСР) // Турция в новых геополитических условиях. М., 2004. С. 32.

³ Турция. Россия. Внешэкономсвязи, политика. Деловой онлайн-справочник. 27.05.2005 // URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=16568 (дата обращения: 20.08.2022).

⁴ Турция. Россия. Внешэкономсвязи, политика. Деловой онлайн-справочник. 27.09.2005 // URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=9185 (дата обращения: 16.11.2022).

⁵ Azerbaycan-Türkiye ilişkileri. Genel tarihi bilgiler. Dış politika // URL: <https://lib.aliyev-heritage.org/tk/4610295.html> (дата обращения: 16.11.2022).

⁶ 1995–2005 yılları arasında Türkiye-Ermenistan ilişkileri. URL: <https://9lib.net/document/4zpxwjvq-yillari-arasında-tuerkiye-ermenistan-iliskileri.html> (дата обращения: 19.11.2022).

странами-членами Организации экономического сотрудничества — Ekonomik İşbirliği Teşkilatı (EİT), была отмечена важность торгово-экономического сотрудничества в рамках Организации Черноморского экономического сотрудничества — Karadeniz Ekonomik İşbirliği (KEİ), со странами исламской 8-ки (D-8 ülkeleri), в состав которой входили Бангладеш, Индонезия, Иран, Малайзия, Египет, Нигерия, Пакистан и Турция, а также со странами 20-ки (G-20) — (США, Турция, Индия, Япония, Бразилия, Россия, Германия, Аргентина, Франция, Саудовская Аравия, Мексика, Южная Африка, Великобритания, Южная Корея, Италия, Китай, Канада, Австралия, Индонезия, Европейский Союз). Для развития экономических отношений с данными организациями планировалось прилагать все необходимые усилия.

Осуществляя политику географического торгового расширения, Турция подписала с рядом государств Соглашения о взаимном поощрении и защите инвестиций (Yatırımların Karşılıklı Teşviki ve Korunması Anlaşmaları (“YKTK Anlaşmaları” — YKTK). Так, в 2002 г. — с Египтом и Боснией и Герцеговиной, в 2003 г. — с Мальтой. Кроме того, заключила Соглашения об освобождении от двойного налогообложения с Киргизией, Таджикистаном, Сингапуром, продолжала вести переговоры о подписании еще с 14-ю странами.

Таким образом, мы наблюдаем значительное расширение географии внешней торговли Турции и увеличение числа ее торговых партнеров. Если в 1996 г. она имела торговые отношения со 180 государствами и свободными экономическими зонами по всему миру, то в 2002 г. их количество увеличилось до 228¹.

Проведя анализ географической структуры экспорта Турции с 2002 по 2006 г. (для описания и сравнения рассматриваются данные за 2006 г., несмотря на то, что 8-й План включал только 2005 г., однако Стратегический план экспорта затрагивал 2002–2006 гг., а 9-й пятилетний План начинался уже с 2007 г.), стоит отметить, что в экспорте по группам стран неизменно лидировали страны ЕС. Причем с 2002 по 2006 г. их доля составляла более 50% от общей стоимости турецкого экспорта. На втором месте со зна-

¹ On Birinci Kalkınma Planı (2019–2023) // URL: https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2021/12/Eleventh_Development_Plan_2019–2023.pdf (дата обращения: 13.11.2022).

чительным отрывом находились страны Ближнего Востока. Стоит отметить, что их доля за этот период постоянно увеличивалась (так, в 2002 г. она составила 9,5%, а в 2006 г. — 13,2%). Данные цифры являются отражением экспортных приоритетов Турции. За пять лет незначительно сократилась доля стран Северной Америки — с 9,9% в 2002 г. до 6,3% в 2006 г. и возросла доля европейских стран, не входящих в ЕС, — с 7,1% в 2002 г. до 9,0% в 2006 г. На пятом месте находились прочие азиатские страны с долей около 4,5% от общего объема экспорта¹.

Проанализировав степень участия в турецком экспорте групп стран, входящих в региональные интеграционные объединения, стоит отметить, что лидирующую позицию со значительным отрывом занимали страны ОЭСР (60–70%). Но одновременно надо сказать о снижении, хоть и не столь значительном, доли данной группы стран. Если в 2002 г. она составляла 67,7%, то в 2006 г. — 60,9%. Цифры говорят о том, что Турция старалась развивать отношения и с другими группами стран, хотя страны ОЭСР продолжали сохранять лидерство. Страны-члены Организации Исламская конференция занимали 2-ю позицию, при этом их доля за данный период увеличилась с 13,2% в 2002 г. до 17,6% в 2006 г. Далее следовали страны организации «Черноморское экономическое сотрудничество» — их доля в турецком экспорте также продемонстрировала рост с 9,9% в 2002 г. до 13,5% в 2006 г. Доля стран СНГ хотя и незначительно, но тоже увеличилась — с 2,9% в 2002 г. до 3,9% в 2006 г. Кроме того, необходимо отметить значительный рост экспорта тюркских республик. В 2002 г. их доля была незначительной — всего 0,002%. Однако в 2006 г. она достигла уже 2,3%². Таким образом, данный анализ подтверждает реализацию основных намерений и принципов по развитию экспорта, выдвинутых руководством Турции на период проведения 8-го пятилетнего плана.

В пятерке стран-лидеров по экспорту за указанный период неизменные ведущие места занимали европейские страны и США. Несомненным лидером оставалась Германия. В 2002 г. на втором

¹ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ihracat: 1996–2019 //URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 11.10.2022).

² Ibid.

месте были США, далее шли Великобритания, Италия и Франция. В 2006 г. вторую позицию заняла Великобритания, далее шли Италия, США и Франция. В то же время стоит отметить, что доля лидера — Германии снизилась с 16,3% в 2002 г. до 11,3% в 2006 г., США — с 9,3% в 2002 г. до 5,9% в 2006 г.¹

В товарной структуре турецкого экспорта в лидирующие страны в 2002 г. преобладали готовая одежда и текстильные изделия, относящиеся к низкотехнологичной продукции. Только в отдельных случаях стали появляться такие позиции, как продукция автомобильной промышленности и оборудование, относящиеся к среднетехнологичным товарам.

В импорте Турции по группам стран за указанный период также лидировали страны ЕС с долей около 45%. Однако стоит отметить ее снижение с 49,8% в 2002 г. до 42,5% в 2006 г. Вторую позицию занимали прочие европейские страны (14,8% в 2002 г. и 18,36% в 2006 г.). Третье место занимали азиатские страны, которые также продемонстрировали рост доли в турецком импорте с 12,7% в 2002 г. до 18,4% в 2006 г. Далее следовали страны Северной Америки и другие страны и регионы (в 2006 г. их доли составили 4,9% и 3,9% соответственно). Значительно возросла доля стран Ближнего Востока (с 1,7% в 2002 г. до 6,2% в 2006 г.).

По регионально-интеграционному принципу в импорте лидировали страны ОЭСР, хотя отмечалось сокращение доли турецкого импорта из данной группы стран с 65,2% в 2002 г. до 53,5% в 2006 г. Далее шли страны Организации «Черноморское экономическое сотрудничество» (рост доли с 12,8% в 2002 г. до 19,3% в 2006 г.). Страны СНГ продемонстрировали рост с 10,5% до 16,5%, Организация Исламская конференция — с 7,3% до 9,8%².

В пятерке стран-лидеров по турецкому импорту также неизменные ведущие места занимали европейские страны и США. В 2002 г. лидировала Германия (13,7%), далее шли Италия (7,9%), Россия (7,5%), США (6,0%) и Франция (5,9%). Но к 2006 г. доля Германии снизилась с 13,7% до 10,6%. В результате Россия поднялась

¹ Составлено по: Ülkelere göre ihracat: 1996–2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 11.10.2022).

² Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ithalat: 1996–2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 11.10.2022).

с 3-го места в 2002 г. и 2-го места в 2004 г. на 1-е место в 2006 г. К тому же в пятерку лидеров в 2006 г. впервые вошел Китай, заняв 3-е место¹.

Для успешной реализации стратегии географической диверсификации экспорта турецкое руководство отдельно выделяло в своих планах некоторые страны. Так, еще в 2003 г. начал применяться план активного экономического сотрудничества с африканскими странами, в итоге Турция достигла значительных результатов в данном направлении. Стратегия внешнеторгового сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом была разработана страной в 2005 г. Кроме того, Турция рассматривала в качестве отдельного направления сотрудничество с США (в основном взаимодействие шло с шестью штатами: Калифорния, Техас, Нью-Йорк, Флорида, Иллинойс и Джорджия), при этом тактика сотрудничества с Северной и Южной Америкой также была различна.

Таким образом, за указанный период прослеживается активное увеличение числа стран-партнеров Турции, выход страны на новые рынки и расширение географии ее экспорта. Однако пока еще высока и стабильна была доля основных партнеров — европейских стран и США, а технологичность турецкого экспорта оставалась низкой.

В 9-м *Плане экономического развития (2007–2013 гг.)* (данный План затрагивал временной промежуток 7 лет, в отличие от остальных — пятилетних — планов) правительство Турции продолжало развивать основные направления внешнеэкономической и экспортной стратегии, которые были начаты еще в 8-м Плане. Вновь подчеркивалась значимость сотрудничества не только с европейскими странами, но и другими партнерами. Так, в Плане отмечалась подготовка программ по совместному региональному сотрудничеству с тюркскими республиками и региональных программ по сотрудничеству с Сирийской Арабской Республикой. Планировалось дальнейшее подписание Соглашений о свободной торговле (*Serbest Ticaret Anlaşması — STA*) в рамках членства в Таможенном союзе ЕС и Соглашений о взаимном поощрении и за-

¹ Рассчитано по: Ülkelere göre ithalat: 1996–2019// URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 11.10.2022).

щите инвестиций с различными странами, а также продолжение создания Смешанных экономических комиссий (КЕК)¹ как инструмента развития двусторонней торговли.

Конфедерация предпринимателей Турции, которая ранее содействовала развитию отношений между Турцией и странами Африки, продолжала свою работу и знакомила турецких предпринимателей с новыми возможностями, имевшимися для ведения бизнеса теперь в странах Восточной Азии.

В «Плане стратегического развития экспорта Турции», разработанном правительством в 2012 г. на период до 2023 года, вновь отмечалась важность для страны «целевых» рынков².

На фоне влияния общемировых тенденций перед Турцией стояла задача как сохранения традиционных партнеров, так и усиления, обновления «разведывательных» методов экспортной стратегии для выхода на новые альтернативные рынки. При этом с одной стороны Турция стремилась к развитию отношений с западными странами, с другой — используя свое географическое преимущество, развивала внешнеторговые отношения с Ближневосточным регионом и бывшими республиками Советского Союза³.

Стоит отметить, что мировой финансовый кризис 2009 г., который имел негативные последствия для многих стран, в том числе и для Турции, заставил турецкое правительство принимать дополнительные меры по реализации экспортной стратегии страны, в том числе по географической диверсификации экспорта. Специалистами был проведен системный анализ тех стран, которые не были подвержены влиянию кризиса в значительной мере. В результате в качестве «рынков-целей» на 2010–2011 гг. были определены США, Китай, Россия, Индия, Бразилия, Канада, Польша, Нигерия, Египет, Иран, Саудовская Аравия, Алжир, Ливия, Иордания и Катар. Был подготовлен План действий, где прописывался комплекс мер, которые должны были осуществляться примени-

¹ Dokuzuncu kalkınma planı (2007–2013) // URL: https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2022/07/Dokuzuncu_Kalkinma_Planı-2007–2013.pdf (дата обращения: 19.09.2022).

² 2023 Türkiye ihracat strarejisi ve eylem planı // URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120613–31–1.pdf> (дата обращения: 02.10.2022).

³ Ibid.

тельно к рынкам этих стран в 2010 и 2011 гг. Благодаря проведению данных мероприятий в период с 2009 по 2011 г. экспорт в целевые страны демонстрировал значительный рост. Так, экспорт в Бразилию вырос на 127,7%, в Канаду — на 158,8%, в Россию — на 88%, Иран — на 77,3%, Саудовскую Аравию — на 56,3%, Китай — на 54,2%, Нигерию — на 53,2%, США — на 41,9%, Индию — на 84,8%. Эти показатели превзошли общие темпы роста экспорта страны¹.

Если с 2009 по 2011 г. целевых рынков насчитывалось 15, то в 2012–2013 гг. — уже 17, а на период 2014–2015 гг. планировалось увеличение до 19. В 2012–2014 гг. список целевых рынков несколько видоизменился. Так, в него вошли рынки Индонезии, Ирака, Японии, Украины, Южно-Африканской Республики².

В *экспорте* Турции по группам стран за период осуществления 9-го плана (2007–2013 гг.) неизменно лидировали страны ЕС. Однако их доля продолжала снижаться. Так, если в 2007 г. она составляла 56,6%, то в 2013 г. — 41,5%. Второе место занимали страны Ближнего Востока, чья доля продолжала расти, как и в период проведения 8-го Плана. В 2007 г. она составляла 14,1%, а в 2013 г. уже 23,5%. Прочие европейские страны занимали третью позицию (2009 г. — 10,9%, 2013 г. — 9,4%). Далее следовали страны Северной Африки (7,3 и 6,6% соответственно), другие азиатские страны (7,9 и 6,5% соответственно).

По регионально-интеграционному принципу в турецком экспорте первое место удерживали страны ОЭСР, но их доля также продолжала снижаться (с 57,5% в 2007 г. до 45,2% в 2013 г.). Доля стран Организации исламского сотрудничества демонстрировала рост с 18,9% в 2007 г. до 32,5% в 2013 г. Доля стран Организации «Черноморское экономическое сотрудничество» немного понизилась — с 15,6% в 2007 г. до 13,4% в 2013 г., а стран СНГ продолжала расти с 8,8% в 2007 г. до 11,1% в 2013 г. И вновь стоит отме-

¹ 2023 Türkiye ihracat strarejisi ve eylem planı // URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120613-31-1.pdf> (дата обращения: 02.10.2022).

² С. Л. Волкова. Торгово-экономические связи Турции с Ираном на современном этапе // Мусульманский мир на исторических рубежах России / Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 5. М., 2017. С. 172.

тить продолжающийся рост доли тюркских республик: в 2009 г. она составляла 3,3%, а в 2013 г. — 4,6%¹.

Пятерку стран-лидеров по экспорту Турции вновь возглавила Германия. Однако стоит отметить, что в составе лидеров произошли определенные изменения. Так, в указанный период отсутствовали США, уверенно лидировал Ирак (5-е место в 2009 г. и 2-е место в 2009 и 2011 гг.). Российская Федерация вновь вошла в пятерку стран-лидеров и заняла в 2013 г. 4-е место, имея долю в турецком экспорте 4,6%. В результате в 2013 г. пятерка лидеров выглядела следующим образом: Германия (9,0%), Ирак (7,9%), Англия (5,8%), Россия (4,6%) и Италия (4,4%)².

Товарная структура экспорта в страны-лидеры в 2013 г. выглядела следующим образом. В Германию экспортировались одежда, средства наземного транспорта и текстильные товары. В Ирак — ювелирные изделия, мука пшеничная и масла; в Великобританию — моторные и транспортные средства, коммуникационное оборудование и готовая одежда; в Россию — цитрусовые, легковые автомобили и средства передвижения, части машинных транспортных средств; в Италию — продукция автомобильной промышленности, моторные транспортные средства и фрукты. Таким образом, товарная структура экспорта к концу периода осуществления 9-го Плана постепенно начала меняться. Наряду с низкотехнологичной продукцией присутствовала и среднетехнологичная, которая занимала вторые, а иногда и первые места. Однако примеры Ирака и России демонстрируют, что подобный переход в уровне технологичности турецких товаров начал происходить еще не на всех целевых рынках Турции, в чем одновременно проявляется особенность адаптации турецкого экспорта к специфике различных национальных рынков.

Таким образом, по итогам 9-го Плана экономического развития отмечался значительный рост экспорта. Доля традиционного партнера Турции — стран ЕС — демонстрировала снижение. В этой связи можно говорить о том, что Турция переориентиро-

¹ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ihracat: 1996–2019 //URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 11.10.2022).

² Рассчитано по: Ülkelere göre ihracat: 1996–2019// URL: <http://www.tuik.gov.tr> (дата обращения: 11.10.2022).

валась на новые торговые рынки. Так, например, если доля стран Ближнего Востока в 2002 г. составляла 10%, то в 2011 г. она резко повысилась до 21%¹.

В импорте Турции по группам стран за указанный период (2007–2013 гг.) продолжали лидировать страны ЕС. Но тенденция снижения их доли, как и прежде, продолжалась. Так, в 2009 г. она составила 40,2%, а в 2013 г. — 36,7%. Второе место заняла группа «Другие азиатские страны» (2009 г. — 20,4%, 2011 г. — 22,1% и 2013 г. — 21,7%), которая поднялась с 3-й позиции, занимаемой ею прежде. Группа «Прочие европейские страны» оказалась на третьей позиции с долей в турецком импорте 18,3% в 2009 г. и 16,4% в 2013 г. При этом доля стран Ближнего и Среднего Востока уверенно росла, и они переместились с 5-го места в 2009 г. на 4-е в 2013-м (2009 г. — 5,1% и 2013 г. — 8,8%). Страны же Северной Америки переместились на пятое место, а их доля соответственно составила 5,1% в 2009 г. и 5,5% в 2013 г.

По регионально-интеграционному принципу все так же лидировали страны ОЭСР, но сокращение их доли в общем объеме турецкого импорта продолжалось. В 2009 г. она составила 51,8%, а в 2013 г. — всего 49,3%. Вторую позицию по-прежнему занимали страны Организации Черноморского экономического сотрудничества (их доля соответственно составила 19,6% и 16,4%). Далее следовали страны СНГ (17,6% в 2009 г. и 13,5% в 2013 г.) и страны Организации исламской конференции, чья доля повысилась с 9,5% в 2009 г. до 12,7% в 2013 г. На пятое место вышли страны Организации экономического сотрудничества, и их удельный вес возрос с 4,3% в 2009 г. до 5,9% в 2013 г.²

Рассмотрев пятерку стран-лидеров по турецкому импорту, стоит отметить, что за указанный период первое место продолжала занимать Россия (ее доля колебалась от 10 до 13%). При этом продолжала расти доля Китая, в результате чего он поднялся с третьего места в 2009 и 2011 гг. на второе место в 2013 г. с долей

¹ Ülke gruplarına göre ihracat. 2023 Türkiye ihracat stratejisi ve eylem planı//URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120613-31-1.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

² Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ithalat: 1996–2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 11.10.2022).

9,8%. А доля США, напротив, снизилась с 6,1% в 2009 г. до 5,0% в 2013 г., в результате США оказались лишь на 5-м месте. В итоге в 2013 г. пятерка стран-лидеров выглядела следующим образом: Россия (10,0%), Китай (9,8%), Германия (9,6%), Италия (5,1%) и США (5,0%). Среди стран-партнеров по импорту стоит выделить Иран. Несмотря на то, что данная страна не входила в пятерку лидеров, ее доля возросла с 2,4% в 2009 г. до 4,1% в 2013 г., и она заняла 6-е место (против 8-го в 2009 г.).¹

Оценивая *объемы внешней торговли* Турции со странами-лидерами к концу периода осуществления 9-го Плана экономического развития, отметим, что десятку стран-лидеров по внешней торговле все так же возглавляла Германия (см. табл. 1).

Таблица 1

Десятка стран-лидеров по объему внешней торговли
с Турцией в 2013 г.

Страна/место	Экспорт Турции (млрд долл.)	Импорт Турции (млрд долл.)	Объем внешней торговли (млрд долл.)	Доля страны в общем объеме внешней торговли Турции (%)
1. Германия	13702	24182	37884	9,4
2. Россия	6964	25064	35028	8,72
3. Китай	3600	24685	28282	7,0
4. Италия	6718	12884	19602	4,93
5. США	5640	12596	18236	4,54
6. Великобрита- ния	8785	6281	15066	3,75
7. Франция	6376	8079	14455	3,6
8. Иран	4192	10383	14575	3,6
9. Испания	4334	6417	10751	2,7
10. Швейцария	1149	9645	10794	2,67

*Рассчитано и составлено по: Ülkelere göre ihracat: 1996-2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> и Ülkelere göre ithalat: 1996-2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/>

Однако доля лидера — Германии в 2013 г. понизилась по сравнению с 2003 г. на 5 процентных пунктов и составила 9,4%. А вот на второе место вышла Российская Федерация, ранее не входив-

¹ Рассчитано по: Ülkelere göre ithalat: 1996-2019 //URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 11.10.2022).

шая в пятерку лидеров, с долей 8,7%. Третью позицию занял Китай, также отсутствовавший в 2003 г. в пятерке лидеров (7,0%). Далее на 4-м месте находилась Италия — 4,9%, занимавшая в 2003 г. 2-е место, и на 5-м месте США — 4,5%, тогда как ранее они находились на 3-й позиции¹.

Таким образом, к концу осуществления 9-го Плана экономического развития продолжала осуществляться политика географической диверсификации экспорта, которая являлась одним из путей его расширения. В то же время на данном этапе наряду с сотрудничеством с прежними партнерами, прежде всего странами ЕС и странами ОЭСР, особую важность приобретают новые направления экспорта. Турция выделяла новые целевые рынки, активно сотрудничая с сопредельными государствами — тюркскими республиками, исламскими странами, странами Центральной Азии и Закавказья, странами-членами Организации экономического сотрудничества, Черноморского экономического сотрудничества, странами Персидского залива, африканскими странами, странами Восточной Азии и другими.

При этом технологичность турецкого экспорта начала меняться. Экспорт товаров с низкой добавленной стоимостью стал занимать меньшую долю, чем экспорт среднетехнологичных товаров.

Стратегия географической диверсификации в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. продемонстрировала положительные результаты. Хотя глобальный кризис и вызванная им рецессия в развитых странах привели к резкому снижению показателей экспорта Турции в страны ЕС, общий объем экспорта продолжал увеличиваться за счет переориентации внешней торговли Турции на развивающиеся страны Африки и Азии, меньше пострадавшие от мировых экономических катаклизмов.

В результате осуществления ранее намеченных мероприятий по сохранению прежних партнеров и одновременно по расширению географической структуры внешней торговли произошло уменьшение разрыва между лидером — странами ЕС и остальными регионами и интеграционными объединениями за счет

¹ Рассчитано по: Ülkelere göre ihracat: 1996–2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> и Ülkelere göre ithalat: 1996–2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 11.10.2022).

увеличения доли стран Ближнего Востока, азиатских стран, европейских стран, не входящих в ЕС, а также за счет роста значения стран-членов таких организаций, как Организация Исламская конференция, Организация Черноморского экономического сотрудничества, стран СНГ и тюркских республик. Число новых «целевых рынков» значительно возросло за указанный период. В итоге лидировали во внешней торговле Турции уже не только прежние европейские партнеры (Германия, Италия) и США, но и Россия с Китаем.

В то же время на фоне успехов географической диверсификации экспорта подобных результатов в импорте добиться так и не удалось. Хотя доля стран ЕС значительно сократилась, вместе с ней сократилась и доля рынков Африки. Это связано с тем, что новые рынки в основном могут предложить Турции только сырье и потребительские товары, в то время как импортные потребности Турции включают промышленные товары со средней и высокой степенью технологичности.

В период реализации *10-го и 11-го Планов развития страны (2014–2023 гг.)* все так же значимым остается расширение географии турецких партнеров, развитие отношений как с европейскими странами, так и с другими государствами, сотрудничество как с географически близкими партнерами, так и с более отдаленными регионами, налаживание экономических контактов с этнически близкими странами и с новыми альтернативными партнерами, сотрудничество с экономиками, имеющими взаимодополняющий характер, а также выход на новые производственные цепочки, выделение перспективных целевых рынков, заключение договоров о свободной торговле, увеличение роли взаимодействия с различными организациями.

В *10-м пятилетнем Плане экономического развития на 2014–2018 гг.* отмечалось, что Турция намерена принимать меры, направленные на рост экспортного сотрудничества со странами, не входящими в ЕС, при этом не снижая доли экспорта в традиционные страны-партнеры. Руководство республики заявляло, что в связи с тем, что в XXI в. формируются новые мировые лидеры и центры, а прежние лидеры все так же продолжают играть центральную роль, страна будет выстраивать многовекторное сотруд-

ничество как на уровне регионов, так и с мировым сообществом в целом. Новые направления внешнеэкономического сотрудничества — африканские страны и страны Ближнего Востока — являлись достаточно перспективными, хотя, конечно же, Турция осознавала и оценивала риски от нестабильности в данных регионах¹.

Продолжало расти число целевых рынков. По состоянию на конец 2015 г. их статус имели такие страны, как Ангола, Эфиопия, Марокко, Гана, Камерун, Кения, Ливия, Мадагаскар, Мали, Мозамбик, Нигерия, Танзания, Тунис, Уганда, Замбия.

Для Турции продолжали играть значительную роль связи с такими региональными организациями, как Организация экономического сотрудничества, Организация Черноморского экономического сотрудничества, восьмерка развивающихся стран (D-8 (Gelişmekte Olan 8 Ülke)). Также увеличивался экспорт в страны-члены Постоянного комитета по торговому и экономическому сотрудничеству при Организации исламского сотрудничества (İSEDAK)².

Согласно годовому Плану развития на 2016 г. (входил в 10-й План экономического развития) предполагалось, что возрастет число торговых делегаций и выставок за границей (из 3450 индивидуальных выставок 300 планировалось организовать за рубежом, тогда как в 2015 г. их число составляло всего лишь 140). Отмечалась необходимость принятия мер для заключения договоров о свободной торговле с такими странами, как Сингапур, Япония, Мексика, Перу, Эквадор и Катар, США, Канада, Таиланд, Индия, Индонезия, Вьетнам и страны Центральной Америки³.

В *экспорте* Турции по группам стран за период осуществления 10-го пятилетнего плана неизменно лидировали страны ЕС. Причем стоит отметить, что если ранее доля стран ЕС сокращалась (2007–2013 гг.), то за указанный период она вновь начала расти (2014 г. — 43,5%, 2016 г. — 47,9% и 2018 г. — 50%).

¹ Onuncu kalkınma planı // URL: <https://www.pbk.tbmm.gov.tr> (дата обращения: 19.09.2022).

² Ibid.

³ Onuncu Kalkınma Planı (2014–2018). 2016 Yılı Programı / Türkiye Cumhuriyeti Kalkınma Bakanlığı. S. 183 // URL: <https://www.pbk.tbmm.gov.tr> (дата обращения: 10.11.2022).

То есть в данный период экспорт в страны ЕС демонстрировал тенденцию, обратную той, начало которой было положено в период осуществления 9-го пятилетнего плана. Доля стран Ближнего и Среднего Востока продолжала расти, как и ранее. Удельный вес экспорта в другие европейские страны, занимавший 3-е место в турецком экспорте, сократился с 9,6% в 2014 г. до 7,4% в 2016 г. Азиатские страны заняли 4-ю позицию, их доля за указанный период составила около 7%. Страны Северной Африки сместились с 4-й позиции в 2013 г. на 5-ю в 2014 г. и 6-ю в 2018 г., уступив странам Северной Америки (их доля составила в 2014 г. 6,2%, в 2016 г. — 5,4 и 2018 г. 5,6%).

По регионально-интеграционному принципу в турецком экспорте места распределились так же, как и в период осуществления 9-го пятилетнего плана: страны OECD (ОЭСР), Организация исламского сотрудничества, страны-члены Организации Черноморского экономического сотрудничества, страны СНГ и Организации экономического сотрудничества. Однако отдельные группы стран также демонстрировали тенденции, обратные тем, о которых упоминалось при осуществлении 9-го пятилетнего плана. Так, доля стран OECD демонстрировала рост (с 48,6% в 2014 г. до 54,3% в 2016 г. и 55,8% в 2018 г.). Доля стран Организации исламского сотрудничества сократилась с 30,9% в 2014 г. до 28,9% в 2016 г. и 24,5% в 2018 г. Если в предыдущем периоде доля стран СНГ увеличивалась, то теперь она снижалась с 9,9% в 2014 г. до 5,8% в 2018 г. Та же тенденция происходила и с удельным весом стран Организации экономического сотрудничества — снижение с 7,4% в 2014 г. до 4,3% в 2018 г. И если ранее отмечался рост доли тюркских республик (занимали 6-е место), то сейчас она демонстрировала падение — 4,5% в 2014 г. против 2,3% в 2018 г.¹ Таким образом, для данного периода (2014–2018 гг.) было характерно снижение роли региональных организаций, занимавших основные позиции по доле в турецком экспорте, за исключением лидеров — стран ЕС и стран ОЭСР. Таким образом, данные регионы продолжали удерживать лидирующую позицию, хотя и продемонстрировали в предыдущие периоды небольшое сокращение.

¹ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ihracat: 1996–2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 19.09.2022).

Пятерка стран-лидеров в турецком экспорте в 2018 г. выглядела следующим образом: Германия (9,6%), Великобритания (6,6%), Италия (5,7%), Ирак (5,0%) и США (4,9%). Ирак за данный период переместился со 2-го места в 2014 г. на 3-е в 2016 г. и 4-е место в 2018 г. И вновь в пятерке стран появились США, которые отсутствовали в период предыдущего пятилетнего плана. Российская Федерация в 2014 г. заняла всего лишь 6-е место (3,8%), а в 2016 г. она переместилась на 19-е место (1,2%). Однако в 2018 г. ситуация начала понемногу выравниваться, Российская Федерация стала подниматься и заняла уже 12-е место (2,0%)¹.

Рассмотрев тройку основных товаров, экспортируемых Турцией в страны-лидеры в 2018 г., следует отметить, что в поставках в Германию лидировали легковые автомобили и прочие транспортные средства (6,5% от турецкого экспорта в Германию), части и принадлежности моторных транспортных средств (6,0%), части для двигателей разного рода (5,9%). В Великобританию экспортировались моторные транспортные средства для перевозки грузов (10,3%), легковые автомобили и прочие транспортные средства (10,3%), золото (5,4%). Первое место в экспорте в Италию также заняли легковые автомобили и прочие транспортные средства (17,9%). Далее следовали черные металлы–прокат (8,4%) и моторные транспортные средства для перевозки грузов (6,3%). Структура экспорта в Ирак выглядела следующим образом: ювелирные изделия (13,5%), пшеничная мука (6,3%), мясо и субпродукты птицы (3,9%). В США Турция отправляла ковры и прочие текстильные покрытия (6,3%), двигатели и турбины (3,9%), легковые автомобили и прочие транспортные средства (3,9%)². Таким образом, мы наблюдаем, что экспорт Турции в лидирующие страны-партнеры в основном был представлен легковыми автомобилями и прочими транспортными средствами, частями и принадлежностями моторных транспортных средств, двигателями разного рода — данные статьи занимали первые места. Отмеченные товары принадлежали к продукции среднетехнологич-

¹ Рассчитано по: Ülkelere göre ihracat: 1996–2019// URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 19.09.2022).

² Составлено по: Ülkeler profili. Türkiye ile ticaret // URL: <https://ticaret.gov.tr/yurtdisi-teşkilatı/> (дата обращения: 19.09.2022).

ных отраслей, и тенденция их преобладания в экспорте пятерки лидеров подтверждает развитие технологичности турецкого экспорта. То есть на данном этапе уже произошел переход на новый уровень. И лишь только экспорт в Ирак был представлен в основном низкотехнологичными товарами. Это говорит о том, что Турция экспортировала высоко- и среднетехнологичные товары в те страны, которые имели на них спрос. Таким образом, вновь проявлялась способность турецкого экспорта адаптироваться к различным рынкам — от рынков с более развитой экономикой до рынков, находящихся в стадии становления.

В импорте Турции по группам стран продолжали лидировать страны ЕС. И если ранее их доля уверенно снижалась, то за данный период эта тенденция была приостановлена. Так, в 2014 г. доля стран ЕС составила 36,7%, в 2016 г. — 39,0% и в 2018 г. — 36,2%. Вторую позицию заняли другие азиатские страны (2016 г. — 27,3%, 2018 г. — 23,1%). Доля других европейских стран, занявших 3-е место, снижалась с 15,0% в 2014 г. до 11,0% в 2016 г. и 10,5% в 2018 г. Страны Ближнего и Среднего Востока, имевшие ранее уверенный рост, в 2016 г. «упали» по сравнению с 2014 г. (6,9 и 8,5% соответственно). Доля стран Северной Америки демонстрировала рост (5,7% в 2014 г., 6,0% в 2016 г. и 6,4% в 2018 г.).

В турецком импорте по регионально-интеграционному принципу все так же лидировали страны OECD, однако ранее отмеченное сокращение их доли было приостановлено, а в 2016 г. даже отмечался рост (2014 г. — 48,1%, 2016 г. — 50,8%, 2018 г. — 48,0%). Вторую позицию продолжали занимать страны-члены Организации Черноморского экономического сотрудничества (их доли соответственно составили 16,9% в 2014 г., 12,2% в 2016 г., 14,7% в 2018 г.). Далее шли страны СНГ (стоит отметить незначительное сокращение их доли: 2014 г. — 13,7%, 2018 г. — 12,6%) и Организации исламской конференции, чья доля снизилась в 2016 г. (11,7% по сравнению с 12,0% в 2014 г.). На пятое место вышли страны Организации экономического сотрудничества, и их удельный вес также сократился с 5,6% в 2014 г. до 4,7% в 2018 г.¹ Таким образом,

¹ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ithalat: 1996–2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 19.09.2022).

по импорту из региональных организаций отмечался рост стран ОЭСР и тенденция сокращения иных региональных объединений.

Пятерки стран-лидеров в импорте Турции в 2014 и 2018 гг. были стабильными. В 2018 г. лидирующие места по турецкому импорту занимали Россия (9,9%), Китай (9,3%), Германия (9,1%), США (5,5%) и Италия (4,6%). Стоит отметить, что в 2016 г. произошло падение доли России и ее перемещение с 1-го места на 3-е (доля сократилась с 10,4% до 7,6%). Тогда как Китай вышел в лидеры — его доля составила 12,8%. Однако в 2018 г. позиции стран вновь вернулись к предыдущему положению¹.

В импорте из страны-лидера России 1-е место в 2018 г. заняла статья нефть и нефтепродукты (23%), далее следовали каменный уголь (6,3%), полуфабрикаты из железа и нелегированной стали (5,6%). Из Китая в 2017 г. импортировались аппараты телефонные и аппаратура для связи (12,1%), вычислительные машины, считывающие устройства (5,4%), синтетические нити (2,5%). В 2018 г. у Германии закупались автомобили легковые и прочие транспортные средства (10%), части и принадлежности моторных транспортных средств (6,4%), золото (3,3%). Среди импортных товаров из США 1-е место принадлежало черным металлам-отходам, лому (10,4%), летательным аппаратам (8%), двигателям, газовым турбинам (7,2%). В импорте из Италии лидировала статья нефть и нефтепродукты (6,0%), части и принадлежности моторных транспортных средств (5,2%), двигатели внутреннего сгорания (2,7%)². Таким образом, у стран-лидеров Турция в основном закупала машины и транспортные средства, нефть, минеральное топливо, продукцию химической промышленности. Страна закупает продукцию среднетехнологичных отраслей, но, хотя это и говорит о ее пока еще недостаточно развитом собственном производстве, одновременно указывает на спрос на данные товары для развития собственной экономики.

Рассмотрим десятку стран, лидирующих по объему внешней торговли с Турцией в 2018 г. (см. табл. 2).

¹ Рассчитано по: Ülkelere göre ithalat: 1996–2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 19.09.2022).

² Составлено по: Ülkeler profili. Türkiye ile ticaret // URL: <https://ticaret.gov.tr/yurtdisi-teşkilatı/> (дата обращения: 19.09.2022).

Таблица 2

10 СТРАН-ЛИДЕРОВ ПО ОБЪЕМУ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ С ТУРЦИЕЙ В 2018 г.

Страна/ место	Экспорт Турции (млрд долл.)	Импорт Турции (млрд долл.)	Объем внешней торговли (млрд долл.)	Доля страны в общем объеме внешней торговли Турции (%)
1. Германия	16136	20407	36543	9,4
2. Россия	3399	21989	25388	6,5
3. Китай	2912	20719	23631	6,0
4. США	8304	12377	20681	5,3
5. Италия	9560	10154	19714	5,0
6. Велико- британия	11106	7446	18552	4,7
7. Франция	7287	7413	14700	3,8
8. Испания	7780	5492	13272	3,4
9. Ирак	8346	1420	9766	2,5
10. Иран	2392	6931	9323	2,4

*Рассчитано и составлено по: Ülkelere göre ihracat: 1996-2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> и Ülkelere göre ithalat: 1996-2019 // URL: <http://www.tuik.gov.tr/>

Следует отметить, что лидерами по внешней торговле с Турцией в 2018 г. являлись Германия, на долю которой приходилось 9,4% от общего объема турецкой внешней торговли, Россия — 6,5%, Китай — 6%, США — 5,3% и Италия — 5%.

Таким образом, за период осуществления 10-го пятилетнего плана в географической структуре экспорта и импорта произошли определенные изменения, связанные с ухудшением турецко-российских отношений, что также отразилось на географической структуре турецкой внешней торговли.

В 2019 г. был принят *11-й пятилетний План экономического развития (2019–2023)*¹. В экономическом плане вновь ставилась задача по увеличению роли Турции в мировой торговле, обеспечению стабильного роста экспорта за счет поддержки конкурентоспособных и трудоемких отраслей производства, а также снижению зависимости от импорта с целью улучшения ситуации по дефициту внешнеторгового баланса. Предполагалось принятие дорож-

¹ On birinci kalkınma planı (2019–2023). Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı // URL: <http://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2019/07/OnbirinciKalkinmaPlanı.pdf> (дата обращения: 17.10.2022).

ных карт по экспорту на среднесрочный период, продолжение работы по определению рынков-целей и целевых продуктов. Руководством ставилась задача по подготовке Основного плана по экспорту (İhracat Ana Planı), целью которого являлась поддержка турецких фирм при встраивании их в мировые стоимостные цепочки и стабильный рост экспорта. Планировалось увеличить добавленную стоимость и конкурентоспособность экспортных товаров за счет поддержки производства на турецких предприятиях, разработки товаров и брэндинга, развивать новые методы поддержки экспорта. Предполагалось прилагать все необходимые усилия для увеличения значимости Турции на рынках мусульманских стран, развивать механизмы по поддержке экспорта турецких фирм в мусульманские страны. Руководство страны планировало более эффективно работать в направлении сотрудничества с Институтом стандартизации и метрологии исламских стран (İslam Ülkeleri Standartlar ve Metroloji Enstitüsü), куда входит и Турция, создать единую базу данных, включающую информацию по всем фирмам за рубежом, сотрудничающим с Турцией. В Плане говорилось о продолжении налаживания как двусторонних, так и региональных и многосторонних контактов. Ставилось целью продолжать заключать соглашения о свободной торговле и работать в направлении ранее достигнутых договоренностей по данному курсу. Отдельное внимание вновь уделялось африканским странам — расширению сотрудничества в различных сферах и увеличению объема торговли. Страны Ближнего Востока также занимали особое место в данном 5-летнем Плане развития, в частности, говорилось об усилении экономического и торгового сотрудничества с ними и наращивании товарооборота.

Стоит отметить, что доля стран Африки во внешней торговле Турции значительно возросла. И если в начале 2000-х гг. торговля для турецкого государства была дефицитной, то к 2020-м гг. она изменила свой характер. Африканский континент занимал на данном этапе одно из важнейших мест во внешней торговле Турции. Если в начале тысячелетия доля Африки в экспорте Турции не превышала 5%, в 2020–2021 гг. этот показатель достиг 10%.

Еще одним направлением успешной турецкой экспортной экспансии стали тюркские государства Центральной Азии. Турция су-

мела увеличить свой экспорт с 1,1 млрд долл. в 2004 г. до 7,2 млрд долл. в 2021 г., при этом отмечался рост положительного сальдо в двусторонней торговле за счет опережающей динамики экспорта¹.

Турецкий министр по торговле Рухсар Пекджан в отчете за сентябрь 2019 г., подготовленном Главным управлением по иностранным представительствам и международным вопросам при Министерстве торговли², подчеркнула, что в августе 2019 г. был оглашен подготовленный Основной план по экспорту, в котором в качестве целевых рынков были определены 17 стран и регионов: США, Бразилия, Китай, Эфиопия, Марокко, Северная Африка, Южная Корея, Индия, Ирак, Великобритания, Япония, Кения, Малайзия, Мексика, Узбекистан, Россия и Чили. При этом отмечалось, что при выборе данных рынков-целей уделялось внимание тому факту, что на данные страны приходится 60% мирового ВВП, 43,7% мирового импорта и 25,2% турецкого экспорта³.

В *экспорте* Турции по группам стран в 2021 г. по-прежнему лидировали страны ЕС (41,3%). Следующую позицию, так же, как и в предыдущие годы, заняли страны Ближнего и Среднего Востока (17,0%), хотя по сравнению с 2018 г. доля их снизилась на 2,4 процентных пункта. Третью позицию заняли другие европейские страны (14%), а далее следовали другие азиатские страны (7,7%), страны Северной Америки (7,3%) и Северной Африки (5,9%).

Рассмотрев данные 2021 г. по регионально-интеграционному принципу деления, стоит отметить, что порядок распределения мест остался таким же, как и в предыдущие годы. Страны OECD лидировали (55,9%), далее шли Организация исламского сотрудничества (25,2%), страны Организации Черноморского экономического сотрудничества (12,3%), страны СНГ (6,1%), Организации экономического сотрудничества (5,0%) и тюркские республики (3,2%)⁴.

¹ Рассчитано по: TÜİK //URL: <https://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 22.10.2022).

² Ülke masaları bülteni. Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü // URL: <https://ticaret.gov.tr/yurtdisi-teskilati/ulke-masaları-bulteni/ulke-masaları-bulteni-eylul-sayisi-yayinlandi> (дата обращения: 22.10.2022).

³ Там же.

⁴ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ihracat, 2013–2021 (genel ticaret sistemi) // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

Согласно данным за 2021 г., лидирующие места в экспорте Турции распределились следующим образом: Германия (8,5%), США (6,5%), Великобритания (6,0%), Италия (5,1%), Ирак (4,9%), Испания (4,2%), Франция (4,0%), Голландия (3,0%), Израиль (2,8%) и Российская Федерация (2,6%). Таким образом, США с третьей позиции в 2020 г. поднялись на вторую позицию. Позиция Российской Федерации осталась неизменна, а доля в турецком экспорте даже незначительно повысилась¹.

Германия оставалась лидером в 2021 г. — стоимость экспорта увеличилась до 19316 млн долл. В экспортной структуре лидировали моторные транспортные средства (19,7%), машины и оборудование (14,9%), предметы одежды и принадлежности к ней (11,4%). В структуре экспорта в США на первом месте находились части и принадлежности транспортных средств (13,6%), далее шли моторные транспортные средства (11,8%) и на третьей позиции — ковры и текстильные покрытия (8,3%). В структуре экспорта в РФ лидером стали овощи и фрукты (23%), части и принадлежности транспортных средств (16,7%), моторные транспортные средства (13,9%)².

За первые 6 месяцев 2022 г. лидером в импорте также оставались Германия (8%), США (6%), Великобритания, Италия и Ирак, которые имели примерно равные доли — по 5%³.

Согласно данным, предоставленным Союзом экспортеров Турции (TİM), турецкий экспорт оборонной и авиационной промышленности за три квартала 2019 г. вырос на 37,5% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. При этом увеличился как объем экспорта, так и количество стран-партнеров по экспорту. Так, за указанный период 2018 г. Турция осуществила экспортные поставки данной продукции в 155 стран на общую сумму 1 млрд 855 млн долл. Объем экспорта данных отраслей за весь 2017 г. составил 1 млрд 738 млн долл., за 2018 г. — 2 млрд 35 млн

¹ Рассчитано по: Ülkelere göre ihracat, 2013–2021 (genel ticaret sistemi) // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

² Рассчитано по: ABD ülke profili; Rusya ülke profili; Federal Almanya ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. 2020 // URL: <https://ticaret.gov.tr> (дата обращения: 17.10.2022).

³ Рассчитано по: Ülkelere göre ihracat, 2013–2022 (genel ticaret sistemi) // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

долл. Среди стран-лидеров по экспорту оборонной и авиационной промышленности за первые пять месяцев 2019 г. первое место занимали США. Основную долю экспортных товаров составили беспилотные летательные аппараты и бронированные транспортные средства. Далее шли Германия, Оман, Индия и Голландия. При этом наибольший рост в 2019 г. продемонстрировал экспорт в ОАЭ, Катар и Саудовскую Аравию.

Таким образом, в странах-лидерах по экспорту первые места заняли в основном промышленные товары, моторные транспортные средства, машины и оборудование, части и принадлежности транспортных средств, продукция оборонной промышленности. Данные тенденции вновь, как и в предыдущем периоде, подтверждают переход и развитие технологичности турецкого экспорта.

В турецком *импорте* по группам стран в 2021 г. лидировали страны ЕС — на их долю приходилось 31,5%. Второе место занимали другие азиатские страны (25,1%). Далее шли другие европейские страны (16,5%), страны Ближнего и Среднего Востока (5,9%) и Северной Америки (5,2%).

В импорте по региональным группировкам места в 2021 г. были распределены так же, как и в 2018–2019 гг.: первое место заняли страны OECD (44,5%), второе — страны-члены Организации Черноморского экономического сотрудничества (16,1%), далее шли страны СНГ (12,7%), страны Исламской организации сотрудничества (11,3%) и Организация экономического сотрудничества (3,1%)¹.

Места в импорте по отдельным странам за 2021 г. были перераспределены следующим образом: на первое место, поднявшись с 3-го в 2018 г., вышел Китай (11,8%), на второе место вышла РФ (10,6%), а на третье — Германия (7,9%). Далее следовали США, Италия, Индия, Франция, Южная Корея, Испания и Бельгия².

Рассмотрев импорт из Китая в 2021 г., следует отметить, что его структура не претерпела изменений по сравнению с 2018–2019 гг.

¹ Составлено по: Ülke gruplarına göre yıllık ithalat (genel ticaret sistemi) // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

² Рассчитано по: Ülkelere göre ithalat, 2013–2021 (genel ticaret sistemi) // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

Из Российской Федерации наряду с традиционным минеральным топливом в значительных объемах ввозились пшеница и другие зерновые (6,7%). Данная статья имела значительный прирост — на 41% и поднялась с 4-го места на 2-е в 2021 г. Из Германии, занимавшей третье место по импорту Турции, закупались автомобили легковые и прочие транспортные средства (6%), части и принадлежности моторных транспортных средств (5,84%), третье место принадлежало золоту (5,3%)¹. В итоге из стран-лидеров по импорту ввозились необходимые минеральные продукты и средне- и высокотехнологичные товары.

За первые 6 месяцев 2022 г. в лидерах по импорту вновь оказалась Россия со стоимостью импорта в 32,116 млрд долл. (15%), обогнав Китай (11%). Далее в пятерке лидеров вновь находились Германия (6%), США (4%) и Италия (3%)².

Таким образом, в 2019–2022 гг. Турция продолжала расширять географию внешней торговли и сотрудничать со странами, выделенными в качестве целевых рынков, — странами Африки и Азии, при этом доля стран ЕС оставалась высокой, хоть и имела небольшое снижение. Предположительно данные тенденции продолжатся и в 2023 г. И несмотря на сложную обстановку сначала с коронавирусной инфекцией и далее в связи с военной операцией на Украине турецкая сторона пытается реализовывать начатые проекты и заключать новые.

За 20-летний этап развития внешней торговли Турции в период пребывания у власти ПСР ее географическая структура претерпела определенные изменения. В начале 2000-х гг. Турция стала расширять число и географию торговых экспортных партнеров, следуя многовекторности в своей внешней политике. Страна вышла на новые рынки, при этом структура целевых рынков изменилась. В результате началось небольшое снижение доли ЕС, занимающего лидирующие позиции в турецкой внешней торговле. В первом десятилетии XXI века происходит переориен-

¹ Рассчитано и составлено по: ABD ülke profili; Rusya ülke profili; Federal Almanya ülke profili; Çin ülke profili; Irak ülke profili. T.C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. 2020 // URL: <https://ticaret.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

² Рассчитано по: Ükelere göre ithalat, 2013–2022 (genel ticaret sistemi) // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

тация и дополнение стран ЕС развивающимися странами Азии, Африки и странами Ближнего Востока. При этом в турецком экспорте начался переход от вывоза низкотехнологичных товаров к среднетехнологичным. Однако данный переход затронул рынки в первую очередь стран — основных внешнеторговых партнеров Турции. Это показывало, что экономика Турции, в частности экспорт, продемонстрировали возможность адаптации к запросам различных рынков. Во 2-м десятилетии XXI века продолжился рост числа целевых рынков. Отдельное внимание уделялось африканским странам.

Технологичность турецкого экспорта увеличилась, чего нельзя было сказать про импорт в связи с тем, что Турция имела импортные потребности в сырье и высокотехнологичных товарах. По причине пока еще низкого уровня производства и экспорта товаров высокотехнологичных отраслей большую часть импорта продолжали занимать товары высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей, что говорило о пока еще недостаточно высоком уровне технологичности продукции в стране.

Вместе с тем в торговле с отдельными странами ЕС имела тенденция присутствия дублирующих товарных групп как в экспорте, так и в импорте Турции, чего не наблюдалось в начале 2000-х гг. Это демонстрирует встраивание страны в цепочки создания добавленной стоимости в партнерстве с крупнейшими экономиками ЕС.

За 20-летний период произошли определенные изменения в пятерке лидеров по импорту. В 2002 г. в ней в основном были представлены страны ЕС. Тогда как в 2021 г. пятерка стран распределилась следующим образом: Китай, РФ, Германия, США, Италия. В итоге кардинально сменился лидер — им стал Китай, РФ поднялась на 2-ю позицию¹.

При осуществлении ПСР политики экспортоориентации страна осуществляла сотрудничество как с географически близкими странами, в том числе мусульманскими, так и с более отдаленными странами и регионами. В результате в 2021 г. пятерка стран-лидеров по турецкому экспорту была представлена следующими

¹ Рассчитано по: Ülkelere göre yıllık ithalat (en çok ithalat yapılan 20) // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

странами: Германия, США, Великобритания, Италия, Ирак. Привлекает внимание, что Ирак занял 5-е место, тогда как в 2002 г. он вовсе отсутствовал в лидерах. В остальном лидеры остались те же, однако, как отмечалось, доля европейских стран-лидеров значительно сократилась (например, Германии с 16% в 2002 г. до 8,6% в 2021 г., США с 9% до 6,5%, Франции с 6% до 4%)¹ за счет увеличения доли других стран Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока.

Налаживание Турцией отношений с соседними регионами со схожей структурой экономики имело определенные преимущества. Географическая близость приводила к развитию внутрирегиональных связей и взаимодополняющей торговли. В то же время, развивая сотрудничество с отдаленными государствами, регионами и участвуя в региональных организациях и объединениях, имевших иной экономический потенциал, Турция обеспечивала себе новые возможности реализации своей продукции, в том числе и на рынках менее развитых стран Восточной Европы, Средней Азии, Арабского мира и Африки.

К тому же для страны открылись новые этапы сотрудничества и с экономически развитыми странами, такими как Китай, Южная Корея и Япония, с которыми пока еще у Турции довольно низкий товарооборот и импорт из которых значительно превышает экспорт. Однако руководство страны заявило о потенциале данного сотрудничества, выделяя данные страны в качестве целевых рынков.

¹ Рассчитано по: Ülkelere göre yıllık ihracat (en çok ihracat yapılan 20) // URL: <http://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.10.2022).

Глава 3. Российско-турецкие отношения

3.1. Двустороннее политическое сотрудничество

История межгосударственных российско-турецких отношений насчитывает свыше пяти веков (историки ведут отсчет от послания князя Ивана III по вопросам морской торговли, направленного 30 августа 1492 г. османскому султану Баязиду II). Посольство Российской империи в Стамбуле на постоянной основе открылось в 1701 г.

Началом официальных отношений между советской Россией и Турцией принято считать письмо М. Кемаля от 26 апреля 1920 г., написанное В. Ленину. В данном письме было предложено установить дипломатические отношения, а также была просьба о помощи в войне за независимость Турции. Взамен этого Турция была готова бороться против империалистических держав вместе с советской Россией. В результате советское правительство стало первым правительством в мире, которое признало парламент Турции (Великое национальное собрание Турции), и Москва и Анкара приняли решение об установлении дружеских отношений. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и братстве. В преамбуле договора подчеркивалось, что оба правительства разделяют «принципы братства наций и право народов на самоопределение», отмечают существующую между ними «солидарность в борьбе против империализма», воодушевлены желанием «установить постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу». Объявлялись отмененными и не имеющими силы все старые договоры. В рамках договора была и тема помощи, уже начатой¹.

¹ Н. Г. Киреев. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 141.

После этого отношения между двумя странами начали стремительно развиваться. Наряду с дипломатическими контактами наблюдалось сближение двух стран в экономической и культурной сферах. Советский Союз принял участие в нескольких проектах, которые внесли важный вклад в развитие промышленности Турции и сыграли важную роль в строительстве текстильных фабрик в Кайсери и Назилли. Впрочем, возникший в то время в качестве ревизии имперского наследия и противостояния двух стран вектор на построение «советско-турецкой дружбы» начал утрачивать первоначальную динамику вскоре после смерти основателя-президента Турецкой Республики М. К. Ататюрка в 1938 г. Позже отношения между двумя странами развивались нелинейно. А в 1952 г. Турецкая Республика вошла в состав Североатлантического Альянса, что стало определяющим фактором для советско-турецких отношений в период «холодной войны».

Последнее десятилетие XX века коренным образом изменило характер российско-турецких отношений. Контакты, начавшиеся с «челночной торговли», неуклонно развивались, готовя почву к переходу на уровень «стратегического партнерства».

Начало XXI века, совпавшее с приходом к власти российского президента В. Путина и турецкого премьер-министра, ныне президента Р. Т. Эрдогана, ознаменовалось новым витком в развитии двусторонних отношений.

В развитии турецко-российских отношений имеется несколько важнейших факторов. Один из них — сходство во внешней политике двух стран, которое стало наблюдаться в начале XXI столетия. В это время как Москва, так и Анкара пересмотрели стиль своей внешней политики. Кремль начал вести многовекторную политику и в этой сфере придавал большое значение развитию отношений с соседними странами и государствами СНГ. В 2000-х гг. Турция уделила особое внимание политике, основывающейся на решении проблем с соседними странами и построению отношений с ними. Так что параллели во внешней политике сблизили Москву и Анкару.

Благоприятное развитие двусторонних отношений в XXI веке определялось тремя факторами: возросшим уровнем взаимного доверия в политической сфере, серьезной экономической заин-

тересованностью сторон и кросс-культурным взаимопониманием России и Турции. В их нынешнем состоянии российско-турецкие отношения представляют собой исключение на фоне общей международной политики последних двух десятилетий. Впервые в истории двух стран эти отношения строятся на совершенно новом надидеологическом основании — приверженности таким основополагающим принципам и ценностям, как демократия и верховенство права — и детерминированном взаимовыгодном торгово-экономическом сотрудничестве¹.

Политическая сфера межгосударственных отношений призвана заложить основу для развития сотрудничества на всех направлениях. В задачу политических лидеров часто входит закрепление уже существующих связей, создание условий для более динамичного их развития. Можно утверждать, что данная задача находит свое решение — прежде всего в результате значительного укрепления межгосударственных связей, имевшего место на протяжении последних лет. Этот процесс выразился, в том числе, в активизации контактов между первыми лицами обоих государств.

В качестве наиболее значимых и кульминационных фактов можно считать официальный визит президента Российской Федерации В. Путина в Турцию в декабре 2004 г. Подписанная по его итогам Совместная декларация фиксировала широкий спектр взаимных интересов и рост политического доверия, а также ставила задачу диверсификации сфер сотрудничества как императива поступательного развития отношений двух евразийских стран². Первый за историю двух стран визит российского президента в Турцию приобрел в полном смысле историческое значение.

После первого визита в Турцию В. Путина дипломатические отношения между двумя странами стали более тесными. По приглашению президента России премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган 10–12 января 2005 г. находился в Москве с рабочим визи-

¹ П. В. Шлыков, Н. Ю. Ульченко. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М.: ИВ РАН, 2014. С. 10.

² Совместная декларация «Об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой от 6 декабря 2004 г.». Анкара.

том. В рамках визита были обсуждены новые аспекты важнейших региональных и международных проблем, в частности перспективы иракского и ближневосточного урегулирования, ситуация в Афганистане. Также состоялся обмен мнениями по основополагающим направлениям формирования многополюсной системы мироустройства, укрепления роли ООН.

Особое внимание в ходе переговоров было уделено теме взаимодействия в борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом, организованной преступностью. Были также рассмотрены вопросы формирования благоприятных условий для дальнейшего развития многостороннего и двустороннего сотрудничества в Черноморском регионе¹.

Наряду с переговорами на высшем уровне, проводящимися несколько раз в год, систематически проводились и проводятся российско-турецкие консультации по линии МИД, силовых ведомств двух стран, осуществляются контакты между заинтересованными министерствами и организациями.

Важным механизмом, обеспечивающим динамичное развитие двусторонних отношений, стало учреждение в мае 2010 г. в рамках визита президента России Д. Медведева в Турцию лидерами двух стран Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ) под председательством глав государств России и Турции.

Создание Совета сотрудничества высшего уровня означает, что отношения России и Турции вышли не на формальный, а на фактический уровень долговременного стратегического партнерства, у этого партнерства основательный фундамент и серьезные практические проекты. Ведь договоренность о том, что именно Россия построят в Турции атомную электростанцию и будет ее эксплуатировать, означает, что именно Россия проложит для Турции путь в сообщество ядерных держав, и это является еще одним подтверждением того, что Россия, несмотря ни на что, остается великой в экономическом отношении державой, — пишет турецкая газета «Миллиет»². Силу и авторитет своей внешнеэкономической политики Россия и Турция продемонстрировали также

¹ Новые известия. 12.01.2005. Cumhuriyet. 05.01.2005.

² Milliyet. 12.05.2010.

углублением и развитием взаимоотношений в актуальной ныне для всего мира газовой сфере. При этом как Москва, так и Анкара одновременно продолжают развивать сотрудничество и по альтернативным проектам поставок газа, тем самым демонстрируя миру, что эти проекты они считают не конкурентными, а дополняющими их собственные.

Итоги визита премьер-министра Турции Эрдогана в Россию 15–17 марта 2011 г. показали, что «наряду с укреплением российско-турецких отношений они начинают занимать все более высокое место в повестке дня обоих государств»¹.

Можно констатировать, что отношения между Турцией и Россией получили крепкую институциональную основу. В ходе визита Эрдогана состоялась вторая встреча на высшем уровне Совета сотрудничества высшего уровня. И третья встреча подобного формата прошла во время визита президента РФ В. Путина в Турцию в декабре 2012 г.

Совет сотрудничества высшего уровня, сформированный 12 мая 2010 г., был преобразован в механизм, служащий как своего рода объединенный кабинет министров. Подгруппы и институты, являющиеся частью ССВУ, работают на улучшение двусторонних отношений между странами; они включают в себя совместную группу стратегического планирования, в которой председательствуют министры иностранных дел, форум общественности, в котором представлены организации гражданского общества, и межправительственную комиссию по торгово-экономическому сотрудничеству, состоящую из представителей деловых кругов, которая продолжает работу над поставленными целями и задачами.

На встречах совместной группы стратегического планирования при участии министров иностранных дел двух государств и других высокопоставленных чиновников российского и турецкого МИД тщательно анализировались двусторонние отношения между странами. Также обсуждались важные международные и региональные вопросы, касающиеся таких стран, как Сирия, Иран, Афганистан и стран Кавказа, Балкан и Центральной Азии. Участники

¹ Rusya ile ilişkileri: nereye (Отношения с Россией — куда?). URL: [http:// www. Usakgundem.com](http://www.Usakgundem.com). Türkiye 20.03.2011 (дата обращения: 20.03.2023).

обсуждали и выявленные различия в подходах к внешней политике между двумя странами. Во время переговоров, которые обе стороны описывают как дружеские и конструктивные, подчеркивалось, что стратегическое партнерство между Россией и Турцией способствует установлению доверительной обстановки и стабильности во всем регионе.

На встрече министра иностранных дел Турции А. Давутоглу с российским коллегой С. Лавровым в Москве (январь 2012 г.) в рамках совместной группы стратегического планирования Давутоглу описал текущее состояние дел как «образцовые перемены». По словам министра, который обратил внимание на институционализированные совместные механизмы, включая ССВУ и совместную группу стратегического планирования, отношения между двумя странами развились из рутинных в структурированные, что позволяет проводить объединенное стратегическое планирование. Согласно заявлению Лаврова, двусторонние отношения между Россией и Турцией развиваются в конструктивной и доверительной обстановке, и страны могут найти решение любой проблемы¹.

Без сомнения, в российско-турецких отношениях за последние годы пройден большой путь как в области экономического сотрудничества, так и в политической сфере и взаимодействии по вопросам международных проблем. Представляется, что большое значение должно сыграть глубокое понимание Россией своего южного соседа, исследование опыта турецких реформ, анализ развития ситуации в Турции, лишь на основе которых можно выстраивать продуманную, долгосрочную и сбалансированную российскую стратегию на турецком направлении, которая должна учитывать широкий спектр возможностей и угроз. Следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие значительных точек для сближения, с учетом начавшихся накапливаться между сторонами противоречий и разногласий, на безоблачность в российско-турецких отношениях рассчитывать не приходится, так как партнеры всегда будут достаточно жестко и решительно действовать

¹ Турция и Россия работают над стратегическим союзом. // Today's Zaman. 30.01.2012.

в своих интересах, оставляя за скобками улыбки и дружескую риторику.

Вместе с тем можно констатировать, что на очевидные успехи экономического сотрудничества двух стран существенно не влияют расхождения по политическим вопросам. Визит президента РФ В. Путина в Турцию в декабре 2012 г. показал, что, несмотря на глубокие разногласия в отношении сирийской проблемы, сотрудничество между странами продолжает развиваться в поступательном направлении. И об этом свидетельствуют 11 соглашений о сотрудничестве, подписанных по итогам визита российского президента.

Российско-турецкое политическое взаимодействие затрагивает ряд сфер международных отношений, но в данном разделе будут рассмотрены взаимодействие сторон на Ближнем Востоке, главным образом в сирийском кризисе, и на Южном Кавказе.

Российско-турецкие отношения в контексте сирийского кризиса

Трансформационные процессы, развернувшиеся в арабском мире в начале 2010-х гг., вынуждают Россию и Турцию искать новые подходы к внешней политике на Ближнем Востоке, и здесь важно определить влияние внешнеполитических подходов России и Турции в этом регионе на отношения между Москвой и Анкарой.

В начале 2010 г. Россия и Турция придерживались разных взглядов на ситуацию в регионе. Однако определенная степень политического участия в ситуации на Ближнем Востоке и расширение двустороннего сотрудничества в других областях позволяли двум странам избежать ухудшения отношений.

Недостаточная конструктивность диалога на тот период между двумя влиятельными политическими игроками не позволила им согласовать интересы и выработать общий подход к региональной безопасности. Анкара, приняв в 2011 г. сторону сирийской оппозиции, потеряла контакты с официальным сирийским правительством.

Сирийский кризис стал решающим фактором в отношениях двух стран. 30 сентября 2015 г. в ответ на обращение сирийского правительства началась военная операция Воздушно-космических сил Российской Федерации в Сирии, определяемая Дамаском и Москвой как контртеррористическая. И Анкара, и Москва незамедлительно осознали, что ситуация с Сирией напрямую влияет на отношения двух стран. Ухудшение российско-турецких отношений, начавшееся в связи с операцией России в Сирии, переросло в кризис после уничтожения турецкими силами 24 ноября 2015 г. российского бомбардировщика СУ-24, пересекшего, по заявлению Турции, ее воздушное пространство. Президент Путин назвал этот акт «ударом в спину от пособников террористов»¹.

Утрата Турецкой Республикой стратегически важного союзника в лице Российской Федерации сильно ограничила маневренность Турции, резко упал и товарооборот между странами. Конфликт был частично улажен благодаря письму Р. Т. Эрдогана на имя президента В. Путина, в котором он выражал свое личное сожаление и горечь всего турецкого народа в связи с гибелью российского летчика².

Решающим фактором преодоления кризиса стала неудачная попытка военного переворота в Турции 15 июля 2016 г. Показательной для турецкого руководства оказалась реакция западных государств, которые в ходе переворота заняли выжидательную позицию и не выступили в поддержку правительства Р. Т. Эрдогана. Россия же стала первой страной, осудившей действия путчистов и высказавшей поддержку официальным властям Турции³.

По итогам первой после «кризиса отношений» встречи Путина и Эрдогана 9 августа 2016 г. в Петербурге была исправлена ошибка несогласованности действий в Сирии и создан двусторонний комитет по координации усилий по военной и дипломатической

¹ «Удар в спину»: заявление Владимира Путина об инциденте с СУ-24. РИА Новости. <https://ria.ru/20151124/1327592353.html> (дата обращения: 17.10.2022).

² Эрдоган извинился перед Путиным за сбитый СУ-24//tass.ru.27.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/3407975> (дата обращения: 17.10.2022).

³ 15 Temmuz Darbe Girişimi ve Millet'in zaferi. (Попытка переворота 15 июля и победа нации). Ankara 2016. URL: https://www.tccb.gov.tr/dosya/15_Teminuz (дата обращения: 17.10.2022).

линиям, использующий совместные разведданные, достигнута договоренность об обмене информацией о районах, подконтрольных умеренной оппозиции и ИГИЛ.

Вместе с тем одна из главных целей турецкого руководства в Сирии заключалась в предотвращении создания на ее границах курдского анклава, поскольку Партия демократический союз (ПДС — PYD) и Силы народной самообороны (СНС — YPG) рассматриваются в Турции как политические и военные крылья — сирийские филиалы — Рабочей партии Курдистана (РПК — PKK), признаваемой в Турции и ряде других стран террористической организацией.

24 августа 2016 г. Турция при поддержке свободной сирийской армии начала военную операцию «Щит Евфрата» по устранению Отрядов народной самообороны на севере Сирии, угрожавших безопасности Турецкой Республики. В результате окончания операции 29 марта 2017 г. была создана буферная зона безопасности между пограничными городами Аазаз и Джараблус.

Одновременно с началом операции Эрдоган сделал важное заявление — выразил согласие на то, чтобы Асад оставался на переходный период. Турция получила молчаливое согласие России на операцию и наладила отношения с Ираном. Сирийская политика России также претерпела изменения: вследствие несогласия сирийских курдов выступить под сирийским флагом Москва вместо поддержки курдов сделала ставку на негласное разграничение сфер влияния в САР совместно с Анкарой. Россия и режим Асада взяли под контроль Дамаск, центральную Сирию, приморские районы, т.е. территорию, где расположены базы российского флота и авиации. А Турция — северную Сирию¹.

Отдельное место в сирийской политической тематике занимает уникальное по целям и составу явление — Астанинский процесс. Идея встречи в трехстороннем формате в целях поиска путей урегулирования ситуации в Сирии была озвучена Россией в конце 2016 г.

¹ Иванова И. И. «Российско-турецкие отношения в вопросе сирийского урегулирования» в сборнике статей «Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография». М.: ИВ РАН, 2021.

Первая астанинская встреча прошла в столице Казахстана 23–24 января 2017 г. За столом переговоров присутствовали представители Турции, России, ООН, а также сирийского правительства и оппозиции. При этом Россия, Иран и Турция выступили в качестве стран-гарантов прекращения огня. К ноябрю 2017 г. прошло семь раундов переговоров. По их результатам можно констатировать, что Астанинский процесс внес ощутимый вклад в стабилизацию обстановки в Сирии. Опыт проходивших в Астане переговоров с участием России, Турции и Ирана способствовал расширению сотрудничества трех стран по решению этого сложного вопроса.

Новым этапом на пути трехстороннего взаимодействия стал меморандум о создании зон деэскалации. С 6 мая 2017 г. в зонах деэскалации для сторон конфликта был введен запрет на военную активность, включая и полеты авиации. Россия, Иран и Турция договорились принять все необходимые меры для борьбы с терроризмом как на этих территориях, так и за их пределами.

22 ноября 2017 г. в Сочи прошел трехсторонний саммит России, Турции и Ирана для обсуждения ситуации на Ближнем Востоке и обеспечения долгосрочной нормализации в Сирии. Три лидера подчеркнули, что принципиальное решение должно включать следующие основные принципы: сохранение территориальной целостности Сирии и национального единства, подготовка новой конституции и проведение свободных выборов, в основу этого решения должна быть положена резолюция Совета Безопасности ООН № 2254.

Операция «Оливковая ветвь», начатая Турцией в конце января 2018 г., преследовала цели вытеснения курдских формирований из Африна и создания там своего рода буферной зоны вдоль турецко-сирийской границы. Реакция России ограничилась выражением озабоченности в связи с проведением военной операции. С одной стороны, РФ последовательно выступала за курдскую автономию (при условии, что Сирия останется унитарным государством) и за отдельную курдскую делегацию на переговорах по сирийскому урегулированию, что было неприемлемо для Турции. С другой стороны, она не могла остановить турецкое наступление, не рискуя очередным острым кризисом в двусторонних отноше-

ниях. Кроме того, став одним из влиятельных игроков в сирийском конфликте, Россия не могла позволить себе быть втянутой в круговорот внутрирегиональных противоречий и столкновений.

К августу 2018 г. правительственными войсками были отвоеваны три зоны деэскалации, за исключением Идлиба. В решении проблемы устранения последнего оплота террористов Россия пошла навстречу Турции, выступившей резко против проведения там военной операции. Анкара аргументировала свою позицию тем, что там находились и члены умеренной оппозиции, операция вызвала бы новый приток беженцев и привела бы к гуманитарной катастрофе. Выходом из этой проблемы стал достигнутый Путиным и Эрдоганом в Сочи меморандум по стабилизации ситуации в Идлибе, состоящий из 10 пунктов. Он подразумевал создание к 15 октября 2018 г. новой демилитаризованной зоны 15–20 км вглубь зоны деэскалации, из которой выводилось все тяжелое вооружение, а террористические группировки должны были уйти. За российской военной полицией и турецкими военными оставался контроль вдоль границ демилитаризованной зоны. Турция обязалась провести размежевание радикальной и умеренной оппозиции. Меморандум поддерживали официальный Дамаск и Тегеран. Однако, как показало время, исполнение меморандума подвергалось угрозе срыва из-за продолжающихся атак боевиков¹.

9 октября 2019 г. Турция объявила о начале третьей операции — «Источник мира» — все с той же целью обеспечения национальной безопасности и ликвидации т.н. «террористического коридора» на границе с Сирией. 22 октября 2019 г. Путин и Эрдоган провели 6-часовые переговоры в Сочи, в результате которых была достигнута договоренность о приостановке операции и согласовании соответствующих условий. В соответствии с Меморандумом в районе операции между Тель-Абьядом и Рас-эль-Айном будет сохранен статус-кво глубиной до 32 км; подразделения курдских отрядов народной самообороны (YPG) должны покинуть 30-километровую зону у сирийско-турецкой границы

¹ Иванова И. И. «Российско-турецкие отношения в вопросе сирийского урегулирования» в сборнике статей «Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография». М.: ИВ РАН, 2021.

в течение 150 часов, после чего Россия и Турция начнут совместное патрулирование к востоку и западу от района операции, на глубину до 10 км от границы¹.

Зоной, где между Турцией, режимом Асада и поддерживающей его Россией существуют противоречия, является Идлиб. Идлиб — последний анклав, где сосредоточена сирийская оппозиция, и с этой точки зрения Турция рассматривает свое присутствие здесь и поддержку сирийской оппозиции в качестве одного из факторов, определяющих ее влияние в регионе. Кроме того, решение проблемы Идлиба связано с решением проблемы борьбы с терроризмом, в частности, с организацией Хайят Тахрир аш-Шам (HTS). Согласно российско-турецким договоренностям, достигнутым в марте 2020 г., Турция обязалась провести в этой зоне деэскалации размежевание между представителями террористических организаций (прежде всего с HTS) и оппозиционными элементами, сотрудничающими с Анкарой. Это обеспечило бы безопасность для находящегося в зоне гражданского населения и возможность интеграции Идлиба в состав территорий, подконтрольных правительству. Турция не отказывается от обязательств, но все проходит очень медленно.

Трехсторонние переговоры президента России В. Путина с лидерами Турции и Ирана Р.Т. Эрдоганом и И. Раиси по урегулированию конфликта в Сирии состоялись 19 июля 2022 г. в Тегеране. Стороны обсудили ситуацию в Сирии, рассмотрели последние международные и региональные события и подчеркнули ведущую роль Астанинского процесса в мирном и устойчивом урегулировании сирийского кризиса. Президенты подчеркнули приверженность независимости и суверенитету Сирии, а также целям и принципам Устава ООН. Главы государств напомнили, что эти принципы должны соблюдаться всеми участниками мирового сообщества, и никакие действия не должны их подрывать. Путин, Раиси и Эрдоган также отклонили все попытки создать новые реалии на местах, в том числе незаконные инициативы по самоуправлению. Лидеры договорились противостоять сепара-

¹ Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой 22 октября 2019 г. Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/supplement> (дата обращения: 17.10.2022).

тистской деятельности, направленной на подрыв суверенитета страны и создание угроз национальной безопасности.

Президенты отвергли все односторонние санкции, введенные против Сирии, а также любые дискриминационные действия, которые направлены на помощь сепаратистам и могут привести к распаду страны. Помимо обсуждения сирийского кризиса стороны подтвердили свое намерение укреплять трехстороннюю координацию в различных областях в целях содействия совместному политическому и экономическому сотрудничеству¹.

Итогом встречи Путина и Эрдогана в Сочи 8 августа 2022 г. стал документ, в котором подчеркивается, что, несмотря на текущие региональные и глобальные вызовы, лидеры подтвердили общую волю к дальнейшему развитию российско-турецких отношений на основе уважения, признания взаимных интересов и в соответствии со своими международными обязательствами. Стороны подтвердили, что придают большое значение продвижению политического процесса в Сирии. Обозначена важность сохранения политического единства и территориальной целостности Сирии. Подтверждена решимость действовать сообща в плотной координации друг с другом в вопросах борьбы со всеми террористическими организациями².

Новым важным поворотом в развитии сирийской ситуации стало решение президента Эрдогана пойти по новому пути в решении проблемы. В декабре 2022 г. он объявил, что предложил президенту РФ Владимиру Путину провести трехсторонние переговоры. Эрдоган заявил: «Мы хотим провести трехсторонние переговоры между главами Турции, Сирии и России. Для этого вначале пусть встретятся представители наших спецслужб, затем наши министры обороны, а затем министры иностранных дел. После их переговоров встретимся и мы, лидеры трех стран. Я предложил это уважаемому Путину, и он воспринял эту инициативу положительно»³.

¹ Россия, Иран и Турция приняли совместное заявление по итогам саммита 20 июля 2022 г. URL: http://Lenta.ru/news/2022/07/20.Sovmestnoe_zayavlenie.

² Комсомольская правда. 08.08.2022.

³ Hakki Öcal “Suriye ve Rusya ile bir adım atmalıyız” (Хакки Оджал: «Мы должны сделать шаг с Сирией и Россией») // Milliyet. 18.12.2022.

Реакция России в этом контексте вполне ожидаемая. Москва налаживает все более тесное разноплановое сотрудничество с Анкарой, а Сирия является одним из ее ближайших союзников. Примирение Турции и Сирии при посредничестве РФ может стать позитивным примером разрешения региональных конфликтов.

Что касается Эрдогана, причины его перехода к миролюбивым инициативам тоже вполне объяснимы. С самого начала гражданской войны в Сирии он отказывался вести любой диалог с Б. Асадом и называл наилучшим для Турции решением его свержение. Однако после того, как сирийское правительство при помощи России восстановило контроль над большей частью территории страны, эта цель оказалась недостижимой. В итоге ситуация зашла в тупик. Турция вынуждена при помощи своих войск помогать протурецким формированиям удерживать часть сирийской провинции Идлиб, называя это зоной безопасности для своих границ. Перспективы умиротворения региона, которое позволило бы Анкаре перестать вливать в конфликт финансовые, технические и человеческие ресурсы, не просматривались.

Соглашение с Асадом и восстановление диалога с ним позволили бы обеспечить гарантии безопасности людям, воевавшим в протурецких формированиях, чтобы уход Турции из Идлиба не выглядел для электората Эрдогана сдачей своих сторонников.

Во-вторых, Дамаск и Анкара могли бы наладить совместную борьбу с курдскими вооруженными группировками, которые представляют собой проблему для обоих правительств.

И, наконец, один из противоречивых моментов для турецкого руководства — проблема беженцев. Их количество наряду с ростом рождаемости превышает 5 млн, они порождают социальные беспорядки, их содержание требует немалых средств, и они создают немалые трудности¹.

¹ A. Kuloglu. Türkiye'nin Suriye politikası degisiyor mu? (А. Кулоглу. Изменяется ли сирийская политика Турции?) // Cumhuriyet. 19.02.2022.

*Российско-турецкие отношения в контексте войны
в Нагорном Карабахе (2020 г.)*

Вторая карабахская война началась с наступления азербайджанских войск 27 сентября 2020 г. с масштабным применением авиации, бронетехники, артиллерии. По версии Минобороны Азербайджана, речь шла о контрнаступательной операции «Железный купол», начатой в ответ на обстрел армянской стороной нескольких азербайджанских населенных пунктов.

После упорных боев в сентябре-октябре азербайджанским войскам удалось установить контроль над городами Джебраилом и Гадрутом, после чего армянский фронт рухнул. Последним сражением стала выигранная Азербайджаном битва за стратегически важный город Шушу.

Политическую и военную поддержку Азербайджану оказывала Турция, предоставив военную технику и направив в район военных действий сирийских наемников. Хотя формально Армения в военных действиях не участвовала, по сути она и Нагорный Карабах в военном отношении составляли одно целое.

Россия и Армения — стратегические союзники, причем Армения является членом и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), и Евразийского экономического союза. С первых же дней войны, когда превосходство сил противника стало очевидным, основные надежды Армении были обращены в сторону России. Ожидалось, что Москва нейтрализует турецкую угрозу, а также осудит участие наемников и добьется их вывода из зоны конфликта. С азербайджанской армией предполагалось справиться самостоятельно.

Публичную позицию России на начальном этапе войны можно характеризовать как подчеркнуто сдержанную и в целом мало отличающуюся от позиции США или Франции. Яркой иллюстрацией единодушия трех государств — сопредседателей Минской группы ОБСЕ стало совместное заявление их глав на пятый день войны 1 октября 2020 г. Президенты России, США и Франции «решительно осудили эскалацию в регионе и призвали к немедлен-

ному прекращению огня, а также к возобновлению переговоров без предварительных условий»¹.

Три попытки временного прекращения огня в целях «гуманитарного перемирия», инициированные Россией и ее партнерами по Минской группе ОБСЕ, сорвались в первые же минуты после анонсированного начала перемирия. Решимость Азербайджана и Турции поставить точку в вопросе принадлежности Нагорного Карабаха проявлялась на фоне неспособности или нежелания посредников предпринять более действенные меры по предотвращению дальнейшей эскалации конфликта. Казалось, что Россия «отступает из Закавказья», освобождая место для турецкого присутствия.

Таким образом, несмотря на резолюцию СБ ООН о немедленном прекращении огня, столкновения между армянскими и азербайджанскими военными вооруженными силами продолжались. Лидеры Азербайджана и Армении подчеркнули, что еще не сформировались условия для остановки столкновений и начала переговоров. Азербайджан, усиливший свою военную мощь при активной поддержке Анкары, для того чтобы «в корне устранить эту проблему, решил использовать силовое превосходство».

Президент РФ В. Путин 22 октября 2020 г. дал характеристику позиции России по событиям вокруг Карабаха. После своего выступления на международном форуме «Валдай» он ответил на вопросы политологов. На вопрос: «Кого Россия поддерживает в Нагорном Карабахе?» Путин заявил следующее: «У России всегда были особые связи с Арменией. И с Азербайджаном. В России живет 2 миллиона армян и 2 миллиона азербайджанцев. Для нас и Армения, и Азербайджан — равные партнеры. И для нас огромная трагедия, когда там гибнут люди. Мы хотим выстраивать полноценные отношения как с Арменией, так и с Азербайджаном. Да, есть элементы, причем в каждом случае выстраивания отношений с каждой из этих стран есть нечто такое, что отличает наши отношения с другим партнером. С Арменией это христианство.

¹ Заявление президентов России, США и Франции по Нагорному Карабаху 1 октября 2020 г. Президент России, официальный сайт [http: kremlin.ru-events/president/news/64133](http://kremlin.ru-events/president/news/64133) (дата обращения: 17.10.2022).

Но у нас есть очень тесные связи с Азербайджаном и по другим направлениям.

Что касается религиозной составляющей, я хочу обратить ваше внимание, что почти 15 процентов населения Российской Федерации исповедуют ислам. И даже в этом смысле Азербайджан не чуждая для нас страна.

Но чего мы точно не можем забывать — это то, что происходило в судьбе армянского народа, армянской нации в период Первой мировой войны. Трагедия огромная армянского народа.

В то же время мы понимаем, что такая ситуация, при которой значительная часть территории Азербайджана страной утрачена, не может продолжаться вечно.

Мы созваниваемся с Алиевым и Пашиняном по несколько раз на дню. Никто не заинтересован в урегулировании в Карабахе более чем Россия»¹.

После Карабаха прозвучал вопрос про Эрдогана и особую роль Турции в этой войне. «Эрдоган — человек гибкий, с ним можно найти общий язык, — сказал Путин. — Знаю, что сегодня объемом торгового оборота у нас 20 млрд долларов. Знаю, что Турция реально заинтересована в том, чтобы это сотрудничество продолжалось. Знаю, что президент Эрдоган проводит независимую внешнюю политику. Несмотря ни на какое давление, мы с ним в достаточно короткие сроки реализовали проект «Турецкий поток». С таким партнером не просто приятно, а с таким партнером надежно работается»².

Подписание главами государств Азербайджана, Армении и России совместного заявления от 10 ноября 2020 г. остановило войну и закрепило роль России как единоличного посредника между армянской и азербайджанской сторонами. Согласно документу, под контроль Баку перешли семь районов вокруг Карабаха, включая город Шуша. Азербайджан получил коридор по территории Армении для связи с Нахичеванской автономией, а Армении для связи с Карабахом был оставлен коридор че-

¹ Нагорный Карабах на Валдайском форуме. Ответы В. Путина. 22.10.2020. URL: <http://cwilnet.am/news/378379-нагорный-карабах-на-валдайском-форуме> (дата обращения: 17.10.2022).

² Там же.

рез Лачинский район. В Нагорный Карабах вводились российские миротворцы¹.

После прекращения огня в Нагорном Карабахе 11 ноября 2020 г. главы военных ведомств Турции и России подписали меморандум о создании Совместного российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня и всех военных действий в зоне нагорно-карабахского конфликта (СРТЦ). Как отметил тогда министр обороны России С. Шойгу, СРТЦ «сформирует твердую основу для урегулирования застарелого конфликта».

Совместный российско-турецкий центр находится на территории Азербайджана в непосредственной близости к линии соприкосновения сторон.

30 января 2021 г. министр обороны Азербайджана генерал-полковник З. Гасанов, заместитель главы российского минобороны генерал-полковник А. Фомин, а также заместитель минобороны Турции Ю. Караосманоглу официально открыли центр. Важность работы СРТЦ сложно переоценить. Так, в своем выступлении А. Фомин подчеркнул, что конфликт в Нагорном Карабахе был самым продолжительным и кровопролитным на постсоветском пространстве. А его турецкий коллега Ю. Караосманоглу отметил, что у Москвы и Анкары уже есть успешный опыт совместных действий по поддержанию мира, в частности на территории Сирии².

Президент России В. Путин, говоря о более широкой роли Турции в регионе, подчеркнул, что Анкара действовала в рамках международного права. В интервью российским СМИ Путин указал: «Азербайджан — независимое суверенное государство и вправе выбирать себе союзников так, как он считает нужным».

Глава государства также коснулся темы участия Анкары в миротворческой миссии в Нагорном Карабахе. «Мы договорились о том, что Турция по просьбе Азербайджана будет принимать участие в контроле за соблюдением прекращения огня. Мы делаем это совместно с Турцией, имею в виду, что у нас есть очень хороший опыт взаимодействия на Ближнем Востоке, в том числе

¹ Азербайджан вернул контроль над Карабахом // Независимая газета. 25.12.2020.

² А. Рамм. Беспилотный мир: в Карабахе заработал российско-турецкий центр // Известия. 01.02. 2021.

в Сирии, где мы и в Идлибской зоне, и на границе между Сирией и Турцией вместе организуем совместное патрулирование, конвой», — рассказал президент России.

Отвечая на вопрос о месте расположения центра по мониторингу режима прекращения огня, Путин отметил, что «Азербайджан вправе принять решение самостоятельно, где он посчитает целесообразным его разместить».

Российский лидер подчеркнул, что с точки зрения международного права и Нагорный Карабах, и все прилегающие к нему районы «являлись и являются неотъемлемой частью территории Азербайджанской Республики».

Президент РФ пояснил, что Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) не могла оказать помощь Армении во время боевых действий в Нагорном Карабахе, поскольку на ее территорию никто не посягал. «Договор ОДКБ (о коллективной безопасности) предусматривает взаимную помощь в случае агрессии в отношении территории страны — участницы этого Договора. На территорию Армянской Республики никто не покушался. И это не давало нам никакого права принять прямое участие в этих боевых действиях», — сказал президент России¹.

Парад Победы, организованный 10 декабря 2020 г. в Баку, на котором присутствовали президенты Азербайджана и Турции, стал публичной символической демонстрацией нового уровня их отношений. Война в Нагорном Карабахе 2020 г. — это пик в развитии альянса Баку — Анкара и одновременно свидетельство эрозии постсоветского пространства.

Безусловно, Россия является и в ближайшем будущем останется ключевым игроком в этом регионе, обладающим самым широким набором инструментов, в первую очередь политических и военных. Но ее тактический успех — прекращение боевых действий и размещение своих миротворцев в зоне конфликта — скорее свидетельствует о дипломатическом мастерстве и абсолютной

¹ Путин: Позиция Турции по Карабаху основана на международном праве. 18.11.2020. URL: <http://a.a.can/tr/ru/азербайджан-борьба-за-целостность-путин-позиция-турции-по-карабаху-основана-на-международном-праве/2047275> (дата обращения: 17.10.2022).

воле к сохранению Южного Кавказа в зоне своего исключительного влияния, а не о реальной силе в регионе.

11 января 2021 г. в Москве состоялась встреча лидеров России, Азербайджана и Армении, по итогам которой декларировалась договоренность о создании рабочей группы во главе с вице-премьерами трех стран для разблокировки всех экономических и транспортных связей в регионе. Россия, взявшая на себя лидерство в переговорном процессе, сфокусировалась на том, чтобы не просто говорить о разрешении конфликта, но и с помощью совместных экономических проектов привязать противоборствующие стороны к поискам эффективного мирного решения. Дальнейшее развитие событий показало, что полностью переключить фокус конфликтного урегулирования с геополитики на экономику не получилось. Неурегулированные вопросы безопасности за весь период между январем и ноябрем 2021 г. регулярно давали о себе знать.

По инициативе В. Путина в Сочи 26 ноября 2021 г. состоялась трехсторонняя встреча президентов РФ и Азербайджана и премьер-министра Армении. Как подчеркивал турецкий исследователь Айдын Гювен, на повестке дня стояли такие вопросы, как усиление региональной стабильности, выстраивание новых связей в области экономики и коммуникаций¹.

По итогам 26 ноября 2021 г. появилось очередное совместное заявление. Оно стало третьим с момента наступления перемирия 2020 г. Необходимо уточнить, что все встречи заканчивались не договоренностями, а совместными заявлениями, которые по существу выражали протоколы о намерениях. В заявлении особо подчеркнут «важный вклад российского миротворческого контингента в стабилизацию обстановки и обеспечение безопасности в регионе». Стороны также «условились предпринимать шаги по повышению уровня стабильности и безопасности на азербайджано-армянской границе и вести дело к созданию двусторонней комиссии по делимитации государственной границы между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения

¹ Aydın Güven. Rusya'da Dağlık Karabağ Zirvesi. 29.11.2021. Айдын Гюлер. Саммит в России по Нагорному Карабаху. URL: <http://Iramcenter.org/rusyada-daglik-karabag-zirvesi> (дата обращения: 17.10.2022).

с последующей ее демаркацией при консультативном содействии Российской Федерации по запросу сторон»¹.

В целом хорошей новостью стало достигнутое понимание того, что проведение делимитации границы вместе с разблокированием транспортных коммуникаций должно будет устранить очаг перманентной напряженности на границе. Как бы то ни было, Москва за прошедший год смогла значительно укрепить свое лидерство в деле посредничества между Баку и Ереваном. И обе конфликтующие стороны демонстрируют заинтересованность в российском участии.

13 января 2021 г. президент России В. Путин обсудил в телефонном режиме со своим турецким коллегой Р. Т. Эрдоганом вопрос о формировании российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня и военных действий в Нагорном Карабахе, — сообщила пресс-служба Кремля. В сообщении на сайте Кремля говорится: «Владимир Путин информировал турецкого президента об основных итогах трехсторонней встречи лидеров России, Азербайджана и Армении 11 января 2021 г., на которой был рассмотрен ход реализации заявления по Нагорному Карабаху от 9 ноября 2020 года».

Отмечается, что одним из главных результатов прошедших переговоров стало подтверждение Баку и Ереваном настроя на нормализацию отношений, готовности к практическому взаимодействию в налаживании мирной жизни, разблокированию хозяйственных и транспортных связей.

«Со своей стороны Р. Т. Эрдоган выразил поддержку усилий России в русле нагорно-карабахского урегулирования, высказался за продолжение координации действий России и Турции, в том числе в интересах экономического развития региона и продвижения взаимовыгодных проектов», — сказано в сообщении. Кроме того, Путин и Эрдоган поздравили друг друга с Новым годом и «выразили уверенность, что в наступившем году многоплановое партнерство России и Турции получит дальнейшее развитие»².

¹ Встреча с Ильхамом Алиевым и Николом Пашиняном 26 ноября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67200> (дата обращения: 17.10.2022).

² Путин и Эрдоган обсудили создание Центра в Карабахе 13 января 2021 г. URL: <http://vz.ru/news/2021/131079894.html> (дата обращения: 17.10.2022).

В июне 2021 г. Путин провел телефонный разговор с Эрдоганом, стороны обсудили ситуацию вокруг Нагорного Карабаха и другие вопросы. Тогда турецкий лидер поддержал российские усилия по обеспечению в полном объеме договоренностей, закрепленных в заявлениях президентов России, Армении и Азербайджана от 9 ноября 2020 г. и 11 января 2021 г.

В. Путин и Р. Т. Эрдоган 29 сентября 2021 г. провели переговоры в Сочи. По итогам переговоров президент России заявил, что влияние Турции на ситуацию в Нагорном Карабахе способствует примирению в регионе. По словам главы государства, российско-турецкий центр по контролю за прекращением огня на границе между Азербайджаном и Арменией действует активно. «Это сотрудничество является серьезной гарантией стабильности и согласования позиций сторон по дальнейшим шагам, направленным на примирение», — подчеркнул Путин. «На международной арене мы сотрудничаем достаточно успешно», — сказал президент России. Также глава государства отметил плодотворное сотрудничество Москвы и Анкары по Сирии и Ливии¹.

Можно утверждать, что Вторая карабахская война (27 сентября — 10 ноября 2020 г.) стала новым испытанием для российско-турецких отношений. Активное участие Анкары в войне было во многом обусловлено характером взаимоотношений по осям Турция — Азербайджан и Турция — Россия.

Одной из главных целей, которые ставили перед собой Баку и Анкара, было обеспечение максимально сдержанной позиции Москвы по вопросу не только продвижения азербайджанской стороны, но и активного участия Турции в боевых действиях. И действительно вопрос нейтралитета Москвы был решен в позитивном для Баку и Анкары ключе — Россия до определенного момента не противостояла продвижению азербайджанских войск.

Учитывая тот факт, что статус Нагорного Карабаха не был определен, а его независимость не была признана даже Арменией, официальная ответственность России и в рамках ОДКБ, и в рамках двусторонних отношений не распространялась на зону кон-

¹ Путин отметил положительное влияние Турции на ситуацию в Карабахе 29 сентября 2021 г. URL: <http://iz.ru/1228461/2021-09-29/putin-otwetil-polozhitelnoe-vliianie-turtcii-na-situatciu-v-karabakhe> (дата обращения: 17.10.2022).

фликта. Все эти аспекты обеспечили возможность предоставления относительной свободы действий Баку и соответственно Анкаре. К тому же России необходимо было учитывать изменившуюся роль Азербайджана на Южном Кавказе, ведь теперь после первой карабахской войны Баку стал важным партнером Москвы, начиная со сферы энергетики до гуманитарно-культурных отношений. Российско-турецкое взаимодействие по карабахскому конфликту стало очередным, но одним из наиболее сложных экзаменов принятия решений в кризисных ситуациях.

Перед Россией стояло одновременно несколько задач: укрепить собственный авторитет в регионе и не ввязаться в очередной «горячий конфликт» у своих границ, поддержать союзника и избежать изгнания армянской общины из Карабаха; не оттолкнуть Азербайджан, но и не допустить безоговорочной победы Баку; не допустить увеличения влияния Запада и усиления Турции, но и не испортить отношений с Анкарой. Наконец, удержать за собой стратегическую инициативу в региональных делах и усилить в них свое присутствие.

И близкое к оптимальному решение было найдено — российские миротворцы в Нагорном Карабахе, Москва — ключевой гарант мирного процесса с прицелом на заключение мира и разблокирование регионального транспортного сообщения, подразумевающее включение Армении в международный сухопутный транзит грузов. В итоге принятие нового статус-кво между Арменией и Азербайджаном с участием Турции в качестве наблюдателя стало показателем того, что в современном мире успех урегулирования сложных кризисов возможен, если он опирается на качественную стратегию балансирования интересов.

У Москвы нет ожиданий, связанных с союзническим поведением Анкары, — именно такой настрой позволяет поддерживать баланс взаимных интересов. На текущем этапе личное измерение этих отношений играет, возможно, ключевую роль. За последние годы из всех иностранных лидеров больше всего личных встреч российский президент провел именно со своим турецким коллегой. Оба пришли к власти в начале 2000-х гг. и провели свои страны через серию политических экспериментов, которые не всег-

да находили одобрение на Западе, но вернули Россию и Турцию в высшую лигу мировой политики. Оба представляют собой неприятие для Запада изменений в международном порядке, происшедших после холодной войны, но оба осознают, что в эпоху девестернизации международной системы Россия может стать для Турции ресурсом укрепления собственного стратегического суверенитета, в то время как Турция для России — источником наращивания авторитета великой державы и размывания монолитности позиции Запада.

Подводя итоги, можно утверждать, что сотрудничество России и Турции, двух наиболее влиятельных акторов в регионе, может в конечном счете решить конфликт.

3.2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Турция занимает приоритетное место в системе внешнеэкономических связей РФ. В последние годы XX века российско-турецкие деловые связи, уже имевшие многосторонний и интенсивный характер, развиваясь опережающими темпами, побудили Анкару скорректировать свою политику по отношению к России.

Многое изменилось и в концептуальном осмыслении подходов к отношениям с Турцией и в самой России. Торгово-экономическое сотрудничество стало, таким образом, устойчивым базисом продвижения политического диалога обеих стран в XXI веке.

Одна из основных форм развития экономических связей — двусторонняя торговля.

В структуре российского импорта из Турции основная доля приходится на сельскохозяйственные и продовольственные товары, автозапчасти, текстиль и обувь, продукцию химической промышленности.

Экспортируется в основном энергетическое сырье, продукция нефтепереработки, пшеница, продукция черной металлургии, металлоизделия.

За 2014 г. товарооборот между Россией и Турцией составил 31,1 млрд долл.,¹ а в ходе визита Эрдогана в Москву 23 сентября 2015 г. лидеры двух стран поставили цель достичь 100 млрд долл. к 100-летию Турецкой Республики — к 2023 г.² «Кризис отношений» 2015–2016 гг. серьезно ударил по двусторонней торговле. За 2015 г. товарооборот упал до 23,3 млрд долл., за 2016 — до 15,8 млрд долл., в 2017 г. — 22,1 млрд долл.³

Введенные Указом Президента РФ № 583 от 28 ноября 2015 г. и вступившие в силу с 1 января 2016 г. санкции включали запрет на торговлю рядом продовольственных товаров, сельхозсырья, на деятельность ряда турецких фирм на территории Российской Федерации, предусматривали приостановку работы смешанной межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. В качестве санкций было также приостановлено строительство газопровода «Турецкий поток» и АЭС «Аккую» близ турецкого Мерсина.

После получения В. Путиным письма с извинениями от своего турецкого коллеги санкции постепенно начали сниматься. На встрече В. Путина и Р. Т. Эрдогана в Санкт-Петербурге в августе 2016 г. был разработан план из 12 пунктов по восстановлению отношений. Эрдоган подчеркнул следующее: «Мы хотим вывести наши отношения... на докризисный и даже на более высокий уровень. У нас есть политическая воля к этому. Думаю, что и общество наших стран ожидает от нас именно этого». В. Путин подтвердил решимость восстановить отношения в полном объеме, указав, что «в этой связи мы приняли решение на правительственном уровне подготовить среднесрочную программу торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества на 2016–2019 годы»⁴.

¹ Экономические связи России и Турции. URL: <http://kommersant.ru/doc/4276836>. 04.03.2020 (дата обращения: 15.09.2022).

² Эрдоган: до 2023 г. Россия и Турция могут нарастить товарооборот до 100 млрд долл. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2284933>. 23.09.2015 (дата обращения: 15.09.2022).

³ Торгово-экономические отношения. URL: <http://Turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation> (дата обращения: 15.09.2022).

⁴ Итоги-переговоров-президентов-Путина-и-Эрдогана-в-санкт-петербурге. URL: <https://Путин.ru-an-info/Новости> (дата обращения: 15.09.2022).

Товарооборот России и Турции в 2019 г. вырос на 2,5% и составил 26,1 млрд долл. До кризиса 2015 г. в России работало около 100 турецких строительных компаний, в 2014 г. объем строительных подрядов оценивался в 50 млрд долл. В сентябре 2019 г. Минстрой РФ сообщил об их возвращении на российский рынок после снятия ограничений¹.

В пандемийный 2020 г. российско-турецкий товарооборот, по данным Федеральной таможенной службы России, снизился по сравнению с 2019 г. на 20,2% и составил 20,8 млрд долл., в том числе экспорт — 15,7 млрд долл. (снижение на 25,6%), импорт — 5,1 млрд долл. (рост на 2,7%)². В последующие годы наблюдался уверенный поступательный рост объемов двусторонней торговли до 34,7 млрд долл. в 2021 г. и 68,1 млрд долл. по итогам 2022 г. Таким образом, удалось превысить докризисный уровень объема товарооборота. Проблемой двусторонней торговли является ее устойчиво дефицитный характер для Турции. Так, например, в 2022 г. объем экспорта Турции в РФ составил 9,3 млрд долл. при объеме импорта 58,8 млрд долл.³ Таким образом, дефицит Турции в торговле с РФ составил чуть менее 40 млрд долл. Проблема имеет структурное происхождение: Россия является для Турции крупным поставщиком энергосырья, цены на которое удерживаются на международном рынке на высоком уровне. Вместе с тем турецкий экспорт в Россию пока недостаточно диверсифицирован относительно его современных возможностей. Так, по итогам 2022 г. в поставках в РФ лидировали такие статьи, как цитрусовые, автозапчасти, свежие фрукты и ягоды, тогда как лидерами турецкого экспорта в целом являлись телекоммуникационное оборудование, автозапчасти, лекарственные препараты, автомобили, морские транспортные средства. Возможно, в условиях санкций в отношении РФ следует по-новому оценить экспортный потенциал Турции.

¹ Экономические связи России и Турции. URL: <http://commerciant.ru/doc/4276836>. 04.03.2020 (дата обращения: 15.09.2022).

² Торгово-экономические отношения. URL: <http://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relation/trade-economic-cooperation> (дата обращения: 15.09.2022).

³ Rusya Federasyonu Ülke Raporu 2023. Moskova Büyükelçiliği Ticaret Müşavirliği, 2023. S.3/ URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5bcc5d4813b876034cfec26/RF%20ÜLKE%20RAPORU%20%20-%202023.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

По данным Министерства торговли Турции, по итогам 2022 г. объем накопленных турецких инвестиций в России оценивался в 1,1 млрд долл., а объем российских инвестиций в Турции — более чем в 2 млрд долл.¹ Основной механизм торгово-экономического взаимодействия — смешанная межправительственная Российско-турецкая комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству (МПК). Ее сопредседатели в настоящее время — вице-премьер Российской Федерации А. Новак и министр торговли Турецкой Республики О. Болат. Данная структура действует в рамках Совета сотрудничества высшего уровня, возглавляемого президентами России и Турции. В рамках МПК действуют 7 рабочих групп: по торговле, инвестициям и межрегиональному сотрудничеству, по энергетике, по транспорту, по промышленности, по туризму, по финансовому и банковскому сотрудничеству, исполнительный комитет по сельскому хозяйству.

17-е заседание МПК состоялось в июле 2021 г. в Москве. В ходе заседания комиссии министр торговли Турции М. Муш заявил: «Наш товарооборот, в целом наша торговля определенно сверхограничена, поэтому, чтобы достичь той цели, которую определили наши президенты в 100 млрд долл., нам необходимо действительно определить новые сферы сотрудничества, нам нужно диверсифицировать ее, это очень важно»².

Сопредседатель смешанной межправительственной комиссии, вице-премьер РФ А. Новак сообщил на форуме, что в различных секторах российской экономики работают более 3 тысяч турецких фирм. Он подчеркнул, что в области сельского хозяйства активно развиваются отношения, и Турция в этой области является одним из самых крупных партнеров России. Новак выразил удовлетворение тем, что Министерство здравоохранения Турции одобрило использование в стране прививки «Спутник V» и в ближайшее время готовится ее производство в Турции³. В заключение встречи было подписано соглашение, определяющее дорожную карту по развитию сотрудничества между Россией и Турцией.

¹ Ibid. S.6.

² Известия. 30.07.2021.

³ Ibid.

По итогам встречи президентов России и Турции В. Путина и Р. Т. Эрдогана в Сочи в августе 2022 г. Москва и Анкара договорились вывести сотрудничество на новый экономический уровень. В ходе переговоров Эрдоган отметил, что обсуждались вопросы энергетики, «зернового коридора» через Черное море, туризма, транспорта. «Верю, что мы откроем новую страницу в наших отношениях», — подчеркнул турецкий президент. Владимир Путин, говоря об энергетическом сотрудничестве, заявил про возросшую роль «Турецкого потока»¹.

По итогам встречи было опубликовано совместное заявление, в котором подчеркивалось, что «Несмотря на текущие региональные и глобальные вызовы, лидеры подтвердили общую волю к дальнейшему развитию российско-турецких отношений на основе уважения, признания взаимных интересов и в соответствии с международными обязательствами».

Отмечается, что президенты договорились наращивать объем двусторонней торговли, двигаться навстречу в вопросах экономики и энергетики, а также предпринимать конкретные шаги, которые в течение продолжительного времени оставались на повестке дня обеих стран. К ним относятся транспорт, торговля, сельское хозяйство, промышленность, финансы, туризм и строительство².

По итогам переговоров российской и турецкой делегаций с заявлением также выступил вице-премьер РФ и сопредседатель межправительственной комиссии Александр Новак: «Сегодня в рамках переговоров были достигнуты очень важные решения, которые, по сути дела, выводят на новый уровень развитие наших отношений в торговле, в экономике, практически по всем отраслям». Таким образом, по словам вице-премьера, стороны решают поставленную президентами задачу по достижению уровня взаимного товарооборота в размере \$ 100 млрд

¹ Опубликовано совместное заявление Путина и Эрдогана после переговоров в Сочи. URL: <http://iz.ru/1375655/2022-08-05/opublikovano-sovmestnoe-zaiavlenie-putina-i-erdogana-posle-peregovorov-v-sochi> (дата обращения: 15.09.2022).

² Новый уровень развития отношений: как прошли переговоры Путина и Эрдогана в Сочи 5 августа 2022 г. URL: <http://Russian.rt.com/world/article/1033933-putin-erdogan-peregovory-sochi> (дата обращения: 15.09.2022).

и упрощению процедур, которые позволяют бизнесу развивать отношения в сфере торгово-экономического сотрудничества по всем направлениям.

Зампред правительства уточнил, что эти договоренности касаются транспортной отрасли, промышленности, сельского хозяйства, туризма, IT-технологий, ЖКХ и энергетики. Но-вак сделал акцент на том, что поставленная президентами задача о выводе экономических отношений на новый уровень уже реализуется¹.

Туризм занимает важное место в экономических отношениях между двумя странами. Значительный объем инвестиций и прибыли туристического бизнеса в Турции поставили развитие туризма в число приоритетных вопросов межгосударственного диалога. Развитие туризма стало неотъемлемой частью стратегического партнерства и внесло ощутимый вклад в повышение взаимного доверия. К тому же считается, что дисбаланс в торговле с Турцией перекрывается явным преимуществом Турции в туристической сфере. В 2017 г. количество российских туристов, посетивших Турцию, составило 4,7 млн человек, в 2018 г. — 5,9 млн человек, в 2019 г. количество российских туристов превысило 7 млн человек. Российские граждане вышли на первое место среди иностранных туристов, посетивших Турцию². В связи с пандемией коронавируса в 2020 г. Турцию посетили около 2,13 млн российских туристов, однако они стали лидерами по числу иностранцев в этой стране³. По мере снятия антиковидных ограничений туристический поток из России стал быстро восстанавливаться: по итогам 2021 г. Турцию посетили 4,7 млн туристов из РФ, а по итогам 2022 г. — 5,2 млн⁴.

¹ Россия и Турция договорились вывести экономическое сотрудничество на новый уровень. 5 августа 2022. URL: <http://Tass.ru/ekonomika/15408499> (дата обращения: 15.09.2022).

² Türkiye-Rusya ilişkileri (Российско-турецкие отношения). URL: <http://mfa.gov.tr/turkiye-rusya-siyasi-iliskileri/tr-mfa> (дата обращения: 15.09.2022).

³ Россияне стали лидерами по числу туристов в Турции в 2020 г. URL: <http://rua.ru/20210129/turtsiya-1595152729>. 29.01.2021/ (дата обращения: 15.09.2022).

⁴ Rusya Federasyonu Ülke Raporu 2023. Moskova Büyükelçiliği Ticaret Müşavirliği, 2023. S. 6/ URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5bcc5d4813b876034cfece26/RF%20ÜLKE%20RAPORU%20%20-%202023.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

Энергетическое сотрудничество

В настоящее время энергетический фактор играет в мировой политике важную роль. Экономическая и государственная безопасность в целом зависят от обеспечения энергоресурсами. Энергетический фактор имеет важное значение для социально-экономического развития России и формирования ее внешней политики.

Турция, благодаря своему уникальному географическому положению, является естественным трансконтинентальным мостом между регионами с богатейшими энергоресурсами и их крупным потребителем — Европой и стремится стать транзитным узлом доставки энергетических ресурсов из окружающих ее стран к потребителям.

Россия, заинтересованная в устойчивом экспорте углеводородного сырья, всегда рассматривала Турцию как одного из своих основных партнеров по энергетическому сотрудничеству.

Можно выделить несколько направлений энергетического сотрудничества между двумя странами:

- наиболее активно развивается торговля энергоносителями, в первую очередь поставки российского природного газа в Турцию;
- ведется транзит нефти и нефтепродуктов через турецкие проливы;
- увеличиваются прямые российские инвестиции в энергетический сектор Турции, включая сектор производства электроэнергии, в том числе атомную энергетику, поставки энергетического оборудования и сервисных услуг.

Газовый сектор — безусловный приоритет экономического сотрудничества России и Турции. До 2015 г. поставки российского газа в Турцию непрерывно увеличивались. Газ поступал в страну через Украину по Трансбалканскому газопроводу и газопроводу «Голубой поток», который связывает Россию и Турцию по дну Черного моря. Однако в связи с украинским кризисом поставки газа через Украину были прекращены, и перед Анкарой встала проблема обеспечения национальной энергетической безопасности. После отказа России от сооружения газопровода «Юж-

ный поток» перспективным для России и Турции стал проект газопровода «Турецкий поток». Меморандум о взаимопонимании по строительству «Турецкого потока» был подписан 1 декабря 2014 г. между «Газпромом» и турецкой компанией Botaş Petroleum Pipeline Corporation. Что касается маршрута, то было решено проложить его от компрессорной станции «Русская» по дну Черного моря в западную часть Турции до населенного пункта Кыйыксу близ Стамбула, где начинается сухопутный участок газопровода и он разделяется на две нитки. Первая предназначена для поставок газа в Турцию, а вторая — для поставок газа в Южную и Юго-Восточную Европу и проходит по территории Турции до границы с ЕС¹.

10 октября 2016 г. было подписано Межправительственное соглашение о строительстве газопровода «Турецкий поток». Данное соглашение предусматривало строительство двух ниток газопровода и завершение их строительства до 2019 г.

6 декабря 2016 г. Р. Т. Эрдоган ратифицировал соглашение по «Турецкому потоку». 7 февраля 2017 г. В. В. Путин подписал закон о ратификации Соглашения.

Работы по прокладке газопровода по дну Черного моря продолжались с мая 2017 г. до ноября 2018 г. В декабре 2018 г. Турция получила газ по первой нитке. 1 января 2020 г. Болгария получила топливо по второй нитке, а к 5 января газ дошел до Греции и Северной Македонии, и вторая нитка газопровода была введена в эксплуатацию². С января 2021 г. начались поставки в Сербию и Боснию и Герцеговину, а с октября — в Венгрию.

8 января 2020 г. состоялась торжественная церемония открытия «Турецкого потока» в конгресс-центре «Халич» в Стамбуле. Лидеры России, Турции, Сербии и премьер-министр Болгарии повернули символический вентиль трубы в знак запуска газопровода. В. Путин в ходе своего выступления подчеркнул важность данного проекта не только для России и Турции, но и для южных

¹ Маршрут «Турецкого потока». URL: <http://turkstram.info/ru/project> (дата обращения: 19.09.2022).

² В оба газа: что даст России запуск газопровода «Турецкий поток» // Известия. URL: <https://v-oba-gaza-chto-dast-rossii-zapusk-gazoprovada-tureckii-potok>. 08.01.2020 (дата обращения: 19.09.2022).

и юго-восточных государств Европы, а также особую значимость его успешной реализации в условиях непростой ситуации, сложившейся в мире, которая, однако, не мешает поступательной работе стран-партнеров¹.

Р. Т. Эрдоган в своем выступлении указал, что Россия для Турции — поставщик газа номер один. Их объединяет сотрудничество длительностью в 33 года, за которые Москва поставила Анкаре 400 млрд куб. м газа, что служит примером взаимовыгодного сотрудничества. Эрдоган подчеркнул, что «Турецкий поток» — исторический проект с точки зрения двусторонних российско-турецких отношений и энергетической карты региона².

В декабре 2022 г. глава Минэнерго Турции Донмез заявил: «Турецкий поток» работает почти на полную мощность». Мощность каждой нитки «Турецкого потока» составляет 43–44 млн кубометров в сутки.

Российский газ в Турцию подается также через «Голубой поток», мощность которого сопоставима с одной ниткой «Турецкого потока» — 16 млрд кубометров в год.

В декабре 2022 г. состоялась встреча главы «Газпрома» М. Миллера, президента Турции Р. Т. Эрдогана и министра энергетики Ф. Донмеза. Стороны обсуждали строительство газового хаба на территории Турции³.

Сотрудничество в нефтяной отрасли

Сотрудничество России и Турции в нефтяной сфере достаточно многообразно. Крупнейшая в добывающем секторе турецкая государственная компания ТРАО (Türkiye Petrolleri Anonim Ortaklığı) взаимодействует с российскими компаниями в сфере добычи нефти, в частности, участвует в разработке Байтуган-

¹ URL: <https://v-oba-gaza-chto-dast-zapusk-gazoprovada-tureckii-potok>. 08.01.2020 (дата обращения: 19.09.2022).

² Türkiye'de tarihi gün! Turk Akımı Vanasını dört lider çevirdi CNN Turk. URL: <https://www.cnnturk.com./turkiye/cumhur-baskani-erdogan-ve-putin>. (08.01.2020) (дата обращения: 15.12.2022).

³ Глава Минэнерго Турции: «Турецкий поток» работает почти на полную мощность. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/12/13/glava-minenergo-tucii-tureckiy-potok-rabotaet-na-polnuyu-moshchnost> (дата обращения: 15.12.2022).

ского месторождения в Волго-Уральском регионе, а также входит в консорциум по разработке азербайджанского месторождения Шах-Дениз, в котором участвует и российская компания «ЛУКОЙЛ». «ЛУКОЙЛ» через свою дочернюю компанию работает на турецком рынке розничной торговли нефтепродуктами.

Через проливы Босфор и Дарданеллы, находящиеся под суверенитетом Турции, ежегодно проходит до 150 млн т сырой нефти и нефтепродуктов, по большей части российского производства. Таким образом, Турция является одним из ключевых стратегических партнеров России в мировой торговле нефтью¹.

В последнее время Турция выносит на повестку дня вопрос об ограничении потока танкеров через Черноморские проливы, обосновывая это тем, что их не следует использовать как естественный трубопровод. Другим аргументом является экологический риск, связанный с существующей вероятностью разлива нефти в случае аварий. Политическая подоплека этого вопроса состоит в том, что Турция опасается, что увеличение потока российских танкеров, перевозящих нефть из Новороссийска, будет тормозить развитие энергетического сотрудничества с Казахстаном и Азербайджаном, использующих для поставки нефти турецкие трубопроводы.

Нельзя забывать, что и сама Россия, хотя и ищет пути для того, чтобы разгрузить Черноморские проливы, продолжает настаивать на важности сохранения черноморской артерии. Реализация совместного нефтепровода России, Болгарии и Греции «Бургас–Александруполис» должна была перенаправить нефтепоток в обход турецкой территории.

Однако проект не был реализован, поскольку в конце 2011 г. Болгария вышла из соглашения в связи с экологическими рисками². В настоящее время сложность российско-турецких отношений в вопросе Проливов определяется тем, что хотя Босфор и Дарданеллы по своему правовому статусу и являются между-

¹ В. Лихачев. «Состояние и перспективы российско-турецких отношений в энергетической сфере». 16 декабря 2016 г. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-rossiysko-turetskih-otnosheniy-v-e> (дата обращения: 15.12.2022).

² Болгария отказалась от проекта Бургас-Александруполис. 07.12.2011. URL: <http://www.m2ru/inworld/11/12/07/all> (дата обращения: 15.12.2022).

народными, на них распространяется суверенитет Турции. Это позволяет ей ограничивать свободу судоходства через Черноморские проливы, опираясь на конвенцию Монтрё. Анкара продвигает патронируемый Турцией проект создания новой водной артерии из Черноморского бассейна в Средиземное море — Стамбульский канал, который в случае его реализации должен поставить вопрос о выработке нового международного договора о военном и торговом мореплавании через Проливы. Таким образом, на сегодняшний день судоходство через Проливы, обходные нефтепроводы и военный режим Проливов представляют собой одну из наиболее актуальных проблем в российско-турецких отношениях.

Сотрудничество в области атомной энергетики

Одним из ключевых моментов российско-турецкого сотрудничества в энергетической сфере является участие России в строительстве первой турецкой атомной электростанции «Аккую». Межправительственное соглашение о строительстве станции в средиземноморской провинции Мерсин было подписано в мае 2010 г. Проект предусматривает сооружение четырех энергоблоков по 1200 МВт и последовательное введение их в строй с интервалом в один год с 2023 по 2026 г.¹

Российская компания «Росатом» финансирует строительство турецкой АЭС в обмен на 51-процентную долю в акционерном капитале, а остальные 49% могут быть распределены среди иностранных инвесторов или же международных банковских институтов².

Российские предприятия поставляют основную часть оборудования и высокотехнологичной продукции. В дальнейшем в эксплуатации станции на всех этапах будут участвовать турецкие специалисты, которые прошли обучение в российском вузе МИФИ.

АЭС «Аккую» сможет обеспечить примерно 10% электропотребления Турции и снизит зависимость от нефти, газа и угля. Элек-

¹ Проект строительства АЭС «Аккую». Akkuyu Nükleer A. S. URL: <http://www.akkuyu.com> (дата обращения: 15.12.2022).

² Ждет ли союз России и Турции блестящее будущее. 15.08.2018. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180815/2429999488/html> (дата обращения: 15.12.2022).

троостанция станет важным шагом в усилении энергетической безопасности и ускорит экономический рост страны. Стоимость проекта составляет порядка 20 миллиардов долларов.

О необходимости развивать атомную энергетику в Турции заговорили еще в начале 1970-х годов, однако каких-либо практических результатов в течение тридцати с лишним лет достигнуто не было. Только лишь в 2007 г. был принят закон, регламентирующий условия строительства АЭС в Турции.

После подписания соглашения о строительстве первой атомной электростанции российской стороной на территории Турции была учреждена рабочая группа по данному проекту АО «Аккую Нуклеар» (Akuyu Nükleer A. Ş.).

Из-за кризиса 2015 г., связанного со сбитым российским самолетом, отношения России и Турции заметно ухудшились, что не могло не сказаться на основных сферах сотрудничества двух стран — реализация проекта «Аккую» была частично приостановлена. Но Москва и Анкара смогли преодолеть все противоречия, и в 2016 г. проект был возобновлен. В частности, президент Турецкой Республики выразил намерение способствовать развитию проекта «Аккую» и предоставил ему статус энергетической инвестиции¹.

3 апреля 2018 г. в ходе совместной торжественной церемонии в Анкаре Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган дали начало строительству станции. В 2019 г. началось возведение первого блока, в 2020-м — второго, в 2021-м — третьего, в 2020-м — четвертого.

И, наконец, произошло событие, которого ждали и тщательно готовили в Турции и России: на площадке атомной электростанции «Аккую» 27 апреля 2023 г. была произведена закладка первой партии ядерного топлива. Президент РФ В. Путин и турецкий лидер Р. Т. Эрдоган в режиме видеоконференции приняли участие в церемонии ее доставки на АЭС. По словам российского лидера, реализация проекта способствует укреплению «многопланового партнерства» между двумя государствами. Ввод всей стан-

¹ Эрдоган: РФ и Турция больше не спорят о реализации важнейших энергопроектов. 10.03.2017. URL: <https://regnum. Ru/news/economy 2247809 html> (дата обращения: 29.04.2023).

ции в эксплуатацию запланирован на 2028 г. В общей сложности четыре энергоблока будут вырабатывать 35 млрд квт-ч электроэнергии. По словам экспертов, сотрудничество в атомной сфере способно сыграть роль стабилизатора двусторонних отношений на долгосрочную перспективу¹.

Президент Турции Эрдоган от своего имени и от имени турецкого народа поблагодарил Россию за содействие в строительстве АЭС «Аккую». Об этом он сказал на церемонии доставки первого ядерного топлива на станцию: «Станция «Аккую» — это самая большая совместная с Россией наша инвестиция. Я лично от себя и всего народа моей страны благодарю Россию и президента Владимира Путина. Поздравляю всех российских и турецких сотрудников, которые участвуют в строительстве»².

3.3. Россия и Турция: АСПЕКТЫ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В XXI ВЕКЕ

На сегодняшний день Турция ежегодно тратит около 5 миллиардов долларов на закупку вооружений. С тех пор, как Доктрина Трумэна 1947 г. определила Турцию в качестве ключевого союзника США, Соединенные Штаты стали основным иностранным поставщиком оружия для турецких Вооруженных сил, предоставляя денежную помощь, чтобы Турция могла закупать оружие американского производства³. В 1975 г. Совет национальной безопасности Турции принял первый пятилетний план развития Вооруженных сил, предусматривавший модернизацию и реорга-

¹ «Флагманский проект»: как сотрудничество в сфере АЭС может укрепить отношения Москвы и Анкары. 28.04.2023. URL: <http://Russian.rt/tag/redzp-erdogan> (дата обращения: 29.04.2023).

² Эрдоган от имени турецкого народа поблагодарил Россию за строительство АЭС «Аккую». 27.04.2023. URL: <http://Erdogan-russian.rtcom/world/news/turciya-blagodarnost-rassii> (дата обращения: 29.04.2023).

³ Weitz Richard, Reducing its Dependence on Foreign Arms Suppliers, Turkey Enhances Its Strategic Autonomy. Turkey Analyst. Vol. 3. No. 14. 30.08.2010 // URL: <https://turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/221-reducing-its-dependence-on-foreign-arms-suppliers-turkey-enhances-its-strategic-autonomy.html> (дата обращения: 21.01.2023).

низацию турецкого ВПК¹. Была сформирована концепция военного снабжения, которая предусматривала включение в любые оружейные контракты пункта о налаживании производства современных вооружений и военной техники (ВВТ) в Турции. Отныне партнеры Турции по поставкам ВВТ обязаны были создавать предприятия на территории страны, причем контрольный пакет акций (51%) этих предприятий должен был находиться в руках турецкой стороны. Тем не менее в середине 1980-х гг. турецкие власти по-прежнему закупали большую часть вооружений напрямую на Западе.

В 1990-е — начале 2000-х гг. тренд изменился в сторону совместного производства вооружений. После прихода к власти ПСР турецкое руководство перешло к максимальной локализации производства вооружений на территории Турецкой Республики².

Сегодня Турция последовательно модернизирует свой военно-промышленный комплекс, осваивая новейшие зарубежные и разрабатывая собственные военные технологии, стремясь снизить свою зависимость от иностранных поставщиков. В 2004 г. правительство Турции приняло закон, запрещающий закупки военной техники в готовом виде, за исключением передачи технологий и/или совместного их производства. К 2008 г. Турция достигла 40% самодостаточности³. На 2010 г. был достигнут плановый показатель — 50% отечественной продукции, покрывающей потребности Вооруженных сил в вооружении и военной технике. Согласно официальным источникам Турции, ВПК страны покрывал 52,1% внутреннего спроса. Турция пытается диверсифицировать свое сотрудничество в военно-технической сфере за счет новых партнеров и более выгодных сделок. Россия выглядит в этом плане одним из лучших вариантов⁴.

¹ Турецкая военная машина: сила и слабость. / Под ред. М. С. Барабанова и Р. Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2017. С. 74–75.

² Там же.

³ Russian Arms Exports to Greece, Cyprus and Turkey // URL: <https://www.worldaffairsboard.com/forum/international-defense-geopolitics-discussion/europe-and-russia/25521-russian-arms-exports-to-greece-cyprus-and-turkey>. 10.08.2008 (дата обращения: 19.01.2023).

⁴ Hovsepian L. Turkey and Russia: Military-Technical Cooperation Today and Tomorrow // Central Asia and the Caucasus. 2011. Volume 12. Issue 3. P. 43.

В сфере военно-технического сотрудничества (ВТС) у России и Турции имеется значительный потенциал. Основы российско-турецкого сотрудничества в военной и военно-технической областях были заложены 100 лет назад, когда в апреле 1920 г. основатель Турецкой Республики Кемаль Ататюрк обратился к Советской России с просьбой об установлении дипломатических отношений и оказании помощи. Помимо выделенных 10 млн золотых рублей, в качестве безвозмездной помощи Советская Россия направила в Турцию вооружение и военную технику (винтовки, пулеметы, патроны, гранаты, бронеавтомобили, аэропланы и т.д.)¹.

Новый импульс ВТС получило в 1992 г. Именно тогда была достигнута договоренность о поставках турецкой стороне российского вооружения и военной техники на сумму до 100 млн долл.² В 1993 г. Россия поставила в Турцию 19 вертолетов общего назначения Ми-17В (Hір H), 70 бронетранспортеров БТР-80 и другое вооружение на общую сумму 114 млн долл.³ При этом Турция отказалась от предложенных Россией в 1993 г. зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) С-300⁴. Поставки осуществлялись со стопроцентной оплатой в валюте в год поставки, а также в обмен на российский кредитный долг⁵. Закупаемое российское вооружение предназначалось не для самих ВС Турции, а для оснащения жандармерии в связи с войной правительства против курдских боевиков⁶.

¹ Задонский С. М. Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России и Турции // URL: <http://www.iimes.ru/?p=7556>. 26.09.2008 (дата обращения: 18.01.2023).

² Там же.

³ Russian Arms Exports to Greece, Cyprus and Turkey // URL: <https://www.worldaffairsboard.com/forum/international-defense-geopolitics-discussion/europe-and-russia/25521-russian-arms-exports-to-greece-cyprus-and-turkey>. 10.08.2008 (дата обращения: 19.01.2023).

⁴ İsrail yerine Ruslardan füze alıyruz. Дата обновления: Nisan 11, 2008 // URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/israil-yerine-ruslardan-fuze-aliyoruz-8672522> (дата обращения: 19.01.2023).

⁵ В обмен на российский долг по кредитам, предоставленным Внешэкономбанку России турецким Экимбанком.

⁶ Russian Arms Exports to Greece, Cyprus and Turkey // URL: <https://www.worldaffairsboard.com/forum/international-defense-geopolitics-discussion/europe-and-russia/25521-russian-arms-exports-to-greece-cyprus-and-turkey>. 10.08.2008 (дата обращения: 19.01.2023).

В дальнейшем командование ВВС и ВМС Турции выразило заинтересованность в продолжении закупок вооружений у России, в частности вертолетов Ми-28 и Ка-50, авиационных ракет, десантных катеров и подводных лодок (проекта 636 — Kilo). Российский государственный экспортер вооружений «Росвооружение», со своей стороны, предложил Турции фрегаты, ракетные патрульные катера, истребители МиГ-29, ЗРК С-300 (см. ниже), вертолеты Ка-50 и танки Т-80. Стоимость потенциальных контрактов оценивалась от 400 до 600 млн долл.¹

Выход на рынки вооружений Турции (а также Греции и Кипра) стал одним из крупнейших успехов российских экспортеров вооружений и военной техники в 1990-е гг. Этому способствовали стремление Турции не зависеть от одного поставщика вооружений, курс на диверсификацию источников вооружения и военной техники, периодические ограничения на поставки оружия в Турцию из-за конфликта с курдами. Свою роль сыграли и опасения Турции, что Конгресс США и некоторые европейские страны могли запретить своим производителям оружия продавать его Турции, а также поиск более дешевых вариантов поставки вооружения². Как отмечают турецкие эксперты, Россия и Турция изучали возможности для военного сотрудничества, в то время как европейские и американские союзники Турции не хотели предоставлять ей военные технологии и оборудование, которые Анкара считала необходимыми в разгар борьбы Турции с курдской организацией РПК в 1990-х гг.³

В мае 2001 г. с целью придать ВТС двух стран более стабильный и долгосрочный характер была создана Смешанная российско-турецкая комиссия по ВТС⁴. 13 февраля 2009 г. в ходе официального визита президента Турции Абдуллы Гюля в Россию в совместной декларации «О продвижении к новому этапу отно-

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Şener A. Russian–Turkish Relations in the 21st Century, 2000–2012 // Russian Analytical Digest. No. 125, 25 March 2013 // URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-125-2-5.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).

⁴ Hovsepian L. Op. cit. P. 41.

шений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой» отмечалось, что Россия и Турция «придают особое значение обеспечению результативной работы Смешанной Межправительственной Российско-Турецкой комиссии по сотрудничеству по военно-техническим вопросам и в области оборонной промышленности... Достижение договорённостей по ожидающим решения вопросам военно-технического сотрудничества между двумя странами откроет возможности для более широкого взаимодействия в этой сфере»¹.

В январе 2002 г. в ходе визита в Турцию начальника Генерального штаба ВС РФ Анатолия Квашнина стороны подписали «Рамочный документ о сотрудничестве в военной сфере» и российско-турецкий договор «О сотрудничестве в области подготовки и обучения военного контингента». Позже в том же году начальник Генерального штаба ВС Турции Хусейн Кыврыкоглу посетил Москву с ответным визитом². В сентябре 2002 г. в Анкаре и в ноябре 2003 г. в Москве прошли два заседания Комиссии. В апреле 2004 г. Россия и Турция подписали межправительственное соглашение о военно-техническом и оборонно-промышленном сотрудничестве — первый подобный документ между Москвой и страной НАТО, в соответствии с которым российская сторона должна была поставлять и модернизировать большое количество вооружений для Вооружённых сил Турции³. В декабре того же года в ходе первого официального визита в Турцию президента РФ В.В. Путина были подписаны ещё два важных документа по вопросам сотрудничества в области ВТС. Это межправительственное Соглашение о взаимной охране интеллектуальной собственности в сфере ВТС и межправительственное Соглашение о взаимной защите секретной информации в области ВТС, которые были призваны укрепить договорно-правовую базу для возможных совместных разработок и поставок продукции военного назначения. Подписав эти

¹ Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. 13.02.2009// URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 18.01.2023).

² Novsepan L. Op. cit. P. 41.

³ Ibid. P. 40.

документы, Турция вновь стала первой страной — членом НАТО, поддерживавшей заключение с Россией подобных соглашений по этой проблематике¹. К концу 2000-х гг. объемы российских поставок вооружений и военной техники в Турцию составили порядка 200 млн долл. (в основном боеприпасы, комплектующие и запасные части). Все это свидетельствовало о поступательном движении в сфере ВТС России и Турции².

Несмотря на то, что турецкая армия оснащается по стандартам НАТО, Россия имеет шансы прорваться на турецкий военный рынок. Так, в конце нулевых Россия предлагала Турции ряд конкретных проектов в военно-технической сфере: лицензионное производство и сборка на предприятиях турецкого ВПК российских танков (Т-80/Т-90 с адаптированной по стандартам НАТО 120-мм пушкой); производство в России для Турции противотанковых ракетных комплексов малой и средней дальности; интегрирование российского зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) «Стрелец» с аналогичной системой, производимой компанией турецкого ВПК «Aselsan» и т. д.³.

В январе 2007 г. Исполнительный комитет оборонной промышленности Турции (SSIK) объявил тендер на поставку противотанковых ракетных установок большой дальности, в котором приняли участие как местные, так и иностранные (прежде всего американские) компании. Сумма сделки между Минобороны Турции и Тульским конструкторским бюро составила 100 млн долл. Российские эксперты в связи с этим подчеркивали, что предоставление России по результатам тендера противотанкового контракта открывает новый этап в российско-турецких отношениях, хотя и обращали внимание на то, что ЗРК С-400 не соответствовали стандартам НАТО. Отмечалось, однако, что аналогичные системы используются в Греции (членом НАТО)⁴.

¹ Первая договоренность о поставках турецкой стороне российского вооружения и военной техники была достигнута в 1992-м (см. выше).

² Задонский С. М. Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России и Турции // URL: <http://www.iimes.ru/?p=7556>. 26.09.2008 (дата обращения: 18.01.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

Тем не менее первые контакты не переросли в долгосрочное сотрудничество, поскольку Турция часто использовала ВТС с Россией как средство косвенного давления на Запад, чтобы тот активизировал свои связи с Анкарой и способствовал более быстрому и дешевому перевооружению страны¹. Отношения охладились из-за войны в Чечне, а также в связи с разногласиями по поводу режима проливов. Имело место и американское давление. Так, в 2009 г. на Анкару, которая хотела приобрести российские вертолеты Ка-50-2, было оказано мощное давление из Вашингтона². В итоге Турция заявила о решении купить американские аналоги АН-1Z «Суперкобра».

Кроме того, ВТС с Турцией имеет некоторые ограничения, связанные с национальной безопасностью России. Начиная с середины 1990-х гг. наращивание военной помощи Турции в условиях снижения боеспособности российских ВС склонило военный баланс в черноморском бассейне в пользу Турецкой Республики³. В свете этого экономическая выгода от ВТС была ограниченной, поскольку стоимость восстановления военного паритета с Турцией на военно-морском уровне была намного выше потенциальной валютной выручки от продажи оружия⁴.

В конце 1990-х гг. в российском руководстве стал преобладать иной взгляд на ВТС и оборонно-промышленное сотрудничество с Турцией — оба эти направления стали считаться достаточно перспективными. В ходе указанного вертолетного тендера 2009 г. Россия сделала ряд серьезных уступок: предоставление Турции права самостоятельно экспортировать вертолеты Ка-50, произведенные по российской лицензии; предложение поста-

¹ Russian Arms Exports to Greece, Cyprus and Turkey // URL: <https://www.worldaffairsboard.com/forum/international-defense-geopolitics-discussion/europe-and-russia/25521-russian-arms-exports-to-greece-cyprus-and-turkey>. 10.08.2008 (дата обращения: 19.01.2023).

² Задонский С. М. Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России и Турции // URL: <http://www.iimes.ru/?p=7556>. 26.09.2008 (дата обращения: 18.01.2023). Речь шла о реализации 1,5–2,0 млрд долларов (там же).

³ Russian Arms Exports to Greece, Cyprus and Turkey // URL: <https://www.worldaffairsboard.com/forum/international-defense-geopolitics-discussion/europe-and-russia/25521-russian-arms-exports-to-greece-cyprus-and-turkey>. 10.08.2008 (дата обращения: 19.01.2023).

⁴ Ibid.

вить часть вертолетов в счет погашения долга России перед Турцией (см. выше)¹.

Итак, Россия была готова пойти на беспрецедентные уступки, видимо, в надежде сыграть на различиях в позициях Турции и западных экспортеров вооружений и наладить оборонно-промышленное сотрудничество. Однако этот подход не удался. Свою роль в начале нулевых годов сыграло и улучшение экономического положения РФ. По словам турецких экспертов, увеличение ВВП и соответственно военной мощи России с 2000 по 2008 г. вдвое по сравнению с аналогичными показателями Турции способствовало некоторому ухудшению российско-турецких отношений².

Таким образом, не все планы по стимулированию продаж российского оружия реализованы. Как считают эксперты, это было связано как с объективными причинами, так и с просчетами самих российских экспортеров. Например, результаты тендеров в Турции и Греции (на истребители в Греции и боевые вертолеты в Турции) показали, что российские эксперты недооценивают силу влияния США на своих союзников по НАТО. Значение привычных разногласий в американо-турецких отношениях было преувеличено, особенно когда речь шла об оценках позиции Конгресса США по ограничению поставок вооружений в Турцию. Как показывает практика, конгрессмены всегда идут навстречу ВПК и смягчают свою позицию, когда приближается крупная сделка. Позиция Госдепартамента аналогична позиции Конгресса³.

Тем не менее, несмотря на ряд неудач, оборонные предприятия и главный экспортер вооружений страны — госкомпания «Рособоронэкспорт» (преемница «Росвооружения»), участвуя в тен-

¹ Ibid. В результате снижение начальной цены вертолета поставило под вопрос рентабельность производства вертолетов.

² Şener A. Russian–Turkish Relations in the 21st Century, 2000–2012 // Russian Analytical Digest. No. 125. 25 March 2013 // URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-125-2-5.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).

³ Russian Arms Exports to Greece, Cyprus and Turkey // URL: <https://www.worldaffairsboard.com/forum/international-defense-geopolitics-discussion/europe-and-russia/25521-russian-arms-exports-to-greece-cyprus-and-turkey>. 10.08.2008 (дата обращения: 19.01.2023).

дерах, приобретала опыт, пригодившийся в будущем. При этом следует учитывать, что российские системы вооружения выигрывают тендеры прежде всего благодаря своим высоким, а порой и уникальным тактико-техническим характеристикам. Преимуществами российского оружия являются его надежность, простота в эксплуатации и обслуживании, сравнительно невысокая цена. Весьма важно, что в ходе тендеров на боевые вертолеты для Турции Россия использовала методы честной конкуренции. Эти усилия не остались незамеченными: Турция не только не отстранила Россию от участия в тендере (что было возможно, учитывая ее негативную реакцию на продажу Россией ЗРК С-300 Кипру), но и помогла добиться успеха. Вертолет Ка-50-2 успешно прошел все тендерные испытания и попал в шорт-лист¹.

По мнению российских специалистов, нельзя также упускать из виду и турецкий рынок бронетанковой техники. Хотя в нулевые годы западноевропейские государства выставили на тендер такие современные танки, как «Леклерк» (Франция) и «Леопард»-2А4 (ФРГ)², российский «Рособоронэкспорт» предлагал не уступающий своим западным аналогам (а по некоторым показателям и значительно превосходящий) Т-80У (Т-80ТД) с современными системами защиты и со 120-мм пушкой под стандартные боеприпасы НАТО³. В 2008 г. Исполнительный комитет оборонной промышленности Турции под председательством премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана принял решение начать переговоры с «Рособоронэкспортом» по проекту современного противотанкового оружия средней дальности⁴.

¹ Russian Arms Exports to Greece, Cyprus and Turkey // URL: <https://www.worldaffairsboard.com/forum/international-defense-geopolitics-discussion/europe-and-russia/25521-russian-arms-exports-to-greece-cyprus-and-turkey>. 10.08.2008 (дата обращения: 19.01.2023).

² В первое десятилетие XXI в. Турция стала ведущим импортером оружия немецкого производства.

³ Задонский С. М. Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России и Турции // URL: <http://www.iimes.ru/?p=7556> 26.09.2008 (дата обращения: 18.01.2023).

⁴ Şener A. Russian–Turkish Relations in the 21st Century, 2000–2012 // Russian Analytical Digest. No. 125, 25 March 2013 // URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-125-2-5.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).

Особую роль сыграла в российско-турецких отношениях история закупки ЗРК С-400¹. Турция начала работу над системой ПВО большой дальности в 2006 г. На тендер 2007 г. (см. выше) подали заявки многие страны, в том числе США, Китай, Израиль и Россия. Турецкая печать положительно отнеслась к тому, что Россия, предложившая на тендере системы С-300 и С-400 против ракет Patriot США и израильских ракет Arrow, отстаивала мнение о том, что следует выбрать одну страну и одну систему. В России был закуплен ракетный комплекс типа «Корнет-Э» с лазерным наведением и дальностью 5500 м.² Подчеркивалось, что С-400 «Триумф», предназначенный для перехвата и уничтожения воздушных целей на расстоянии до 400 километров (250 миль), в два раза превосходит американский аналог MIM-104 Patriot и в 2,5 — американский MIM-104 Patriot³.

На выставке вооружений IDEF 2009 г., прошедшей в Стамбуле 27–30 апреля⁴, Россия представила более 120 образцов вооружений. Старший советник гендиректора «Рособоронэкспорта» Анатолий Аксенов, возглавлявший российскую делегацию, сказал, что возможные поставки С-400 в Турцию обсуждались в ходе переговоров с заместителем министра обороны Турции Муратом Байяром⁵. У Турции есть серьезные основания диверсифицировать военные закупки. В случае столкновения с Грецией у нее нет уверенности, что американские ЗРК «Patriot» будут работать исправно, т.е. без вмешательства США⁶.

В итоге в 2017 г. Москва и Анкара заключили контракт на поставку С-400. Турция стала первой страной НАТО, которая купила эти системы. США потребовали отказа от С-400 и исключили

¹ Зенитная ракетная система большой и средней дальности.

² İsrail yerine Ruslardan füze alıyruz. Дата обновления: Nisan 11, 2008 // URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/israil-yerine-ruslardan-fuze-alıyruz-8672522> (дата обращения: 19.01.2023).

³ A.g.e.

⁴ Выставка проводится раз в два года турецкой оборонной промышленностью с 1993 г.

⁵ Turkey to buy S-400 air defense systems from 27.04.2009 // URL: <https://defenceforumindia.com/threads/turkey-to-buy-s-400-air-defense-systems-from-russia.1486/> (дата обращения: 19.01.2023).

⁶ Графов Д. Б. Лоббирование интересов Турции в США при администрации Д. Трампа // Восточная аналитика. 2020. Вып. 4. С. 173.

Турцию из программы производства истребителя F-35, а также ввели против Анкары санкции (см. ниже)¹. В обмен на их снятие Вашингтон предложил отдать С-400 Украине и приобрести американскую систему ПВО «Patriot»². Турция говорила, что, несмотря на ограничения, продолжит закупать С-400 у России. В противовес НАТО она утверждала, что С-400 не будут интегрированы в системы НАТО и не представляют угрозы для Альянса³. При этом Анкара по-прежнему рассматривала сотрудничество с Москвой как инструмент давления на США, ожидая уступок в цене и передаче технологий. В июле 2019 г. США объявили, что Турция не получит 100 истребителей малой заметности F-35, которые она планировала приобрести, и больше не будет производить компоненты для F-35, если не откажется от российского ЗРК С-400⁴.

Тем не менее, возвращаясь с переговоров с президентом РФ Владимиром Путиным в Сочи, 30 сентября 2021 г. Р. Эрдоган подтвердил, что процесс по С-400 будет продолжен⁵. 16 августа 2022 г. глава Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) России Дмитрий Шугаев сообщил, что накануне был подписан контракт на поставку Турции второго полка зенитных ракетных систем (ЗРС) С-400, в его рамках предполагается локализация производства (на территории Турции — А. Б.) отдельных компонентов системы. Когда был заключен контракт, уточнено не было.

Одновременно в период возвращения в Анкару после сочинских переговоров Р. Эрдоган не исключил, что Анкара может на-

¹ Кеффер Л. Турция подписала контракт на поставку второго полка С-400 // Коммерсантъ. 16.08.2022 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5513852> (дата обращения: 25.01.2023).

² Графов Д. Б. Лоббирование интересов Турции в США при администрации Д. Трампа // Восточная аналитика. 2020. Вып. 4. С. 172, 173.

³ Стародубцев И. И. К вопросу о закупке и модернизации Турцией истребителей F-16. Часть 2. 19 июня 2022 // URL: <http://www.iimes.ru/?p=87035> (дата обращения: 25.01.2027).

⁴ Графов Д. Б. Лоббирование интересов Турции в США при администрации Д. Трампа // Восточная аналитика. 2020. Вып. 4. С. 172.

⁵ Эрдоган не исключил, что Турция может начать сотрудничество с РФ в вопросе судостроения. Президент Турции также отметил, что процесс по С-400 продолжается // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12543931> (дата обращения: 25.01.2023).

чать сотрудничать с Москвой в ряде сфер, включая судостроение и строительство реактивных двигателей для истребителей¹. Что касается судостроения, то реальные планы турецкого президента на этот счет сомнительны, так как в отношении судостроения Анкара, по мнению ряда экспертов, вполне самодостаточна, имея собственное развитое судостроение². Что до сотрудничества в военно-авиационной сфере, то во время посещения авиасалона МАКС-2019 вместе с Владимиром Путиным в августе 2019 г. Р. Эрдоган проявил интерес к боевым самолетам ОКБ Сухого. После этого турецкий президент заявил, что не исключает возможность покупки Су-35 и Су-57 вместо американских F-35, из программы создания которых Анкара была исключена после сделки с РФ по С-400³. В марте 2021 г. пресс-секретарь Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) России Валерия Решетникова заявила, что Россия готова к проведению переговоров с Турцией по вопросу возможной поставки истребителей Су-35 и Су-57 в случае поступления от Анкары соответствующей заявки⁴.

Тема развития и модернизации самолетного парка ВВС на сегодняшний день является для Турции стратегической. При этом решение задачи не терпит отлагательств. Дело в том, что Греция активно вооружается западными партнерами. В течение 35 лет центральным элементом турецких ВВС был истребитель F-16, который вполне удовлетворял потребности Турции, однако технологические достижения и усиление региональной конкуренции создали острую необходимость модернизации стареющего пар-

¹ Там же.

² Стародубцев И. И. К вопросу о закупке и модернизации Турцией истребителей F-16. Часть 1. 18 июня 2022 // URL: <http://www.iimes.ru/?p=87035> (дата обращения: 25.01.2023). Согласно другому мнению, основным источником финансирования программ по переоснащению турецких ВМС продолжает оставаться военная помощь, оказываемая Турцией Германией, США и другими странами НАТО (Ганиев Т. А., Задонский С. М. Военная мощь Турецкой Республики. Т. II. М.: ИБВ, 2018. С. 54).

³ Эрдоган не исключил, что Турция может начать сотрудничество с РФ в вопросе судостроения. Президент Турции также отметил, что процесс по С-400 продолжается. 30.09.2021. // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12543931> (дата обращения: 25.01.2023).

⁴ Там же.

ка. Возможное изменение баланса сил в регионе в пользу Греции становится причиной нарастающей озабоченности Турции, которая пытается находить выход из сложившейся ситуации (см. выше)¹. В том числе переориентацией на альтернативных партнеров². Несмотря на это, турецкие обозреватели отмечали, что в неофициальных разговорах признавалось, что «геополитически» было бы неправильно обращаться в сторону российской техники. В результате в октябре 2021 г. правительство Турции запросило у США F-16 и комплекты для модернизации уже имеющегося парка. 16 января 2023 г. стало известно, что США решили продать 40 новых истребителей, а также комплекты для модернизации уже стоящих на вооружении Турции 79 самолетов этого типа. Сделка должна составить 6 млрд долл. Однако заключить сделку США готовы только в случае согласия Анкары включить новые страны (Швецию и Финляндию) в НАТО³.

Таким образом, динамика военно-технического сотрудничества России и Турции пока оставляет желать лучшего. В этой связи следует говорить не об устоявшихся направлениях российско-турецкого сотрудничества, а об отдельных аспектах ВТС России и Турции, имеющих локальный и нестабильный характер. Одним из недостатков ВТС России и Турции является отсутствие долгосрочного характера. История с поставками С-400 — скорее исключение из правил. Турция остается прежде всего страной НАТО, которая пытается использовать сотрудничество с Россией для улучшения своего положения в рамках Альянса.

Нестабильность военно-технического сотрудничества России и Турции видна на примере турецко-украинских взаимоотношений в этом вопросе. Турция имеет давние связи в области оборонного сотрудничества с Киевом. В 2021 г. турецкая оборонная компания Aselsan подписала сделку по модернизации украинских

¹ 16 января 2023 было обнародовано решение правительства США о продаже Греции 30 истребителей F-16.

² Стародубцев И. И. К вопросу о закупке и модернизации Турцией истребителей F-16. Часть 1. 18 июня 2022 // URL: <http://www.iimes.ru/?p=87035> (дата обращения: 25.01.2023).

³ В США выступили против продажи Турции истребителей F-16. 16.01.2023. // URL: https://lenta.ru/news/2023/01/16/f16_vozrazhaet/ (дата обращения: 27.01.2023).

систем ПВО. 11 марта 2022 г. министр обороны Украины Алексей Резников сообщил в Facebook, что его страна получила новую партию турецких вооруженных беспилотников (БПЛА) Bayraktar TB2, готовых, по его словам, к бою. В этой связи отметим, что экспорт вооружения и военной техники Турции на Украину за первые два месяца 2022 г. (т.е. уже в условиях российской военной операции) по сравнению с 2021 г. увеличился почти в 5,5 раза. По данным Министерства обороны РФ, к концу марта прошлого года из 50 уничтоженных украинских дронов как минимум 10 являлись беспилотными летательными аппаратами турецкого производства¹. Помимо этого, ряд экспертов утверждает, что Турция продает также Украине «умные боеприпасы» для атак беспилотников. Во время боев за Херсон 24 февраля — 3 марта 2022 г. российская армия захватила некоторое количество турецкой военной амуниции, в частности детали радиостанции фирмы Aselsan².

Хотя правительство Турции делает вид, что не имеет отношения к вооружению Украины, чтобы не осложнять отношений с Россией, РФ придает большое значение присутствию на турецком рынке вооружений. В то же время опыт военно-технического сотрудничества с Турцией показал, что Россия не должна жертвовать своими экономическими и политическими интересами ради расширения номенклатуры поставок. У российских оборонных компаний на сегодняшний день достаточно опыта и ресурсов, чтобы лоббировать выгодные контракты, используя в том числе противоречия внутри НАТО.

¹ Щегловин Ю. Б. Об экспорте Турцией вооружения и военной техники на Украину. 11 марта 2022. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=84252> (дата обращения: 01.03.2023).

² Там же.

Глава 4. Западный вектор внешней политики Турции

4.1. Турция и США в период ПСР

В период правления ПСР развитие турецко-американских отношений происходило по замысловатой траектории: от попыток поиска новой модели партнерства до роста напряженности, прежде всего в связи с различными подходами сторон к конфликтам на Ближнем Востоке. Впрочем, отношения двух стран никогда не были простыми. На протяжении многих десятилетий США считались ключевым военно-политическим партнером Турции, позиция которого учитывалась при выработке турецкой политики на различных направлениях. Тем не менее между Турцией и США нередко возникали противоречия, несмотря на продвинутое сотрудничество двух стран, в первую очередь в сфере безопасности.

По мнению турецкого политолога Мурата Йешилташа, членство Турции в НАТО обусловило стратегический рационализм турецко-американских отношений, а биполярность определила геополитические приоритеты Анкары. Однако после окончания «холодной войны» возникла новая геополитическая реальность, в которой региональные кризисы превратили Турцию из «фланговой страны» в «прифронтовую страну». Эта ситуация отразилась и на турецко-американских отношениях, вступивших в полосу необъявленной напряженности, которую стороны долго пытались держать под контролем¹.

В свою очередь, известный турецкий политик и профессор международных отношений, бывший министр иностранных дел

¹ Yeşiltaş M. Türk-Amerikan İlişkilerinde Tarihsel Döngü. Kriter Dergisi. Temmuz-Ağustos 2021 / Yıl 6, Sayı 59. URL: <https://kriterdergi.com/dis-politika/turk-amerikan-iliskilerinde-tarihsel-dongu> (дата обращения: 20.02.2023).

Ахмет Давутоглу полагает, что на новом этапе Турция и США начали использовать свое двустороннее сотрудничество, в том числе в рамках НАТО, с целью укрепления собственных позиций на мировой арене. Анкара стала рассматривать связи с США и НАТО в качестве альтернативы пробуксовывавшим отношениям с Евросоюзом. В то же время Вашингтон задействовал «турецкий фактор» для преодоления разногласий с некоторыми европейскими странами в подходах к таким регионам, как Балканы, Восточная Европа и Ближний Восток. Одновременно турецко-американские отношения превратились в инструмент реализации глобальных и региональных миссий НАТО, а также продвижения стратегических интересов США за пределами зоны ответственности альянса¹.

Приход к власти в Турции происламской партии вызвал новую попытку обновить взаимодействие, однако различные подходы к конфликтам на Ближнем Востоке и ряд других вопросов стали серьезным испытанием для турецко-американского партнерства.

Региональные противоречия и поиски новой модели отношений

В США позитивно восприняли приход к власти в Турции в конце 2002 г. Партии справедливости и развития, которая выразила намерение продолжать тесное сотрудничество со странами Запада, выполнять союзнические обязательства в рамках НАТО и проводить реформы, необходимые для вступления в Евросоюз. Новым аспектом турецко-американских отношений стала готовность Вашингтона к тесному сотрудничеству с турецким политическим исламом. Ранее союз между Анкарой и Вашингтоном строился с опорой на светскую военную и гражданскую элиту Турции, считавшуюся основным сторонником европейского пути развития и союза с Западом.

Турция под руководством происламской партии, которая пришла к власти электоральным путем и придерживалась прозападного курса во внешней политике, опровергала тезис о неизбежном «столкновении цивилизаций» и могла служить для США

¹ Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2010. S. 234–235.

опорой при реализации стратегии «продвижения демократии» в исламском мире. В этой связи для Вашингтона повысилась значимость не только географического положения Турции, но также ее политического устройства, религиозной идентичности и культуры¹.

В свою очередь, ПСР в первое время была нацелена на проведение внешней политики, гармонирующей с политикой США и евро-атлантических структур в целом. Основная причина этого, по мнению турецкого политолога Али Дарыджылы, заключалась в том, что новому правительству была необходима поддержка Запада на фоне внутривнутриполитических проблем, с которыми пришлось столкнуться ПСР².

Вместе с тем довольно скоро в турецко-американских отношениях стали проявляться противоречия, и в основном они касались вопросов внешней политики.

Первый кризис доверия произошел уже в марте 2003 г., когда турецкий парламент не позволил Вашингтону открыть второй фронт против Ирака, воспользовавшись территорией Турции. Турецкие власти не решились скомпрометировать себя участием в войне против мусульманского государства на стороне Запада, особенно в условиях сильных антивоенных настроений в обществе. По данным турецких опросов общественного мнения, от 85 до 94% населения выступало против нанесения ударов по Ираку, против участия Турции в войне и против любой формы помощи США³.

Широкий резонанс в Турции вызвало происшествие в северо-иракском городе Сулеймания в июле 2003 г., получившее в обществе название «Инцидент с мешком» (Çuval Olayı). Американские солдаты ворвались в здание, где размещались турецкие военные, и арестовали 11 офицеров, обвинив их в подготовке покушения на губернатора города Киркук — курда по национальности. Офи-

¹ Uzgel, İlhan. ABD ve NATO'yla İlişkiler /Türk Dış Politikası. Cilt III: 2001–2012. Ed.: Baskın Oran. İstanbul, 2013. S. 253.

² Darıcı, Ali Burak. Türk Dış Politikası ve ABD İlişkileri / Türk Dış Politikası. Ed.: Hasan Acar. Ankara, 2020. S. 296.

³ Dağıstanlı, Mustafa Alp. Irak Savaşı'nda Türk Dış Politikası / Birikim Dergisi. Sayı: 169. Mayıs 2003. S. 66.

церам надели на руки наручники, на головы мешки и на глаза у местного населения увезли. В Турции факт задержания турецких военных «американскими союзниками», а также способ его осуществления были найдены оскорбительными. Турецкий МИД потребовал немедленного освобождения военнослужащих, заявив, что данное происшествие может негативно отразиться на отношениях между Анкарой и Вашингтоном¹.

Отказ Анкары поддержать американские военные планы в начале 2003 г. вызвал стремление Вашингтона «вытеснить» Турцию из северного Ирака. Контроль над этим районом представлял для Анкары важность в свете борьбы с боевиками Рабочей партии Курдистана (РПК) и предотвращения угрозы сепаратизма иракских курдов, потенциально способного привести к обострению курдской проблемы в Турции.

В то же время затянувшаяся нестабильность в Ираке определяла рост взаимной заинтересованности Анкары и Вашингтона в сотрудничестве. Турция была озабочена террористической активностью РПК, отряды которой базировались в северном Ираке. Интересам США отвечала готовность Анкары принимать участие в поддержании порядка в Ираке после вывода армии США.

В июле 2006 г. Турция и США согласовали общее видение и направления диалога, нацеленного на развитие стратегического партнерства двух стран. В число приоритетных сфер сотрудничества вошли стремление к достижению стабильности и установлению демократии в Ираке, борьба с терроризмом, включая РПК и связанные с ней организации, а также палестино-израильское урегулирование и иранскую ядерную проблему².

Когда в октябре 2007 г. парламент Турции принял решение о возобновлении трансграничных военных операций против боевиков РПК, скрывающихся в северном Ираке, руководство

¹ Kerkük'te Amerikan Askerlerince Gözaltına Alınan 11 Türk Silahlı Kuvvetleri Mensubu. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 111, 5 Temmuz 2003. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_111_-_5-temmuz-2003_kerkuk_te-amerikan-askerlerince-gozaltina-alinan-11-turk-silahlı-kuvvetleri-mensubu.tr.mfa (дата обращения: 22.02.2023).

² Shared Vision and Structured Dialogue to Advance the Turkish-American Strategic Partnership. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/DISPOLITIKA/SharedVision.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).

США воздержалось от активных возражений, что позволило турецкой армии в 2008 г. провести несколько крупных антитеррористических операций. Таким образом, к моменту выборов нового президента США Барака Обамы (ноябрь 2008 г.) Анкаре и Вашингтону удалось смягчить негативное влияние иракского кризиса на свои двусторонние отношения, хотя дефицит доверия сохранялся.

После прихода к власти новой американской администрации Вашингтон предпринял попытку «перезагрузки отношений» с Анкарой. Символическим шагом в данном направлении стал визит в Турцию нового президента Обамы в апреле 2009 г., носивший характер первой заокеанской поездки нового американского лидера. Руководство двух стран выразило готовность к ревизии двусторонних отношений и поиску новых основ сотрудничества. На совместной пресс-конференции с президентом Турции Абдуллахом Гюлем Б. Обама заявил, что турецко-американские отношения могут стать «моделью партнерства» между государством, большинство населения которого составляют христиане, и государством с преимущественно мусульманским населением¹.

В выступлении американского президента были сделаны акценты на мусульманской идентичности Турции и на том, что турецко-американское партнерство является союзом двух цивилизаций, разделяющих «универсальные демократические ценности». В последующие годы понятие «модель партнерства» прочно утвердилось в качестве характеристики турецко-американских отношений, несмотря на отсутствие четкого определения его содержания. В лексиконе турецких политиков, политологов и журналистов возникло понятие «турецкая модель», означающее соединение прозападных реформ с исламской культурной идентичностью по образцу того, как это осуществляется в Турции.

С началом «арабской весны» турецко-американское сотрудничество на Ближнем Востоке получило новое наполнение. США стремились опереться на Турцию в вопросе продвижения «де-

¹ Joint Press Availability With President Obama And President Gul Of Turkey. Ankara. April 6, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/joint-press-availability-with-president-obama-and-president-gul-turkey> (дата обращения: 22.02.2023).

мократизации» региона, чтобы избежать возможных обвинений в искусственном насаждении западных ценностей на Ближнем Востоке. Для Турции солидарность с Вашингтоном в подходе к событиям «арабской весны» была необходимым элементом общей стратегии Анкары, направленной на региональное лидерство и укрепление своих позиций в глобальном масштабе. В соответствии с этими задачами турецкое руководство сделало ставку на поддержку антиправительственных движений, рассчитывая на востребованность «турецкого опыта» демократизации исламских обществ, распространение которого позволило бы Анкаре резко повысить свой региональный статус.

Сирийский кризис оказался тем эпизодом «арабской весны», который открыл наиболее широкие возможности для турецко-американского взаимодействия. Обращает на себя внимание тот факт, что премьер-министр Р. Т. Эрдоган стал одним из лидеров, с которыми Б. Обама наиболее часто разговаривал по телефону после начала волнений в Сирии, даже чаще, чем с премьер-министром Великобритании¹. Одновременное заявление Обамы и Эрдогана о введении экономических санкций в отношении сирийского режима, сделанное после встречи в Нью-Йорке в сентябре 2011 г., было ярким свидетельством координации действий двух стран².

В дальнейшем Анкара и Вашингтон выступали активными участниками различных «антиасадовских инициатив» на международной арене — от выдвижения соответствующих проектов резолюций ООН до создания так называемой «Группы друзей Сирии», объединяющей противников сирийского режима. В ходе официального визита премьер-министра Эрдогана в Вашингтон в мае 2013 г. стороны договорились «продолжать давление на режим Асада и работать с сирийской оппозицией». Было заявлено, что Турция и США признают единственный вариант урегулирования кризиса в Сирии — уход президента Асада и передачу вла-

¹ Tanır İ. How the Arab Spring is Transforming Turkish-American Relations // Turkish Policy Quarterly. Vol. 10. No. 3. Fall 2011. P. 75.

² Erdoğan — Obama zirvesinden yaptırım çıktı! 21 Eylül. 2011. URL: <https://www.kanal46.com/politika/erdogan-obama-zirvesinden-yaptirim-cikti-h33192.html> (дата обращения: 27.02.2023).

сти переходному правительству¹. При этом Обама отметил, что Р. Т. Эрдоган «находится на передовой линии международной борьбы за демократическую Сирию без Асада»².

Еще одним направлением нового подхода Белого дома к отношениям с Анкарой стала попытка использовать Турцию для налаживания контактов с Тегераном. Турецкое руководство с готовностью начало «челночную дипломатию», последовательно осуществляя контакты в США и Иране в первой половине 2009 г.³ Инициатива не получила развития, так как Тегеран сдержанно отнесся к идее турецкого посредничества, предпочитая установление прямого диалога с Вашингтоном.

В последующий период иранский фактор превратился в региональный «камень преткновения» для союзнических отношений между Турцией и США. Принципиальным моментом турецко-американских разногласий стало расхождение по поводу методов урегулирования ядерной проблемы Тегерана: Анкара выступала за переговоры, в то время как Вашингтон настаивал на мерах принудительного характера.

В 2010 г. турецко-американский союз пережил два «дипломатических кризиса», связанных с Ираном.

В мае Турция, Иран и Бразилия подписали т.н. Тегеранскую декларацию по обмену на территории Турции низкообогащенного иранского урана на высокообогащенное топливо для иранского ядерного реактора⁴. Ставшая неожиданностью для мирового сообщества декларация не получила впоследствии практической реализации, что не уменьшило ее негативного эффекта на атмосферу турецко-американских отношений. В декларации было зафиксировано признание за Ираном права на реализацию мирной

¹ Joint Press Conference by President Obama and Prime Minister Erdogan of Turkey. May 16, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/05/16/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-erdogan-turkey> (дата обращения: 27.02.2023).

² Ibid.

³ Sinkaya B. Cumhurbaşkanı Gül'ün İran Ziyareti ve Türkiye-İran İlişkilerinde ABD Faktörü. URL: <https://www.orsam.org.tr/tr/cumhurbaskani-gul-un-iran-ziyareti-ve-turkiye-iran-iliskilerinde-abd-faktoru/> (дата обращения: 27.02.2023).

⁴ 17 Mayıs 2010 tarihli Türkiye, İran ve Brezilya Dışişleri Bakanları Ortak Deklarasyonu. URL: <https://www.mfa.gov.tr/17-mayis-2010-tarihli-turkiye-iran-brezilya-disisleri-bakanlari-ortak-deklarasyonu.tr.mfa> (дата обращения: 28.02.2023).

ядерной программы — «производство и использование атомной энергии (включая работы по обогащению урана)»¹. Документ появился в тот период, когда при активном участии США в Совете Безопасности ООН (в число непостоянных членов которого входила Турция) обсуждался вопрос о вынесении на голосование резолюции о новых санкциях в отношении Ирана. По словам турецкого политолога Ильхана Таныра, «до сих пор остается загадкой, как Анкара и Вашингтон могли прийти до такого «дипломатического диссонанса»².

Три недели спустя — в июне 2010 г. Турция проголосовала «против» пролоббированной США резолюции Совбеза ООН, которая ужесточала режим санкций в отношении Ирана. Объясняя свои действия, Анкара заявила о необходимости решения проблемы дипломатическим путем, который турецкое руководство признавало единственным возможным способом урегулирования³.

Подход Турции к режиму санкций в отношении Ирана базировался на убеждении в том, что они противоречат экономическим интересам Анкары, еще в 2007 г. подписавшей соглашение о закупках иранского газа, несмотря на возражения Вашингтона. Лишь в 2013 г. под давлением США Турция была вынуждена частично присоединиться к санкциям в отношении Ирана и сократить объемы закупок иранских энергоносителей.

Фактор безопасности в отношениях между Турцией и США

В годы правления ПСР важнейшим скрепляющим элементом турецко-американских отношений оставалось сотрудничество в сфере безопасности, в котором ключевая роль отведена взаимодействию двух стран в рамках НАТО. Масштабный теракт в США в сентябре 2001 г. и последовавшая за этим американская

¹ Ibid.

² Tanır İ. How the Arab Spring is Transforming Turkish-American Relations // Turkish Policy Quarterly. Vol. 10. No. 3. Fall 2011. P. 74.

³ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı açıklaması No: 125. BM Güvenlik Konseyinde İran'a İlave Yaptırımlar Konusunda Yapılan Oylama Hakkında. 9 Haziran 2010. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-125_-9-haziran-2010_-bm-guvenlik-konseyinde-iran_a-ilave-yaptirimlar-konusunda-yapilan-oylamay-hk_.tr.mfa (дата обращения: 28.02.2023).

интервенция в Афганистан, к которой подключились союзники Вашингтона по НАТО, стали новым этапом на пути эволюции военной стратегии альянса и турецко-американского сотрудничества в сфере безопасности. Новое понимание угроз и рисков безопасности способствовало развитию концепции использования вооруженных сил НАТО за пределами зоны ответственности альянса.

В этой ситуации возросло значение военного сотрудничества Анкары и Вашингтона в контексте натовских операций. Важным направлением турецко-американского взаимодействия в альянсе стало участие Турции в деятельности Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане с 2001 по 2014 г. и небоевой миссии НАТО «Решительная поддержка» (Resolute Support Mission), которая пришла на смену ISAF в 2015 г.

В отличие от некоторых европейских членов альянса, в 2009 г. Турция откликнулась на призыв США отправить в Афганистан дополнительные воинские контингенты, хотя и обусловила данный шаг участием турецких военных исключительно в гуманитарных операциях. Благодаря такой политике Анкара не только укрепила союзнические связи с США и НАТО, но и создала себе позитивный имидж в Афганистане. На призывы Вашингтона оказать союзникам боевую поддержку Турция не отвечала, мотивируя свой отказ нежеланием воевать в мусульманской стране.

Турецкий исследователь С. Гювенч полагает, что в этот период позиция Анкары по сотрудничеству с США в рамках НАТО во многом определялась ее выбором приоритетов в отношениях со странами Запада¹. Рассчитывая на скорое вступление в ЕС, Турция, подобно многим европейским странам, стремилась делать ставку на «мягкую силу». Это отдаляло ее от позиции США, которые предпочитали решать конфликт вооруженным путем. Тем не менее Вашингтон и Анкара считали активное присутствие турецкой стороны в афганской миссии НАТО хорошим показателем взаимного доверия и сотрудничества.

В свою очередь американские политологи Р. Менон и С. Вимбуш, размышляя о жизнеспособности союза между Турцией

¹ Güvenç S. NATO'da 60 Yıl. Türkiye'nin Transatlantik Güvenliğine Katkıları. İstanbul, 2013. S. 54.

и США, сформулировали ряд позиций, определявших «критическое значение» Турции для интересов Вашингтона. Среди них были упомянуты такие, как географическое положение Турции, открывающее прямой доступ в различные регионы; необходимость кооперации в борьбе с глобальным терроризмом (отмечалось, что Турция может стать «коридором», по которому будет осуществляться инфильтрация исламистов в Ирак и другие страны); участие турецких вооруженных сил в миссии НАТО в Афганистане; возможность использования турецких баз и прочих военных объектов в интересах американской политики в регионе¹.

Американское восприятие партнерства с Турцией было отражено в выступлении заместителя помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии А. Слоут на ежегодном заседании Турецко-американской ассоциации в апреле 2014 г. По словам представителя Госдепартамента, краеугольным камнем американско-турецких отношений всегда была сфера безопасности. Нестабильность на Ближнем Востоке усиливает значение и уникальность позиции Турции в качестве «моста» между Европой и ближневосточным регионом, а также в качестве ключевого партнера США по НАТО².

Большое значение для США имеет возможность использования военных объектов НАТО на территории Турции. Прежде всего речь идет о созданной еще в годы «холодной войны» авиабазе Инджирлик, на которой размещено тактическое ядерное оружие НАТО. На Лиссабонском саммите альянса в 2010 г. было принято решение о размещении на территории Турции элементов системы ПРО НАТО. В 2012 г. в турецкой провинции Малатья на военной базе Кюреджик, созданной американцами, был установлен натовский радар раннего оповещения.

Этому событию предшествовали долгие дискуссии как в рамках альянса, так и на уровне турецко-американских контактов. Анкара стремилась заручиться гарантиями того, что турецкий

¹ Menon R., Wimbush S. E. The US and Turkey: End of an Alliance? Survival. Vol. 49. No. 2. Summer 2007. P. 131–133.

² Keynote Remarks to the Assembly of Turkish American Associations' Annual Turkish American Conference. April 12, 2014. URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2014/apr/224945.htm> (дата обращения: 28.02.2023).

военный персонал будет участвовать в управлении радаром наряду с американскими военными и что данные, получаемые радаром, не будут передаваться странам, которые не являются членами НАТО¹. Очевидно, что под этим подразумевался Израиль, с которым Турция находилась в состоянии затяжного дипломатического конфликта с 2010 г. (после инцидента с «Флотилией свободы»). В то же время Турция с настороженностью восприняла намерение США официально обозначить Иран в качестве угрозы, определяющей необходимость развёртывания системы ПРО. В итоге Анкара настояла на том, чтобы Иран не упоминался в документах альянса.

Вашингтон всегда стремился поддерживать с Анкарой «особые отношения» в рамках НАТО, расширение которого отвечает военно-стратегическим интересам США. Культурно-исторические связи Турции с Балканами, Кавказом, Центральной Азией и Ближним Востоком позволяют ей способствовать проникновению НАТО в эти регионы, поддерживать партнерские программы и претендовать на роль «посредника» в отношениях альянса с различными странами. Анкара рассматривает свои исторические связи с народами и государствами соседних регионов в качестве элементов турецкой «мягкой силы», использование которой соответствует задачам НАТО, определенным в Стратегической концепции альянса (2010 г.)².

США были в числе трех стран, согласившихся предоставить Турции зенитно-ракетные комплексы «Пэтриот» по запросу Анкары, обратившейся в альянс после того, как турецкий самолет был сбит Сирией над Средиземным морем в июне 2012 г. В октябре 2015 г. Вашингтон вывел свои «Пэтриоты» из Турции, пообещав, что от угрозы баллистических ракет с Ближнего Востока Турцию будут защищать американские эсминцы с системой ПРО морского базирования «Иджис», находящиеся в Средиземном море.

¹ Poghosyan B. US — Turkish Relations in the Obama Era.// RUSI Journal, February/March 2013. Vol. 158. No. 1. P. 44.

² Turkey's and NATO's views on current issues of the Alliance. URL: http://www.mfa.gov.tr/ii---turkey_s-contributions-to-international-peace-keeping-activities.en.mfa (дата обращения: 15.03.2023).

Деятельность в Ираке радикальной организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)^{1*}, взявшей под свой контроль значительные территории, стала поводом для выражения солидарности между Анкарой и Вашингтоном. Было заявлено, что Турция является «ключевым партнером» США не только по ситуации в Сирии, но и в связи с действиями ИГИЛ^{2*} в Ираке³. После создания в 2014 г. «антиигиловской коалиции» во главе с США, к которой присоединилась и Турция, между Вашингтоном и Анкарой начались затяжные переговоры о возможности использования базы Инджирлик в ходе операции против боевиков в Ираке и Сирии. Камнем преткновения служили попытки Анкары «привязать» использование авиабазы «антиигиловской коалицией» к своим обязательствам по НАТО, в то время как Вашингтон стремился к двусторонней договоренности. В итоге Турция дала разрешение на осуществление разведывательных полетов, но не боевых вылетов, по-прежнему увязывая такую возможность с коллективными действиями членов Североатлантического альянса.

Между Анкарой и Вашингтоном не было единомыслия по вопросу о вступлении в НАТО Финляндии и Швеции. В мае 2022 г. на фоне российской спецоперации на Украине две эти страны подали заявки на вступление в альянс. США приветствовали это решение. В свою очередь Турция заблокировала начало переговоров о членстве до тех пор, пока Хельсинки и Стокгольм не откажутся от поддержки РПК и аффилированных с ней организаций сирийских курдов. Кроме того, Анкара потребовала снятия ограничений на экспорт военного оборудования в Турцию, которые Финляндия и Швеция ввели в 2019 г. из-за турецких военных операций на севере Сирии. После антитурецких акций в Стокгольме в январе 2023 г. турецкие власти и вовсе заявили, что не поддерживают кандидатуру Швеции⁴.

¹ Террористическая организация. Запрещена в России.

² Террористическая организация. Запрещена в России.

³ John Kerry, Secretary of State. Remarks With Turkish Foreign Minister Ahmet Davutoglu Before Their Meeting. Brussels, Belgium. June 25, 2014. URL: <https://2009–2017.state.gov/secretary/remarks/2013/11/217710.htm> (дата обращения: 28.02.2023).

⁴ Cumhurbaşkanı Erdoğan: (İsvec) NATO'ya üyelik konusunda bizden hayırhahlık beklemesin. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskani-erdogan-isvec>

Фактор НАТО сохраняет свое значение для отношений между Анкарой и Вашингтоном, позволяя двум странам поддерживать прочные связи в сфере безопасности. По мнению американского политолога С. Фланагана, «большинство турок уже не считают НАТО краеугольным камнем безопасности Турции, но они по-прежнему придают значение гарантиям коллективной безопасности, а также привязке к США и трансатлантическому сообществу, которые дает членство в альянсе»¹.

Очевидно, что Вашингтон также глубоко заинтересован в сохранении особых отношений с Анкарой в сфере безопасности, и в первую очередь в рамках НАТО. Уникальное геостратегическое положение Турции и наличие в ней военных объектов, необходимых для продвижения американских интересов в прилегающих регионах, будут и далее определять готовность США «мириться» с непредсказуемыми действиями своего союзника и идти на уступки ему по ряду вопросов. Сложности поиска не связанных с НАТО форм взаимодействия в сфере безопасности определяют сохранение роли Североатлантического альянса в качестве институционального стержня военного сотрудничества между Анкарой и Вашингтоном.

Период напряженности в турецко-американских отношениях (2013–2023 гг.)

После 2013 г. попытки «перезагрузки» турецко-американских отношений стали все больше пробуксовывать. Переломным моментом оказались протестные выступления в Турции в июне 2013 г., начавшиеся с митинга против сноса стамбульского парка Гези и распространившиеся по многим турецким городам. Руководство Турции было крайне разочаровано реакцией США на эти внутривнутриполитические события. Американские журналисты назвали их началом «турецкой весны», политологи и конгресс-

nato-ya-uyelik-konusunda-bizden-hayirhahlik-beklemesin/2795164 (дата обращения: 04.03.2023).

¹ Flanagan S. Turkey's Approach to Euro-Atlantic Security. URL: <https://carnegieendowment.org/2011/08/19/turkey-s-approach-to-euro-atlantic-security-pub-45384> (дата обращения: 28.02.2023).

мены стали искать в них сходство с событиями «арабской весны», а представители властных кругов выразили озабоченность не беспорядками, но позицией турецких властей и действиями турецкой полиции¹. Такой подход привел к возникновению напряженности между руководством двух стран, незадолго до этого заявлявших о беспрецедентно высоком уровне двусторонних связей. Турецкие политологи даже назвали события в парке Гези «поворотной точкой в отношениях ПСР и США»².

Наряду с этим в проблему для турецко-американских отношений постепенно превратился сирийский кризис, в ходе которого изначально стороны стремились найти солидарный подход. Для Анкары «красной чертой» стало военное сотрудничество Вашингтона с вооруженными формированиями сирийских курдов, которых Турция считает связанными с РПК и причастными к террористической деятельности на своей территории. Тем не менее Белый дом сделал ставку на сотрудничество с курдами в Сирии на том основании, что они оказывают сопротивление ИГИЛ³. Несмотря на активные переговоры, Турция и США так и не смогли найти общий язык по этому вопросу. Начавшиеся при президенте Обаме поставки вооружения курдским отрядам продолжились при президентах Трампе и Байдене.

В турецких СМИ стали привычными сообщения о том, что «США поставляют оружие террористам»⁴. Турецкое руководство также неоднократно выражало свою позицию по этому вопросу недвусмысленно, публично и крайне резко. В сентябре 2018 г. в газете «Вашингтон Пост» появилась статья министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу под красноречивым названием «США должны прекратить вооружать террористов в Сирии». Чавушоглу написал, что, по данным турецких властей, за годы сирийского конфликта США доставили курдским боевикам 5 000 грузовых

¹ Akbal Ö. Gezi Parkı: AKP-ABD İlişkisinin Dönüm Noktası. URL: <https://21yyte.org/tr/merkezler/bolgesel-arastirma-merkezleri/amerika-arastirmalari-merkezi/gezi-parki-akp-abd-iliskisinin-donum-noktasi> (дата обращения: 01.03.2023).

² Ibid.

³ Террористическая организация. Запрещена в России.

⁴ См.: 'ABD ağır silahları teröristlere gönderdi' URL: <https://www.sozcu.com.tr/2022/dunya/eger-dogrussa-skandal-abd-agir-silahlari-teroristlere-gonderdi-7525961/> (дата обращения: 04.03.2023).

фур и 2 000 грузовых самолетов с оружием. По словам министра, действия США попирают все фундаментальные принципы Североатлантического альянса, и ни одна страна НАТО не потеряла бы таких поставок у своих границ¹.

В марте 2023 г. турецкий МИД в очередной раз выразил свое разочарование отсутствием военной организации сирийских курдов в опубликованном Госдепартаментом США докладе о терроризме².

Другой претензией турецкой стороны к американцам является отсутствие в докладе о терроризме ФЕТО (FETÖ) — террористической организации Фетхуллага Гюлена³, которую в Анкаре считают ответственной за попытку государственного переворота в Турции в июле 2016 г. Выжидательная позиция Вашингтона в ходе этих событий и последующий отказ выдать Турции проживающего в США Ф. Гюлена нанесли значительный ущерб атмосфере доверия между двумя странами.

В свою очередь реакцию Вашингтона вызвал арест в Турции американского пастора Эндрю Брансона, который находился в заключении около двух лет в связи с расследованием дела о попытке госпереворота. Американская сторона неоднократно поднимала вопрос о судьбе пастора в ходе переговоров президентов двух стран. В 2018 г. США даже ввели персональные санкции против министров юстиции и внутренних дел Турции и удвоили ввозные пошлины на турецкие алюминий и сталь⁴. В ответ Турция повысила ввозные пошлины на группу товаров из США.

Смена власти в США всякий раз порождает в Турции надежды на перезагрузку турецко-американских отношений. Анкара

¹ Article by H. E. Mr. Mevlüt Çavuşoğlu published in The Washington Post titled “The U.S. must stop arming terrorists in Syria”, 28 September 2018. URL: https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu_nun-wp-makalesi.en.mfa (дата обращения: 04.03.2023).

² SC-3, 2 Mart 2023, Dışişleri Bakanlığı Sözcüsü Büyükelçi Tanju Bilgiç’in ABD Dışişleri Bakanlığının 2021 Yılı Terörizm Raporu Hakkındaki Soruya Cevabı. URL: https://www.mfa.gov.tr/sc_-3_-abd-disisleri-bakanliginin-2021-yili-terorizm-raporu-hk-sc.tr.mfa (дата обращения: 04.03.2023).

³ Ibid.

⁴ US sanctions 2 Turkish officials over detention of US pastor. URL: <https://edition.cnn.com/2018/08/01/politics/us-turkey-sanctions/index.html> (дата обращения: 04.03.2023).

ожидала потепления отношений с Вашингтоном при президенте Д. Трампе, который ранее, будучи бизнесменом, успешно работал с Турцией. Однако личная встреча двух президентов продолжалась всего 20 минут. За период президентства Трампа ни одна из затяжных проблем двусторонних связей не была решена — более того, к ним добавились еще и новые.

В мае 2018 г. американский суд приговорил к тюремному заключению заместителя директора турецкого Халкбанка Х. Атилла, арестованного в США по обвинению в причастности к осуществлявшимся Турцией закупкам иранской нефти в обход американских санкций. Это решение вызвало гневную реакцию в Анкаре, где ожидали прекращения судебного процесса. Вице-премьер Б. Боздаг назвал этот процесс «политическим заговором против Турции, организованным совместными усилиями ФЕТО, ЦРУ, ФБР и американского правосудия»¹.

Раздражение турецкого руководства вызвали попытки американской администрации оказывать на Анкару давление в связи с укреплением турецко-российского сотрудничества, в том числе покупкой Турцией ракетных комплексов С-400. Анкара вела с США безуспешные переговоры о покупке системы ЗРК «Пэтриот» более 10 лет. Американский конгресс не одобрил продажу «Пэтриотов» Турции, что подтолкнуло ее к форсированному налаживанию сотрудничества с Россией в этой сфере.

В ответ на это в 2020 г. американцы ввели против Турции санкции в рамках закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), что было воспринято турецким руководством как покушение на суверенные права Турции. Президент Эрдоган в своем выступлении подчеркнул, что это первый случай, когда санкции CAATSA вводятся американцами против страны-члена Североатлантического альянса².

¹ Gürsel K. Türkiye-ABD: Krizin kara yılı başladı. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/898875/Turkiye-ABD_Krizin_kara_yili_basladi.html# (дата обращения: 04.03.2023).

² Cumhurbaşkanı Erdoğan: ABD'nin CAATSA kararı egemenlik haklarımıza aleni bir saldırıdır. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskani-erdogan-isvec-nato-ya-uyelik-konusunda-bizden-hayirhahlik-beklemesin/2795164> (дата обращения: 04.03.2023).

Вступление в должность президента Д. Байдена в начале 2021 г. не вызвало в Турции оптимизма, поскольку он отметил-ся антитурецкими высказываниями еще в ходе предвыборной кампании. В апреле 2021 г. Байден стал первым американским президентом, который признал геноцид армян в Османской империи в 1915 г.

Весной 2021 г. Вашингтон исключил Турцию из программы производства самолетов F-35 по причине закупки российских ЗРК С-400. Два первых самолета, уже формально переданные Турции, так и не были отправлены из США. Сложности возникли и с продажей Турции американских истребителей F-16. Анкара запросила покупку 40 самолетов и модернизацию 80 имеющихся. Сначала Конгресс попытался ввести ограничения на использование Турцией закупленных у США самолетов, затем американцы предложили Анкаре купить самолеты не самого последнего поколения. Все эти колебания американской стороны вызвали предсказуемое недовольство в Анкаре. Президент Эрдоган в ходе одного из своих выступлений в сентябре 2022 г. публично заявил, что США не единственный в мире производитель истребителей и Турция вполне может рассмотреть в качестве альтернативы американцам Францию, Великобританию и Россию¹.

В программе внешней политики Турции на 2022 г., с которой министр иностранных дел Чавушоглу выступал перед парламентом, отмечалось, что позиция США по вопросам, напрямую затрагивающим национальную безопасность Турции, не соответствует союзническому духу. В числе таких вопросов были названы проблемы РПК, ФЕТО, а также американские санкции, введенные против Анкары из-за покупки у России систем С-400².

Все больше противоречий в турецко-американских отношениях стало возникать в связи с конфликтами между Турцией и Грецией. Расширение военного сотрудничества между Вашингтоном

¹ Cumhurbaşkanı Erdoğan resti çekmişti! ABD'den Türkiye'ye 'savaş uçağı' tehdidi geldi: Rusya'dan alırsanız yaptırım uygularız. URL: <https://www.sondakika.com/ekonomi/haber-cumhurbaskani-erdogan-in-abd-nin-turkiye-ye-f-16-savas-ucagi-satmamasıyla-ilgili-15264705/> (дата обращения: 17.03.2023).

² Çavuşoğlu M. 2022 Yılına Girerken Dış Politikamız. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2022-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf. S. 13. (дата обращения: 04.09.2022).

и Афинами, объявленное в 2022 г., и перспективы вооружения греческих островов при помощи американцев были восприняты в Анкаре как угроза национальным интересам Турции¹.

По мнению турецкого политолога Кадира Устюна, в своей статье в журнале «Критер» оценившего итоги 2022 г. для Турции и США, «украинский кризис стал возможностью для потепления турецко-американских отношений, однако Вашингтон недооценил эту возможность. Администрация Байдена предпочла сохранять дистанцию с Анкарой и приложила меньше усилий для налаживания координации с Турцией, чем с некоторыми европейскими союзниками»².

В октябре 2021 г. Анкара и Вашингтон договорились о создании т.н. Механизма стратегического диалога для обсуждения своих двусторонних отношений. Этот формат заработал только в апреле 2022 г. В рамках турецко-американского стратегического механизма должны проводиться встречи на уровне министров и заместителей министров иностранных дел. По мнению турецких экспертов, американцы начали консультации с Турцией после того, как Анкара стала проявлять активность в попытках посредничать между Россией и Украиной и были организованы переговоры в Анталье и в Стамбуле³. По состоянию на начало 2023 г. в рамках механизма прошли четыре тура консультаций, но каких-либо прорывных решений двусторонних проблем они не принесли.

На встрече глав внешнеполитических ведомств Турции и США в январе 2023 г. сторонам не удалось ни согласовать вопрос о поставках американских истребителей F-16, ни снять противоречия относительно военного сотрудничества Вашингтона с сирийскими курдами и ускоренного расширения НАТО. Эти проблемы не

¹ Erdogan takes issue with US military presence in Greece. Kathimerini. 09.06.2022. URL: <https://www.ekathimerini.com/news/1186434/erdogan-takes-issue-with-us-military-presence-in-greece> (дата обращения: 28.06.2022).

² Üstün K. Türk-Amerikan İlişkileri: 2022'nin Öğrettikleri. Kriter Dergisi. Ocak 2023 / Yıl 7, Sayı 75. URL: <https://kriterdergi.com/dis-politika/turk-amerikan-iliskileri-2022nin-ogrettikleri> (дата обращения: 17.03.2023).

³ Yetkin M. Ukrayna Krizi ABD'yle "Stratejik Mekanizmayı" başlattı. URL: <https://yetkinreport.com/2022/04/05/ukrayna-krizi-abdyle-stratejik-mekanizmayi-baslatti/> (дата обращения: 28.06.2022).

были решены и в ходе визита в Анкару госсекретаря Э. Блинкена в феврале 2023 г.

На современном этапе турецкий МИД признает наличие у Анкары и Вашингтона целого ряда «совпадающих интересов в региональных и глобальных вопросах». Наряду с этим отмечается, что «позиция США по некоторым проблемам, напрямую затрагивающим национальную безопасность Турции, не соответствует духу соотничества и продолжает омрачать отношения двух стран»¹.

Подводя итоги, можно отметить, что в первое десятилетие правления ПСР Турция и США прилагали серьезные усилия для нивелирования напряженности, возникавшей в связи с различием подходов к конфликтам в ближневосточном регионе. Предпринимались попытки «перезагрузить отношения» и найти «новую модель сотрудничества», которую можно было бы распространить в исламском мире. США рассчитывали использовать турецкий фактор для продвижения своих региональных интересов и формирования устраивающей Вашингтон геополитической архитектуры. В свою очередь руководство ПСР стремилось опереться на американский фактор для усиления региональных и глобальных позиций Турции.

Углубленное развитие турецко-российских связей в период правления ПСР можно рассматривать в контексте традиционной стратегии Анкары по выстраиванию баланса в отношениях с Москвой и Вашингтоном и по использованию каждого из этих двух направлений турецкой внешней политики с целью усиления своих переговорных позиций на другом.

После 2013 г. напряженность в турецко-американских отношениях возросла, возник целый ряд сложно преодолимых противоречий и снизилась интенсивность усилий по их разрешению. Можно предполагать, что ситуация кардинальным образом не изменится до тех пор, пока Турция будет продолжать стремиться к повышению своей международной роли и совершать шаги, автономные от консолидированной политики стран Запада. В 2023 г. основным стержнем и цементирующим фактором

¹ Türkiye — Amerika Birleşik Devletleri Siyasi ve Ekonomik İlişkileri. URL: <https://www.ekathimerini.com/news/1186434/erdogan-takes-issue-with-us-military-presence-in-greece> (дата обращения: 06.03.2023).

турецко-американских отношений остается сфера безопасности и сотрудничество в рамках НАТО, которое сохраняет высокую ценность в глазах обеих сторон, несмотря на трения по отдельным вопросам.

4.2. Турция–ЕС: эволюция подходов к развитию взаимоотношений (2002–2023 гг.)

3 марта 1998 г. Европейская комиссия обнародовала Европейскую стратегию для Турции, в которой содержались рекомендации по улучшению отношений Брюсселя с Анкарой. Было подчеркнуто, что Турция включена в процесс расширения Европейского союза с использованием финансовой помощи, которую ЕС должен был безотлагательно предоставить Турецкой Республике.

4 ноября 1998 г. был опубликован первый отчет ЕС о развитии Турции. В нем сообщалось о готовности Турции двигаться в сторону выполнения условий ЕС, предусмотренных в отношении стран-претендентов на полноправное членство в союзе.

В декабре 1999 г. на саммите Европейского совета в Хельсинки Турция получила статус страны-кандидата на вступление в Евро-союз. В республике начались кардинальные перемены, которые осуществлялись в соответствии с требованиями ЕС. Начался процесс ускоренной адаптации турецкого законодательства к «правовому достоянию» ЕС, в частности, была проведена масштабная ревизия Гражданского кодекса и других нормативно-правовых актов республики, в стране проводились политические и экономические реформы.

В июле 2000 г. при Аппарате премьер-министра создается Генеральный секретариат по взаимодействию с ЕС.

В 2001 г. ЕС принимает для Турции «Документ о партнерстве на время процесса вступления», своего рода «дорожную карту» присоединения Турции к ЕС с подробным перечнем необходимых реформ. В Турции в ответ на это опубликовали «Общую стратегию национальной программы», в рамках которой были подготовлены три пакета конституционных поправок — «пакеты мер по гар-

монизации с ЕС». Первый был принят в октябре 2001 г., второй — в марте 2002 г., третий — в августе 2002 г.

Также необходимо отметить, что после экономического кризиса 2001 г. те меры, которые были предприняты в рамках программы министра экономики (2001–2002 гг.) Кемаля Дервиша, особенно в банковской сфере, привнесли в турецкую экономику новый импульс, что обеспечило ей определенное улучшение и стабильность. А поскольку в это время наметилась относительно стабильная линия и в политике, то в оценках ЕС Турция стала рассматриваться в относительно положительном свете.

Кроме того, в условиях, возникших после терактов 11 сентября 2001 г., Европа испытывала необходимость в улучшении своего образа среди мусульман и их отношения к Западу в целом. В связи с этим было очень важно развивать отношения с Турцией на уровне перспективного участника ЕС, как со страной, подавляющая часть населения которой — мусульмане.

Однако в это же время стали проявляться и различия в исторических подходах к евроинтеграции. Одни рассматривали Евросоюз в узком смысле сквозь призму культурно-цивилизационных особенностей, другие же видели в ЕС некий своеобразный эксперимент европейской интеграции, участие в котором представлялось возможным путем демонстрации приверженности целям и ценностям Европейского союза.

Подход в отношении Турции также подвергался воздействию со стороны этих различий во взглядах. Некоторые консервативные силы ЕС стали прилагать еще больше усилий с тем, чтобы подвергнуть сомнению способности Турции адаптироваться к критериям ЕС.

В ноябре 2002 г. в Турции сменилась власть. По итогам парламентских выборов победу одержала Партия справедливости и развития Р. Т. Эрдогана, получившая почти две трети мест в парламенте и сформировавшая однопартийное правительство.

В ЕС в связи с этим возникли некоторые опасения, поскольку здесь предположили, что с приходом к власти «умеренных исламистов» Турция может взять курс на геополитическую переориентацию. Однако лидеры ПСР в своих выступлениях всячески подчеркивали, что курс на вступление в ЕС является для пра-

вительства приоритетом. Заявления подтверждались и делом. Именно на первые годы правления ПСР пришелся наиболее существенный прорыв в отношениях с Европейским союзом.

В 2004 г. Еврокомиссия, посчитав, что Турция в достаточной степени отвечает политическим критериям ЕС, рекомендовала начать переговоры о приеме республики в Евросоюз. Турции в свою очередь было рекомендовано продолжать политические реформы, укреплять законодательную власть за счет ослабления политической роли Совета национальной безопасности и армии, признать Республику Кипр, улучшить отношения с Арменией и привести в соответствие с европейским законодательством правовое положение национальных и религиозных меньшинств, включая их право на информацию и получение образования на родном языке.

В итоге на декабрьском саммите в Брюсселе того же 2004 г. Европейский совет обозначил дату начала официальных переговоров с Турцией о вступлении — 3 октября 2005 г.

В те годы в Брюсселе на европейскую перспективу Турции смотрели с оптимизмом. Турецкие преобразования получали позитивную оценку в ежегодных отчетах ЕС о развитии Турции. Особенные аплодисменты в ЕС получали реформы в турецких Вооруженных силах. Во внешней политике Турция предпринимала попытки по налаживанию отношений с соседними странами, такими как Греция, Кипр и Армения.

Однако данная эйфория длилась недолго. Наступил момент, когда стало очевидно, что оценивать текущее состояние и прогнозировать дальнейшие перспективы отношений Турции и ЕС, руководствуясь лишь общими критериями, на основе которых Брюссель определял готовность той или иной европейской страны к полноправному участию, практически невозможно. Многие исследователи стали приходить к выводу, что эти отношения нельзя было рассматривать только сквозь призму статистики. Нельзя спрогнозировать их дальнейшее развитие, руководствуясь отчетами ЕС о развитии Турции, копенгагенскими или маастрихтскими критериями, поскольку Турция по своим экономическим и политическим показателям находилась на приемлемом уровне и вполне могла претендовать на полноправное участие в евро-

пейских делах. Однако, несмотря на выполнение определенных европейских требований, каких-либо заметных подвижек в развитии турецко-европейских отношений не наблюдалось.

Соответственно для описания турецко-европейского взаимодействия нужно было вводить дополнительные параметры. При изучении турецкой литературы по этой теме того времени можно увидеть, что турецкие эксперты были склонны считать, что одним из главных препятствий на пути к вступлению ЕС является религиозная принадлежность. То есть, если говорить простыми словами, «мусульманскую» Турцию не хотели принимать в «христианский клуб» европейских государств¹.

Позицию ЕС достаточно красноречиво в свое время озвучил тогда еще будущий, а ныне уже бывший председатель Европейского совета Херман Ван Ромпёй. Еще в 2004 г., то есть в то самое время, когда турецко-европейское сближение достигло своего пика, он заявил следующее: «Турция — не часть Европы и никогда не станет ее частью. Расширение ЕС за счет Турции не может быть приравнено к любым расширениям, имевшим место в прошлом. Универсальные ценности, которые воплощают могущество Европы и которые являются фундаментальными ценностями христианства, потеряют силу с присоединением большого исламского государства — такого, как Турция»².

Другие исследователи, и не только турецкие, писали, что надо смотреть шире, и предлагали различные цивилизационные подходы — от их столкновения до стратегического альянса. В какой-то мере этот подход оказался полезным, поскольку предполагал, что Турция в силу своих цивилизационных особенностей не смогла бы долго сосуществовать с европейскими государствами в рамках единого интеграционного образования. И в некоторой степени инструментарий культурно-цивилизационного подхода предоставлял исследователям недостающие дополни-

¹ Avrupa Birliği'nde Değişen Dinamikler. Türkiye Ekonomi Politikaları Araştırma Vakfı ve TOBB Ekonomi ve Teknoloji Üniversitesi Ortak Çatıştay Raporu. Kasım 2006 // https://www.tepav.org.tr/upload/files/1269871272r8546.Avrupa_Birligi_nde_Degisen_Dinamikler.pdf (дата обращения: 15.09.2011).

² Анищенко Н. Господин председатель. Малоизвестный бельгийский политик возглавил 500-миллионное содружество наций. Лента.Ру. 20.11.2009 // <https://lenta.ru/articles/2009/11/20/eu/> (дата обращения: 03.08.2023).

тельные элементы при описании системы турецко-европейских взаимоотношений. В основном писали, что Турция кардинально изменилась. И она уже не «форпост» Запада и не его «придаток», не «окрестность» Европы и не «мост» между Европой и Азией или между мусульманским и христианским мирами. Турция, по их мнению, уже сама является «центром силы» многополярного мира¹.

Действительно, в 2000-е гг. Турция смогла добиться достаточно высоких показателей ежегодного экономического роста в условиях, когда во многих странах ЕС, особенно после 2008 г., наблюдалась серьезная экономическая рецессия. Как следствие, правительство ПСР почувствовало в себе силы уйти от жесткой привязки реформ к требованиям ЕС. В общественном сознании политическая элита последовательно старалась укрепить мысль о самоценности реформ: о том, что цель проводимых преобразований — это не вступление Турции в ЕС, а повышение качества жизни граждан независимо от перспектив вступления в объединенную Европу. Кроме того, во второй половине 2000-х гг. Турция стала наращивать свое влияние на Ближнем и Среднем Востоке. Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежняя привлекательность ЕС существенно ослабла как в общественном мнении, так и среди политической элиты.

Если в 2004 г. вступление в ЕС поддерживало более 75% населения Турции, то к концу 2014 г. этот показатель упал до 28%². И хотя лидеры ПСР постоянно подчеркивали неизменность курса на вступление в ЕС, прежний энтузиазм уже не наблюдался. Общая динамика либерализации замедлилась, а реформы продолжились лишь в тех сферах, где это отвечало интересам правящей элиты. Однако, несмотря на скепсис в отношении Брюсселя и его политики, Европа как культурно-цивилизационная сущ-

¹ Özdemir H., Dünden Bugüne Türkiye-Avrupa Birliği İlişkileri // Uluslararası Küresan Multidisipliner Çalışmalar Kongresi 2021. Tam Metin Bildiri Kitabı. Yayın tarihi: 07.11.2021 // file:///C:/Users/HP/Downloads/DndenBugneTrkiye-AvrupaBirliililikileriBalklBildiri%20(1).pdf (дата обращения: 03.08.2023).

² Tonus Ö., Eskişehir'de Avrupa Birliği Algısı Türkiye Genelinden Farklı mı? Ankara Avrupa Çalışmaları Dergisi. Cilt:14, No:2 (Yıl: 2015) URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/847299> (дата обращения: 01.08.2023).

ность и модель развития не просто сохранила свое значение, но гораздо интенсивнее стала использоваться в качестве референтной точки в оценках реформ, политического режима или стандартов повседневной и общественной жизни.

Отдельно многими экспертами отмечается, что в первом десятилетии XXI в. Турция и ЕС одновременно находились в поисках идентичности. В плане евроинтеграции этот период стал этапом глубоких и ускоренных преобразований. В этот относительно небольшой отрезок времени ЕС столкнулся со сложной проблемой — осуществлять одновременно и расширение, и углубление интеграции¹.

Такое положение дел усложняло для ЕС задачу формирования подхода в отношении Турции. Во-первых, трудно было определить размеры, характер и содержание расширения на Восток. В период 2004–2007 гг. Евросоюз завершил большую волну расширения, включив в свой состав 10 стран Центральной и Восточной Европы, а также Кипр и Мальту. Количество стран-членов ЕС достигло 27, было 15. Новые страны с политической и экономической точек зрения существенно отличались от прежних стран ЕС. И это было серьезной проблемой для Евросоюза. В результате расширения на Восток увеличились географические границы ЕС, появились новые соседи и проблемы. Влияние ЕС как международного актора расширилось. Однако расширенное влияние породило и потребность в разработке новых стратегий и новых инструментов для их реализации. Стало очевидно, что дальнейшее расширение такими темпами невозможно. Возникла необходимость в разработке новой модели взаимодействия с другими странами.

Во-вторых, с расширением границ ЕС на повестку дня вышел вопрос о том, где эти границы должны заканчиваться. В Европе размышляли над тем, какие государства и по каким критериям могут быть приняты в ЕС, а с какими должны выстраиваться «привилегированные партнерства» или «особые отношения». Не было однозначного мнения относительно целей и содержания евроинтеграции. Поиски «европейской идентичности», а также ха-

¹ Çalış Ş., Türkiye — Avrupa Birliği İlişkileri; Kimlik Arayışı, Politik Aktörler ve Değişim. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2015.

рактерных качеств, необходимых для принятия этой идентичности, так и не увенчались успехом.

В-третьих, для того чтобы считать расширение успешным, Евросоюз должен был и после этого углублять интеграцию и нормально функционировать. Перед Евросоюзом стояла непростая задача пересмотреть и адаптировать под текущие реалии свою институциональную структуру, функции и полномочия отдельных институтов, цели и вектор развития, демократическую легитимность, географические границы и роль на международной арене. При этом интеграционный процесс должен был заручиться поддержкой европейской общественности.

В результате больших усилий был разработан Конституционный договор ЕС, возникший вследствие длительных, сложных и многоформатных переговоров. Однако и он оказался недостаточным. В итоге был принят Лиссабонский договор, подменивший собой непринятую конституцию.

Такой сложный период евроинтеграции вынудил Брюссель иначе взглянуть на характер взаимодействия с Анкарой, перед которой в это время тоже стояли непростые задачи. Она должна была заново определить саму себя, обозначить вектор своего развития и дальнейших преобразований.

С конца 2000-х гг. уровень влияния ЕС на внутривнутриполитические процессы в Турции демонстрирует нисходящую траекторию. Среди негативных факторов этого процесса исследователи выделяют следующие: 1) «политическое отчуждение», проявляемое Брюсселем в отношении Анкары; 2) «усталость» ЕС от пятого наиболее масштабного в истории расширения; 3) спад в мировой экономике, начавшийся с кризиса в финансовом секторе США в 2007–2008 гг.

Во втором десятилетии XXI в. многие исследователи отмечают, что в турецком внешнеполитическом самосознании произошел серьезный скачок. Евросоюз уже начал рассматриваться Турцией не как продвинутое объединение развитых и богатых государств, а лишь как один из многих культурно-цивилизационных центров силы многополярного мира. Росло убеждение в том, что объединение христианского мира побуждает к объединению и мусульманского мира. Соответственно вставал вопрос — а кто его возгла-

вит? В перспективе могло появиться вакантное место, претензии на которое в Турции стали восприниматься делом естественным.

В то же время культурно-цивилизационный подход имел свои недостатки. Если Турция определяла собственную внешнюю политику через культурно-цивилизационную самоидентификацию, то как тогда объяснить ее стремление войти в ЕС, участие в вооруженных силах ЕС, просуществовавших до 2011 г., да и вообще что тогда Турция делает в НАТО? То есть вставали вопросы соотношения национальной обороны и коллективной безопасности. В Турции стали появляться собственные трактовки стратегии «передовой обороны». Опора на защиту национальных интересов укрепляла в Турции прагматическое мировоззрение реализма. Аргументы культурно-цивилизационного подхода становились все менее убедительными.

В середине второго десятилетия XXI в. европейцы столкнулись с проблемой бесконечных притоков мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. В Брюсселе стали больше внимания уделять Турции, посвящая ей заметную часть заседаний своих саммитов в надежде придать ей функции так называемого «буфера и аккумулятора беженцев», которые использовали турецкую территорию в качестве плацдарма для массированного наступления на «богатую Европу». Турецко-европейские отношения стали рассматриваться сквозь призму попыток обеспечения региональной и международной безопасности.

Ввод новых переменных, таких как незаконные мигранты, региональные конфликты, спорные месторождения в Средиземном море и другие, повлек за собой необходимость в корректировке способов решений, окончательным итогом которых должно было стать не единое интеграционное объединение, а обеспечение коллективной безопасности. В частности, среди проблем взаимодействия Турции и ЕС в Восточном Средиземноморье в 2018–2020 гг. выделялись следующие: 1) наличие застарелых конфликтов, связанных с неразрешенной кипрской проблемой и спорами по разграничению морских пространств в Восточном Средиземноморье, в том числе в акватории Эгейского моря; 2) отсутствие как между ЕС и Турцией, так и в странах ЕС общих взглядов и опасений относительно гуманитарной ситуации в Сирии и Ливии,

а также разные взгляды этих стран на проблему проникновения нелегальных мигрантов в Европу через средиземноморские маршруты и Балканы; 3) различие в подходах по разрешению ситуации в Ливии и несовпадение интересов стран ЕС и Турции относительно форматов ливийского урегулирования, а также отсутствие единых общепринятых механизмов применения эмбарго на поставки оружия в Ливию. То есть кардинальным образом изменились как цели, так и средства их достижения, а также условия их реализации.

Все вышесказанное свидетельствует, на наш взгляд, о том, что при изучении истории турецко-европейских отношений невозможно придерживаться лишь одного-единственного подхода. Изучение этих отношений требует комплексных подходов и учета доминирующих в тот или иной период времени концептуальных идей.

4.3. ТУРЕЦКО-ГРЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Отношения с соседней Грецией всегда были важным, но непростым направлением внешней политики Турецкой Республики. Исторический груз неразрешенных противоречий придает дополнительную сложность проблемам, возникшим в турецко-греческих отношениях в новейшее время. После прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) турецкое руководство попыталось активизировать отношения с Грецией и найти новые формы двустороннего взаимодействия. Эта тактика оказалась довольно результативной, и в первое десятилетие пребывания ПСР у власти турецко-греческие связи динамично развивались. Однако к середине 2010-х гг. в отношениях двух стран вновь накопился конфликтный потенциал, вызванный как двусторонними разногласиями, так и международной конъюнктурой. Неустойчивая атмосфера сохраняется в турецко-греческих отношениях вплоть до начала 2023 г. В этой главе будут рассмотрены два периода в отношениях между Турцией и Грецией, условным водоразделом между которыми можно считать 2016 г.

Хронические проблемы турецко-греческих отношений

Современные турецко-греческие связи невозможно изучать без учета исторических противоречий, поскольку во многом именно они являются определяющими факторами в отношениях сторон при любом политическом руководстве. Эти вопросы не утратили своей актуальности и в период правления ПСР. Источниками перманентных разногласий между двумя странами остаются проблема разделенного Кипра, вопросы определения межгосударственных границ в Эгейском море, а также положение греческого меньшинства в Турции и турецкого меньшинства в Греции.

Проблеме Кипра в нашей монографии отведена отдельная глава, поэтому здесь мы не будем останавливаться на этой теме.

Эгейский конфликт, или «Эгейский диспут», связан с принципами разграничения территориальных вод и вытекающими отсюда спорами вокруг границ континентального шельфа, воздушного пространства и исключительной экономической зоны двух стран. В настоящее время взаимно признанная протяженность территориальных вод каждой из сторон составляет шесть морских миль. Почти все острова Эгейского моря принадлежат Греции, поэтому распределение водных ресурсов складывается в пользу греческой стороны. Греки контролируют порядка 35% Эгейского моря, турки — 8,8%, оставшиеся 56,2% считаются международными водами.

Афины настаивают на своем праве в одностороннем порядке увеличить размеры территориальных вод Греции до 12 морских миль. Такую возможность предусматривает Международная конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Анкара не ратифицировала конвенцию и категорически не приемлет попытки Греции изменить морские границы, поскольку это значительно ограничит для Турции свободу мореходства в Эгейском море. Еще в 1995 г. турецкий парламент принял решение считать одностороннее расширение Грецией своих территориальных вод до 12 миль «поводом к войне». В Греции, полагающей, что она действует в соответствии с международным морским правом, такой подход турецкой стороны вызывает глубокую озабоченность. В период правления

ПСР представители греческого руководства, пользуясь потеплением отношений с Турцией, не раз безуспешно призывали Анкару отказаться от решения 1995 г. Вопрос остается неурегулированным и служит потенциальным источником конфликтов и столкновений между двумя странами¹.

Отсутствие договоренности о границах территориальных вод не позволяет разграничить исключительные экономические зоны и воздушное пространство. Эта ситуация нередко приводит к опасным инцидентам с участием самолетов и морских судов двух стран. Дополнительно осложняет Эгейский конфликт тот факт, что Турция оспаривает принадлежность нескольких небольших островов и требует демилитаризации ряда крупных греческих островов, которые Греция вооружила при помощи США и НАТО.

Отдельным вопросом турецко-греческих отношений является положение этно-конфессиональных меньшинств. Руководство Турции регулярно выражает озабоченность вопросами получения представителями турецкого меньшинства образования на турецком языке, правами турок Греции выбирать себе муфтиев и создавать общественные организации по этническому признаку². В свою очередь Афины полностью отвергают турецкие претензии, считая их необоснованными. Исходя из положений Лозаннского договора 1923 г., который зафиксировал наличие в Турции и Греции религиозных, а не этнических меньшинств, Афины считают, что в стране есть не турецкое, но мусульманское меньшинство³. Греческие власти утверждают, что показателем качества жизни мусульман в Греции служит их численность – 120 тыс. человек. Примерно столько же их было на момент подписания Ло-

¹ Подробнее см.: Гудев П. А. Международное право или битва за права / Борьба за Восточное Средиземноморье. Интересы и амбиции. Коллективная монография / Под ред. И. Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. М.: Аспект Пресс, 2022.

² Yunanistan'daki Türk Varlığı. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Resmi Sitesi. URL: <http://www.mfa.gov.tr/bati-trakya-turk-azinligi.tr.mfa> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Greece regarding issues related to the Muslim Minority of Thrace. 08.12.2022. URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/statement-by-the-ministry-of-foreign-affairs-regarding-issues-related-to-the-muslim-minority-of-thrace-08122022.html> (дата обращения: 20.01.2023).

занный договор. В то время как численность православного греческого меньшинства в Турции сократилась за это время со 130 тыс. до 3 тыс. человек¹. Различия в принципиальных подходах сторон выражаются в том, что Анкара стремится включать вопросы о положении турок в Греции в любую повестку своих переговоров с Афинами, тогда как Греция считает вопрос о «греческих мусульманах» не подлежащим обсуждению.

Попытки перезагрузки отношений

Стоит отметить, что предпосылки потепления отношений между двумя странами наметились еще до прихода к власти ПСР. В 1999 г. Греция отказалась от поддержки Рабочей партии Курдистана (РПК), которую в Анкаре считают террористической организацией, и согласилась с решением саммита Евросоюза предоставить Турции статус страны — кандидата на членство в ЕС. В 2000 г. впервые за 38 лет две страны обменялись официальными визитами на уровне министров иностранных дел и подписали несколько соглашений о сотрудничестве.

В свою очередь ПСР сделала ставку на активизацию политического диалога с Афинами, используя два ключевых инструмента: прямые контакты высокопоставленных представителей обеих стран и деятельность Совета сотрудничества высокого уровня.

Первый визит Р. Т. Эрдогана в Афины состоялся 18 ноября 2002 г. (всего через две недели после победы ПСР на парламентских выборах). Эрдоган, находившийся под запретом на политическую деятельность и не принимавший участия в выборах, посетил Грецию в качестве генерального председателя ПСР. Он был принят премьер-министром К. Симитисом и министром иностранных дел Г. Папандреу, с которыми обсудил проблемы турецко-греческих отношений.

В мае 2004 г. Эрдоган посетил Грецию уже в качестве премьер-министра Турции (предыдущий визит такого уровня состоялся

¹ Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Greece regarding issues related to the Muslim Minority of Thrace. 08.12.2022. URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/statement-by-the-ministry-of-foreign-affairs-regarding-issues-related-to-the-muslim-minority-of-thrace-08122022.html> (дата обращения: 20.01.2023).

в 1988 г.). В 2008 г. состоялся первый с 1959 г. официальный визит в Турцию греческого премьер-министра К. Караманлиса. После этого встречи и переговоры высшего руководства двух стран стали регулярными.

По инициативе Анкары в мае 2010 г. начал функционировать турецко-греческий Совет сотрудничества высокого уровня (ССВУ). Первое заседание в Афинах завершилось подписанием 22 документов о развитии взаимодействия в различных сферах. Формат ССВУ, который Анкара использует в отношениях с целым рядом государств, позволяет не только подписывать целые пакеты документов, но также представляет собой площадку для диалога на высоком уровне.

Второе заседание ССВУ состоялось в марте 2013 г. в Стамбуле. От каждой из сторон в нем приняли участие по тринадцать министров, поставивших свои подписи под 25 различными документами.

В декабре 2014 г. в Афинах прошло третье заседание турецко-греческого ССВУ. Премьер-министры двух стран заявили о решимости развивать отношения в сферах торговли, инвестиций, туризма, культуры, здравоохранения, таможенной политики¹.

Четвертое заседание ССВУ состоялось в 2016 г. в Измире. Выбор места был символическим, принимая во внимание непростые исторические воспоминания обеих сторон о столкновениях в Измире в ходе греко-турецкой войны 1919–1922 гг. В общей сложности в ходе четырех заседаний ССВУ Турция и Греция подписали 54 соглашения о сотрудничестве в различных сферах².

Еще одним инструментом улучшения турецко-греческих отношений стали попытки ПСР укрепить экономические связи между двумя странами. По данным турецкого Института статистики, в 2014 г. торговый оборот между Турцией и Грецией пре-

¹ Atina ile yeni bir dönemi açmaya kararlıyız. Anadolu Ajansı. 06.12.2014. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/atina-ile-yeni-bir-donemi-acmaya-kararliyiz/94928#> (дата обращения: 20.01.2023).

² Türkiye-Yunanistan İlişkileri. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Resmi Sitesi. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-yunanistan-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 20.01.2023).

высил 6 млрд долл.¹, в то время как в 2002 г. он находился на уровне 900 млн долл. В дальнейшем в объеме торговли наметился некоторый спад, что было связано с экономическим кризисом в Греции.

Получили развитие инфраструктурные проекты. В 2007 г. в присутствии премьер-министров двух стран был открыт турецко-греческий газопровод Караджабей–Комотины. Благодаря этому Турция и Греция стали ключевыми странами, через которые проходит Южный газовый коридор — цепь из трех газопроводов (Южно-Кавказский, Трансанатолийский и Транс-адриатический), по которым европейские потребители получают газ из Азербайджана. Наличие общей инфраструктуры является важным фактором, сдерживающим конфликтность в отношениях Турции и Греции².

Увеличился взаимный туристический поток между двумя странами. В 2014 г. Турцию посетили 830 тыс. греков, хотя за десять лет до этого число греческих туристов составляло 584 тыс. человек³. Количество турецких туристов в Греции за тот же период продемонстрировало еще более впечатляющий рост: 741 тыс. человек в 2014 г. по сравнению со 141 тыс. человек в 2005 г.⁴

В то же время сохранили свою актуальность исторические проблемы. В рассматриваемый период Турция и Греция поддерживали активный диалог по эгейской проблематике. С 2002 по 2016 г. состоялось около 60 раундов двусторонних зондирующих переговоров, которые, однако, не привели к принципиальному изменению позиций сторон. Они так и не смогли достичь консенсуса по вопросам разграничения морского и воздушного пространств и постоянно предъявляли друг другу претензии. В 2014 г. министр обороны Турции И. Йылмаз заявил, что «за семь лет самолеты ВВС

¹ Ülkelere Göre Dış Ticaret URL: <https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=dis-ticaret-104> (дата обращения: 30.01.2023).

² Власова К. Греко-турецкое противостояние и его влияние на регион Восточного Средиземноморья // Современная Европа. 2021. № 3. С. 29–32.

³ Yunanistan'dan Türkiye'ye gelen turist sayısı ne kadar arttı? URL: <http://www.turizmaktuel.com/haber/yunanistan-dan-turkiye-ye-gelen-turist-sayisi-ne-kadar-artti> (дата обращения: 30.01.2023).

⁴ Ibid.

Греции 194 раза нарушали воздушное пространство Турции»¹. По данным греческой стороны, только в 2014 г. было зафиксировано 2244 случая нарушения воздушного пространства Греции самолетами турецких ВВС².

В теоретическом плане в рамках концепции «ноль проблем с соседями» в Анкаре была предпринята попытка осмыслить исторические противоречия и предложить «новую модель» отношений между Турцией и Грецией. В марте 2010 г. в греческой газете «Катимерини», выходящей в Афинах на греческом и английском языках, была опубликована статья министра иностранных дел Турции А. Давутоглу «Новая парадигма турецко-греческих отношений в меняющейся стратегической обстановке». Статья была также размещена на официальном сайте Министерства иностранных дел Турции³. В ней Давутоглу сформулировал принципы нового подхода к выстраиванию отношений:

1. Общее понимание истории ради будущего. Общее историческое наследие и культурное взаимовлияние народов Турции и Греции определяют необходимость выработать концепцию общей истории.

2. Образец межконфессионального диалога, примером которого могут стать турецко-греческие отношения.

3. Новое понимание «соседства». Мобилизация интеллектуальных ресурсов и развитие контактов между двумя народами для поиска решения застарелых проблем.

4. Урегулирование нерешенных проблем в Эгейском море, которое должно превратиться в «море дружбы и сотрудничества между двумя странами».

¹ Türk Hava Sahası İhlalleri. URL: <http://www.haberler.com/turk-hava-sahasi-ihlalleri-5576228-haberi/> (дата обращения: 30.01.2023).

² Turkey buzzes weakened Greece. URL: <http://www.politico.eu/article/turkey-buzzes-weakened-greece-military-airspace/> (дата обращения: 30.01.2023).

³ Article by H. E. Ahmet Davutoğlu published in Kathimerini Newspaper (Greece) on 10 March 2011. A New Paradigm in Turkish-Greek Relations in the Changing Strategic Environment. URL: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_-ahmet-davutoglu-published-in-kathimerini-newspaper-_greece_-on-10-march-2011.en.mfa (дата обращения: 30.01.2023).

5. Выработка совместных инициатив в рамках Европейского союза, Средиземноморского союза, Организации черноморско-го экономического сотрудничества.

Статья Давутоглу отражала «идеальную программу» перспективного развития турецко-греческих отношений. Реализовать ее в рассматриваемый период сторонам не удалось, хотя традиционная напряженность между Турцией и Грецией была несколько смягчена.

Новый виток напряженности

К середине 2010-х гг. атмосфера турецко-греческих отношений снова начала накаляться. В Восточном Средиземноморье развернулась борьба за газовые ресурсы вокруг Кипра и маршруты их транзита на европейские рынки. Непризнанная Турецкая Республика Северного Кипра и поддерживающая ее Турция выступили против стремления Республики Кипр и поддерживающей ее Греции начать добычу газа в одностороннем порядке. Турция и Греция включились в «газовую лихорадку», начав разведывательные работы в Восточном Средиземноморье. Если ранее интересы Анкары и Афин в области транзитных поставок голубого топлива в целом совпадали, то теперь обострилась конкуренция за роль «газового хаба» на перекрестке Европы и Азии.

Тяжелым испытанием для турецко-греческих отношений стал разразившийся в 2015 г. миграционный кризис, поскольку значительный поток беженцев направлялся в Евросоюз через границу между Турцией и Грецией. В этой связи Анкара и Афины договорились активизировать сотрудничество по вопросам возвращения мигрантов¹. Тем не менее эта проблема осталась камнем преткновения для отношений между двумя странами, которые стали «затолочниками» противоречий между Турцией и ЕС.

В Греции распространена точка зрения о том, что Анкара использует миграционный рычаг для дестабилизации внешних гра-

¹ Давутоглу: Турция будет выполнять соглашение о реадмиссии с Грецией. 09 марта 2016. URL: <http://www.unian.net/world/1285095-davutoglu-turtsiya-budet-vyipolnyat-soglashenie-o-readmissii-s-gretsiey.html> (дата обращения: 01.02.2023).

ниц Евросоюза¹. В свою очередь турецкий МИД регулярно обвиняет Грецию в нарушении прав человека на внешней границе ЕС, противоправной высылке мигрантов и дурном обращении с людьми, которые ищут убежища².

В 2016 г. новым фактором напряженности оказалась попытка военного переворота в Турции, после которой несколько турецких военных бежали в соседнюю Грецию и вопреки требованиям Анкары не были выданы греческими властями. Отказ Афин экстрадировать турецких граждан, обвиняемых на родине в причастности к заговору, привел к приостановке зондирующих переговоров по урегулированию турецко-греческих противоречий в Эгейском и Средиземном морях. При этом инциденты в районе неурегулированных морских и воздушных границ продолжались, что не способствовало потеплению атмосферы отношений двух стран.

Еще одним поводом для разногласий между Анкарой и Афинами стало превращение Софийского собора в Стамбуле в мечеть в июле 2020 г. Греки восприняли это событие особенно остро, поскольку в современной Турции наблюдается целый процесс превращения в мечети византийских храмов, которые имели музейный статус в республиканский период. В апреле 2022 г. получившие резонанс случаи вандализма в лишившейся прежней музейной охраны Святой Софии стали причиной обращения греческих властей в ЮНЕСКО³.

В начале 2021 г. снова наметилось улучшение турецко-греческих отношений. После пятилетнего перерыва возобновились зондирующие переговоры по Эгейскому морю, так как стороны убедились в невозможности решения вопросов метода-

¹ Свистунова И. А., Квашнин Ю. Д. Турецко-греческие противоречия как константа региональной политики / Борьба за Восточное Средиземноморье. Интересы и амбиции. Коллективная монография / Под ред. И. Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 73.

² Çavuşoğlu M. 2022 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. P. 34. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2022-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (accessed: 30.11.2021).

³ Greece Asks UNESCO to Press Turkey on Hagia Sophia Vandalism. April 22, 2022. URL: <https://greekreporter.com/2022/04/22/greece-unesco-turkey-hagia-sophia-vandalism/> (дата обращения: 06.02.2023).

ми открытой конфронтации. Наряду с консультациями по морской проблематике Турция и Греция активизировали политические контакты и вернулись к обсуждению проектов расширения торгово-экономических связей. Апофеозом нового потепления стал визит в Стамбул в марте 2022 г. греческого премьер-министра К. Мицотакиса и его встреча с турецким президентом Р. Т. Эрдоганом.

Однако уже в апреле атмосфера в греко-турецких отношениях стремительно деградировала, подорвав достижения предшествовавших полутора лет. На место многообещающим заявлениям о необходимости поиска конструктивной повестки, прозвучавшим в ходе мартовских переговоров на высшем уровне в Стамбуле, пришли резкие взаимные выпады. В начале июня 2022 г. Анкара объявила о разрыве договоренностей с Афинами о Совете сотрудничества высокого уровня и приостановке политического диалога на всех площадках¹.

Резкое недовольство турецкого руководства вызвало углубление военных связей Греции и США. Размещение новых американских баз в рамках подписанного в октябре 2021 г. (ратифицировано в мае 2022 г.) соглашения об оборонном сотрудничестве между Грецией и Соединенными Штатами было расценено Р. Т. Эрдоганом как свидетельство возросшего американского военного присутствия в Восточном Средиземноморье, угрожающего турецким национальным интересам². Острую реакцию в Турции вызвала возможность появления на территории Греции новых американских баз и расширения масштабов существующих, одобренная греческим парламентом накануне визита Мицотакиса в США в мае 2022 г.³

¹ Çavuşoğlu M. 2023 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2023-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf. p. 7 (дата обращения: 06.02.2023).

² Erdogan takes issue with US military presence in Greece. Kathimerini. 09.06.2022. URL: <https://www.ekathimerini.com/news/1186434/erdogan-takes-issue-with-us-military-presence-in-greece> (дата обращения: 28.06.2022).

³ Tavukçu S. Yunanistan'ın Boşa Çıkan Doğu Akdeniz Stratejisi: Türkiye Hamleleri. 23 Mayıs 2022. URL: <https://www.sde.org.tr/sinan-tavukcu/genel/yunanistanin-bosacikan-dogu-akdeniz-stratejisi-turkiye-hamleleri-kose-yazisi-26739> (дата обращения: 13.07.2022).

В отличие от Афин, стремящихся опираться на западных союзников в урегулировании противоречий с Турцией, Анкара традиционно предпочитает решать свои проблемы с Грецией на двусторонней основе. Вмешательство третьих сторон, будь то страна или международная организация, не соответствует турецким представлениям о собственной значимой роли в региональной геополитике и исторических связях между двумя странами. Позиция официальной Анкары заключается в том, что все проблемы турецко-греческих отношений в Восточном Средиземноморье взаимосвязаны и должны решаться с учетом «законных прав и интересов» Турции¹.

В программе внешней политики Турции на 2023 г. турецкие власти снова заявили о недовольстве позицией Греции по таким основополагающим вопросам двусторонних отношений, как борьба с терроризмом, нелегальная миграция и положение этнических меньшинств². В 2023 г. Турция и Греция вступили в ситуации напряженности в двусторонних отношениях. Турецкие аналитики прогнозировали сохранение высокого уровня конфликтности в отношениях Анкары и Афин в 2023 г.³ В определенной мере это было связано с предстоящими в обеих странах в этом году парламентскими выборами, поскольку предвыборная борьба всегда повышает готовность к воинственной риторике и резким шагам. В то же время членство обеих стран в НАТО усиливает международное значение и возможный резонанс любых турецко-греческих конфликтов.

Таким образом, в период правления ПСР Анкара совершила ряд серьезных и даже прорывных шагов, направленных на развитие политического диалога и укрепление экономических связей с Афинами, надеясь на постепенное «размягчение» про-

¹ Çavuşoğlu M. 2022 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2022-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf. p. 5 (дата обращения: 08.07.2022).

² Çavuşoğlu M. 2023 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2023-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf. p. 8 (дата обращения: 06.02.2023).

³ 2023'te Türk diplomasisini hangi zorluklar bekliyor? 01 Ocak 2023. Cumhuriyet Gazetesi. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/2023te-turk-diplomasisini-hangi-zorluklar-bekliyor-2017490> (дата обращения: 08.02.2023).

блем турецко-греческих отношений. Ключевым достижением ПСР можно считать налаживание регулярного политического диалога с Грецией. Важное значение имело и наращивание экономического сотрудничества. Тем не менее Турции и Греции не удалось решить весь сложный и запутанный комплекс проблем, которые имеют глубокие исторические предпосылки и укоренены в национальном сознании двух народов. В то же время готовность сторон достаточно легко отказываться от переговоров и возвращаться к эскалации в предвыборный период свидетельствует о том, что отношения с Грецией остаются эффективным инструментом внутренней политики в Турции и наоборот.

4.4. Кипрский вопрос во внешней политике Турции в период правления ПСР

Кипрский вопрос является одним из самых сложных конфликтов XX — начала XXI вв., в разрешении которого задействовано большое количество как региональных, так и глобальных игроков. На момент прихода Партии справедливости и развития (далее ПСР) к власти в Турции остров уже почти 20 лет был фактически разделен на две административные части: Республику Кипр и Турецкую Республику Северного Кипра. Мировая общественность признает суверенитет Республики Кипр на всем острове. Турция активно оспаривает этот факт, признавая независимым государством компактно проживающую на севере острова общину турок-киприотов.

В 1990-х предпринимались активные попытки примирить стороны конфликта, однако кардинальных результатов они не дали. Весьма любопытно, что одновременно с победой ПСР на парламентских выборах в ноябре 2002 г. сторонам конфликта был представлен новый план, который вошел в историю как План Аннана.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан предлагал создать единое государство Кипр, распространяющее свой суверенитет на весь остров Кипр (за исключением британских военных баз).

Объединенный Кипр по своему государственному устройству должен был стать конфедерацией, то есть свободным объединением двух государств (греков-киприотов и турок-киприотов), соединенных вместе минимальным аппаратом общего правительства. Представители греческой и турецкой общин поочередно становились бы президентами страны.

План включал конституцию конфедерации, конституции для каждого государства, ряд конституционных законов и предложений о флаге Объединенной республики Кипр и национальный гимн. Он также предлагал создание комиссии по примирению для сближения двух общин и разрешения споров прошлого. План устанавливал ограниченное право возврата беженцев между территориями обеих общин, а также позволял бы Греции и Турции сохранить постоянное военное присутствие на острове, правда, при значительном снижении числа войск.

Таким образом, с самого прихода к власти ПСР пришлось проводить активный переговорный процесс по урегулированию кипрской проблемы. Также стоит отметить предложение бывшего в то время премьер-министром Р. Эрдогана о созыве пятисторонней конференции (Кипр, ТРСК, Турция, Греция и Великобритания) с целью решения кипрской проблемы в 2003 г. Однако Республика Кипр отказалась, обозначив ООН единственной возможной платформой для переговоров. Обсуждение плана Аннана проводилось с 2002 по 2004 г., и он претерпел внесение большого количества поправок.

24 апреля 2004 г. был проведен референдум на основе этого плана. Его итоги оказались достаточно неожиданными: более 75% (при явке 88%) греков-киприотов отказались от создания единой модели государства по плану Аннана. Греков-киприотов не устроили некоторые пункты плана, такие как недостаточные гарантии безопасности общин; сохранение турецкого военного присутствия на острове; предоставление права проживания на острове всем переселенцам из Турции; квоты, ограничивающие количество греков-киприотов, которым позволено вернуться на север острова и вернуть собственность, потерянную после ввода турецких войск в 1974 г. Турки-ки-

приоты проголосовали «за» — 64,9%, «против» — 35,1% при 87% участвовавших в голосовании¹.

Предположительно решение о проведении референдума было преждевременным. Такой разброс в результатах может говорить о форсировании переговорного процесса из-за спешки Южного Кипра, который проходил процесс вступления в ЕС. Однако, вероятнее всего, РК было выгодно затягивать обсуждение плана Аннана, поскольку она могла бы рассчитывать на поддержку ЕС в решении данного вопроса в свою пользу. В таком случае заинтересованной стороной в проведении референдума максимально быстро были ТРСК и Турция, чтобы мнение турок-киприотов учитывалось при определении будущего страны. В конце мая 2004 г. Генеральный секретарь ООН сделал доклад о результатах переговоров по Кипру и его миссии доброй воли. В своем докладе он заявил, что вина за столь медленный прогресс в переговорном процессе лежит на представителях Южного Кипра, которые должны проявлять свою приверженность принципам партнерства и равенства не только на словах, но и на деле².

Как и планировалось, 1 мая 2004 г. Кипр вошел в состав ЕС. Однако, поскольку руководство Европейского союза не сменило своих позиций относительно ТРСК, возникла весьма деликатная ситуация. Так как ЕС отрицал существование ТРСК, а правительство греческой части Кипра претендует на то, чтобы представлять все население Кипра, включая турецко-кипрскую общину, формально в состав ЕС вошла вся территория Кипра. Однако, так как турецкая община не желает подчиняться решениям правительства Южного Кипра и на севере острова находятся турецкие войска, законы ЕС не распространяются на эту территорию. Фактически с 1 мая 2004 г. Турция оккупирует часть территории ЕС³.

¹ Фонд стратегической культуры. 03.10.2005. URL: <http://fsk.rustrana.ru.2005> (дата обращения: 05.09.2006).

² Fuat Aksu, "Kıbrıs Sorunu, Müzakereler ve Türkiye'nin Açmazı", Küreselleşen Dünyada Anayasal Demokrasi, Lefkoşe: Yakındoğu Üniv., Yay., 2013. S. 405–420.

³ Иванова И. И. Турция и кипрский вопрос: напряжение сохраняется / И. И. Иванова // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2018. Вып. 4. С. 90–91.

На данный момент разделение острова сохраняется. Попытки воссоединения общин остаются безрезультатными. Турецкая сторона настаивает на том, что решение вопроса достаточно проработано в плане Аннана, и если Южный Кипр не устраивают какие-либо пункты плана, то надо разрабатывать поправки к ним, а не отклонять весь документ.

Греческая сторона в целом готова принять замечания турок-киприотов. Кроме того, наметилось некоторое смягчение позиций Южного Кипра по отношению к ТРСК и Турции. В свою очередь ЕС пообещал выделить Северному Кипру 259 млн евро в качестве экономической помощи, а также ослабить эмбарго на импорт товаров из непризнанной ТРСК¹. Переговоры по этим вопросам продолжались несколько лет, а желаемые результаты так и не достигнуты. Турецкие дипломатические источники указывают, что обещанные туркам-киприотам евро так и не были даны, а что касается прямой торговли с Северным Кипром, то «Европейское сообщество демонстрирует свою решимость “пока забыть эту проблему”»².

Вместе с тем, когда Республика Кипр стала членом ЕС, стало ясно, что для Анкары процесс урегулирования кипрской проблемы будет вписываться уже в широкий контекст ее отношений с Брюсселем. Турции были поставлены дополнительные политические условия для вступления в ЕС: признать Республику Кипр в общепризнанных границах как суверенное государство, вывести свой военный контингент с северной части острова. Так, в 11-м ежегодном докладе Европейской комиссии, опубликованном 11 октября 2009 г., подчеркивается, что правительство Турции должно создать приемлемый климат на переговорах о вступлении в ЕС путем начала вывода войск с северной части Кипра. Более того, Турцию осудили за то, что она отказывается соблюдать положения дополнительного протокола о таможенном союзе

¹ Мильтос М. Кипрская проблема // Посольство Республики Кипр в Москве, апрель 2006. URL: http://www.mfa.gov.cy/mfa/embassies/embassy_moscow.nsf/moscow_embassy16_ru/moscow_embassy16_ru?OpenDocument (дата обращения: 15.05.2006).

² Иванова И. И. Турция и кипрский вопрос: напряжение сохраняется // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2018. Вып. 4. С. 93.

с ЕС, в соответствии с которым обязалась открыть свои воздушные и морские порты для судов всех стран Евросоюза, включая Республику Кипр¹.

24 февраля 2008 г. президентом Республики Кипр был избран генеральный секретарь Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) Д. Христофиас, который выступал за воссоединение острова и гармоничное сосуществование двух общин. Он видел возможности для их взаимопонимания и сотрудничества².

21 марта 2008 г. состоялась встреча Д. Христофиаса и лидера турок-киприотов М. Талата. Так переговорный процесс после четырехлетнего латентного периода запустился вновь. Всего с 2008 по 2010 г. был проведен 71 раунд переговоров. Процесс выработки общей составляющей шел достаточно трудно, и основное расхождение заключалось в том, что М. Талат отстаивал идею равноправной конфедерации двух общин Кипра с единым суверенитетом, представительством и гражданством, а Христофиас выступал за Кипр как единое государство, исключая конфедерацию.

18 апреля 2010 г. в самопровозглашенной Турецкой Республике Северного Кипра были проведены президентские выборы, на которых победу одержал лидер Партии национального единства Д. Эроглу, занимавший пост премьер-министра. Проигрыш М. Талата на этих выборах турецкие эксперты связывают с безрезультатными длительными переговорами с греческой общиной³.

Д. Эроглу, в отличие от своего предшественника, предлагал решить кипрскую проблему путем создания двух отдельных независимых государств. Ранее в своих выступлениях он говорил, что неурегулированность кипрской проблемы фактически является ее решением. Однако вскоре после выборов Д. Эроглу заявил, что «продолжит переговорный процесс Талата — Христофиаса» и что первым не прервет данный процесс. Однако он будет на-

¹ Иванова И. И. Турция и кипрский вопрос: напряжение сохраняется // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2018. Вып. 4. С. 93.

² Там же.

³ Гаджиев А. Г. Итоги президентских выборов в ТРСК и роль Кипрской проблемы во взаимоотношениях между Турцией и ЕС // Институт Ближнего Востока, 07.05.2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10601> (дата обращения: 15.05.2010).

стаивать на новых положениях переговоров¹. Такая позиция вызывала беспокойство ввиду того, что стратегия ТРСК по урегулированию Кипрского вопроса могла быть полностью перестроена, что, в свою очередь, вело бы к усложнению проблемы.

Обеспокоенность Турции по данному поводу выражена в ответственных посланиях президента Турции А. Гюля, министра иностранных дел Ч. Давутоглу, направленных Д. Эроглу. В них подчеркивается необходимость продолжения переговорного процесса и линии М. Талата, понимания того, что не стоит без одобрения Турции принимать коренных изменений.

Новый раунд переговоров под эгидой ООН между президентом Турецкой Республики Северного Кипра Д. Эроглу и президентом Республики Кипр Д. Христофиасом открыла встреча представителей кипрских общин в июле 2011 г. на площадке ООН в Женеве. По итогам встречи лидеры общин пообещали Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну активизировать поиски урегулирования разногласий. Главным вопросом на тот период являлось определение права собственности: турки были согласны решить право собственности на покинутые греками дома в 1974 г. на основе денежных компенсаций бывшим владельцам. Однако греки хотели решить эту проблему на основе возврата всего, что когда-либо принадлежало греческой общине на Кипре. После встречи в Женеве межобщинные переговоры между Д. Христофиасом и Д. Эроглу продолжились по запланированному графику, и в конце октября 2011 г. оба лидера встретились в Нью-Йорке с Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном, однако конкретных результатов не было достигнуто².

В это же время в отношениях Турции с Грецией и Республикой Кипр на первый план вышел другой фактор, который негативно сказался на процессе мирных переговоров по Кипру. Этим дестабилизирующим моментом стал вопрос делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны. Республика Кипр подписала соглашение о разграничении сво-

¹ Там же.

² Пан Ги Мун: переговоры по воссоединению Кипра начинают терять динамику // Новости ООН, 17.08.2011. URL: <https://news.un.org/ru/story/2011/08/1187991> (дата обращения: 18.08.2011).

ей экономической зоны с Египтом в 2003 г., с Ливаном в 2007 г. и с Израилем в 2007 г.¹ Турция в нотах, отправленных в ООН, подчеркнула, что не признает соглашений об исключительных экономических зонах, заключенных греками-киприотами. И, отправив в этот регион военные корабли, продемонстрировала, что не останется безучастной к односторонним действиям греков-киприотов².

Особенно остро этот вопрос встал на повестку дня после обнаружения крупных запасов энергоресурсов. В 2007 г. американская компания Noble Energy выиграла тендер на проведение поисковых работ на шельфе Кипра³. ТРСК и Турция продемонстрировали, что не признают инициативу греков-киприотов на концессию по поиску природного газа. Турция считает, что подобные действия не учитывают интересы турецкой общины острова⁴.

В ответ на реакцию Турции в ливанском парламенте не было ратифицировано соглашение о разграничении экономической зоны с Кипром. 21 сентября 2011 г. между Турцией и ТРСК было подписано соглашение о разграничении континентального шельфа в Средиземном море и начале поисковых работ⁵. Анкара в сентябре 2011 г. направила военные корабли для поддержки действий турецкой нефтяной компании у берегов Кипра⁶. По официальной позиции Турции, игнорирование законных прав турок-киприотов в распределении природных ресурсов Кипра недопустимо. Анкара полна решимости отстаивать их права и интересы на континентальном шельфе Турции и поддерживать интересы турецкой общины Кипра.

¹ Иванова И. И. Турция и кипрский вопрос: напряжение сохраняется // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2018. Вып. 4. С. 95.

² Там же.

³ Турция подписала соглашение с Северным Кипром о бурении шельфа // РОСБАЛТ, 22.09.2011. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2011/09/22/892751.html> (дата обращения: 25.09.2011).

⁴ Сулейманов А. Проблемы Кипра: История и современность // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 81.

⁵ Там же.

⁶ Искендеров П. Россия и Турция в контексте кипрской проблемы // News Front, 17.02.2017. URL: <https://news-front.info/2017/02/17/rossiya-i-turtsiya-v-kontekste-kiprskoj-problemy-petr-iskenderov/> (дата обращения: 05.03.2017).

В 2013 г. сроки возобновления межобщинного диалога были отложены в связи с проведением президентских выборов в Республике Кипр. Выборы, на которых большинством голосов одержал победу от партии ДИСИ (Демократический сбор) Никос Анастасиадис, состоялись в феврале 2013 г. Затем переговоры были снова отложены из-за разразившегося в марте 2013 г. финансового кризиса в Республике Кипр.

Только 31 мая 2013 г. лидеры двух общин получили возможность провести первую после избрания нового президента РК совместную встречу. Представители ООН, в частности специальный советник генерального секретаря ООН по Кипру А. Даунер, расценили встречу двух лидеров как «стремление к мирному процессу, направленному на поиск решения, которое приемлемо для обеих общин»¹.

Возобновление межобщинных переговоров состоялось 11 февраля 2014 г. на основе проекта, подписанного между президентом Республики Кипр Н. Анастасиадисом и президентом ТРСК Д. Эроглу. В проекте заявления определялись базовые принципы решения кипрской проблемы и общие параметры процесса. В совместном заявлении стороны подтвердили готовность к поэтапному строительству двухобщинной, двухзональной политически равноправной федерации, а также методику ведения переговорного процесса².

Вместе с тем проведение Турцией сейсмической разведки в пределах исключительной экономической зоны (ИЭЗ) Республики Кипр привело к тому, что переговоры между общинами были прерваны в октябре 2014 г. Обозначенные действия Турции, указывается в документе, опубликованном на сайте посольства Республики Кипр, «явились грубым нарушением суверенных прав и юрисдикции Республики Кипр над своей исключительной экономической зоной и шельфом, в том виде, как они закреплены в Конвенции ООН по морскому пра-

¹ Иванова И. И. Турция и кипрский вопрос: напряжение сохраняется // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2018. Вып. 4. С. 96.

² Переговоры по кипрскому урегулированию возобновляются на Кипре // РИА Новости, 11.02.2014. URL: <https://ria.ru/20140211/994192035.html> (дата обращения: 11.02.2018).

ву и соответствующих нормам обычного права»¹. Однако ситуация усложняется тем, что и Кипр, и Греция являются странами-подписантами Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а Турция — нет. Поэтому у сторон разные подходы к решению проблем ИСЗ и континентального шельфа: Греция апеллирует к международному праву, а Турция исходит из принципа «справедливости»². Так, в 2013 г. в Турции была принята в качестве официального политического курса доктрина «Голубая Родина» (Mavi Vatan), которая явно показывает те морские зоны, которые должны быть под ее контролем.

После того, как в апреле 2015 г. лидером турко-кипрской общины был избран Мустафа Акынджи, а Турция прервала незаконную сейсмическую разведку в исключительной экономической зоне Кипра, в мае 2015 г. переговоры между лидерами двух общин Кипра возобновились. Они проходили под председательством спецсоветника Генерального секретаря ООН по Кипру Эспена Барта Эйде. Переговоры шли в благоприятном ключе, удалось прийти к согласию по некоторым вопросам, связанным с государственным управлением, распределением полномочий, собственности и экономики³.

В конце 2016 г. интенсивность переговоров достигла максимального уровня: президент Кипра Н. Анастасиадис и лидер турок-киприотов М. Акынджи встречались еженедельно. Однако пятисторонняя конференция (участвовали обе общины и три страны гаранта) в Женеве в январе 2017 г. завершилась безрезультатно. Турция сочла неприемлемым требование вывести ее оккупационные войска с Кипра и отменить систему гарантий, которую греческая сторона расценивает как ограничение суверенитета Кипра.

¹ Иванова И. И. Турция и кипрский вопрос: напряжение сохраняется // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2018. Вып. 4. С. 96–97.

² Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов / П. Гудев, И. Ибрагимов, Ю. Квашнин [и др.] // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3(66). С. 107–108.

³ Лидеры киприотов поделились своим видением единого федерального Кипра // Новости ООН, 15.05.2015. URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/05/1263641> (дата обращения: 11.02.2018).

Однако в Женеве была учреждена Конференция по вопросам объединения Кипра, а также рабочая группа, занимающаяся разработкой конкретных предложений.

Очередную встречу на уровне министров иностранных дел планировалось провести после 13 марта 2017 г., однако решение о праздновании в кипрских школах «дня эносиса» сорвало переговорный процесс. Эносис — это движение за присоединение к Греции. Празднование дня этого движения вызвало негативную реакцию как в Турции, так и в ТСРК. Под давлением турецкой стороны парламент отменил решение о дне эносиса, и переговоры возобновились.

Удалось прийти к соглашению по территориальному вопросу: турецкая сторона согласилась сократить размер территории, находящейся в ее распоряжении, с 36 до 29,2%. Однако греческая сторона настаивает на 25,2%. Великобритания в ответ на это согласилась вдвое сократить свои территориальные владения на острове, составляющие порядка 6% территории. Чувствительным остается и вопрос гарантий безопасности: в северной части располагается 35 тысяч турецких военнослужащих. Это, естественно, вызывает недовольство греческой стороны, которая, в свою очередь, настаивает на выводе турецких войск с территории Кипра¹.

Очередной раунд переговоров по кипрскому урегулированию в июне 2017 г. вновь оказался безрезультатным, несмотря на то, что обсуждение кипрской проблемы велось под эгидой ООН. Причиной неудачи считаются непримиримые разногласия между президентом Республики Кипр Н. Анастасиадисом и лидером ТРСК М. Акынджи, а также между главами МИД Греции и Турции.

Анкара отказывается полностью вывести войска из Турецкой Республики Северного Кипра и выступает против отмены турецких гарантий. На саммите Большой двадцатки (G20) в Гамбурге в начале июля 2017 г. президент Турции Р. Эрдоган заявил, что после долгих усилий общая картина показывает невозможность для ООН найти решение в рамках параметров миссии доброй воли. Также турецкий лидер отметил бессмысленность настаивания на этих параметрах и предложил поддержать его идею всем заинтере-

¹ Суховеркова А. Кипр: потухший свет в конце тунеля? // Regnum, 15.03.2017. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2249684.html> (дата обращения: 16.02.2018).

ресованным сторонам¹. Особо стоит отметить, что турецкий лидер заявил о том, что если этот план не удастся, им придется перейти к плану В или С, детали которых не уточнялись². Вскоре после заявления Турция возобновила геологоразведочные работы в Восточной части Средиземноморья. В 2019 г. был подписан меморандум о разграничении ИСЗ с Ливией, который получил резкое осуждение со стороны Израиля, Греции и Кипра³.

Перерыв в переговорном процессе продлился до 2020 г. В октябре 2020 г. победу на выборах в ТРСК одержал Эрсин Татар, сторонник идеи о создании двух независимых государств. Примечательно, что в ноябре 2020 г. состоялась первая встреча президента Республики Кипр Н. Анастасиадаса с Э. Татаром, которая не принесла явных плодов⁴. Стоит отметить, что поддержка Турции становится все более заметной: так, 15 ноября 2020 г. президент Турции Р. Эрдоган посетил ТРСК, чем вызвал крайне негативную реакцию Греции и РК, а также поставил под сомнение дальнейшее проведение переговоров под эгидой ООН⁵.

8 февраля 2021 г. в ходе визита премьер-министра Греции К. Мицотакиса на Кипр Афины и Никосия согласовали позицию двух стран по кипрскому вопросу, которая предполагает воссоединении Кипра на основе резолюций СБ ООН о двухобщинной и двузональной федерации⁶. В свою очередь, 5 марта 2021 г. после встречи с верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррелем Э. Татар поставил

¹ Erdoğan G-20 sonrası Hamburg'da konuştu // Haber 7, 08.07.2017. URL: <https://www.haber7.com/dis-politika/haber/2373501-erdogan-g-20-sonrasi-hamburgda-konustu> (дата обращения: 16.02.2018).

² Erdoğan: Kıbrıs İçin B ve C Planları Düşünülecektir // Haberler.com, 10.07.2017. URL: <https://www.haberler.com/politika/erdogan-kibris-icin-b-ve-c-planlari-dusunulecektir-9813121-haber/> (дата обращения: 16.02.2018).

³ Горбунова Н. М. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы / Н. М. Горбунова, И. И. Иванова // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2(12). С. 72.

⁴ Бельская М. Турецкий президент против двух в одном // Коммерсантъ, 16.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4574016> (дата обращения: 12.01.2023).

⁵ Там же.

⁶ Греция настаивает на решении кипрской проблемы на основе резолюций СБ ООН // ТАСС, 11.02.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10672407> (дата обращения: 02.02.2023).

под сомнение роль ЕС в процессе урегулирования кипрской проблемы и подтвердил свою приверженность созданию двух независимых государств¹. В конце апреля 2021 г. в Женеве прошел неформальный пятисторонний саммит по Кипру с участием генерального секретаря ООН А. Гутерриша, который завершился безрезультатно².

20 июля 2021 г. лидер турок-киприотов Э. Татар на военном параде в турецкой части Никосии в присутствии Р. Эрдогана заявил, что часть района Вароша в кипрском городе Фамагуста будет демилитаризована и выделена в пользование греко-кипрских собственников. Данное заявление вызвало бурную реакцию со стороны мировой общественности: ЕС, США, Великобритания и Россия высказали свое неодобрение, поскольку по Резолюциям Совета Безопасности ООН № 550 (1984 г.) и № 789 (1992 г.) район Вароша находится под юрисдикцией миротворцев ООН и на этой территории могут жить только местные жители. Заявления, сделанные Э. Татаром, идут вразрез с международным правом. 21 июля генеральный секретарь ООН А. Гутерриш выразил свою обеспокоенность односторонними действиями ТРСК и Турции, что может послужить причиной срыва переговоров по решению Кипрской проблемы³.

Наблюдается интенсификация усилий Турции по признанию ТРСК в качестве независимого государства. В первую очередь Турция рассчитывает на поддержку своего соседа и союзника Азербайджана. 16 июля 2021 г., прямо перед заявлениями в Вароше, в ТРСК прибыла азербайджанская парламентская делегация⁴. Позднее, 9 августа 2022 г., по приглашению Р. Эрдогана

¹ Лидер турок-киприотов поставил под сомнение роль ЕС в кипрском урегулировании // ТАСС, 06.03.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10847883> (дата обращения: 02.02.2023).

² "Поиск точек соприкосновения". Саммит по Кипру завершился безрезультатно // ТАСС, 29.04.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11280241> (дата обращения: 02.02.2023).

³ ООН прокомментировала действия Турции в Вароше // Вестник Кипра, 23.07.2021. URL: <https://vkcyprus.com/politics/14539-oon-prokommentirovala-dejstviya-turtsii-v-varoshe/> (дата обращения: 05.02.2023).

⁴ Беленькая М., Кривошеев К. Турция переступает через ООН. Президент Эрдоган выступил против объединения Кипра // «Коммерсантъ». № 127, 22.07.2021.

в Конье состоялась встреча Э. Татара и И. Алиева¹. В прессе ходят слухи о возможности признания независимости ТРСК Азербайджаном, однако пока никаких официальных заявлений нет.

В июле 2022 г. на заседании Совета национальной безопасности Турции были сформулированы рамки стратегии по признанию ТРСК². Турция взяла вектор на многостороннюю международную деятельность по решению Кипрского вопроса на своих условиях. Так, в ходе работы 77-й сессии ГА ООН министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу провел встречи с президентом ТРСК Э. Татаром и министром иностранных дел ТРСК Т. Эртугрулоглу и подчеркнул стремление Турции поддерживать ТРСК³.

Министр иностранных дел ТРСК Т. Эртугрулоглу призвал членов Организации исламского сотрудничества (ОИС) официально признать суверенитет и международный статус ТРСК⁴.

Однако особый интерес вызывает факт принятия ТРСК в Организацию тюркских государств в качестве наблюдателя в ноябре 2022 г. в рамках 9-го саммита ОТГ в Самарканде. В п. 7 Декларации сказано, что турки-киприоты, как часть тюркского мира, теперь имеют статус наблюдателя ОТГ⁵. Однако Нахичеванское соглашение, подписанное 3 октября 2009 г., устанавливает, что не только государство может стать наблюдателем, но и международная организация или форум. Возможно, используя именно эту ла-

¹ Президент Республики Северный Кипр: Обсудили с Ильхамом Алиевым развитие наших отношений // Media.az, 09.08.2022. URL: <https://media.az/politics/1067871664/ilham-aliev-prinyal-prezidenta-tureckoy-respubliki-severnogo-kipra-v-kone/> (дата обращения: 05.02.2023).

² Юрганов Д. Усилия Турции по признанию Северного Кипра суверенным государством // Завтра.ру, 04.10.2022. // URL: https://zavtra.ru/events/usiliya_turtcii_po_priznaniyu_severnogo_kipra_suverennim_gosudarstvom (дата обращения: 05.02.2023).

³ Sayın Bakanımızın Birleşmiş Milletler 77. Genel Kurulu'na Katılmak Üzere ABD'yi Ziyareti, 19–24 Eylül 2022 / URL: <https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-birlesmis-milletler-77-genel-kurulu-na-katilmak-uzere-abd-yi-ziyareti-19-24-eylul-2022.tr.mfa> (дата обращения: 05.02.2023).

⁴ Орлов А. С. Об усилиях Турции по признанию Турецкой Республики Северного Кипра // Институт Ближнего Востока, 28.09.2022. URL: <http://www.iimes.ru/?p=90068> (дата обращения: 05.02.2023).

⁵ Samarkand Declaration Of The Ninth Summit Of The Organization Of Turkic States. 11.11.2022. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/samarkand-declaration-2679-165.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).

зейку, решение по ТРСК было принято, как на том и настаивала Турция. Однако Казахстан и Узбекистан сразу сделали заявление, что вопрос о признании независимости ТРСК не стоит¹.

Длительный переговорный процесс по решению проблем общин конкретных результатов пока не приносит. Примечательно, что кипрский вопрос турецкой стороной рассматривается как составляющая часть греческо-турецких отношений. Вернее, стоит отметить, что турецко-греческие противоречия о делимитации Эгейского моря Турция не готова рассматривать без включения в данные переговоры проблемы Кипра. Также дополнительным фактором, усложняющим переговорный процесс, является наличие газосносных бассейнов в данном районе.

Плюс все более серьезным становится вопрос военной безопасности. Несмотря на то, что и Турция, и Греция — страны-участницы НАТО, противостояние между ними набирает обороты. Милитаризация греческих островов усугубляет беспокойство Турции и не способствует выводу турецкого контингента с северной части Кипра. Даже наоборот — приводит к тому, что Турция использует военные корабли для обеспечения безопасности своих судов, производящих геологическую разведку в районе острова. А также планирует разместить дополнительную базу БПЛА в Карпасе (северная часть Кипра).

Таким образом, кипрский вопрос сложен не только своим внутривекторным, этнокультурным содержанием, но и сплетением разновекторных внешнеполитических интересов и цивилизационных различий вовлеченных в него сторон и государств. Он имеет критическое значение для безопасности, экономики и вообще будущего Восточного Средиземноморья, на его примере можно рассмотреть расстановку сил и борьбу Турции и Греции за лидерские позиции в регионе.

Оценивая внешнеполитический курс Турецкой Республики, можно сделать вывод о наращивании политической мощи и ре-

¹ Исламов Д. Саммит Организации тюркских государств в Самарканде: между иллюзией и реальностью // РСМД, 23.11.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/sammit-organizatsii-tyurkskikh-gosudarstv-v-samarkande-mezhdu-illyuziei-i-realnostyu/?sphrase_id=95899011 (дата обращения: 05.02.2023).

шительности современного руководства Турции, которое активно проводит независимую внешнюю политику, опираясь исключительно на национальные интересы. Президент Турции Р. Эрдоган максимально использует накопленный за последние годы авторитет Турции на международной арене для дальнейшей активизации усилий по решению Кипрского вопроса «по турецкому сценарию».

4.5. Балканская политика Турции в период правления ПСР¹

Балканский полуостров традиционно занимает особое место в истории международных отношений. Расположенные на стыке Европы и Азии, являясь точкой пересечения Средиземноморья, Ближнего Востока и Центральной Европы, Балканы постоянно становились ареной столкновения различных культур и интересов великих держав. Не случайно в начале XX в. регион был удостоен звания «порохового погреба Европы». И сейчас региональные процессы свидетельствуют о том, что мирное сосуществование на Балканах — дело не близкого будущего.

Благодаря Восточной Фракии Турция считает себя балканской страной, поэтому стремится принимать участие в процессах, происходящих в регионе. Вообще необходимо отметить, что в Турции живы воспоминания о прежнем геополитическом господстве на Балканах, ведь с XV в. весь Балканский полуостров входил в состав Османской империи, поэтому и сейчас регион рассматривается как сфера ее непосредственных интересов. Более того, подъем, переживаемый исламом, не может не отражаться на политике Турции в отношении балканских стран, в которых есть мусульманское население (Босния и Албания). Так же как и курс на распространение идеологии пантюркизма имеет свое влияние на проводимую Турцией политику в регионе (в Болгарии, Греции и Македонии проживают этнические турки).

¹ В данной главе не рассматриваются турецко-греческие отношения. См. раздел о турецко-греческих отношениях.

До прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) Турция начала принимать участие в многосторонних форматах, создающихся на территории Балканского полуострова. Так, например, она активно работает в формате Процесса сотрудничества Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ/SEECP), председательствовала здесь в 1998–1999 гг., 2009–2010 гг., 2020–2021 гг. В 2000 г. в Бухаресте в рамках ПСЮВЕ подписала Хартию добрососедства, стабильности, безопасности и сотрудничества, которая рассматривается как первый многосторонний политический документ, провозгласивший намерение «превратить Балканы в зону мира и стабильности»¹.

Также Турция с воодушевлением восприняла подписание в разгар косовских событий Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы (10 июня 1999 г.). Именно благодаря этому пакту, который установил экономические связи между странами региона, в 2006 г. было подписано Соглашение о свободной торговле для Центральной Европы (CEFTA-2006), нацеленное на создание на Балканах зоны свободной торговли. С 1998 г. Турция принимает участие в Группе министров обороны Юго-Восточной Европы (SEDM) и Проекте создания региональной многонациональной бригады (SEEBRIG) по стандартам НАТО.

Однако Турция не была инициатором данных форматов — тогда эти элементы регионального сотрудничества скорее воспринимались лишь в качестве предварительного условия интеграции с ЕС (а для некоторых стран региона и для вступления в НАТО). Однако позднее появилось понимание, что региональное сотрудничество имеет гораздо больше перспектив, оно прежде всего служит интересам каждой страны региона.

Помимо многосторонних отношений Турция налаживала двусторонние отношения со странами региона. Она стала одной из первых стран, признавших независимость Хорватии в 1991 г. Динамично развивает отношения со Словенией, которую признала в 1992 г. Большое внимание придает Турция своим проектам с Боснией и Герцеговиной (далее — БиГ), появившейся в 1995 г.

¹ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003 // Под ред. Богатурова А. Д. М.: Московский рабочий, 2003. Т. 3. С. 603.

В начале XXI в. Турция сохранила свою политику по отношению к Балканам и стала одной из первых стран, которые признали независимость Черногории (2006 г.) и установили с ней дипломатические отношения. Важным элементом в отношениях Турции и Черногории является тот факт, что 19% населения Черногории составляют боснийцы, черногорские мусульмане и албанцы. Для Турции наличие подобной диаспоры является важным потенциалом.

В 2006 г. также образовалась Сербия. Однако до 2010–2013 гг. отношения Турции с Сербией были ограничены тем обстоятельством, что Турция одной из первых признала независимость Косово в феврале 2008 г. и установила с ним близкие политические, торгово-экономические и культурные связи. Но спустя время она стала прилагать усилия к восстановлению двусторонних отношений с Сербией, а также предложила свою помощь в налаживании контактов между Белградом и Приштиной.

С февраля 2008 г. на базе ПСЮВЕ официально стал действовать Совет регионального сотрудничества, который позволил 12 странам региона изменить свою пассивную политическую роль на самостоятельное управление региональными процессами сотрудничества¹.

Архитектор внешней политики Турции 2010-х гг. А. Давутоглу в своей книге «Стратегическая глубина» пишет о том, что Анкаре следует уделять особое внимание двум моментам на Балканах. Во-первых, активно участвовать в решении проблем мусульманских меньшинств, которые являются «османским наследством» Турции в регионе. А также эффективно использовать внутренние равновесия региона и внешние факторы, не допускать создания какого-либо другого «балканского блока»². Помимо политических критериев, необходимо наращивать экономические связи, в основе которых должны быть транспортные проекты, связывающие Балканы с Ближним Востоком и Азией. Роль координатора

¹ Гаджиев А. Г. Стамбульский саммит ПСЮВЕ и Турция // Институт Ближнего Востока, 28.06.2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10930> (дата обращения: 08.04.2023).

² Davutoglu A. Stratejik derinlik Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul, 2010. S. 123–124.

морского и сухопутного сообщения между этими регионами позволит Турции использовать транспортные проекты в качестве инструмента для продвижения своих внешнеполитических интересов¹. А для этого Турции необходимо приложить все усилия, чтобы изменить распространенные стереотипы относительно Балкан, которые воспринимаются как зона нестабильности, раскола и конфликтов.

Важным элементом балканской стратегии Турции представляется создание совместных университетов и школ, обмен студентами и научно-педагогическими кадрами, а также сотрудничество в области науки, медицины и благотворительности.

Именно с приходом в турецкий МИД А. Давутоглу в 2009 г. началась особая активизация турецкой политики на Балканах, и именно тогда получили дополнительный импульс все перечисленные аспекты усиления влияния Турции в данном регионе.

В первую очередь прошли визиты турецких руководителей в государства региона и установление контактов с их политической элитой. В 2009–2011 гг. премьер-министр Р. Эрдоган, президент А. Гюль, министр иностранных дел А. Давутоглу, а также высокопоставленные турецкие военные и парламентарии посетили Албанию, Сербию, Болгарию, Черногорию, Румынию, БиГ, Северную Македонию, Косово². В ходе визитов акцент был сделан на развитии торгово-экономических связей, о чем свидетельствуют делегации турецких бизнесменов, сопровождающие в ходе зарубежных визитов высших лиц государства, что быстро дало толчок увеличению объемов внешней торговли Турции и стран региона. Турецкие капиталовложения получили строительная отрасль, автомобилестроение, здравоохранение, образование, банковское дело, пищевая промышленность, инфраструктура (в первую очередь скоростные поезда и трубопроводы).

Объем внешней торговли идет за счет ускоренного экспорта турецких товаров в регион, и баланс внешней торговли складывается в пользу Турции. С целью лучше понять структуру экономики государств региона, их потребности и определить возмож-

¹ Ibid.

² Российская Федерация не признаёт независимость Косово.

ности для турецкой экономики, начиная с 2009 г. ежегодно стали проводиться двусторонние деловые форумы Турции с Румынией, Косово, Албанией, Черногорией, БиГ.

Активизировались и военно-политические контакты. Основным направлением является активное вовлечение балканских стран в программы НАТО, выработка общей стратегии действий в регионе и реорганизация местных вооруженных сил по стандартам НАТО с участием турецких инструкторов. В 2009 г. состоялись первые визиты начальника генштаба Турции И. Башбуга в Сербию, Боснию и Герцеговину и Албанию.

Турция активно привлекает местные элиты к участию в евразийских программах. Так, в 2010 г. лидеры БиГ по инициативе А. Давутоглу впервые приняли участие в проходившей на территории Турции конференции по укреплению мер доверия в Азии.

Важным элементом стратегии Турции стало активное вмешательство в разрешение конфликтных процессов в регионе. Во время своего турне по Сербии, Хорватии и БиГ министр иностранных дел А. Давутоглу осуществил удачную попытку включиться в мирный переговорный процесс между ними и инициировал регулярные трехсторонние переговоры при посредничестве Турции.

С 2009 г. в трехстороннем формате «Турция — Сербия — БиГ» было проведено 14 встреч на уровне министров иностранных дел и 4 встречи на уровне президентов¹. Особенно большой резонанс имел первый саммит в Стамбуле, состоявшийся 24 апреля 2010 г., в котором приняли участие президент Турции А. Гюль, президент Сербии Б. Тадич и президент БиГ Х. Сладзич. В опубликованной Стамбульской декларации подчеркивалось, что начался новый этап в отношениях между странами. Сербия высказала свои обязательства в отношении уважения суверенитета и территориальной целостности Боснии и Герцеговины и невмешательство в ее внутренние дела². Анкара же в результате затраченных усилий смогла «закрепиться» на Балканах, оказала поддержку Боснии,

¹ Balkan Ülkeleri İle İlişkiler // Т. С. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/balkanlar_ile-iliskiler.tr.mfa (дата обращения: 09.04.2023).

² Свистунова И. А. Турция, Сербия, Босния и Герцеговина: второй трехсторонний саммит // Институт Ближнего Востока, 03.05.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12552> (дата обращения: 08.04.2023).

к которой она испытывает симпатии, и нормализовала несколько холодные отношения с Сербией.

Аналогично с 2010 г. в трехстороннем формате «Турция — Хорватия — БиГ» было проведено 8 встреч министров иностранных дел¹. Эти тройные механизмы «Турция — Сербия — БиГ» и «Турция — Хорватия — БиГ» были созданы при ведущей роли Анкары и являются отражением политической активности Турции в регионе.

Министерство иностранных дел Турции выделяет четыре ключевых принципа построения внешней политики в регионе: политический диалог на высшем уровне; безопасность для всех; максимальная экономическая интеграция; сохранение в балканских странах структуры общества, построенной на принципах полиэтничности, мультикультурализма и многоконфессиональности².

Возможно, именно поэтому Турция сегодня говорит больше «о новом прагматизме» на Балканах, а не об исламской идентичности, и даже строительство и реставрацию мечетей преподносит как развитие сети культурных памятников для привлечения туристов и пополнения таким образом бюджетов балканских стран³.

Особенно активно Турция налаживает отношения с Сербией. В октябре 2017 г. Р. Эрдоган посетил Сербию в сопровождении 8 министров и около 200 бизнесменов. Главной темой помимо торговых отношений и инвестиций был газопровод «Турецкий поток». Р. Эрдоган в ходе визита заявил: «Турция и Сербия — две ключевые страны на Балканах. Как Турция является ключом мира и стабильности в своем непосредственном окружении, так и Сербия в Балканском регионе, который является мультикультурной и динамичной структурой, находится в позиции, открывающей путь в регион»⁴.

¹ Balkan Ülkeleri İle İlişkiler // T. C. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/balkanlar_ile-iliskiler.tr.mfa (дата обращения: 08.04.2023).

² Ibid.

³ Плеханов И. Военные новости: Турция возвращается на Балканы и это не нравится Западу // ИноСМИ, 19.05.2018. URL: <https://inosmi.ru/20180519/242260312.html> (дата обращения: 11.04.2023).

⁴ Там же.

По мнению турецкого руководства, соглашение между Белградом и Приштиной имеет важное значение для мира и стабильности на Балканах. Анкара выступает за достижение всеобъемлющих договоренностей, готова поддержать Сербию в решении косовского вопроса и примет любое соглашение, которое устроит обе стороны в переговорах¹.

Это растущее экономическое, политическое и религиозное влияние вызывает все большее беспокойство в Европейском Союзе. В апреле 2018 г. президент Франции Э. Макрон заявил, что не хотел бы видеть в регионе сильного влияния ни русских, ни турок. При этом он раз за разом давал понять шести кандидатам Балкан (Сербия, Черногория, Косово, Северная Македония, Албания, БиГ), что их шансы на скорое вступление в Евросоюз мизерны. Более того, ЕС хотел бы закрыть маршрут бесконтрольной миграции через Балканы, однако осуществить задуманное пока не удастся.

Эксперты обращают внимание на то, что в последние годы национальные и региональные интересы Анкары вошли в противоречие со стратегическими целями Брюсселя и Вашингтона. Вместе с тем Москва получила возможность укреплять взаимодействие с Анкарой, в частности, за счет продвижения «Турецкого потока».

Директор Фонда прогрессивной политики и руководитель проекта «Балканист» О. Бондаренко высказал позицию, что в такой активности Анкары на Балканах просматривается возможность уравновесить попытки Запада создать монополярный мир. «Возврат Турции на Балканы — это закономерный процесс. Здесь всегда исторически присутствовали три страны: Россия, Турция, Германия. Турция — стратегический партнер России, эпоха негативных отношений турок с сербами уже в прошлом», — считает О. Бондаренко².

¹ Плеханов И. Военные новости: Турция возвращается на Балканы и это не нравится Западу // ИноСМИ, 19.05.2018. URL: <https://inosmi.ru/20180519/242260312.html> (дата обращения: 11.04.2023).

² «Возврат Турции на Балканы»: У Реджепа Тайипа Эрдогана большие планы на Сербию // «Балканист», 07.10.2019. URL: <https://balkanist.ru/vozvrat-turtsii-na-balkany-u-redzhepa-tajipa-erdogana-bolshie-plany-na-serbiyu/> (дата обращения: 15.04.2023).

И. Калын подчеркивает: «Целью Турции на Балканах является не усиление своего влияния, а поддержка политической стабильности, экономического развития, деятельности в области культуры и образования. Насколько сильная Турция важна для Балкан, настолько стабильность и развитие Балкан важны для Турции и всего мира»¹.

Притом необходимо отметить, что после небольшого затишья за последний год Турция снова проявляет горячий интерес к Балканам, что вылилось в балканское турне президента Турции, которое он совершил в сентябре 2022 г.

В свою очередь ЕС активизировал процесс решения проблем на Балканах. Так, Сербия находилась под серьезным давлением со стороны ЕС с начала Специальной военной операции на Украине. Был проведен ряд переговоров при посредничестве ЕС (18 августа и 21 ноября 2022 г.). На переговорах 27 февраля 2023 г. Сербия приняла план по нормализации отношений (между Белградом и Приштиной), предложенный ЕС², но не подписала его.

В итоге есть три важных составляющих балканской политики Турции: политическая стабильность, экономическое развитие и культурное развитие. За два десятилетия реализации этой политики Турция поддерживала все инициативы, чтобы обеспечить Балканам спокойствие и безопасность.

Экономическое развитие балканских стран за это время стало краеугольным камнем политики Турции в регионе. Турция сделала капиталовложения во многих областях, таких как торговля, финансы, связь, инфраструктура, строительство, энергетика и сельское хозяйство. В настоящее время сотни турецких фирм работают на Балканах и обеспечивают занятость тысячам людей.

Третий элемент турецкой политики связан с общим культурным наследием и прошлым. Поэтому Турция и Балканы исторически переплетены и в демографическом отношении. В балканских странах проживают турецкие меньшинства и родственные

¹ İbrahim Kalın: "Türkiye Balkanlar'da ne istiyor?" // CNN Türk, 02.06.2018. URL: <https://www.cnnturk.com/turkiye/ibrahim-kalin-turkiye-balkanlarda-ne-istiyor> (дата обращения: 15.04.2023).

² Сербия и Косово согласились на план ЕС по нормализации отношений // РИА Новости, 27.02.2023. URL: <https://ria.ru/20230227/borrel-1854732999.html> (дата обращения: 15.04.2023).

общины. Таким образом, любой кризис в регионе тесно затрагивает интересы Турции, и сохранение мира и стабильности на Балканах для страны жизненно важно.

Турция осуществляет свою политику на Балканах в двустороннем и многостороннем форматах. Помимо вышеуказанных отношений со странами полуострова охватывают военную, транспортную и гуманитарную сферы. И если раньше Турция делала ставку на определенные страны и общественные слои внутри Балкан, то в последние десять лет она перешла к стратегии интенсификации отношений со всем регионом.

4.6. ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В XXI ВЕКЕ

Современный период в международных отношениях является переходным, когда создаются предпосылки для формирования новой системы международных отношений. Такие периоды характеризуются повышенной конфликтностью между субъектами мировой и региональной политики¹. Что касается внешнеполитической деятельности лидеров современной Турции, то ее основа — это желание укрепить независимое положение страны на международной арене и повысить ее авторитет как регионального лидера, а также создать образ государства, которое не является частью ни европейской, ни азиатской цивилизации, а скрепляет их своеобразным «мостом», для чего особенно важен регион Чёрного моря. На Черноморский регион приходится около 12% от общего внешнеторгового оборота Турции, в экспорте преобладают энергоресурсы. Товарооборот Турции со странами Черноморского региона находится на втором месте после Евросоюза. Энергетическая стратегия Турецкой Республики занимает важное место в ее внешней политике, в особенности в Черноморском регионе, так как именно благодаря ей

¹ Ирхин А. А. Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренции региональных держав. URL: https://studopedia.ru/23_59864_The-Regime-of-the-Black-Sea-Straits-in-and-Russias-National-Interests.html (дата обращения: 03.03.2023).

она имеет возможность транспортировать Каспийские энергоресурсы на Запад¹. Несмотря на важность Черноморских проливов во внешней политике Турции, понимание стратегической важности Причерноморья было сформировано уже в современный период в связи с вопросами энергетики, а также украинскими и крымскими событиями². Один из основателей внешней политики современной Турции Ахмет Давутоглу³ в своей знаменитой монографии «Стратегическая глубина» (2001) не определял Черноморский регион как отдельное направление внешней политики Турции. Во многом это связано с тем, что концепция «неоосманизма», которой придерживался А. Давутоглу, подразумевает связь внешней политики Турции с историческим прошлым турок-османов, соответственно региональное деление мира рассматривалось им через историческую ретроспективу, когда Черноморский регион был лишь прибрежной зоной вокруг Чёрного моря. Поэтому отличительной чертой современной турецкой внешней политики считается наличие проработанной концептуальной основы, где Черноморский регион как важная составляющая Причерноморья занимает не центральное, но значимое место с точки зрения своего военного и экономического влияния⁴. По мнению же других, именно отсутствие должного внимания к Черноморскому региону, т.е. неспособность дать ему социально-культурную и политическую самоидентификацию, говорит о том, что у Турции нет четко выраженной региональной концепции⁵.

¹ Белякова Н. С. Роль и место Черноморского региона во внешней политике Турецкой Республики на современном этапе. Специальность. 23.00.04 — «Политические проблемы международных отношений глобального и регионального развития». АВТОРЕФЕРАТ диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2015. С. 16–17, 19.

² Демирель Н. Основы политики Турции в Черноморском регионе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 6 (72). 2020. № 3. С. 108, 113.

³ Министр иностранных дел Турции в 2009–2014 гг., лидер правящей Партии справедливости и развития и премьер-министр Турции в 2014–2016 гг.

⁴ Демирель Н. Указ. соч. С. 112.

⁵ Duygu Çağla Bayram, Özgür Tüfekçi. Turkey's Black Sea Vision and Its Dynamics // Karadeniz Araştırmaları XV/57 — Bahar 2018 — s. 1–16. URL: https://www.academia.edu/36372743/TURKEYS_BLACK_SEA_VISION_AND_ITS_DYNAMICS?auto=download&email_work_card=download-paper (дата обращения: 26.02.2023).

Несмотря на разницу в подходах к определению черноморской политики Турции, следует подчеркнуть, что политика Турции в Черноморском регионе определяется прежде всего режимом Черноморских проливов на базе конвенции Монтрё 1936 г.¹ (далее КМ-36). Вопрос о Проливах получил долговременное геополитическое решение в 1936 г. Считается, что это был компромисс, так как Проливы стали находиться не под международным, а под турецким контролем, а черноморские государства получали преимущества перед нечерноморскими², однако верховенство международного права в случае ревизии конвенции по-прежнему сохраняется. Незавершенность и противоречивость ряда статей КМ-36 позволяют Турции достаточно широко трактовать свои полномочия. В то же время наличие скрытых механизмов создает некоторые правовые возможности для давления на Турцию со стороны других государств³. До 2008 г. в российско-турецких отношениях в отношении Проливов намечалось три основных направления: вопросы торгового судоходства, проблема обходных нефтепроводов (НФП), военные аспекты режима Босфора и Дарданелл.

Что касается торгового судоходства, то дискуссии по поводу принятия Турцией Регламента о судоходстве в 1994 г. показали, что Турция желает усилить контроль в Проливах, не выходя чрезмерно за рамки КМ-36. В значительной степени это было связано с неограниченной пропускной возможностью Черноморских проливов ввиду участившихся аварий. По мнению России, режим Проливов определяется их международным статусом, поэтому делегирование Турции суверенитета над Проливами не означает предоставления ей права единолично вносить изменения в режим судоходства. Компромиссный Регламент о судоходстве 1998 г.

¹ См.: Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г. Монтрё (Швейцария). Приложение // Турция между Европой и Азией. М.: Крафт+: ИВ РАН, 2001. С. 520–526.

² Ирхин А. А. Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренции региональных держав. URL: https://studopedia.ru/23_59864_The-Regime-of-the-Black-Sea-Straits-in-and-Russias-National-Interests.html (дата обращения: 03.03.2023).

³ Болдырев А. В. Особенности, недостатки и скрытые механизмы конвенции Монтрё. URL: <https://glav.su/forum/threads/578499> (дата обращения: 08.11.2022).

до некоторой степени смягчил проблему, однако ситуация осталась далекой от завершения.

На современном этапе Проливы стали серьезным фактором в планах по сооружению трубопроводов для прокачки нефти в страны Европы. В ноябре 1999 г. в Стамбуле было подписано соглашение о строительстве НФП Баку–Тбилиси–Джейхан (Турция), направленное на то, чтобы уменьшить привязку Турции к российским нефтепроводам, а также чтобы снизить нагрузку на Проливы. 13 июля 2006 г. нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) был сдан в эксплуатацию. Таким образом, Анкара желала усилить значение Турции как страны-транзитера. Переориентация транзита нефти не соответствует российским интересам, поскольку в отличие от трубопровода, который жестко привязывает Россию к турецкому рынку, морской транзит позволяет транспортировать нефть в любую точку мира. В 2004 г. Турция предложила России проект компромиссного НФП Самсун–Джейхан, который перенаправлял бы через турецкую территорию от трети до половины ежегодного нефтепотока через Проливы¹. В результате ужесточения режима Проливов для судов с опасными грузами в августе 2009 г. Россия была вынуждена принять турецкое предложение, хотя раньше правительство РФ отказывалось от него². Тем не менее проблемы остаются, поскольку Россия не отказывается от использования Проливов, которые являются для нее более удобным путем доставки энергоресурсов.

При принятии правил судоходства в 1994 и 1998 гг. (имели место корректировки правил в 2000, 2002, 2004, 2005 и 2012 гг.) статьи, касающиеся прохода военных кораблей через Проливы, не затрагивались. Турция заинтересована в сохранении военного режима Проливов, позволяющего ей самой регулировать правила прохода военных кораблей. Не заинтересована в ревизии военных статей конвенции и Россия, не желающая усиления военно-морских сил НАТО в Черноморском регионе. По этой при-

¹ Следует отметить, что старый маршрут Баку — Новороссийск (и далее морским путем через Проливы) более экономичен даже с учетом ремонта этого трубопровода.

² Бингол Х. Ф. Россия и Турция: энергия сотрудничества. Взаимодействие в сфере энергетической политики. М.: Политическая мысль, 2010. С. 58.

чине Анкара старается соблюдать постановления военных статей КМ-36. Об этом говорит политика Турции в Чёрном море в период российско-грузинского военного конфликта 2008 г. и та осторожность, с которой Турция отнеслась к пропуску через Проливы кораблей НАТО¹. В результате она добилось того, что исполнение ею союзнических обязательств в отношении НАТО не нанесло ущерба взаимоотношениям с Россией. В 2000-е гг. внешняя политика Турции в рамках взаимоотношений Россия–Турция–НАТО приобретала все более разноректорный характер. Это позволило Анкаре позиционировать себя как флагмана политики НАТО в Черноморском регионе и в то же время участвовать совместно с Россией в различных военно-морских черноморских программах («Блэксифор», «Черноморская гармония»), ограничивая присутствие нечерноморских стран НАТО в регионе.

При этом сотрудничество России и Турции не отменяло борьбы между ними за лидерство в Черноморском регионе. В рассматриваемое время в турецких политических кругах произошла общая переоценка роли и перспектив России в регионе. Несмотря на беспрецедентно теплые отношения между Россией и Турцией, последняя учитывала потенциальные военные возможности РФ на черноморском направлении и наращивала здесь военно-морские силы. По этой причине в октябре 2010 г. в связи с изменениями, внесенными в «Стратегию национальной безопасности», впервые после развала СССР Россия стала рассматриваться Турцией как потенциальный противник, притом что из списка стран, которые представляют внешнюю угрозу для Турции, были исключены такие ее «исторические» враги, как Сирия, Иран, Болгария, Грузия и даже Армения. Начиная с 2008 г. стала усиливаться и военная составляющая КМ-36. Постепенно Анкара отдает приоритет военным методам в отстаивании своих политических и экономических интересов в регионе. Что касается конвенции Монтрё, то она каждый раз становится эффективным правовым инструментом в руках турецкого правительства, исходя из тех интересов, которые в каждом конкретном случае преследуются в Анкаре.

¹ Болдырев А. В. Политика Турции на Чёрном море в период грузино-югоосетинского конфликта (август-сентябрь 2008 г.) // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М.: ИВ РАН / ИВВ, 2010. С. 171–185.

Присоединение Крыма к России весной 2014 г. осложнило российско-турецкие отношения и внесло коррективы в политику Турции. В 2014–2015 гг. Анкара отказалась от использования фильтра при пропуске военно-морских кораблей Альянса через Проливы, что позволило НАТО создать в ЧМ постоянную группировку на ротационной основе. До конца 2015 г. это не вносило серьезных осложнений во взаимоотношения России и Турции, поскольку военные корабли (ВКР) неприбрежных государств не превышали сроки пребывания в Чёрном море, а выяснение отношений по этому поводу не носило конфронтационного характера. Анкара уравнивала ротационную политику НАТО благожелательным нейтралитетом в отношении России. Так, несмотря на оппозицию Турции к режиму Башара Асада, «сирийский экспресс» по доставке военно-технических грузов через Проливы продолжил свою работу.

Сбитый турецкими ПВО российский истребитель СУ-24 на сирийско-турецкой границе и введение Россией в конце 2015 г. санкционных мер против Турции обострили обстановку. В ответ Турция приняла ряд ответных мер демонстративного характера¹, что было воспринято российской стороной как «намеки» в ответ на возможное ограничение российского судоходства. В результате санкционных мер Турция понесла значительные потери, однако воздержалась от непоправимых шагов².

Для самой Анкары постоянное присутствие военных кораблей НАТО в ЧМР ограничивало возможности для традиционного баланса. В перспективе это могло означать превращение Турции в простого контролера Босфора и Дарданелл, т.е. возврат к функции «привратника», которую Османская империя выполняла в XIX — начале XX в. Необходимость нормализации осознавалась обеими сторонами, и после принесения Анкарой официальных извинений за сбитый самолет (27 июня 2016 г.) прежний уровень отношений был быстро восстановлен.

Что касается проекта Стамбульского канала, то 26 июня 2021 г. Р. Эрдоган дал старт его строительству. Турция намерена завер-

¹ 29 ноября 2015 г. Турция создала небольшую пробку для российских ВКР в Проливах.

² Так, по-прежнему функционировал «сирийский экспресс».

шить строительство Стамбульского канала за шесть лет, что обойдется примерно в 15 млрд долл. США (131,49 млрд турецких лир)¹. Предусмотрен 1 год на подготовку, а затем 5 лет на строительство. Согласно заявлению министра транспорта и инфраструктуры Турции Адиля Караисмаилоглу, через 6 лет, то есть в 2027 г., канал «Стамбул» будет завершен².

Что касается России, то 30 декабря 2019 г. российский посол в Турции Алексей Ерхов заявил, что строительство канала является внутренним делом Турции, если Стамбульский канал не изменит конвенцию Монтрё³. Он подчеркнул, что с открытием канала, параллельного Босфору, ничего не изменится. Именно сомнение в финансовых возможностях Турции стало причиной отказа России от оппозиции Стамбульскому каналу. Президент Турции Реджеп Эрдоган уже не раз заявлял, что конвенция Монтрё останется нетронутой, но ее требования не будут распространяться на новый канал⁴. При этом турецкий президент декларирует приверженность положениям КМ-36 до тех пор, пока не появится подходящая альтернатива⁵.

Следует, однако, учитывать, что в плане ревизии режим КМ-36 — сфера действия не *национального турецкого законодательства, а международного права*. Его изменение и пересмотр возможны лишь в ходе работы новой международной конференции, а не в одностороннем формате, как бы ни хотели этого турецкие политики. Эксперты полагают, что в отсутствие КМ-36 к Черноморским проливам станут применяться нормы и положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а значит, Про-

¹ Более внушительная цифра была озвучена на конференции разработчиков во Франции — 65 миллиардов долларов.

² Стародубцев И. И. К вопросу о старте реализации Турцией проекта Канала «Стамбул». Часть 1. 27.06.2021. URL: <http://www.iimes.ru/?p=78081> (дата обращения: 16.03.22).

³ Safarov Fuad. Kanal İstanbul, Boğazlar'ı isteyen Stalin ve Türk-Rus ilişkileri ... URL: <https://www.dikgazete.com/yazi/kanal-istanbul-bogazlar-i-isteyen-stalin-ve-turk-rus-iliskileri-makale,2010.html-2010.html> (дата обращения: 17.08.20).

⁴ Жаров К. Между Мраморным и Черным морями. Турция начала строительство канала «Стамбул». 26.06.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11761005> (дата обращения: 15.03.22).

⁵ Исаев А. Стамбульский канал и угрозы Конвенции Монтрё. 01.07.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30649> (дата обращения: 14.03.22).

ливы будут отнесены к категории международных с правом свободного транзитного прохода как для гражданских, так и для военных судов. Тем самым подчеркивается, что Турции не удастся создать в Стамбульском канале «уникальный правовой режим»¹. Попытка «интернационализировать» Босфор и Дарданеллы тем не менее маловероятна, поскольку именно опасение этого обуславливает ограниченное участие Турции в конвенции 1982 г. Скорее всего, основа конвенции 1936 г. будет сохранена в новом Регламенте в случае постройки Стамбульского канала, а права турок максимально расширены. По некоторым данным, около 45,6% населения Турции также против отмены конвенции Монтрё, существованию которой, по их мнению, угрожает проект Стамбульского канала². 3 апреля 2021 г. 103 бывших турецких адмирала подписали открытое письмо против возможной денонсации КМ-36 в случае если канал «Стамбул» будет построен. Это вызвало жесткую ответную реакцию турецкого президента — 15 человек были арестованы³.

Что касается черноморской политики Турции в условиях военных действий между Россией и Украиной, то еще в период «крымской весны» Турция официально признала территориальную целостность Украины. После начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г. (СВО) министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу 25 февраля подтвердил неприятие Анкарой военной операции России на Украине, которую Турция считает нарушением международного права. Было заявлено, что Турция может закрыть проливы Босфор и Дарданел-

¹ Гудев П., Крамник И. Канал влияния? Россия в глобальной политике. 01.05.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kanal-vliyaniya/> (дата обращения: 27.03.22). См. также: Современная Турция: тренды развития и значение для России: Научный доклад. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 48–50.

² A recent survey by Metropoll revealed that a majority of the population opposes President Recep Tayyip Erdogan's «crazy project» Kanal Istanbul, and believes that it's aimed at generating profit. ... 29.04.2021. URL: <https://www.duvarenglish.com/majority-of-turks-oppose-kanal-istanbul-back-montreux-convention-news-57292> (дата обращения: 15.03.2022).

³ Зуева А. Страсти по «Стамбулу»: выйдет ли Турция из конвенции Монтрё. URL: <https://az.sputniknews.ru/20210407/turkey-konvenciya-montryo-426634006.html> (дата обращения: 16.03.22). 13 апреля суд Анкары освободил под подписку о невыезде арестованных адмиралов.

лы для прохода военных кораблей, однако даже в этой ситуации у РФ будет право использовать их для возвращения флота на базу¹. Вскоре после того, как российские войска начали наступление на Украину, Киев попросил Турцию закрыть свои водные пути и воздушное пространство для России. 1 марта Турция, применив ст. 20–21 КМ-36², закрыла проход через Босфор и Дарданеллы военным кораблям России и Украины, оставив исключение в случае возвращения в порт основной стоянки³. 28 февраля эта мера распространилась на все прибрежные и неприбрежные страны⁴. 24 апреля Турция закрыла воздушное пространства страны для российских военных и гражданских самолетов, которые направлялись в Сирию⁵. Несмотря на это, агентство Reuters полагает, что в Турции верх взяли те политические и военные силы, которые уверены в том, что для страны «обязательства по конвенции Монтрё приоритетны по сравнению с союзническими обязательствами перед НАТО». И это устраивает Москву⁶. Как заявили в Министерстве национальной обороны Турции, Анкара будет твердо придерживаться Конвенции Монтрё⁷. Таким образом, как член НАТО Турция

¹ Щегловин Ю. Б. О выполнении Турцией положений Конвенции Монтрё в условиях российско-украинского конфликта. URL: <http://www.iimes.ru/?p=83835> (дата обращения: 06.11.2022).

² Во время войны, когда Турция является воюющей стороной, проход военных кораблей зависит исключительно от усмотрения Турецкого правительства, даже в том случае, если бы Турция просто посчитала себя находящейся под непосредственной угрозой военной опасности.

³ Турция закрывает проливы для военных кораблей России и Украины. 27.02.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/27/02/2022/621b9bb89a7947043c6b3711?from=article_body (дата обращения: 06.11.2022).

⁴ Турция предупредила все страны, что не пропустит военные корабли через проливы. 24.02.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13905979> (дата обращения: 06.11.2022).

⁵ В России оценили решение Турции закрыть небо для полетов в Сирию. 24.04.2022. URL: <https://vz.ru/news/2022/4/24/1155343.html> (дата обращения: 06.11.2022).

⁶ Тарасов С. Эрдоган выбирает Конвенцию Монтрё вместо НАТО. 1 марта 2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3520374.html> (дата обращения: 26.02.23).

⁷ Turkey has ruled out the passage of NATO warships through the straits to the Black Sea. April 10 2022. URL: <https://en.topwar.ru/194727-turcija-iskljuchila-propusk-cherez-prolivy-v-chernoe-more-voennyh-korablej-nato.html> (дата обращения: 12.04.2022).

могла бы в нарушение КМ-36 разрешить пребывание в Чёрном море военных кораблей НАТО без ограничений. Однако этого не происходит, и, по заявлениям турецких лидеров, Турция и далее будет следовать положениям КМ-36¹.

Кроме того, соблюдая зыбкий баланс в конфликте между Западом, Украиной и Россией, Турция может еще более усилить свою роль контролера Проливов. В конце августа 2022 г. в газете *Sabah* со ссылкой на источник в турецком транспортном ведомстве было сообщено, что 7 октября 2022 г. властями Турции было запланировано в пять раз увеличить стоимость сборов за проход торговых судов через Босфор и Дарданеллы в обоих направлениях. Новая пошлина устанавливалась в размере 4 долл. за тонну. Возрастают и сопутствующие сборы, что должно было поднять доход Турции с 40 миллионов до 200 миллионов долларов². До сих пор взимаемый Турцией сбор за проход судов через Проливы определялся установленной в 1983 г. устаревшей системой французского франка (0,8 долл. за тонну по скидке в 75%)³. И хотя нет подтверждений, что повышение состоялось, момент выбран турками исключительно удачно. Одна из возникающих перед турецкой стороной возможностей — реанимировать нуждающийся в зарубежных инвестициях проект строительства канала «Стамбул», т.е. монетизировать его. Еще одна из возможностей — вернуться к Протоколу 2009 г. о сотрудничестве между Россией и Турцией в нефтяной сфере (НФП Баку–Тбилиси–Джейхан)⁴. По оценке политолога Дмитрия Нефёдова, в контексте растущей российской зависимости от турецкого экспортного маршрута (особенно в условиях растущих западных санкций. — А. Б.), как и от турецкой внешнеэкономической политики, разглашение информации о по-

¹ Белякова Н. С. Указ. соч. С. 15.

² Нефёдов Дм. Турция и Россия, Босфор и Дарданеллы. Российско-турецкие отношения беспрестанно испытываются на прочность. 04.09.2022. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/09/04/turcia-i-rossia-bosfor-i-dardanelly-57106.html> (дата обращения: 26.02.23).

³ Там же.

⁴ Стародубцев И. И. О ситуации с нефтяными танкерами в Черноморских проливах Турции. 9 декабря 2022. URL: <http://www.iimes.ru/?p=92756> (дата обращения: 26.02.2023).

вышении платы за черноморский транзит нацелено на получение уступок от Москвы¹.

Таким образом, роль конвенции Монтрё, а, следовательно, и Турции в условиях военного времени резко возросли. Об этом, помимо ограничительных функций в Проливах, свидетельствует ее роль медиатора в российско-турецких переговорах и урегулировании споров. Так, Турция сыграла важную роль в возвращении России 3 ноября в зерновую сделку после атаки на корабли Черноморского флота в Севастопольской бухте украинскими беспилотниками 29 октября². Пакетная сделка по зерну оказывает позитивное влияние на торгово-экономическое положение Турции. 1 ноября 2022 г. на сайте Минобороны Турции было опубликовано заявление министра национальной обороны Турции Хулуси Акара, в котором тот заявил, что контроль за перевалкой (перегрузкой) зерна из украинских портов по согласованному маршруту будет осуществляться из Стамбула³. Россия также имеет выгоду, лидируя по поставкам своей продукции в Турцию за девять месяцев 2022 г. Объемы достигли 44,6 млрд долларов. За весь 2021 г. российский экспорт в Турцию составил 29 млрд долларов. При этом турецкий экспорт в РФ с начала 2023 г. достиг 5,7 млрд долларов, что сравнимо с показателями за весь прошлый год. Р. Эрдоган неоднократно критиковал Россию за проведение спецоперации на Украине, но также ясно давал понять, что хочет, чтобы каналы связи с В. В. Путиным оставались открытыми, в том числе и в рамках предлагаемого турецким президентом посредниче-

¹ Нефёдов Дм. Турция и Россия, Босфор и Дарданеллы. Российско-турецкие отношения беспрестанно испытываются на прочность. 04.09.2022. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/09/04/turcia-i-rossia-bosfor-i-dardanelly-57106.html> (дата обращения: 26.02.23).

² 22 июля в Стамбуле Россия и Украина подписали с Турцией и ООН соглашение о вывозе зерна из трех украинских портов — Одессы, Черноморска и Южного. Согласно договоренности, суда с зерном должны были выходить из Чёрного моря по согласованному безопасному коридору. По настоянию Минобороны РФ ООН и Турция выступили гарантами того, что «зерновые» маршруты не будут использоваться для ввоза на Украину оружия.

³ Стародубцев И. И. О замораживании «зерновой сделки» и о турецкой роли. 2 ноября 2022. Часть 3. URL: <http://www.iimes.ru/?p=91453> (дата обращения: 05.03.2023).

ства¹. Таким образом, турки пытаются максимально использовать сложившуюся в связи с конфликтом ситуацию на Украине. По данным российских аналитиков, представители Турции планируют в ближайшее время провести с российской делегацией в Анкаре переговоры, на которых рассчитывают обсудить более чем 25% скидку на импортируемый из РФ газ². Как полагает турецкий президент, именно российская военная операция вновь поставила в центр внимания стратегическую роль Турции в НАТО³. Несмотря на то, что после начала конфликта на Украине Турция сталкивается с проблемами в плане своих отношений с Россией и Украиной, что имеет последствия и для отношений между нею и США, у Р. Эрдогана есть все основания рассчитывать, что антироссийские санкции дадут Турции больше рычагов влияния в регионе. Турция стала важным посредником между Россией и Украиной относительно экспорта зерна и по другим вопросам⁴. Следует ожидать, что и в дальнейшем роль ее будет только возрастать. Анкара обладает суверенитетом над Проливами, что делает ее важным игроком в нынешнем конфликте между Украиной и Россией.

Рассматривая роль Черноморских проливов во внешней политике Турецкой Республики в XXI в., следует прийти к выводу, что в ее основе лежит конвенция 1936 г. Получив контроль над Босфором и Дарданеллами, Турция в разное время проводила политику «активного» суверенитета в пользу Германии, прецедентную политику в пользу СССР, равновекторный курс между РФ и НАТО, регулировала торговое судоходство, осуществляла благожелательный нейтралитет по отношению к России в связи с событиями «крымской весны». При этом Турция оставалась активным чле-

¹ Гурьев А. А. Ситуация в Турции: ноябрь 2022 г. 12 декабря 2022. URL: <http://www.iimes.ru/?p=92803> (дата обращения: 26.02.2023).

² В январе 2023 г. в Анкаре состоялись российско-турецкие переговоры, в ходе которых турецкая сторона кроме этого также выразила желание отсрочки платежей по поставляемому газу (В Турции заявили о переговорах с Россией по отсрочке оплаты газа. 12 декабря 2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63b8a9be9a79478829e86e52> (дата обращения: 05.03.2023).

³ Там же.

⁴ Zanoliti J., Clayton T. Turkey (Türkiye): Major Issues and U.S. Relations Updated February 15, 2023. Congressional Research Service. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R44000.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

ном Североатлантического альянса, считая себя флагманом политики этой организации в Чёрном море, и добивалась для себя приоритетного влияния в регионе. Тем самым конвенция Монтрё каждый раз становилась эффективным правовым инструментом в руках турецкого правительства, исходя из тех интересов, которые в каждом конкретном случае преследовались Анкарой. В условиях военного конфликта между Россией и Украиной роль Черноморских проливов будет возрастать. Таким образом, ввиду формирования новой системы международных отношений любые попытки пересмотра режима Черноморских проливов, закреплённого конвенцией Монтрё, не отвечают национальным интересам как России, так и Турции.

Глава 5. Восточный вектор внешней политики Турции

5.1. Ближневосточная политика Турции при ПСР¹

В конце XX — начале XXI вв. Ближний Восток не являлся для Турции приоритетным вектором своей внешней политики. С приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. отношения с западными странами, в первую очередь с США и ЕС, выходят на первый план.

Однако отсутствие успехов на пути евроинтеграции и активные процессы на Ближнем Востоке заставили Турцию пересмотреть свою позицию. ПСР стремилась проводить многовекторную политику. Так, в отношении с ближними арабскими странами она выдвинула лозунг «ноль проблем с соседями», разработанный А. Давутоглу. По его мнению, Турция может двигаться вперед после создания вокруг себя «пояса безопасности и стабильности», а для этого нужно наладить отношения с сопредельными государствами и решить наболевшие проблемы, в частности курдский вопрос. Это была принципиально иная концепция внешней политики, основанная на современных либеральных подходах, таких как «мягкая сила», разрешение конфликтов мирным путем при сохранении и упрочении экономического и военного потенциала страны².

За годы правления ПСР Турция заметно расширила свое экономическое присутствие в странах, которые являются ее южными соседями: объем турецкого экспорта в них вырос с 7,9 до 42 млрд долл. Такой успех позволил Анкаре выступить с предложением о формировании зоны свободной торговли Леванта, включаю-

¹ Иран будет рассмотрен в отдельной главе.

² Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 219–220.

щей Сирию, Иорданию, Ливан и Турцию¹. Осуществив «прорыв» в арабские страны, Турция обеспечила себе тесное сотрудничество с существующими лидерами и режимами. Но с волной политических потрясений на Ближнем Востоке, названных «арабской весной», власти во многих странах либо поменялись, либо сильно ослабли, поэтому позиция Турции также должна была поменяться.

Турция вынужденно отошла от активной политики «ноль проблем с соседями». Вместо того, чтобы попытаться выступить посредником между оппозицией и правящими режимами, турецкие власти встали на сторону протестующих, поддержав свержение авторитарных лидеров Туниса, Ливии, Египта и Сирии. Однако вскоре Турция оказалась перед непростым выбором при проведении своей политики в ближневосточном регионе. Президент А. Гюль, премьер-министр Р. Т. Эрдоган и министры его кабинета часто посещали арабские страны с целью укрепления политических и экономических отношений. Так, в 2011 г. президент посетил Йемен, а премьер-министр — Кувейт и Катар. В состав их делегаций входили представители турецких деловых кругов.

Учитывая риск негативного влияния «арабской весны» на собственную страну, Анкара косвенными путями прилагала усилия для реализации «реформ в атмосфере стабильности» в охваченных волнениями странах. Вскоре после отставки президента Египта Х. Мубарака президент Турции А. Гюль посетил Каир и выразил поддержку народу Египта, «вступившему в новый этап своей истории». Вслед за ним в июне 2011 г. премьер-министр Р. Т. Эрдоган нанес визиты в Египет, Тунис и Ливию. В частности, в Каире он пообещал утроить турецкие инвестиции в египетскую экономику и заключить в обмен на это важные контракты в сфере туризма, коммуникаций и в банковском секторе. В Египте и других арабских странах широко обсуждался вопрос о привлекательности турецкой модели развития с ее многопартийной

¹ Кестем С. Ближневосточная дилемма Турции. Региональное правительство Курдистана и ИГИЛ // НП «Российский совет по международным делам» (РСМД). 08.08.2014. URL: [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/blizhnevostochnaya-dilemma-turtsii-regionalnoe-pravitelstvo-/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/blizhnevostochnaya-dilemma-turtsii-regionalnoe-pravitelstvo/) (дата обращения: 19.09.2015).

демократией и динамично развивающейся экономикой. Опрос общественного мнения, проведенный в марте 2011 г. Фондом турецких экономических и социальных исследований в Иране и семи арабских странах (Египте, Иордании, Ираке, Сирии, Ливане, Палестине и Саудовской Аравии), показал, что 78% опрошенных считали, что Турция должна играть еще большую роль в регионе.

Важнейшим событием, определившим внешнеполитическую стратегию Турции с арабскими соседями, явилась вспыхнувшая в 2011 г. в Сирии гражданская война. Отметим, что непосредственно перед началом сирийских событий происходило заметное сближение Анкары с Дамаском. Между ними были заключены договоры об особом военно-политическом партнерстве и об отмене визового режима, подписаны многочисленные торговые и иные соглашения, которые говорили о желании Турции укрепить свои позиции и усилить влияние на президента Б. Асада¹. Отношения Турции с Сирией определялись не только двусторонними интересами, но и демонстрировали ее возросшую роль и авторитет в региональных вопросах, касающихся Израиля, Ирака, Ирана и Ливана.

Желание Турции укрепить отношения с Сирией в 2011 г. подкрепилось визитом в Дамаск турецкого министра иностранных дел А. Давутоглу. На встрече с министром иностранных дел Сирии В. Муаллимом он заверил, что для Турции Сирия является ключевой страной на Ближнем Востоке.

Подобный подход Анкары к событиям «арабской весны» в первой половине 2011 г. начал претерпевать заметную трансформацию с лета того же года. Ситуация изменилась после военной операции, проведенной сирийской армией в городе Хама во время Рамадана в начале августа 2011 г. Тогда армия применила танки и оружие против населения города, требовавшего отставки Б. Асада. Народное восстание было жестоко подавлено, число жертв исчислялось сотнями человек. Турция резко отреагировала на события в Хаме. Премьер-министр Р. Т. Эрдоган выступил с посланием

¹ Кандахарян Ш. Активизация турецкого фактора в Ливане // Аздак, Бейрут. Май 2012. URL: <http://www.theanaliticon.com/=19508 lang=ru> (дата обращения: 12.06.2012).

в адрес Б. Асада, заявив, что терпению пришел конец. Сирия из «стратегического партнера», с которым проводились «совместные заседания кабинетов», отныне превратилась в «проблемного соседа». Более того, он утверждал, что сирийский вопрос — это внутренняя проблема Турции и все, что происходит в этой стране, ни в коем случае не позволяет Турции быть просто зрителем.

Раскритиковав применение силы в отношении населения Сирии, Турция начала активно поддерживать Свободную сирийскую армию (ССА), которая вела партизанскую войну против режима Б. Асада. Дамаск опасался, что Турция создаст на границе двух стран буферную зону и этот район станет плацдармом для ССА и всех противников режима. Анкара же предполагала, что сирийская оппозиция выйдет на улицы и Б. Асад будет свергнут. Однако этого не произошло: удержаться у власти ему помогла международная конъюнктура и неопределенность позиций относительно будущего Сирии как государства. В сохранении действующей власти Сирии был заинтересован Иран, заключивший с ней союз.

В июне 2011 г. ПСР в третий раз выиграла парламентские выборы в Турции. Сразу после премьер-министр Р. Т. Эрдоган отправился по странам победившей «арабской весны» — в Египет, Тунис и Ливию. Прагматичный подход турецких властей к этим событиям проявился в Ливии, где после устранения М. Каддафи власть раскололась на два противоборствующих лагеря. Желая получить свою выгоду при дележе ливийских нефтегазовых богатств, Турция предоставила временному правительству этой страны инструкторов для обучения солдат новой армии Ливии и открыла посольство в Бенгази. Она также оказала Национальному совету переходного периода материальную и финансовую помощь. В Египте турецкий премьер пообещал увеличить инвестиции в экономику этой страны. Визит Р. Т. Эрдогана вызвал огромное воодушевление у народов всех трех стран.

В итоге этот тур, как эффективный шаг турецкой дипломатии, возвысил Турцию как регионального лидера, противника авторитарных режимов и защитника демократии. Это открыло новое направление в ее внешней политике. Таким образом, «арабская весна», приведшая к трансформации не только политических режимов, но и всей региональной подсистемы между-

народных отношений на Ближнем Востоке, позволила Турции активно участвовать в формировании новой расстановки сил в регионе. Однако Анкаре пришлось столкнуться и с рядом трудностей. Оказались несостоятельными цели и ожидания политики «ноль проблем с соседями»; напряженность возросла в отношениях с Сирией, Ираком, Ираном, углубился кризис с Израилем. После начала поисков нефти и газа в Восточном Средиземноморье возникли новые разногласия с Республикой Кипр.

В отношениях Турции и Ливана в этот период преобладало укрепление экономических связей. Турция выступала как миротворец во внутренних конфликтах. Так, в период обострения шиитско-суннитских вооруженных столкновений на севере Ливана в 2007–2008 гг. Анкара проявила большую заинтересованность в разрешении конфликта. Она организовала в Катаре конференцию по примирению сторон в Ливане, где предложила компромиссные решения проблемы формирования коалиционного правительства и проведения президентских выборов. Эти усилия турецкой дипломатии сыграли важную роль в том, что в Ливане 25 мая 2008 г. состоялись давно ожидаемые президентские выборы, на которых новым президентом был избран М. Сулейман, а затем, 7 июня 2009 г. — выборы в Национальный парламент. И уже в июле Бейрут посетил министр иностранных дел Турции А. Давутоглу. Соглашения, достигнутые в ходе визита, касались сотрудничества в области здравоохранения, образования, сельского хозяйства, транспорта, военных дел. Из них особо важным было соглашение об отмене виз между двумя странами¹. Эти соглашения со стороны Турции были подписаны во время визита в Ливан премьер-министра Р. Т. Эрдогана 24 ноября 2010 г.²

Очередной правительственный кризис, снова возникший в Ливане в 2010–2011 гг., также во многом удалось преодолеть благодаря инициативам Турции. Поэтому вполне предсказуемой стала реакция населения Ливана на действия Израиля, когда он поме-

¹ Başbakan Erdoğan Beyrut ziyareti ışığında // ORSAM. Arabik. 10.08.2009 URL: <http://www.orsam.tr/files/OA/24/08/2009 oytun.pdf> (дата обращения: 25.10.2010).

² Турция и Ливан намерены создать свободную торговую зону // Вестник Кавказа. 25.11.2010. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/29312.html> (дата обращения: 18.09.2011).

шал доставке гуманитарного груза в сектор Газа из Турции так называемой «Голубой флотилией». В ряде ливанских городов прошли демонстрации солидарности с Турцией в связи с убийством в ходе этой операции девяти турецких граждан.

Основной проблемой Турции на Ближнем Востоке в 10-е годы нового века оказалось противостояние Ирана и Саудовской Аравии в борьбе за влияние над странами региона. Также для турецкого руководства важной задачей стали гарантии того, что нестабильность в Сирии и Ираке не распространится на саму Турцию, которая все больше втягивалась в борьбу с курдами и их военизированными организациями. Турции, однако, удалось многое сделать для снижения внутренней напряженности, связанной с курдами, при помощи военно-полицейских операций, заключения под стражу руководителя Рабочей партии Курдистана (РПК) А. Оджалана и одновременного проведения реформ по уменьшению дискриминации курдов. Опасность для себя Турция видела также в попытках сирийских курдов к самоорганизации.

В 2012 г. министр иностранных дел Турции А. Давутоглу заявил, что Турция станет лидером нового порядка на Ближнем Востоке и будет руководить переменами в стремлении к миру. И действительно, турецко-арабские отношения претерпели серьезные изменения в 2012–2014 гг. Однако Турции не удалось удержать свои лидирующие позиции в регионе, в частности, из-за активного вмешательства Ирана в разгоравшийся сирийский конфликт. Стремление Турции играть активную роль во внутренних делах стран региона вызвало негативную реакцию с их стороны. Возможно, турецким интересам более отвечала бы роль «держателя баланса», миротворца, переговорщика.

Учитывая неблагоприятную обстановку в регионе, Турция в 2016 г. вновь стала пересматривать внешнеполитические ориентиры. Смену курса символизировало назначение соратника Р.Т. Эрдогана Б. Йылдырыма новым премьер-министром¹. Одним из первых шагов Б. Йылдырыма на высоком посту стала нормализация отношений с Россией после инцидента со сбитым рос-

¹ Ak Parti'de yeni Basbakan Binali Yıldırım oldu // Akşam. 20.05.2016. URL: <https://www.aksam.com.tr/yasam/ak-partide-yeni-basbakan-ne-zaman-aciklanacak/haber-517181/> (дата обращения: 25.05.2016).

сийским самолетом в ноябре 2015 г. Этому также способствовало осуждение Москвой¹ попытки военного переворота в Турции².

И все же основной нерешенной проблемой в регионе для Турции оставался сирийский кризис. Здесь считали, что единственным легитимным представителем Сирии является сирийская оппозиция, которой турецкие власти оказывали всяческое содействие. 24 августа 2016 г. была начата военная операция «Щит Евфрата» по устранению курдских Отрядов народной самообороны (YPG) на севере Сирии, которые Турция рассматривала как угрозу национальной безопасности. К марту 2017 г. по окончании операции на сирийско-турецкой границе была создана буферная зона безопасности.

Что касается Сирии, то она оказалась единственной жертвой «арабской весны», где президент смог удержаться у власти. Б. Асаду значительную поддержку оказывают Иран и Россия. В какой-то степени ему «помогли» и радикальные исламисты, как местные, так и иностранные, своей крайней жестокостью оттолкнувшие от себя многих сирийцев, которые сначала были против Б. Асада. Позиции Анкары в Сирии, так же как и в других странах Ближнего Востока, к середине 10-х годов заметно ослабли. Удерживаемый ею анклав Идлиб на сирийском севере испытывает огромные трудности из-за обстрелов, а миллионы беженцев, находящиеся там, переживают гуманитарную катастрофу. Продолжающиеся наступательные операции Ирана в Сирии и Ливане, в большой степени осуществляемые боевиками ливанского шиитского движения «Хизбалла», мешают Турции занять здесь прочные позиции. Существует мнение, что правительство Р. Т. Эрдогана сделало слишком большую ставку на оппозиционные силы. Такая поддержка антиасадовского движения привела к поддержке военного вмешательства в Сирию, что, в свою очередь, вызвало напряженность в отношениях с Ираном, с которым у Турции были тесные политические и экономические связи.

¹ Попытка военного переворота в Турции в 2016 году // РИА Новости. 15.07.2017. URL: <https://ria.ru/20170715/1498412630.html/> (дата обращения: 12.08.2018).

² 15 Temmuz Darbe Girişimi ve Millet'in zaferi // Cumhurbaşkanlığı Genel Sekreterliği. Ankara: Cumhurbaşkanlığı Yayınları, 2016. S. 27–29. URL: https://www.tccb.gov.tr/assets/dosya/15 Temmuz_tr.pdf/. (дата обращения: 20.07.2017).

На фоне ухудшения отношений с соседними странами росла внутренняя неудовлетворенность внешнеполитическим курсом ПСР, над корректировкой которого, как считали многие, следовало бы задуматься. Турция поддержала египетскую инициативу по Сирии о четырехсторонних переговорах с участием Египта, Турции, Ирана и Саудовской Аравии. Но последняя отказалась в них участвовать. На саммите российско-турецкого Совета сотрудничества, который прошел в Москве в ноябре 2013 г., Р. Т. Эрдоган заявил, что действия правительства Б. Асада, применившего химическое оружие против оппозиции, должен осудить суд в Гааге. Он выступил в поддержку проведения конференции «Женева-2». Но эта конференция, состоявшаяся в январе 2014 г., не принесла ощутимых результатов в разрешении сирийского кризиса. Тогда же по итогам муниципальных выборов в Турции Р. Т. Эрдоган подтвердил неизменность позиции Турции в отношении Сирии, заявив: «Сейчас Сирия в состоянии войны с Турцией»¹. Расширение активности ИГИЛ (запрещена в РФ) в сирийском конфликте создавало для Турции дополнительную угрозу. При этом Турция пыталась использовать ССА как ударную силу против Б. Асада. Однако наиболее радикальные исламисты вышли из ССА и действовали исходя из собственных целей. Они свободно пересекали границы Турции и Сирии и вводили в зонах своего контроля режим шариата.

Турецкий политолог Н. А. Озджан в связи с растущим хаосом в рядах сирийской оппозиции сделал вывод, что вместо ожидаемой демократии «арабская весна» принесла в регион восстания, гражданские войны и террор. Он высказал мнение, что Турции следует быть крайне осмотрительной, поскольку она не может держаться одной линии в отношениях как с Сирией, Ираком, Саудовской Аравией, так и с Ираном в сферах политики безопасности и идеологии².

¹ Başbakan Erdoğan'dan balkon konuşması // Türkiye gazetesi. 31.03.2014. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/145638.aspx> (дата обращения: 12.04.2014).

² Özcan N. A. Esad'ı sistemde tutan nedenler // Milliyet. 18.11.2014. URL: <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/nihat-ali-ozcan/esad-i-sistemde-tutan-nedenler-1971081> (дата обращения: 20.04.2015).

Особый интерес представляют собой отношения между Турцией и Израилем в 10-е годы нашего века. Известный инцидент с «Флотилией свободы», отправленной Турцией к берегам заблокированного сектора Газа и атакованной израильским спецназом, резко обострил ситуацию в этих отношениях и привел к разрыву дипломатических связей между странами. В 2013 г. во время визита в Израиль президента США Б. Обамы премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху принес извинения Р. Т. Эрдогану за смерть девяти турок. Но примирение тогда не состоялось. Премьер-министр Турции поддерживал негативную риторику в адрес Израиля вплоть до окончания муниципальных выборов 2014 г. и всеобщих выборов 2015 г., когда он успешно был избран президентом страны. Надо отметить, что весь этот период торговли Турции с Израилем не только не сокращалась, а, напротив, возрастала. Если в 2002 г. с приходом ПСР к власти товарооборот Турции с Израилем составлял 1406 млн долл., то к концу 2014 г. в разгар политической напряженности в отношениях двух стран он достиг 5832 млн долл. Постепенно рос и поток израильских туристов в Турцию. В 2015 г. были достигнуты договоренности о покупке Турцией израильского газа из шельфовых месторождений в Восточном Средиземноморье. В следующем, 2016 г. Турция и Израиль пришли к соглашению о восстановлении дипломатических отношений. Израиль выплатил Турции 20 млн долл. в качестве компенсации за гибель ее граждан на судне «Мави Мармара»¹.

На этом фоне довольно успешными выглядели отношения между Турцией и Катаром в экономической сфере, в первую очередь, связанной с энергоносителями. В дальнейшем укрепление связей произошло в политической и военной областях. Эмир Катара Тамим ат-Тани совершил в конце 2014 г. визит в Турцию, в результате которого было подписано соглашение об укреплении безопасности и создании турецкой базы в Катаре. Тесные отношения Турции с Катаром усиливают ее влияние в региональных организациях, таких как Совет сотрудничества стран Персидско-

¹ Что стоит за сближением Турции с Израилем и Россией? // Вестник Кавказа. 29.06.2016. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/CHto-stoit-za-sblizheniem-Turtsii-s-Izrailem-i-Rossiey.html> (дата обращения: 27.01.2021).

го залива и Лига арабских стран, в которые она не входит, а также в Организации исламского сотрудничества. Оба государства связывала также поддержка египетского президента М. Мурси и исламистской организации «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ) и, соответственно, негативное отношение к новоизбранному президенту Египта А. ас-Сиси. Турецкое руководство активно выступало с критикой нового режима в Египте, что привело к разрыву турецко-египетских отношений.

Однако весной-летом 2014 г. отношения между рядом арабских государств и Катаром достигли критической точки. Причиной разногласий стала, в том числе, и позиция Катара по египетским событиям. Катар, оказавшись на пороге изоляции, решил пойти на смягчение своей риторики. В ноябре 2014 г. в ходе переговоров Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна с Катаром, а затем и с Египтом разногласия были улажены¹. А Турция осталась единственной страной, которая оказывала поддержку «Братьям-мусульманам» (запрещена в РФ).

С 2015–2016 гг. происходило укрепление и развитие связей Турции с государствами Совета сотрудничества стран Персидского залива, в первую очередь с Саудовской Аравией. Это произошло после периода охлаждения турецко-саудовских отношений, в том числе из-за того, что Королевство объявило близкое к Турции движение «Братьев-мусульман» террористической группировкой. Р. Т. Эрдоган поставил задачу поднять турецко-саудовские отношения на оптимальный уровень. Сближению двух стран способствовал визит Р. Т. Эрдогана в Эр-Рияд в феврале 2015 г. и его встреча с новым королем Салманом, преемником умершего короля Абдаллы. Важной частью этого сотрудничества стал своего рода союз Саудовской Аравии, Турции и Катара, направленный против сирийского режима Б. Асада, к которому все три страны относились одинаково враждебно. Однако их опора на разные оппозиционные группировки привела к тому, что они так и не смогли наладить необходимую координацию действий.

¹ Новая ось зла. Почему Катар стал изгоем на Ближнем Востоке// Сетевое издание islam.ru. 09.06.2017. URL: <https://islam.ru/content/analitics/50380> (дата обращения: 22.08.2023).

Другой причиной сближения трех стран было противодействие росту влияния Ирана в Ираке, Сирии и Ливане.

В апреле 2016 г. по приглашению Р.Т. Эрдогана в Анкару с официальным визитом прибыл саудовский король Салман. Оба руководителя после переговоров высказали общую озабоченность рядом региональных проблем, но и подчеркнули разницу в позициях по некоторым другим вопросам. Так, они признали взаимное стремление к свержению режима Б. Асада, общую борьбу с ИГИЛ (запрещена в РФ) и необходимость увеличения товарооборота между обеими странами. Однако по Ирану мнения сторон заметно разошлись. В борьбе с шиитским Ираном Саудовская Аравия желала бы выстроить «суннитскую ось» в регионе, в то время как Турция хотела бы остаться в стороне от этого. Для урегулирования спорных проблем Р.Т. Эрдоган и Салман подписали соглашение о создании двустороннего координационного совета.

Новый виток обострения отношений Турции с Египтом и Израилем пришелся на 2019 г. В январе по итогам встречи в Каире Египет, Израиль, Кипр, Греция, Италия, Иордания и Палестина объявили о создании Газового форума стран Восточного Средиземноморья (East Mediterranean Gaz Forum, EMGF), который позволит участникам управлять газовой политикой в регионе и предлагать конкурентоспособные цены. Штаб-квартирой форума стал Каир. Турция на форум приглашения не получила. Вскоре после этого она провела несколько военных учений и организовала в Средиземном море незаконное бурение нефтяных и газовых скважин. Египет также решил увеличить свои военноморские возможности в регионе.

Эскалация напряженности в регионе усугубилась с подписанием президентом Турции Р.Т. Эрдоганом и лидером Правительства национального согласия Ливии (ПНС) Ф. Сараджем меморандума об ограничении юрисдикции на море, конвенции о континентальном шельфе (фактически признание ливийской стороной права Турции на оспариваемые ею морские территории) и меморандума о взаимопонимании по морским зонам, по которому к Турции отходила значительная часть исключительной экономической зоны Греции. 2 декабря 2019 г. Турция опубликовала карту морских зон с учетом турецко-ливийских меморан-

думов, а 5 декабря документы были ратифицированы турецким парламентом. За Турцией закреплялся континентальный шельф шириной 200 миль, лишая шельфа греческие острова в Эгейском море, в том числе о. Крит. 6 августа 2020 г. между Египтом и Грецией были подписаны соглашения о делимитации морских границ. Этот документ был принят в пику договоренностям, достигнутым между Анкарой и ПНС, и по сути отменил их.

Тем не менее, несмотря на углубление кризиса в отношениях Египта и Турции в вопросах политического характера, в последние годы наблюдается активизация торгово-экономического сотрудничества между ними. В 2018 г. страны установили рекорд по объему двусторонней торговли.

Так экономическое сотрудничество между Каиром и Анкарой предшествовало нормализации политико-дипломатических отношений. В марте 2021 г. глава МИД Турции М. Чавушоглу объявил о возобновлении контактов на дипломатическом уровне¹. А в мае 2021 г. в Каир прибыла делегация высокопоставленных чиновников Турции во главе с заместителем министра иностранных дел С. Онолом. Состоявшиеся переговоры были сосредоточены вокруг четырех базовых аспектов: восстановление дипломатических отношений, координация в ливийском конфликте, сотрудничество в Восточном Средиземноморье, а также сокращение поддержки Турцией «Братьев-мусульман» (запрещена в РФ). Особое внимание обращает на себя четвертый пункт переговоров, который стал локомотивом всех дальнейших шагов по улучшению двусторонних отношений и был воспринят Каиром как готовность к возобновлению всеобъемлющего диалога.

Все это происходило на фоне заявлений представителей правящей ПСР о том, что турецкий парламент единогласно одобрил создание внутрипарламентского комитета дружбы с Египтом.

После этого события приобретают быстрое развитие: в ноябре 2022 г. на церемонии открытия чемпионата мира по футболу в Катаре состоялась короткая встреча А. ас-Сиси и Р. Т. Эрдогана. В конце февраля 2023 г. глава египетского МИД С. Шукри

¹ Турция и Египет полностью восстановили дипломатические отношения // ТАСС. 04.07.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18182397> (дата обращения: 20.08.2023).

в сопровождении М. Чавушоглу посетил пострадавшие от землетрясения районы Турции. А в июле 2023 г. прошло сообщение о полном восстановлении дипломатических отношений между странами¹.

Начавшееся сближение Турции с Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Ливией продолжается и в настоящее время. Ее руководство пытается также использовать успех «Авраамических соглашений» Израиля с рядом арабских стран для укрепления двусторонних отношений. Планируются визиты в Израиль министра иностранных дел М. Чавушоглу, министра обороны Х. Акара, а затем и Р. Т. Эрдогана. Примечательно, что Анкара оповестила об этом заранее палестинское руководство, с которым традиционно поддерживаются тесные отношения.

В начале марта 2022 г. президент Израиля И. Герцог совершил визит в Турцию и провел переговоры с Р. Т. Эрдоганом об энергетическом сотрудничестве. Это был первый визит израильского президента в Анкару за 15 лет. Обе стороны выразили заинтересованность в поставке израильского сжиженного газа в Турцию и далее в Европу. Кроме того, все последние годы неуклонно рос объем торговли между двумя странами, достигнув в 2020 г. 5,75 млрд долл.² Не исключено, что укрепление связей с Турцией Израиль рассматривает как инструмент сдерживания экспансии Ирана на Ближнем Востоке.

Итог представленного краткого обзора ближневосточного направления внешней политики Турции говорит о том, что ее претензии на лидирующую роль в регионе имеют некоторый успех. Правящая партия ПСР приложила немало усилий, чтобы сохранить высокий уровень отношений с арабскими государствами и при этом нивелировать их негативную реакцию по отношению к важному для Турции членству в НАТО и ЕС, а также стратегическому союзу с США.

¹ Турция и Египет полностью восстановили дипломатические отношения // ТАСС. 04.07.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18182397> (дата обращения: 20.08.2023).

² Субботин И. Президент еврейского государства совершит разведывательный визит в Турцию // Независимая газета. 31.01.2022; Его же. Средиземноморскому газу прокладывают коридор на Запад // Независимая газета. 09.03.2022.

Политика «ноль проблем с соседями» имела положительный результат: Турции удалось наладить хорошие отношения со странами Ближнего Востока. Однако «Арабская весна» привела к трансформации многих политических режимов в регионе и изменила всю региональную подсистему международных отношений на Ближнем Востоке. Это позволило Турции активизировать свое участие в формировании нового порядка в регионе. Подобная активность привела к ухудшению ее отношений со всеми странами региона и политической и экономической изоляции. В наиболее тяжелые пики напряженности (2011–2013 гг.) критики ПСР говорили об изменении политики «ноль проблем с соседями» на «ноль соседей без проблем»¹.

Казалось, что для Турции сложилась патовая ситуация, однако новые тактические ходы ПСР после 2019 г. успешно выполняют стратегические задачи страны в ближневосточном регионе, что способствует выходу из изоляции и открытию новых экономических возможностей для страны.

5.2. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ В XXI ВЕКЕ

Турецко-иранские отношения после смены режима в Иране в 1979 г. были достаточно напряженными. Турция опасалась экспорта исламской революции, о чем открыто говорили иранские лидеры; взаимное соперничество в Центральной Азии и на Кавказе за сферы влияния после распада СССР также не добавляло позитива в эти отношения².

После прихода в 2002 г. к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) отношения между Турцией и Ираном начали наполняться новым содержанием. Помимо того, что Ирану импонировала турецкая происламская партия, улучшению отношений способствовало появление новых вызовов и угроз безопасности обеих стран.

¹ Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / Отв. ред. В. В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2014. С. 8.

² URL: <http://www.printable report.276=view>. (дата обращения: 23.06.2023).

Турецко-иранские отношения в период правления ПСР прошли несколько этапов развития, и влияние на эти этапы оказывали как основные факторы развития ситуации в регионе, так и непосредственное взаимодействие двух стран в политической и экономической сферах.

В январе 2003 г. в разгар подготовки Вашингтона к силовой акции против Багдада Анкара выступила с заявлениями о необходимости при осуществлении любых действий против режима Саддама Хусейна руководствоваться исключительно решениями СБ ООН и развернула активную челночную дипломатию в регионе, целью которой являлось урегулирование иракской проблемы политическими средствами. В орбиту челночной дипломатии были включены Сирия, Иордания, Египет, Саудовская Аравия, Ирак, а также Иран. На уровне министров иностранных дел прошел ряд встреч, посвященных совместному решению иракской проблемы.

Вашингтон не придавал тогда значения связям соседей Ирака в этом формате, а ведь именно в нем наиболее активной была ось Анкара — Тегеран, которая в последующие два года переросла в действующий «треугольник»: Анкара — Тегеран — Дамаск. Именно в этот период заметно возросли турецко-иранские и турецко-сирийские контакты на уровне руководителей министерств и ведомств, в ходе которых обсуждалась иракская тематика.

Сотрудничество Турции с Ираном развивалось и в связи с вопросами взаимной безопасности. Во время визита турецкого премьер-министра Р. Т. Эрдогана в Тегеран в июле 2004 г. стороны подписали соглашение о сотрудничестве, в котором было дано определение Рабочей партии Курдистана (РПК) как террористической организации¹, и с этого времени обе страны активизировали сотрудничество по защите границ. В мае 2006 г. состоялся рабочий визит в Турцию Генерального секретаря Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Лариджани. Он провел в Анкаре переговоры со своим турецким коллегой генеральным секретарем Совета национальной безопасности Турции И. Альпдоганом, министром иностранных дел А. Гюлем и главой прави-

¹ Hürriyet. 22.07.2004.

тельства Р. Т. Эрдоганом, в ходе которых стороны договорились наращивать взаимодействие по ликвидации лагерей и баз РПК¹.

В апреле-мае 2006 г. Тегеран провел ряд успешных военных операций по уничтожению боевиков иранского филиала РПК, их баз, в том числе на территории Северного Ирака, и выдал турецкой стороне несколько арестованных функционеров этой организации².

Турецко-иранский политический диалог подкреплялся и развивающимися, хотя и при наличии ряда проблем, торгово-экономическими связями, а также сотрудничеством в области энергетики. Объем торговли между двумя странами составлял на 2007 г. 4,5 млрд долларов. В Иране действовало свыше 40 турецких фирм, причем привлекательность иранского рынка для турецких инвесторов возрастала. Иран являлся вторым после России поставщиком в Турцию природного газа, и предполагалось увеличение его поставок с 6,7 млрд куб. м в 2005 г. до 9,6 млрд в 2010 г.³

В ноябре 2007 г. Турция и Иран заключили в Анкаре Соглашение о сотрудничестве в сфере электроэнергетики. С турецкой стороны соглашение подписал министр энергетики и природных ресурсов Х. Гюлер, с иранской — министр энергетики П. Феттах. Это соглашение предусматривало совместное строительство и эксплуатацию трех теплоэлектростанций (две в Иране, одна в Турции) и одной гидроэлектростанции на иранской территории. Кроме того, предусматривалась модернизация высоковольтных линий электропередач, связывающих два государства⁴.

Вашингтон немедленно и жестко отреагировал на подписание этого документа. Представитель по печати посольства США в Турции К. Сэллоу заявила, что Иран не должен быть задействован в политике Турции по диверсификации источников поступления в страну энергоресурсов и их транспортировки на Запад. Тегеран не сотрудничает с СБ ООН и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) и не выполняет их решения. «В данной ситуации мы против всяческого сотрудничества с Ира-

¹ URL: <http://www.centrasia.ru/news A = 11480119960> (дата обращения: 22.06.2023).

² Ibid.

³ Global Strateji enstitüsü. 18.10.2007.

⁴ Milliyet. 21.11.2007.

ном, тем более в сфере энергетики», — констатировала К. Сэллоу. Официальная Анкара в ответ на негативную реакцию США заявила, что «Турция ни у кого не обязана спрашивать разрешение на выгодные с точки зрения своих национальных интересов действия». А сотрудничество с Ираном в газовой сфере выгодно и Турции, и Европе. В турецких политических и дипломатических кругах в связи с ситуацией с подписанием турецко-иранского соглашения о сотрудничестве в энергетике доминировало мнение о провале попыток Вашингтона «заморозить» отношения Анкары и Тегерана¹.

Тегеран, «цементируя» отношения с Турцией своей позицией по курдскому вопросу, рассчитывал на поддержку Анкары по вопросу об иранском ядерном досье и Ирана в целом. Со своей стороны Анкара поддерживала право Ирана на мирное использование ядерной энергии, призывая при этом Тегеран быть максимально открытым в отношениях с МАГАТЭ.

Таким образом, если США считали, что Иран продолжает разрабатывать ядерную программу, и требовали ужесточения против него санкций, то Турция, которая, хотя и испытывала известную озабоченность в отношении иранской ядерной программы, была сторонницей устранения конфликта дипломатическими методами². В связи с этим турецкий политолог А. Биранд отмечал, что в иранском конфликте Турция «фактически участвует в отношениях между США и ЕС, с одной стороны, и с Ираном, с другой, претендуя на роль неофициального посредника»³.

По словам бывшего сотрудника турецкого отдела госдепартамента США, а позже исследователя Принстонского университета Дж. Волкера, «правительство Эрдогана пытается сохранить устойчивый баланс между политикой США в отношении Ирана и развитием экономических и политических связей со своим крупнейшим и наиболее сильным ближневосточным соседом. Сам Эрдоган постоянно говорит о необходимости для Турции иметь хорошие отношения с Ираном, тем самым ослабляя международную озабоченность по ядерной программе Ирана и срывая по-

¹ Hürriyet. 22.11.2007.

² Milliyet. 26.03.2008.

³ Ibid. 14.02.2008.

пытки Вашингтона оказать объединенное давление на эту страну. Учитывая добрососедскую атмосферу в турецко-иранских отношениях, может быть, пришло время для Вашингтона и Брюсселя начать рассматривать Анкару как посредника для налаживания диалога с Ираном. Турция могла бы стать идеальным кандидатом на эту роль»¹.

С 2009 г. наступает важный период с точки зрения углубления турецко-иранских отношений. Для Турции, цель которой — стать крупнейшим энерготранспортным узлом региона, Иран имеет особенно важное значение. Это государство обладает огромными запасами углеводородов и в будущем может стать важным поставщиком газа в ЕС, выход Турции в Центральную Азию через Иран также безопаснее, чем через Грузию. В свою очередь значение Турции для Ирана также существенно, т.к. основной маршрут для доставки иранского газа на рынок ЕС протекает по турецкой территории. Углубление отношений между Турцией и Ираном в 2009 г. было подкреплено и взаимными визитами на высшем уровне, в ходе которых выражалась «взаимная политическая воля способствовать развитию дружбы и братства». При этом неизменно отмечалось значение и влияние Турции и Ирана в регионе и на международной арене и подчеркивалась важность вклада, который обе страны могут внести в укрепление мира и стабильности в регионе.

Турецкими и иранскими официальными лицами обсуждались также вопросы дальнейшего развития торгово-экономических связей и был подписан ряд соглашений по их расширению². Обмен визитами начался с 2009 г. Уже в январе Турцию посетили главный посредник Ирана в переговорах по ядерным вопросам С. Джалили и спикер иранского парламента Али Лариджани.

В сентябре 2009 г. Иран с официальным визитом посетил А. Давутоглу, занимавший тогда пост министра иностранных дел Турции. Это был первый визит такого уровня после формирования в Иране нового правительства^{3*}.

¹ Turkish Daily News. 28.11.2007.

² URL: <http://www.turkishweekly.net./news/94789> (дата обращения: 22.07.2023).

³ В июне 2009 г. в Иране прошли выборы, и турецкие официальные лица были среди первых, кто поздравил М. Ахмадинежада после его переизбрания. Как

Давутоглу охарактеризовал Иран как «соседа, друга и партнера», подчеркнув, что это партнерство имеет большой экономический потенциал.

На пресс-конференции турецкий министр заявил, что Турция и Иран придают большое значение проблеме безопасности региона, и приветствовал налаживание отношений между спецслужбами двух стран, что в первую очередь должно содействовать борьбе с терроризмом.

Давая оценку двусторонним торгово-экономическим отношениям, Давутоглу отметил, что обе страны ставят своей целью довести объем совместного товарооборота до 20 млрд долларов (на 2009 г. он уже составлял 11 млрд)¹. Он также заявил, что «Турция придает большое значение тому, чтобы энергетические ресурсы Ирана заняли свое место в глобальных энергетических потоках и превратились в составную часть наиболее важных энергетических мостов между Европой и Азией».

Говоря об иранской ядерной программе, он подчеркнул, что «турецкая позиция очевидна — турецкая сторона считает, что этот вопрос должен решаться дипломатическими методами на основе взаимного уважения. В этой связи Турция готова способствовать предотвращению введения новых санкций против Ирана и отмене уже действующих».

Выступивший на пресс-конференции министр иностранных дел Ирана М. Мотаки особо отметил важность сотрудничества двух стран в борьбе с такими террористическими организациями, как Рабочая партия Курдистана (в Турции) и Партия свободной жизни Курдистана (в Иране). По его словам, «решимость Ирана и Турции бороться с радикализмом и терроризмом дала важные результаты за последние годы». Он охарактеризовал Турцию как одну из наиболее важных альтернативных стран в транспортировке энергетических ресурсов в Европу. Мотаки заявил, что «ны-

писал директор Бейрутского центра стратегических исследований М. Нуредин, не осталось ни одной западной страны, которая бы не вмешивалась во внутренние дела Ирана в связи с волнениями, проходившими в стране после выборов. Турция же, в отличие от западных стран, продемонстрировала конструктивную позицию невмешательства во внутренние дела Ирана и уважения к результатам официальных выборов (Radikal.28.06.2009).

¹ URL: <http://haber.turk.net.EN6/232566/> (дата обращения: 22.07.2023).

нешний уровень двусторонних отношений Ирана и Турции имеет потенциал стратегического сотрудничества»¹.

В 2010 г. важным вопросом в отношениях Анкары и Тегерана продолжала оставаться иранская ядерная программа, по которой Турция на протяжении всего времени придерживалась неизменных взглядов. В основе турецкой позиции лежал принцип урегулирования проблемы дипломатическим путем, который регулярно озвучивался представителями высшего турецкого руководства с акцентом на исключение силового варианта.

Анкара, выступая за безъядерный Ближний Восток, признавала право Ирана на развитие мирной атомной энергетики и одновременно призывала иранское руководство не отказываться от конструктивного диалога со странами Запада.

Важная попытка урегулирования иранской проблемы была предпринята в мае 2010 г., когда главы МИД Ирана, Турции и Бразилии подписали трехстороннее соглашение в Тегеране. Документ предполагал обмен на территории Турции низкообогащенного иранского урана на высокообогащенный. Договаривались о передаче на хранение в Турцию 1200 кг низкообогащенного (до 3,5%) урана и получении Ираном в течение года 120 кг высокообогащенного (до 20%) топлива, необходимого для тегеранского исследовательского реактора².

Однако реальное развитие событий показало, что подписание Тегеранской трехсторонней декларации принесло лишь два результата, не продвинувших решение самой проблемы в принципиальном плане. Иран выиграл время, так как документ появился, когда обсуждался вопрос о новых санкциях в отношении Ирана, а Турция укрепила свой миротворческий имидж при решении острой глобальной проблемы.

Турция, пользуясь своим положением временного члена Совета Безопасности ООН, проголосовала в июне 2010 г. против введения международных санкций в отношении Ирана, которые уже были согласованы со всеми членами Совбеза, включая Рос-

¹ URL: <http://haber.turk.net.EN6/232566/>. (дата обращения: 22.07.2023).

² Турция, Бразилия и Иран смогли решить ядерную проблему Тегерана. URL: <http://www.iran.ru/rus/news/iran=64737> (дата обращения: 15.09.2014).

сию и КНР¹. Поданный «против» голос Турции по большому счету ничего не решал, но он сыграл позитивную роль для укрепления отношений с Тегераном.

Вместе с тем чувствительным ударом по турецко-иранским отношениям стало согласие Анкары разместить на своей территории радарную систему раннего предупреждения «Patriot». И хотя из натовских документов по требованию Турции было изъято упоминание об Иране, все, по мнению заместителя генерального председателя Народно-республиканской партии Ф. Логоглу, понимали, что радар в Турции направлен в первую очередь против Ирана².

Тегеран выразил Анкаре свою обеспокоенность. Официальный представитель МИД Ирана заявил, что размещение радара может вызвать противоречия в регионе, а президент Ирана М. Ахмадинежад отменил запланированный визит в Турцию³.

События «арабской весны», начавшейся в 2011 году, привели к серьезным изменениям статус-кво на Ближнем Востоке, который стал объектом конкуренции между Турцией и Ираном. Иран в первые месяцы «арабской весны» рассматривал народные выступления как «исламское пробуждение» и поддержал происходящие события. Однако когда волнения начались в Сирии, иранское руководство начало демонстрировать другую позицию, поскольку возможная смена сирийского режима, поддерживающего Иран, могла бы создать угрозу геополитическим интересам Тегерана. По этой причине, когда «арабская весна» затронула Сирию, Тегеран занял прямо противоположную позицию. Духовный лидер исламской революции аятолла А. Хаменеи заявил, что «“арабская весна” организована США, Израилем и арабскими странами, и поскольку она служит интересам США и Израиля, Иран будет на стороне сирийского режима»⁴. С целью сохранения стратегического партнера — сирийского режима — Иран начал оказывать ему под-

¹ URL: <http://www.turksam.or.tr/erdogan-iranin-bati-arasinda-araclici-yapiyor/2928.html> (дата обращения: 15.09.2014).

² Radical. 14.09.11.

³ URL: <http://www.7or.am/ru/news>. 17.12.2012 (дата обращения: 15.09.2014).

⁴ Sinkaya, Bayran/ Arap Bahan Süresinde Iran'in Suriye Politikasi. Seta Analiz, sayı 53. Nisan, 2012. S. 10.

держку. Таким образом, влияние «арабской весны» на Сирию отразилось и на турецко-иранских отношениях, поскольку Турция, начав с критики сирийского руководства, поддержала антиправительственные силы, сделав ставку на смену режима в Дамаске.

Помимо этого, один из аспектов турецко-иранского соперничества связан с вовлечением Анкары в региональное противостояние суннитов и шиитов. Сознвая серьезную опасность подобного противостояния для двусторонних отношений, руководство Ирана и Турции пыталось опровергнуть утверждение о наличии конфессиональной подоплеки в разногласиях двух стран. Министр иностранных дел Ирана А. Салехи отмечал некорректность употребления таких понятий, как «иранский ислам» или «турецкий ислам», поскольку ислам один. А противоположные утверждения, по словам министра, призваны накалить атмосферу в турецко-иранских отношениях. Министр иностранных дел Турции А. Давутоглу также подчеркивал, что турецко-иранские отношения не являются противостоянием суннитов и шиитов и что между Турцией и Ираном не ведется скрытой борьбы¹.

Вместе с тем «конфессиональный фактор» в турецко-иранских отношениях проявляется не только на сирийском направлении, но и на иракском. Тегеран укрепил свои позиции в Ираке после того, как арабы-шииты сменили арабов-суннитов на ключевых постах в Ираке. А солидарность Тегерана и Багдада в отношении событий в Сирии придала дополнительный импульс стремлению Анкары сбалансировать рост иранского влияния в Ираке.

Известное потепление в турецко-иранских отношениях и развитие двустороннего сотрудничества наблюдается после прихода к власти нового иранского президента Хасана Роухани в августе 2013 г. Бывший в то время министром иностранных дел Турции Давутоглу посетил Тегеран для участия в церемонии принятия присяги новым президентом, а в январе 2014 г. состоялся визит в Иран премьер-министра Турции Эрдогана. Турецкие СМИ характеризовали этот визит как «благоприятную возможность преодолеть напряженность, наблюдавшуюся в турецко-иранских отно-

¹ Свистунова И. А. Турецко-иранские отношения / Турция на пути к региональному лидерству. М.: ИВ РАН, 2015. С. 232.

шениях на протяжении последних двух лет»¹. В ходе визита было подписано Предпочтительное турецко-иранское торговое соглашение о торговом сотрудничестве, переговоры о котором велись на протяжении 10 лет. Соглашение дает льготы в торговле экспортируемых Турцией из Ирана продуктов сельского хозяйства и в экспорте Ирана из Турции промышленных товаров и предусматривает необходимый механизм регулирования в данной сфере. Эрдоган охарактеризовал Иран как «мой второй дом» и выразил надежду на то, что товарооборот между странами к 2015 г. составит 30 млрд долл.² В свою очередь визит иранского президента Х. Роухани в Турцию в июне 2014 г. турецкий президент А. Гюль охарактеризовал как «начало новой эры в двусторонних турецко-иранских отношениях»³.

Визит президента Хасана Роухани стал первым за последние 18 лет визитом главы иранского государства в Анкару. Кроме того, Роухани известен как руководитель-реформатор. Экспертов интересовал вопрос, на какой уровень он сумеет поднять отношения с Турцией. Переговоры показали, что государства намерены расширять связи. Наряду с этим они по-разному относятся к геополитическим процессам, протекающим в регионе. И вставал вопрос о том, как выйдут из этой ситуации Анкара и Тегеран ради стратегического партнерства.

В результате переговоров Роухани в Анкаре стороны договорились о создании механизма Совета стратегического сотрудничества высшего уровня. Всего было подписано 10 документов.

Соглашения в основном охватывают сферы экономики, энергетики, туризма, экологии, и в этих направлениях было решено продолжить сотрудничество.

Таким образом, очевидно, что Турция и Иран заинтересованы в углублении сотрудничества в экономической и энергетической сферах. Это выгодно обеим странам. Иран пытается компенсировать ущерб, причиненный санкциями Запада. На тот период

¹ URL: <http://www.dunyabulteni.net/haber-analiz/288462/basbakanin-tahran-ziyareti-baglaminda> (дата обращения: 18.10.2014).

² Там же.

³ URL: <http://www.daylysabah.com/politics/2014/06/10/rouhanes-marks-beginning-of-new-era-in-turkey-iran-relations> (дата обращения: 18.10.2014).

возможности Тегерана несколько расширились — Вашингтон при Б. Обаме выразил заинтересованность в налаживании отношений с ним. Х. Роухани сумел убедить политиков в искренности своих намерений в зарубежных визитах и смог поднять Иран в отношениях с Западом на новый уровень.

Аспект глобальной геополитики и региональных интересов в турецко-иранских отношениях представляет наибольший интерес. Здесь имелось несколько факторов, создающих трудности на пути сотрудничества Ирана и Турции. Прежде всего нужно отметить сирийский и египетский вопросы. Президент Ирана в Анкаре открыто заявил, что поздравил Башара Асада с победой на выборах 2014 г. Турция же вместе с США и Европой не признали выборы в Сирии. Это показывало, что между Анкарой и Тегераном имелись серьезные разногласия по поводу геополитического будущего Ближнего Востока.

Примерно такая же ситуация наблюдается и в связи с Египтом. Генерал Сиси не приглашал представителей Турции на церемонию инаугурации. А с Ираном у него сложились близкие отношения. Ряд экспертов считают, что поддержка Тегераном Сиси и сближение его с Западом раскололи «лагерь суннитов»¹. Это фактически означает противостояние геополитическим интересам Анкары.

Наконец, актуальным для обеих стран вопросом является террор и сепаратизм. В Анкаре в этом вопросе достигнута договоренность о сотрудничестве. Здесь отмечалась необходимость совместных действий в борьбе со всеми формами террора. Так, Иран и Турция должны совместно бороться против РПК. Наряду с этим Турция должна предотвращать действия террористических группировок, беспокоящих Иран. Обоим государствам угрожают ваххабизм и салафизм².

Очевидно, определенные круги на Ближнем Востоке уже выразили свое негативное отношение к турецко-иранскому сближению. Не исключается, что они связаны с Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами. В любом случае ясно,

¹ Hurriyet. 11.06. 2014.

² URL: <http://www.politikaakademisi.org/iran-turkiye-strategik-ortaklik-mevcut-sorunlar> (дата обращения: 18.10.2014).

что некоторые силы продолжают действовать в направлении обострения противостояния в регионе. Следует признать, что есть вероятность продолжения попыток препятствовать развитию отношений между Ираном и Турцией¹.

Все это показывает, что визит Хасана Роухани в Анкару — событие историческое в подлинном смысле этого слова. Главы двух мусульманских стран признают существование потребности в сотрудничестве на высоком уровне.

Доктор Маджид Рафизаре, ученый Гарвардского университета, специалист по внешней политике Ирана и иранец по происхождению, следующим образом рассматривает место Турции в политике Ирана: «Когда встает вопрос о геополитике и балансе сил в регионе, иранские лидеры не позиционируют арабские страны Персидского залива как союзников, а скорее как конкурентов и соперников. И это одна из главных причин, которая заставляет иранских лидеров рассматривать Турцию в качестве главного и ключевого стратегического, геополитического и экономического союзника в регионе»².

Затем, указывает американский исследователь, иранские лидеры смогли избежать американских и международных санкций, торгуя с Турцией. Другими словами, турецкий рынок — решающая платформа для иранской экономики и иранских фирм, экспортирующих тысячи продуктов в Турцию.

И, наконец, поскольку Турция является членом НАТО, Иран нуждается в сотрудничестве с ней, чтобы посылать на Запад заслуживающие доверия конструктивные сигналы. Повестка «предусмотрительности и умеренности» внешней политики Роухани ставит своей целью ослабить изоляцию Ирана на глобальном уровне. И, наконец, и Иран, и Турция рассматривают курдские общины вблизи их границ как многозначительную оппозицию их консолидированной силе³. М. Рафизаде в связи с этим делает вывод о том, что Турция и ИРИ «в свете общих геополитических, экономических, стратегических целей и ин-

¹ Ibid.

² URL: http://www.alarabia.net/en/views/news_middle-east/2014/06/13/what-s-behind-turkey-and-iran-s-strategic-friendship/html (дата обращения: 19.10.2014).

³ Ibid.

тересов нуждаются в совместном сотрудничестве более чем когда-либо. И хотя наблюдаются некоторые в первую очередь серьезные трения и разногласия по вопросам сирийского кризиса и Египта, Турция и Иран имеют больше общих целей, которые их объединяют»¹.

Вместе с тем, по мнению эксперта турецкого Института стратегических исследований Дж. Ташкента, помимо расхождений двух стран по ряду региональных проблем между Турцией и Ираном, стремящимися стать важными акторами в регионе, идет борьба за лидерство. Здесь Иран осуществляет подобное соперничество за счет религиозных и конфессиональных инструментов, а Турция — за счет дипломатии и мягкой силы². Турецкий эксперт указывает, что «несмотря на это, обе стороны, отодвигая соперничество и расхождения во взглядах на второй план, предпочитают сосредотачиваться на общих интересах и сотрудничестве»³.

2 апреля 2015 г. в Лозанне завершились переговоры по ядерной программе Ирана. «Шестерка» и Иран достигли договоренности по основным пунктам программы. «Сегодня мы совершили решающий шаг. Мы достигли договоренности по ключевым параметрам всеобъемлющего соглашения, — подчеркнула верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Федерика Могерини. — Политическая решимость, добрая воля и напряженный труд сделали это возможным»⁴.

Турецкая газета «Миллиет» подчеркивала, что достижение подобного соглашения в формате взаимной выгоды — «Важный успех дипломатии». Собственно, если бы не были сделаны взаимные уступки и не было бы намерения к примирению, такое «рабочее соглашение» не было бы достигнуто⁵.

¹ URL: http://www.alarabia.net/en/views/news_middle-east/2014/06/13/what-s-behind-turkey-and-iran-s-strategic-friendship/html (дата обращения: 19.10.2014).

² URL: http://www.ankarastategyi.org/haber_turkiye-iran-iliskilerin-gerilemen-hatti-suriye-1476 11 kasim 2014 (дата обращения: 11.12.2014).

³ Ibid.

⁴ URL: <http://news.mail.ru/politics/21598090>. Международная реакция на итоги переговоров Ирана и "шестерки" (дата обращения: 10.04.2015).

⁵ Milliyet. 04.04.2015.

Однако есть и те, кто продолжает не доверять Ирану и поэтому считает соглашение недостаточным. В первую очередь это Израиль. Саудовская Аравия и страны Персидского залива также «холодно» смотрят на соглашение. Подобные сомнения и недоверие присутствуют и в американском конгрессе¹. Можно утверждать, что достижение договоренности по иранской ядерной программе стало одной из причин начала войны в Йемене.

26 марта 2015 г. Саудовская Аравия объявила о начале международной военной операции в Йемене против шиитской военизированной группировки хоуситов, которая захватила власть в республике. По позициям повстанцев 26 и 27 марта были нанесены авиаудары. В операции принимали участие Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Катар, Кувейт, Иордания, Марокко, Египет, Северный Судан. Представители Саудовской Аравии заявили, что действуют по просьбе бежавшего экс-президента Йемена М. Хади. В качестве же цели операции называется «борьба с международным терроризмом» и «восстановление легитимной власти в республике»².

Момент для начала войны был выбран не случайно. Иран стоял на пороге закрытия своего ядерного досье, была вероятность успешного завершения переговоров с «шестеркой». Иранские соперники в регионе поняли, что конфронтация Тегерана с Западом может скоро закончиться. В реальную опасность приобретения Ираном ядерной бомбы мало кто верил, иранскую угрозу измеряли не количеством центрифуг, а числом стран, где у Тегерана имеется сильное влияние. Дипломатическое решение иранской ядерной проблемы меняет всю геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. А Йемен — далеко не периферийное звено в региональной безопасности.

Страна расположена с одной стороны вдоль главного морского пути из Европы в Азию, с другой — рядом с торговыми путями Красного моря. В обоих направлениях ежедневно провозят миллионы баррелей нефти: через Суэцкий канал в Средиземное море и с саудовских нефтеперерабатывающих заводов — на азиатские

¹ Ibid.

² Аргументы и факты. 26.03.2015.

рынки. Пролив Баб-эль-Мандеб — одно из тех мест, которое правительство США занесло в список семи стратегических узких мест мировой танкерной транспортировки нефти. У Ирана географически уже есть контроль над Ормузским проливом, имеющим не менее важное стратегическое значение. Претензии на создание в Йемене государства во главе с шиитским руководством рассматриваются во многом с позиций энергетической безопасности Запада. Тот, кто будет контролировать Йемен, сможет закрыть путь танкерам из Персидского залива в Суэцкий канал, оставив Европу без нефти¹.

Анкара поддержала начавшуюся военную операцию коалиции в Йемене и выразила готовность оказать ей логистическую помощь. В свою очередь Иран расценил воздушные удары по Йемену как «военную агрессию, которая лишь усугубит кризис в стране»².

26 марта 2015 г. Эрдоган заявил: «Иран просто пытается доминировать в регионе, и подобная ситуация начинает нас и страны Залива беспокоить, невозможно это перенести». Он также предостерег Иран от вмешательства в дела Сирии, Йемена и Ирака³. Министр иностранных дел Ирана Д. Зариф дал ответ на эти заявления в более мягкой форме, указав: «В существующей ситуации все страны должны приложить усилия, чтобы обеспечить стабильность в регионе и воспрепятствовать недоверию». А иранский МИД после высказываний Эрдогана, критикующих региональную политику Ирана, вручил представителю Турции в Тегеране ноту⁴. 65 иранских парламентариев обратились с письмом на имя президента ИРИ с требованием «предупредить» Эрдогана и чтобы он принес официальные извинения⁵. Эрдоган заявил, что иранские парламентарии по статусу не являются лицами, равными главе государства, а значит, не могут повлиять на визит.

¹ URL: <http://rusline.ru/opf/2015/3/31/kto-v.amerikanshm-pricele-jemen-ili-iran> (дата обращения: 08.04.2015).

² URL: <http://ria.ru/world/20150407/1057066502/rtml>. Президент Турции прибыл с визитом в Иран 07.04.2015 (дата обращения: 10.04.2015).

³ URL: <http://www.aljazeera.com/tr/al-jazeera-ozel/erdogan-ruhane-el-ele> (дата обращения: 10.04.2015).

⁴ Там же.

⁵ Milliyet. 07.04.2015.

Несмотря на создавшуюся напряженность в отношениях, президент Турции Р. Эрдоган побывал в Иране с однодневным официальным визитом (7 апреля 2015 г.). Он стал первым зарубежным лидером, посетившим эту страну после прорыва на переговорах по иранской ядерной программе.

Очевидно, что потенциальный вывод Тегерана из международной изоляции и снятие с него санкций могут поменять геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. Тегеран и Анкару очень интересовало развитие энергетической и торговой составляющих¹.

Примечательно, что за несколько часов до вылета с официальным визитом в Тегеран Эрдоган встретился с министром иностранных дел Саудовской Аравии принцем Наиф-аль-Саудом. Встреча длилась 1 час 40 минут. О других деталях встречи не сообщается. Однако очевидно, что эту встречу следует рассматривать в контексте политического баланса между двумя региональными державами — Ираном и Саудовской Аравией. В целом после столь сложных условий, предшествовавших визиту Эрдогана, он прошел рука об руку с иранским президентом Х. Роухани по красной дорожке, и в результате переговоров оба президента, выступая на совместной пресс-конференции, заявили, что достигли совместных точек зрения.

В целом можно утверждать, что между президентами Турции и Ирана достигнуто соглашение о совместных действиях для обеспечения стабильности в Йемене. По мнению духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи, чтобы разрешить кризис в Йемене, нужно остановить внешнее вмешательство и позволить народу Йемена самому определять свою судьбу².

Политическую составляющую итогов визита в Тегеран Эрдоган изложил в интервью турецкому журналисту. Он указал, что в Иране было проведено второе совещание Совета сотрудничества высшего уровня, во время встреч с Роухани обсуждены во-

¹ URL: <http://www.1new.az/authors/editorial/201504130/2522785.html>. 13.04.2015 (дата обращения: 16.04.2015).

² URL: <http://Politikaakademisi.org/cumhurbaskani-erdogan-iran-ziyaretinin-yansimalari>. 09.04.2015 (дата обращения: 16.04.2015).

просы Ирана, Сирии, Палестины, Египта, Йемена, Ливии и рассмотрены проблемы стоимости энергоносителей.

Эрдоган подчеркнул, что страны, которые смогут сыграть активную роль в регионе, — это Турция, Саудовская Аравия и Иран. «Мы хотим сделать некоторые шаги, но в первую очередь нам необходимо создать условия для договоренности групп в Йемене. Усилия трех стран в поисках решения дипломатическими путями имеют большое значение»¹.

На вопрос журналистов о критических замечаниях в адрес Турции по поводу того, что она проводит определенные конфессиональные различия, Эрдоган заявил следующее: «Абсолютно невозможно, чтобы мы применяли выражение "конфессиональные различия". Для нас определяющим является не конфессионализм, а ислам. ...Однако в настоящее время исламский мир перед угрозой раскола. И это надо остановить»².

Как справедливо указывает турецкий эксперт по вопросам Ближнего Востока А. Семин (Центр стратегических исследований BILGESAM), в настоящее время Ближний Восток, к сожалению, разделился на два блока — шиитский и суннитский. И это серьезная проблема, которая может привести к поляризации региона. Визит президента Эрдогана в Иран и его предшествующий визит в Саудовскую Аравию показывают, что в региональном плане Турция вынуждена проводить сбалансированную политику. Турция оказала поддержку коалиции, созданной Саудовской Аравией, однако не играет в ней активной роли. А если отвечать на вопрос, где должно быть место Турции в разделе региона на двое — т.е. шиитов и суннитов, можно утверждать, что Турция должна выстраивать хорошие отношения как с Ираном, так и со странами Залива³.

Это, конечно, будет очень трудный процесс, поскольку равновесие очень неустойчивое и конфессиональная война усиливается. Кроме того, у Турции сложные отношения с некоторыми странами, которые стоят в центре этого выравнивания. Следова-

¹ Milliyet. 09.04.2015.

² Там же.

³ URL: <http://tr.sputniknews.com/columnist/20150407/1014871469.html> (дата обращения: 15.04.2015).

тельно, необходимы терпение и твердость, чтобы следовать данному курсу. Но наиболее важно то, что это потребует чрезвычайной гибкости.

В последние годы очевидна тенденция сближения Турции и Ирана. Среди факторов сближения есть как долговременные, так и кратковременные, и они изменяют баланс сил в борьбе за лидерство в регионе. Одним из основных факторов, оказывающих важное воздействие на позиции двух стран, стали события в Сирии. Отдельное место в сирийской политической тематике занимает новое и уникальное по целям и составу явление — Астанинский процесс.

Идея встречи в трехстороннем формате в целях поиска путей урегулирования ситуации в Сирии была озвучена Россией в конце 2016 г. Российскую инициативу поддержали такие страны, как Иран и Сирия, активным образом вовлеченные в сирийский конфликт.

Анкара в начале вооруженного противостояния в Сирии поддерживала оппозиционные силы, в частности «Свободную сирийскую армию», и выступила за скорейший уход Б. Асада с поста президента страны. В августе 2016 г. она начала военную операцию на севере Сирии «Щит Евфрата» (завершена в марте 2017 г.), имея целью очистить турецкие границы от военизированных группировок, в том числе от действующих в регионе курдских отрядов народной самообороны (YPG), содействовать поддержанию территориальной целостности Сирии, а также препятствовать миграционным потокам из Сирии.

В свою очередь Тегеран занял сторону официальных сирийских властей, предоставив им военную и финансовую помощь. Так, на стороне правительственных сил воюют отряды Корпуса стражей исламской революции и подконтрольные Тегерану подразделения шиитской организации «Хезболла», базирующейся в Ливане.

В декабре 2016 г. в Москве на уровне министров иностранных дел и обороны России, Турции и Ирана состоялась первая встреча в трехстороннем формате. На основе достигнутых договоренностей представителям трех стран удалось согласовать введение режима прекращения огня (вступил в силу 30 декабря 2016 г.),

который распространяется на сирийские правительственные войска и все вооруженные группировки, за исключением запрещенных в РФ Исламского государства (ИГИЛ) и «Джебхат ан-Нусра».

В 2017 г. представители трех стран инициировали процесс мирных переговоров в Астане, к которым были привлечены правительство Сирии и делегация сирийской оппозиции. Так начался Астанинский процесс, который придавал в том числе новый импульс турецко-иранским отношениям.

Министры иностранных дел Турции и Ирана, несмотря на различия, которые имелись между их странами, незадолго до встречи в Астане заявили, что готовы быть открытыми к диалогу и пойдут на большее сотрудничество в разрешении сирийского кризиса. Иранский министр иностранных дел Д. Зариф сказал, что «Иран готов сотрудничать и работать с Россией и Турцией по сирийскому вопросу» и подчеркнул «удовлетворенность по поводу вновь начавшегося процесса между Москвой и Анкарой»¹.

Астанинский процесс продолжился в формате целой серии международных встреч по сирийскому урегулированию. Новым этапом на пути трехстороннего взаимодействия стал меморандум о создании зон деэскалации. Россия, Турция и Иран выступали гарантами прекращения военных действий в Сирии. 22 ноября 2017 г. в Сочи прошла встреча их президентов. По окончании переговоров Владимир Путин подчеркнул особую роль Ирана и Турции в разрешении сирийского конфликта, отметив, что позиция Эрдогана и Роухани позволила прекратить боевые действия и создать «зоны деэскалации». Благодаря усилиям трех стран удалось предотвратить распад Сирии, ее захват международными террористами, избежать гуманитарной катастрофы². В согласованном по итогам встречи совместном заявлении главы государств «подтвердили свою твердую приверженность суверенитету, незави-

¹ Ankasam (Ankara Kriz ve siyaset aristirmalari Merkeri). URL: <https://ankasam.org/rusya-turkiye-irandan-ortak-suriye-karari-ve-isbirlii>. 4 Mart 2017 (дата обращения: 12.05.2017).

² URL: <http://poanalytics.com./2017/11/27usiliya-rossii-irana-i-turtsii-v-sirii> (дата обращения: 05.12.2017).

симости, единству и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики»¹.

В ходе визита 1 ноября 2017 г. президента России В. Путина в Тегеран президент Ирана Х. Роухани, говоря о значении российско-иранского взаимодействия в сирийском кризисе, счел нужным особо отметить расширение данного формата с привлечением Турции. «Нам очень приятно, что помимо двусторонних отношений наши страны играют важную роль в заключении мира и стабильности в регионе. И одним из последствий развития взаимоотношений стал разгром одной из опаснейших группировок террористов. Развитие трехстороннего сотрудничества в формате Россия — Иран — Турция свидетельствует о том, что в Сирии идет процесс к возвращению мира и стабильности в стране», — подчеркнул иранский президент².

«Астанинский процесс является самым успешным в вопросе урегулирования конфликта в Сирии, и все три стороны договора — Россия, Иран и Турция будут продолжать взаимодействие в рамках этого процесса», — такое заявление сделал президент Турции Р. Эрдоган на встрече с коллегами из России и Ирана В. Путиным и Х. Роухани 14 февраля 2019 г. в Сочи на четвертой трехсторонней встрече глав государств — гарантов астанинского процесса. «Мы сделали большой шаг для продолжения политического процесса в Сирии и установления там перемирия. Нам удалось сохранить принципы Астаны, несмотря на провокации. Путем диалога нам удалось преодолеть многие барьеры», — сказал турецкий лидер³.

«Как соседи Сирии, мы готовы сделать все, что в наших силах, для мира в этой стране. Сирийский народ от нас ждет радостную весть о достижении «политического урегулирования», — заявил глава Турции⁴.

Говоря непосредственно о турецко-иранских отношениях, можно утверждать, что сближению двух стран способствовали

¹ Ibid.

² Kremlin.ru.<http://interaffairs.ru/news/show>. 03.11.2017. Россия — Иран; риски и перспективы.

³ Комсомольская правда. 14.02.2019.

⁴ Ibid.

события в регионе после 2015 г. Важную роль в потеплении этих отношений сыграла поддержка Тегераном турецкого президента Р. Эрдогана во время неудавшейся попытки государственного переворота в июле 2016 г. Глава МИД Ирана М. Зариф не спал всю ночь и звонил своему турецкому коллеге пять раз, чтобы выразить поддержку Тегерана турецким властям. И это в еще большей степени поспособствовало укреплению личных связей между лидерами двух стран¹.

Что касается общих интересов, которые относительно недавно проявились в турецко-иранских отношениях, — это осознание неуверенности относительно американской политики в регионе и политических амбиций курдов. Иран обеспокоен вопросом, смогут ли США переключить свою региональную политику с ИГИЛ на Иран в ближайшем будущем. Турция, с другой стороны, озабочена тем, что не может рассчитать продолжительность помощи США курдам в Сирии и срока окончания этого партнерства.

Перспективы курдского образования в Ираке и курдской автономии в Сирии являются, по мнению представителя издания Аль-Джазира Г. Далай (Galip Dalay), потенциальной опасностью для Турции и Ирана².

Появление сирийско-курдского блока, возглавляемого Партией демократический союз (ПДС PYD), и военизированного крыла этой партии, которое носит название Отрядов народной самообороны (ОНС YPG), подтолкнуло Турцию к переосмыслению своей сирийской политики.

Дело в том, что сотрудничество между США и PYD возникло в период военной осады, которой ИГИЛ подвергло сирийско-курдский город Кобани с сентября 2014 г. до февраля 2015 г. Это привело к созданию при поддержке США многонационального альянса «Сирийские демократические силы» (СВС), костяк которого составило военное крыло PYD — Отряды народной самообороны (YPG), которые Турция рассматривает как филиал Рабочей партии Курдистана (РПК) и национальную угрозу и которые

¹ URL: <http://aspsstrategist.org.au/the-regional-factors-brining-turkey-and-iran-together> (дата обращения: 12.12.2018).

² URL: <http://Aljazeera.com/intepth/opinion/2017/09/turkey-iran-rapprochement/170907101356869.html> (дата обращения: 12.12.2018).

получают военную помощь и поддержку США¹. Данная поддержка стала тем фактором, который побуждает Турцию стремиться к более тесным связям с Ираном и Россией.

Общие интересы Турции и Ирана были продемонстрированы в период кризиса в Персидском заливе, когда в июне 2017 г. Саудовская Аравия, ОАЭ и Египет разорвали связи с Катаром и ввели экономическую блокаду этой страны. Катарский кризис поставил Турцию и Иран на одну сторону. Обе страны рассматривали кризис как нечто большее, чем просто дипломатическое противостояние. Они видели в нем часть широкого проекта возглавляемого Саудовской Аравией блока, желавшего изменить региональный порядок в свою пользу, исключив отсюда Турцию и Иран².

Турция, у которой имеется в Катаре военная база, развернула здесь дополнительное подразделение после введения блокады. Анкара вместе с Тегераном пошла на осуществление воздушных поставок продовольствия и других товаров в осажденное государство, благодаря чему организованная блокада потеряла всякий смысл³. Кроме того, как подчеркивает турецкий аналитик Фади Фарисин, частые вспышки напряженности и кризисов между Турцией и Европой, а также между Турцией и США приблизили Турцию к Ирану и России. «Сегодня Турции легче работать с Ираном и Россией, чем с западными союзниками. Это справедливо даже для такой области, как Сирия, где интересы Турции подчас сталкиваются с интересами Ирана и России». По мнению Фарисина, «эта способность работать с Ираном положила конец напряженности между двумя странами»⁴.

Вопросы взаимодействия двух стран рассматривались в ходе правительственных визитов. Так, иранский министр иностранных дел М. Джавад Зариф посетил Турцию в июле 2017 г. Целью визита стало «установление диалога по двусторонним отношениям, региональным вопросам, в первую очередь по сирийской

¹ Ibid.

² URL: <http://www.aspistrategist.org.au/the-regional-factors-bringing-turkey-and-iran-together>. (дата обращения: 12.12.2018).

³ Ibid.

⁴ URL: <http://www.mk-turkey.ru/politics/2017/11/05.turciya-i-iran-vozmozhen-li-soyuz.html> (дата обращения: 13.12.2018).

проблеме, а также рассмотрению других проблем, таких, как дипломатический кризис в Катаре и гражданская война в Йемене»¹.

Осенью 2017 г. впервые в истории турецко-иранских отношений состоялся обмен визитами начальников Генштабов двух стран. Начальник Генштаба Турции Х. Акар на встрече со своим иранским коллегой М. Бакири в Тегеране заявил о начале нового этапа в турецко-иранских отношениях. По словам турецкого генерала, Анкара не признает никаких изменений границ Сирии и Ирака, а также итогов референдума иракских курдов. Было объявлено о намерении двух стран проводить совместные учения, сотрудничать по вопросам военного образования и безопасности границ².

Министр обороны Ирана Э. Хатеми, с которым также встречался Х. Акар, подчеркнул, что «западные силы разрабатывают новые сценарии, которые можно будет применить в районе после ИГИЛ, но Иран и Турция как два самых важных и влиятельных государства Ближнего Востока не позволят этим сценариям реализоваться»³.

4 октября 2017 г. президент Турции Р. Т. Эрдоган совершил визит в Тегеран для обсуждения двусторонних отношений, а также международных и региональных проблем. Лидеры Турции и Ирана приняли участие в четвертом заседании Совета сотрудничества высшего уровня двух стран.

В августе 2017 г., когда дипломаты Ирана и Турции приступали к окончательному согласованию деталей и повестки визита Эрдогана в Тегеран, предполагалось, что главным вопросом встреч турецкого лидера в Иране станет деэскалация сирийского конфликта, в котором, как известно, две страны, хоть и находились по разные стороны баррикад, но тем не менее сумели прийти к соглашению. Пусть даже оно, по сути, и означало фактический раздел Сирии на зоны влияния.

¹ URL: <http://www.us-iran.org/news/2018/8/30/iran-turkey-relations> (дата обращения: 13.12.2018).

² Свистунова И. А. Турция и сирийский кризис: вызовы и возможности для внешней политики Анкары // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1 (48). С. 91.

³ Ibid.

Референдум о независимости, прошедший 25 сентября в Курдской региональной автономии Ирака, в одночасье сделал уже подготовленные документы неактуальными. Анкара и Тегеран столкнулись с новым вызовом в регионе, перед которым прежние разногласия стали выглядеть совершенно несущественными. И потому повестку дня пришлось срочно перекраивать. Главным пунктом в ней становился теперь не сирийский, а курдский вопрос.

Именно для его обсуждения утром 4 октября в Тегеран прибыла делегация Турции, которую возглавлял президент Эрдоган. А важность его визита подчеркивал список сопровождающих: начальник Генштаба генерал Хулуси Акар (который вернулся из Ирана всего два дня назад), глава МИД Мевлют Чавушоглу, министр экономики Нихат Зейбекчи, министр энергетики и природных ресурсов Берат Албайрак, министр таможи и торговли Бюлент Тюфенкчи, глава МВД Сулейман Сойлу, министр культуры и туризма Нуман Куртулмуш, министр национальной обороны Нуреттин Джаникли, глава Национальной разведывательной организации Хакан Фидан и турецкий посол в Тегеране Рыза Хакан Текин.

Уже только анализ состава турецкой делегации давал основания предполагать, что, во-первых, закончится он принятием не менее серьезных решений. Что, собственно, и произошло. За три дня до посещения Тегерана Эрдоган сообщил депутатам турецкого парламента, что рассчитывает заключить с Ираном соглашение о совместных мерах по реагированию на прошедший в КРАИ референдум. И эта задача была выполнена им в ходе визита на все сто процентов. Совпадение своих позиций в отношении итогов 25 сентября стороны прекрасно продемонстрировали в итоговых заявлениях для прессы. «Мы хотим безопасности и стабильности на Ближнем Востоке... референдум о независимости в Курдистане в Ираке является сектантским заговором зарубежных стран и ни при каких обстоятельствах не будет признан Тегераном и Анкарой», — заявил Роухани на совместной пресс-конференции с Эрдоганом.

«Чего пытается добиться Курдская региональная администрация Ирака (КРАИ), проводя референдум? Ни одна страна мира, за исключением Израиля, не признает КРАИ. Решение, принятое по

итогам обсуждений с «Моссадом», не может и не будет считаться законным, — поддержал своего иранского коллегу Эрдоган. — Решимость Ирана и Турции в этом вопросе ясна. Анкара и Тегеран будут вести диалог лишь с центральным правительством Ирака, а референдум на севере Ирака является нелегитимным».

Сказанное на итоговой пресс-конференции, конечно, звучит несколько декларативно. Но проблема для Эрбиля заключается в том, что за этими декларациями стоят вполне конкретные договоренности, которых Эрдоган сначала достиг с Хасаном Роухани, а чуть позже согласовал и с Верховным лидером Ирана Али Хаменеи.

Речь идет, в первую очередь, об экономических санкциях, которые Анкара и Тегеран намерены ввести в отношении КРАИ. На первом этапе это сокращение экономических и финансовых связей, прекращение всех видов военного сотрудничества и введение ограничений на перемещение из Иракского Курдистана по погранпереходам Ирана и Турции. До недавнего времени Эрбиль можно было посетить даже не имея иракской визы — сейчас это становится невозможным. «Все важные вопросы — только через центральное правительство в Багдаде», — такова позиция иранского и турецкого президента, которую они согласовали.

При этом, что немаловажно, ни Тегеран, ни Анкара не намерены загонять Эрбиль в глухую изоляцию, оставляя Барзани и руководству КРАИ коридор для маневра.

Если руководство Курдской автономии согласится притормозить процесс обретения независимости, то Иран и Турция готовы не только снять ограничения в отношении Эрбиля, но и стать посредниками в его диалоге с Багдадом. Экономические ограничения в отношении какой-либо страны и региона — всегда палка о двух концах, поскольку потери несет не только тот, на кого эти ограничения накладываются, но и тот, кто их накладывает. Эрбиль для Анкары — это не только источник внезапно возникшей головной боли, но и достаточно емкий рынок для турецкого бизнеса. А главное — один из основных поставщиков нефти и газа. И здесь сторонам тоже удалось договориться — Тегеран взял на себя обязательства поставить Турции дополнительные объемы нефти и газа.

Ну и несколько особняком стоят договоренности, которые были достигнуты силовыми структурами двух стран о тесной координации действий в вопросах борьбы с терроризмом. Причем — не только курдских экстремистских организаций.

Сценарий военного давления на руководство КРАИ в ходе визита Эрдогана даже не рассматривался. Но обе стороны дали достаточно четко понять, что в вопросе Иракского Курдистана на экономическом, политическом и дипломатическом фронтах намерены действовать сообща, отложив в сторону разногласия по другим региональным проблемам. Поскольку ничто так не способствует развитию партнерства, как наличие общей угрозы¹.

Таким образом, как подчеркивает турецкий обозреватель А. Каракуш, общая позиция двух стран по вопросу Северного Ирака поднимает уровень отношений Турции с Ираном, начинается новый период этих отношений².

В состоявшихся в Тегеране переговорах Турция попросила у Ирана большей поддержки по вопросу борьбы с РПК, и в заключительном коммюнике подчеркивается, что Иран может сделать в данном направлении известные шаги³.

Безусловно, и Турция, и Тегеран пытаются занять лидирующие позиции на Ближнем Востоке. Однако, как заявляет турецкий политолог, доцент Университета экономики технологий в Анкаре Тогрул Исмаил, «все, что происходит в регионе, заставляет Анкару и Тегеран пересмотреть свои отношения и сблизиться по определенным вопросам, особенно таким, как тема создания так называемого курдского государства и ставка американских властей на курдов»⁴. Значительное влияние на формирование альянса между Анкарой и Тегераном, по мнению эксперта, оказала американская политика. «Это не столько сигнал США, сколько противодействие политике США, — отмечает Исмаил. — Роль в этом России немаловажна. Сближение Тур-

¹ URL: <https://msk.narzur.ru/erdogan-v-tegerane-razgovor-sereznyy>. 06.10.2017 (дата обращения: 13.12.2018).

² Milliyet. 07.10.2017.

³ Ibid.

⁴ Независимая газета. 12.09.2017.

ции и России также дало возможность Турции и Ирану найти общий язык»¹.

Президент Д. Трамп 8 мая объявил о выходе Вашингтона из СВПД (Совместный всеобъемлющий план действий) — сделки, которая была заключена в 2015 г. и ограничивала ядерные разработки Тегерана в обмен на отмену санкций Совета Безопасности ООН и односторонних ограничительных мер США и ЕС. Президент США пообещал не только вернуть прежние санкции, но и ввести новые, а госдепартамент сообщил о намерении свести к нулю доходы Ирана от экспорта нефти. Остальные участники СВПД — Россия, Китай, Франция, Германия и Великобритания не одобрили выход США из соглашения и остались привержены договоренностям^{2*}.

Турция дала понять, что она не будет следовать диктату США, и подчеркнула, что намерена придерживаться исключительно санкций, введенных ООН. Позицию Турции можно частично объяснить экономической взаимозависимостью двух стран. Президент Турции Эрдоган заявил, что Анкара не считает санкции против Ирана правильным шагом, они нарушают баланс в мире. Он добавил, что Турция закупает у Ирана 10 миллиардов кубометров газа. «Мы не будем соблюдать эти санкции. Мы не можем заморозить наших граждан», — сказал Эрдоган³.

Эрдоган, выступая на турецко-иранском бизнес-форуме в Анкаре 20 декабря 2018 г., на котором также присутствовал президент Ирана Х. Роухани, указал, что Турция рассчитывает использовать санкции США в отношении Ирана для развития собственных контактов с Тегераном. «Никто не должен считать, что мы положим конец нашему экономическому и торговому сотрудничеству с Ираном из-за санкций, — сказал президент Турции. — Я верю, что нам удастся превратить американские санкции в возможность развития наших отношений (с Ираном)». По итогам переговоров с Роухани Эрдоган вновь отме-

¹ Независимая газета. 12.09.2017.

² Между тем Вашингтон отсрочил на 180 дней введение нефтяных санкций в отношении Греции, Индии, Италии, Турции, Республики Корея, Японии, Китая и Тайваня // Независимая газета. 06.11.2018.

³ URL: <https://ria.ru/20181106> (дата обращения: 14.12.2018).

тил, что Анкара не намерена присоединяться к санкциям против Ирана¹.

Турецкий политолог-журналист Нихат Али Озджан указывает, что «доктрина Трампа», требующая пересмотра всей внешней политики Ирана, в первую очередь отразится на Турции. «Возможная военная конфронтация США и Ирана создаст для Турции проблемы на долгие годы. Те требования, которые США предъявляют Ирану, отразятся на политике Турции в отношении Сирии и Ирака. Основное влияние американо-иранского кризиса скажется на широком веере проблем Турции — от транспорта до туризма, от торговли до энергетики, а также отразится на всей системе безопасности в регионе». И снова на повестку дня встанут вопросы волны беженцев в Турцию, безопасность границ, контрабанда, радикальный религиозный терроризм и проблема Рабочей партии Курдистана. «Иран, подвергшийся санкциям и переживший интервенцию, окажет негативное воздействие на внутреннее равновесие в Сирии и Ираке. И в результате претворение решения Трампа затронет на годы Турцию»².

31 января 2019 г. Германия, Франция и Великобритания дали официальный старт работе инструмента взаиморасчетов с Ираном, призванного сохранить торгово-экономические отношения с этой страной и не допустить попадания европейских компаний под антииранские санкции США; инструмент обхода американских санкций получил название INSTEX (Instrument in Support of Trade Exchanges, Инструмент поддержки в торговых операциях).

Президент Турции Эрдоган заявил о готовности Анкары создать механизм для двусторонней торговли с Ираном наподобие европейского. На встрече с президентом Ирана Х. Роухани в Сочи перед трехсторонним саммитом Россия — Турция — Иран в феврале 2019 г. он сказал: «Турция приветствует механизм специального назначения Европы для торгового сотрудничества с Ираном и готова сотрудничать в его рамках, а также создать подобный двусторонний механизм». Президент Ирана на встрече с Эрдога-

¹ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5937682>. 20 декабря 2018 г. Турция хочет развивать отношения с Ираном на фоне санкций США (дата обращения: 22.12.2018).

² Nihat Ali Özcan Trump, ran ve Türkiye.// Milliyet. 25.05.2018.

ном также выразил заинтересованность в развитии экономического взаимодействия с Турцией, в том числе в энергетической и промышленной сфере¹.

Администрация Д. Трампа в мае 2019 г. аннулировала отсрочку американских санкций для 8 стран, в число которых входила и Турция. И вместе с тем в телефонном разговоре с иранским президентом в июне 2019 г. Эрдоган вновь подверг критике односторонние американские санкции в отношении Ирана и подчеркнул: «Мы никогда не примем эти жесткие санкции и мы надеемся на развитие нашей дружбы и сотрудничества с Ираном»².

В ходе телефонного разговора со своим иранским коллегой Х. Роухани Эрдоган высоко оценил значение сотрудничества между Анкарой и Тегераном в различных областях, включая безопасность и торговлю. «Иран и Турция могут играть большую роль в борьбе с терроризмом и развитии региональной стабильности и безопасности путем углубления своего взаимодействия и сотрудничества», — заявил турецкий президент³.

В ответном заявлении иранский президент Роухани подчеркнул, что «развитие отношений и сотрудничества между Ираном и Турцией, двух сильных и эффективных стран в мире ислама, чрезвычайно важно для стабильности и безопасности региона». «Вместе Иран и Турция могут сотрудничать с другими дружественными, братскими странами, чтобы положить конец этому прискорбному процессу и решить проблемы региона и мира ислама в целом». Это заявление Роухани сделал, выражая сожаление по поводу продолжения кровопролития и убийства людей в таких странах, как Судан, Ливия, Йемен и Афганистан. Оба президента обменялись приветствиями по случаю праздника Рамадан⁴.

Таким образом, на отношение иранского руководства к Турции влияет позиция Турции в отношении антииранских санк-

¹ URL: <http://www.ru/20190214/1550863456.html>. Турция готова создать торговый механизм для сотрудничества с Ираном (дата обращения: 03.03.2019).

² Daily Sabah Ankara. 10.06.2019.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

ций США. Позицию Турции можно помимо геополитических измерений объяснить и экономической взаимозависимостью двух стран, двусторонняя торговля между которым не ограничивается только газом и нефтью, а ее объемы выросли с 9,7 млрд долларов в конце 2016 г. до 11,7 млрд долларов в конце 2017 г. Более того, и Тегеран, и Анкара планируют увеличить этот объем со временем до 30 млрд долларов¹.

До мая 2018 г. Турция за счет иранской нефти обеспечивала более 50% своих потребностей. После заявлений Трампа закупки начали снижаться, но Турция вряд ли прекратит их. В турецком экспорте преобладают промышленные товары, в том числе высокотехнологичные, в чем Иран заинтересован. В 2016 г. турецкие инвестиции в Иран достигли 1,22 млрд долларов. В Турции работают три тысячи иранских компаний. Соглашение о преференциальной торговле было подписано еще в 2014 г., т.е. в период действия антииранских санкций. Ведутся переговоры о включении в этот договор ряда товаров, главным образом продукции нефтехимии, автомобильных запасных частей, изделий из алюминия и стали, одежды, т.е. тех позиций, которые попали под санкции США. 6 октября 2018 г. Иран и Турция подписали три соглашения по садоводству, пчеловодству и ветеринарии². В ходе визита в Тегеран министра транспорта Турции Дж. Турхана и переговоров с его иранским коллегой М. Эслани 29 апреля 2019 г. был подписан меморандум о перспективах сотрудничества и расширения транспортной системы между двумя странами. Турецкий министр заявил, что Турция — ворота для Ирана в Европу, а Иран — ворота для Турции в Азию, особенно в Центральную Азию. Подчеркивая значение исторических и культурных связей двух стран, Турхан указал, что они являются «частью механизма для установления двустороннего и регионального развития в регионе». Эслани в своем заявлении на совместной пресс-конференции указал: «Мы высоко ценим принципиальную позицию Турции в отношении односторонних санкций США в отношении Ирана и внесения

¹ URL: <http://aspistrategist.org.au/the-regional-factors-bringing-turkey-and-iran-together>. 12.12.2018/ (дата обращения: 03.03.2019).

² Современная Турция: тренды развития и значение для России. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 18.

США Корпуса стражей исламской революции в список террористических организаций»¹.

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать следующее: одним из основных факторов, оказывающих воздействие на Турцию, является сирийский кризис. Участие Ирана в этом кризисе носит и политический, и военный характер. С началом Астанинского процесса позиции Ирана и Турции сблизились, постоянными стали контакты на высшем уровне. Президент Ирана Х. Роухани в феврале 2018 г. в телефонном разговоре со своим турецким коллегой Эрдоганом говорил «о близких позициях двух стран по региональным и международным вопросам и даже о стратегическом партнерстве»².

У двух стран наличествуют общие интересы: Турция заинтересована в иранских энергоресурсах (а находящийся под санкциями Иран — в их сбыте); Анкара и Тегеран противостоят военно-политической экспансии США в регионе (конечно, в разной степени); считают Израиль главным врагом исламского мира; противостоят курдскому сепаратизму. Две страны несколько сблизил катарский, «антисаудовский» кризис. Турция символически, но увеличила гарнизон своей военной базы под Дохой, а в 2018 г. заключила с Ираном и Катаром соглашение о содействии транзиту товаров между тремя странами, обеспечившее поставки турецкой продукции в Катар через иранскую территорию³.

Сближение с Ираном, главным внешнеполитическим раздражителем Вашингтона, позволяет Турции демонстрировать своим западным союзникам самостоятельность и способность диверсифицировать внешнеполитические связи.

В то же время турецко-иранские отношения далеко не идеальны: Анкара и Тегеран расходятся в оценке ситуации в САР и во взглядах на будущее страны. Разногласия по вопросам власти в Сирии остаются. Турцию настораживает активное участие

¹ URL: <http://www.hurriyetdaily.news./com/turkey-iran-to-pursue-cooperation-enhance-relations-143032> (дата обращения: 30.04.2019).

² Dr. Rouhani in a phone call with his Turkish counterpart: Iran-Turkey ties should be promoted to strategic level in all fields. URL: <http://president.ir/en/102822> (дата обращения: 03.03.2019).

³ URL: <https://interaffairs.ru/news>. (Журнал «Международная жизнь». 31.05.2019).

КСИР (Корпус стражей исламской революции — элитное иранское военно-политическое формирование) в делах региона, но и Иран достаточно настороженно относится к военным действиям Турции в Сирии. Наиболее отчетливо это звучит в статьях известного иранского аналитика Садеки Малики, отражающего настроения части внешнеполитической элиты.

Он считает наиболее целесообразным в настоящее время соблюдать осторожность в отношении Турции, «избегать рискованных шагов, которые только могут усугубить геополитическую обстановку на Ближнем Востоке»¹.

В целом создается впечатление, что турецко-иранские отношения направлены в настоящее время к тесному сотрудничеству, если не сказать к созданию альянса. Вместе с тем такая характеристика преждевременна. Тактическое объединение Анкары и Тегерана реально, однако это еще не означает перехода к долгосрочному стратегическому сотрудничеству на Ближнем Востоке, где почти ежедневно рождаются новые кризисные ситуации. И новые кризисы могут снова вызвать расхождение интересов Ирана и Турции. По этой причине в отношениях двух стран скорее всего будет сохраняться стратегия балансирования между общими задачами и целями каждой из сторон, т.е. будет выражена готовность к сотрудничеству там, где интересы двух стран пересекаются.

5.3. Турция и Центральная Азия в период правления ПСР

Распад СССР и образование на его месте независимых государств, в том числе пяти тюркских, было встречено в Турции с огромным воодушевлением, и на повестку дня был выведен вопрос об объединении тюрков под эгидой Турции. Объединение тюрков Евразии заняло место одного из наиболее важных приоритетов внешнеполитической стратегии страны.

¹ Иран и Турция: региональные проблемы и консультации в Тегеране // Pars Today. 08.02.2018. <http://pars.today.com/ru/news/middle-east-i-8321918> (дата обращения: 10.02.2018).

С начала 1990-х гг. Турция прилагала максимум усилий для налаживания политических и торгово-экономических отношений с вновь образованными тюркскими государствами, выдвигала интеграционные инициативы.

Турецкий президент Т. Озал, премьер-министр С. Демирель, министр иностранных дел Х. Четин во время своих визитов в страны Центральной Азии выдвигали программу скорейшего объединения тюркских государств в рамках единого тюркского политического, экономического и культурного пространства¹. В январе 1992 г. в Министерстве иностранных дел Турции было создано специальное подразделение — Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı — ТИКА), целью которого было оказание помощи соседним странам, в первую очередь странам, говорящим на тюркских языках, для развития с ними сотрудничества в экономике, торговле, технической области, в образовательной и культурной сферах². Таким образом, политическая активность Турции сочеталась с конкретной деятельностью по установлению тесных экономических, культурных, научных и иных связей, с оказанием разносторонней помощи, включая гуманитарную и техническую. Большую активность проявлял и турецкий частный бизнес.

В середине 1990-х гг. эйфория от возможных далеко идущих планов Турции в отношении Центральной Азии снизилась. И это объясняется рядом причин. Лидеров центральноазиатских стран стало все больше беспокоить желание Турции сыграть роль «большого брата». Как просчет турецкого МИДа можно рассматривать заявление, сделанное в марте 1992 г. министром иностранных дел Х. Четин о том, что «Турция будет представлять интересы этих республик за рубежом». Только Узбекистан согласился рассмотреть это предложение³. Несмотря на турецкую активность, тюркские государства, получившие независимость, стремились развивать и укреплять свою национальную идентичность. Их обозреватели и эксперты подчеркивали, что чрезмерный акцент Тур-

¹ Е. И. Уразова. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., 2012. С. 20.

² Türk Dış Politikası, cilt 2. 1980–2001. S. 382.

³ Winrow. Turkey and the Post Soviyet Central Asia. L., 1996. P. 29.

ции на ее общности с тюркскими государствами вызывает негодование в Центральной Азии¹.

Со второй половины 1990-х гг. корпорации США, стран Евросоюза и Японии, а также некоторых новых индустриальных стран становятся ведущими деловыми партнерами государств Центральной Азии, конкуренция с которыми для турецких, преимущественно маломощных компаний, была непосильной. Отпала нужда и в посреднических услугах Турции — контакты Запада со своими новыми азиатскими партнерами стали осуществляться напрямую.

На рубеже XX–XXI вв. торгово-экономические отношения со странами оказались в серьезном кризисе — на треть сократился турецкий товарооборот с тюркскими республиками: с 1306 млн долл. в 1997 г. он снизился до 873 млн долл.,² значительно уменьшилась численность турецких строительных фирм, промышленных и прочих предприятий. Причинами резкого спада деловой активности турецкого бизнеса были финансово-экономические кризисы 1998–1999 г., нестабильная ситуация в самой Турции. Экономическая рецессия, общее обострение социальных проблем вызвали рост общественного недовольства действиями власти, что привело Турцию к политическому кризису, за которым в ноябре 2002 г. последовали досрочные парламентские выборы и приход к власти правительства Партии справедливости и развития.

После прихода к власти в Турции в ноябре 2002 г. Партии справедливости и развития турецкое руководство принимает меры по восстановлению многопланового сотрудничества со странами Центральной Азии. В программе правительства ПСР отмечалось неудовлетворительное состояние, в котором находились отношения с тюркоязычными государствами, и говорилось следующее: «Несмотря на историческую культурную и социальную близость с тюркскими республиками, сотрудничество с этими государствами не смогло оправдать ожиданий. Поэтому правительство приложит все усилия для улучшения этих отношений и превращения

¹ Ayden M. Turkey and the Central Asia // Central Asia Survey. Vol. 15. No. 2. June 1996. P. 165.

² DPT. Temel ekonomik gostergerler. Ankara, 1996, с. 57, 68; 2002, с. 49, 60, 69.

региона в арену тесного сотрудничества»¹. Основной акцент в политике Турции был сделан на торгово-экономическом сотрудничестве, а не на попытках доминирования «в образовавшемся после распада СССР тюркском мире».

Уже в январе 2003 г. лидер ПСР Эрдоган, еще даже не ставший премьер-министром, посещает Туркмению, Казахстан и Азербайджан. С одной стороны, этот шаг подтвердил заинтересованность Турции в развитии сотрудничества с тюркскими государствами, а с другой, показал, что страна прагматично подходит к такому сотрудничеству — визит состоялся в республики, богатые энергоресурсами. В ходе визита в Туркмению велись переговоры о продолжении сотрудничества двух государств в отраслях легкой промышленности, строительства, прокладке транспортных магистралей, а также транспортировке туркменских энергоносителей на мировые рынки. В Казахстане стороны пришли к общему мнению о необходимости увеличения товарооборота между странами. На переговорах Эрдогана и Назарбаева особое место занял проект Баку — Тбилиси — Джейхан и вопросы транспортировки казахских энергоресурсов. То есть везде обсуждались экономические аспекты сотрудничества. В то же время на переговорах отмечался братский характер взаимоотношений, историческая и культурная близость².

В апреле 2003 г. по инициативе Союза торговых, промышленных палат и торговых бирж Турции (ТОВВ) в Турции состоялась встреча председателей торгово-промышленных палат Турции, Азербайджана и Кыргызстана, в которой также приняли участие послы Узбекистана и Туркмении. Выступая перед участниками встречи, премьер-министр Эрдоган подчеркнул, что после распада СССР отношения Турции с тюркскими республиками СНГ не смогли достичь желаемого уровня. Одним из основных средств исправления подобной ситуации Эрдоган назвал устранение проблем и препятствий, присутствующих в торговых и экономических отношениях между государствами. Именно на этой основе,

¹ The Program of the 59th Government. Ankara, 18 March 2003. URL: <http://www.mfa.gov.tr> (дата обращения: 06.09.2007).

² *Avrasya Bulteni Say' 10*, Ocak 2003.

по его мнению, может строиться стратегия долгосрочного сотрудничества¹.

Весна 2003 г. была отмечена визитами в Турцию высокопоставленных должностных лиц из Кыргызстана и Казахстана: Анкару посетили премьер-министр Кыргызстана Танаев (13–15 мая), а затем президент Казахстана Назарбаев (21–23 мая). На переговорах вновь обсуждались вопросы торгово-экономического сотрудничества, а также вопросы поддержания мира и стабильности в регионе. Турция подписала с этими государствами соглашения, среди которых были Договор о сотрудничестве в сфере строительства и План действий по осуществлению программы долгосрочного торгово-экономического сотрудничества с Кыргызстаном, Договор о долгосрочном торгово-экономическом сотрудничестве с Казахстаном².

Череду встреч на высшем уровне продолжил премьер-министр Турции Эрдоган. В октябре он нанес официальный визит в Кыргызстан. В ходе его Эрдоган заявил, что приветствует переход Кыргызстана к свободной рыночной экономике и что целью обеих стран является повышение уровня товарооборота с 40 млн долл. до 200. Отдельно на переговорах была затронута тема реагирования на новые угрозы, прежде всего международного терроризма³.

В ноябре Р. Т. Эрдоган посетил Таджикистан, где на встречах с президентом Э. Рахмоновым и премьер-министром А. Акиловым были рассмотрены перспективы повышения взаимного товарооборота и привлечения турецких инвестиций в развитие энергетики в республике. И, наконец, в декабре 2003 г. Эрдоган нанес визит в Узбекистан. На переговорах с президентом И. Каримовым наряду с рассмотрением мер для расширения двустороннего товарооборота обсуждались вопросы региональной безопасности и укрепления взаимодействия в борьбе с международным терроризмом. По завершении переговоров стороны подписали Протокол о создании совместной экономической комиссии и Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом⁴.

¹ Avrasya Bülteni Sayı 10, Mayıs 2003.

² Avrasya Bülteni Sayı 11, Haziran 2003.

³ Avrasya Bülteni Sayı 16, Kasım, 2003.

⁴ Avrasya Bülteni Sayı 16, Aralık 2003.

Хотя результаты этой региональной активности Турции казались вполне успешными, однако, по оценке известного турецкого исследователя Зейреккли, сравнительный анализ отношений Турции с Центральной Азией с периода 2001 по 2006 г. показывал, что в политическом плане они так и остались на достаточно низком уровне¹.

Начиная с 2007 г. эти отношения получили новый импульс и стали более продуктивными. К подобному выводу пришел, например, итальянский исследователь К. Фраппи, написав: «Политика ПСР в отношении стран Центральной Азии получила свой стимул в связи с избранием в 2007 г. президента Турецкой Республики А. Гюля, который сделал центральноазиатские страны приоритетом своей внешней политики»².

Согласно данным Министерства иностранных дел Турции, турецкая внешняя политика при правлении ПСР в отношении региона (в XXI в.) придерживается следующих пяти компонентов:

1. Развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества в области энергетики, экономики, торговли, культуры, общественных объединений, политики и т.д.
2. Помощь в поисках мирного разрешения региональных конфликтов.
3. Услуги в качестве энергетического терминала.
4. Предоставление помощи региональным странам в процессе формирования национальных и государственных структур.
5. Помощь в развитии отношений с другими странами³.

Таким образом, в 2000-е гг. в Анкаре осознали необходимость пересмотреть политические подходы к странам Центральной Азии. Ставка была сделана на реализацию более реальных проектов и отказ от чрезмерно амбициозных планов в отношении этих республик.

¹ Zeyrekli S. Türkiye'nin Orta Politikasında Demirel' in Rolü. // Elektronik Journal of Political Studies. June 2013. P. 28.

² Frappi C. Central Asia's place in Turkey's Foreign Policy.// ISPI analyses. No. 225. December 2013. P. 1–12.

³ Ministry of Foreign Affairs, Turkey, Synopsis of the Turkish Foreign Policy. URL: <http://www.mfa.gov.tr> (дата обращения: 05.03.2019).

В этот период Турция стремится взять на себя главную роль в борьбе против проникновения радикальных исламистов в страны Центральной Азии. Это дает ей возможность усилить свое влияние в регионе, сделав упор на военно-техническое и военно-политическое сотрудничество. Примером этого, в частности, является обучение у турецких военных инструкторов: к концу 2015 г. здесь обучились 1299 человек из Туркменистана, 401 — из Кыргызстана, 426 — из Узбекистана, 383 — из Казахстана¹.

Турция также прилагает большие усилия в направлении развития деловых отношений со странами ЦА. Прямые инвестиции турецких фирм в этот регион уже превысили на конец 2017 г. 14 млрд долл. И свыше 4000 турецких фирм осуществляют свою деятельность в регионе².

Анкара использует все новые региональные интеграционные схемы и форматы в экономической и социально-культурной сферах. Свидетельством тому стало создание по итогам встречи глав государств Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции (главы Туркмении и Узбекистана воздержались) 3 октября 2009 г. в Нахичевани «Совета сотрудничества тюркоязычных государств» (ССТГ) (Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi), или Тюркского совета, целью которого стало укрепление атмосферы доверия в тюркском мире, укрепление политической солидарности и придание импульса в развитии экономического и технического сотрудничества. Саммиты ССТГ проходили в Бишкеке, Стамбуле, Бодруме, Астане (в 2011–2015 гг.)³. Планы так называемого «тюркского мира» вызывают в российских политических кругах определенную настороженность. Однако для Анкары особое значение приобретают в то же время и связи с Москвой. Ведь именно от этого в немалой степени зависит будущее двустороннего турецко-российского сотрудничества.

Отдельного внимания заслуживает позиция Турции в отношении Шанхайской организации сотрудничества. 26 апреля 2012 г.

¹ Лаумуллин М. Турция и Центральная Азия. URL: <http://www.asia-centre-com> (дата обращения: 05.03.2019).

² URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ulkeri.tr.mfa> (дата обращения: 05.03.2019).

³ URL: <http://www.mfa.gov.tr/turk-konseyi.tr.mfa> (дата обращения: 05.03.2019).

в Алма-Ате был подписан меморандум о партнерстве по диалогу между Анкарой и ШОС. А. Давутоглу, в то время глава МИД Турции, расценил этот документ как подтверждение «единой судьбы» Турции и государств-членов ШОС. Статус партнера по диалогу, подчеркнул он, будет способствовать укреплению многовекторной внешней политики Анкары, а также отслеживанию происходящих внутри организации событий и обмену взглядов по вопросам регионального сотрудничества¹.

За последние несколько лет Турция ускорила создание Советов стратегического сотрудничества высшего уровня с ближайшими соседями. Анкара использует их как инструмент систематических консультаций по линии основных министерств и ведомств для обсуждения практических вопросов дальнейшего повышения взаимодействия, в частности, в торгово-экономической и энергетической сферах. Кыргызстан стал второй после России страной, с которой Анкара создала подобную платформу. Существуют также Советы стратегического сотрудничества с Казахстаном и Туркменией. Турция заинтересована в использовании своей территории для транспортировки каспийской нефти и газа на мировые рынки. Однако политические приоритеты и «трубопроводная дипломатия» Анкары в регионе определяются в контексте достижения баланса стратегических отношений с Москвой. Именно поэтому двусторонние связи с государствами Центральной Азии приобретают еще большую актуальность.

Туркмено-турецкие отношения

Турция стала первым государством, открывшим свое посольство в Ашхабаде после распада СССР. Тот факт, что Туркмения входит в первую пятерку стран, обладающих наибольшими запасами природного газа в мире, особенно привлекает внимание Турции к данной стране. В последние годы турецкие строительные компании наибольшее количество проектов реализовали именно в Туркмении².

¹ URL: http://www.globalaffairs.ru/global_processors/Rossiya-i-Tursiya. 01.12.2014 (дата обращения: 05.03.2019).

² Resmi Gazete. 28.02.2012.

Свой первый визит в качестве президента Эрдоган совершил 6–7 ноября 2014 г. тоже в Туркмению. Турецко-туркменские экономические отношения на конец 2016 г. характеризуются следующими показателями: экспорт в Туркмению составил 125 млрд долл., импорт из Туркмени — 422 млн долл. В Туркмени работают около 600 турецких фирм¹. Турция продолжает переговоры с туркменскими коллегами, чтобы включить страну в проект Баку — Тбилиси — Джейхан.

Что же касается газовых проектов, то, по мнению главы центра нефтяных исследований Азербайджана И. Шабана, до сих пор «ни один из министров иностранных дел трех стран (Турция, Азербайджан, Туркмения) не заявлял о намерениях поставлять туркменский газ через Азербайджан в Турцию и далее в Европу»².

Напомним, что один из разрабатываемых маршрутов — присоединение Туркмени к проекту транспортировки азербайджанского газа в Европу через Турцию («Южный коридор»).

Туркмения желает продавать газ «на своей границе». Поэтому в вопросе строительства газопровода по дну Каспийского моря в Азербайджан Ашхабад был достаточно пассивен. Против реализации проекта выступают Россия и Иран. Причем они выдвигают как правовые соображения, связанные с тем, что статус Каспия до сих пор не определен, так и связанные с экологией. Чтобы разрешить эту проблему, пять прикаспийских стран должны прийти к консенсусу, но до этого еще далеко³.

Казахстанско-турецкие отношения

Началом отношений можно считать визит Н. Назарбаева в Турцию в сентябре 1991 г. после распада СССР, что повлекло за собой признание Турцией нового государства — Казахской Республики. Безусловно, Казахстан выделяется из пятерки Центральной

¹ URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-turkmenistan-siyasi-iliskileri-tr.mfa> (дата обращения: 18.03.2019).

² URL: <https://easaily.com/ru/news/2017/07/19/smi-turciya-lobbiruyet-gazovye-interesy-turkmenii> (дата обращения: 18.03.2019).

³ Ibid.

Азии в силу своего высокого, по сравнению со странами региона, уровня развития. Страна по запасам природного газа занимает 20-е, а по запасам нефти 12-е место в мире¹. В 2012 г. состоялось первое заседание Совета сотрудничества высшего уровня между Турцией и Казахстаном.

Итоги турецко-казахстанского сотрудничества были подведены в ходе визита турецкого президента Р. Т. Эрдогана в Казахстан в сентябре 2017 г., причем эта поездка была приурочена к саммиту ОИС по науке и технологиям в Астане. «Товарооборот между нашими странами, — заявил турецкий президент, — на сегодняшний день составляет порядка 2 миллиардов долларов. Считаю, это не предел. Наша задача, как договаривались, — довести уровень товарооборота до 5 миллиардов долларов, так как у Казахстана и Турции для этого есть достаточный потенциал»².

В ходе переговоров со своей стороны президент Назарбаев подчеркнул, что в Казахстане имеется свыше 600 тысяч турецких фирм, которые осуществляют подрядные работы на сумму около 20 млрд долл.³ Он также особо отметил, что обе страны, расположенные на историческом шелковом пути, осуществляют «функции моста между Востоком и Западом»⁴.

Вместе с тем, по мнению обозревателей, сегодня Астана не заинтересована в чрезмерно тесной консолидации с Анкарой. Вместо этого Казахстан стремится поддерживать равноудаленные контакты со всеми крупными региональными державами — Россией, КНР и Турцией. Именно сдержанность внешнеполитического курса Астаны позволила стране выступить в роли миротворца в разгар российско-турецкого политического конфликта 2015–2016 гг.

Н. Назарбаев использовал свои дружеские связи с российским и турецким лидерами для восстановления отношений Москвы и Анкары, находившихся в кризисе после того, как турецкие военные сбили СУ-24 ВКС России.

¹ URL: <http://www.bilgesam.org. Images, Dokumanlar. 411–21502640/> (дата обращения: 15.10.2017).

² Sabah. 10.09.2017.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

По мнению директора Центра изучения кризисного общества М. Вилисова, из всех постсоветских стран у Казахстана наиболее взвешенная и последовательная тактика. «Назарбаев всегда декларировал, что, несмотря на многовекторный подход, Россия является главным партнером Казахстана. Казахстану удастся обеспечивать прагматичный баланс между крупными игроками. Казахстан сам является системным игроком, нередко выступая инициатором тех или иных контактов», — считает Вилисов¹.

Узбекско-турецкие отношения

Турция стала первой страной, признавшей независимость Узбекистана, и в 1992 г. установила с ним дипломатические отношения. После распада СССР отношения между Узбекистаном и Турцией начали стремительно развиваться. Однако после того, как в середине 90-х гг. Анкара стала настойчиво продвигать идею пантюркизма среди узбеков, Ташкент резко свернул свои связи с Турцией. Кроме того, узбекского лидера Каримова не устраивало то, что турецкие власти предоставили убежище ряду его политических противников, в первую очередь лидеру узбекской оппозиции Мухаммаду Салаху².

После смерти президента Узбекистана И. Каримова Анкара приложила немалые усилия, чтобы «перезагрузить» отношения с этой страной. В ноябре 2016 г., через 4 месяца после неудавшегося переворота в Турции, президент Эрдоган направился в Узбекистан с официальным визитом, чтобы встретиться с и.о. президента Узбекистана Ш. Мирзиёевым. Необходимо учитывать, что Узбекистан имеет большое геополитическое значение. Он граничит с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном и Туркменистаном. Именно в этом контексте следует рассматривать визит Эрдогана, который рассчитывал на серьезное

¹ URL: <https://russian.rt.com/article/428215/turciya-svyazi-kazakhstan>. 09.10.2017 (дата обращения: 18.03.2019).

² А. Дубнов. Как Центральная Азия реагирует на конфликт России и Турции. URL: <http://carnegie.ru/commentary/62182> (дата обращения: 18.03.2019).

политическое, геостратегическое воздействие не только на Узбекистан, но и на всю Центральную Азию¹.

В 2017 г. новый президент Узбекистана Мирзиёев совершил первый за 20 лет государственный визит в Турцию. После встречи двух лидеров было подписано 26 соглашений в сфере экономики, образования, культуры, банкинга и военной промышленности. Два лидера поставили задачу увеличить товарооборот между странами до 10 млрд долл. за 10 лет².

Кыргызско-турецкие отношения

Как и в случае с уже упомянутыми государствами Центральной Азии, Турция первой признала независимость Кыргызстана, и в 1992 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. В 2011 г. был создан Совет сотрудничества высшего уровня (ССВУ) между ними, и их лидеры встречаются ежегодно. С 2004 г. и по настоящее время Турция оказывает Кыргызстану материальную поддержку в объеме около 850 млн долл. в рамках деятельности ТИКА (Агентство по сотрудничеству и развитию). Однако, несмотря на это, товарооборот между двумя странами составляет лишь около 500 млн долл.³

Кыргызско-турецкие культурные связи развиваются едва ли не активнее экономических. Турция при этом действует в классических традициях «мягкой силы», используя этническое родство двух народов для укрепления своего политического и экономического влияния. Анкара и Бишкек поддерживают интенсивные контакты не только на уровне МИДов, но и по линии парламентов, отдельных ведомств, органов местного самоуправления и образовательных учреждений. Это позволяет развивать связи не только между политическими и бизнес-элитами, но и более широкими слоями населения. В развитии культурных связей ак-

¹ URL: <http://www.arabnews.com/node/1296696>. Turkey carves out a new role for itself in Central Asia (дата обращения: 19.03.2019).

² URL: <https://www.ahaber.com.tr/gundem/2017/10/26/turkiye-ve-ozbekistan-arasinda-26-anlasma> (дата обращения: 19.03.2019).

³ Справочные материалы и отчеты ТИКА. URL: <http://www.gov.tr/tr> (дата обращения: 18.03.2019).

тивно участвует и киргизская сторона. Так, за два месяца 2016 г. киргизские дипломаты организовали в Турции три культурных мероприятия: творческий вечер поэта Омора Султанова, мероприятия памяти Чингиза Айтматова и советского киргизского режиссера Толомуша Океева. Последнее из них было проведено совместно с международной организацией тюркской культуры ТЮРКСОЙ. 3 февраля 2016 г. глава киргизского МИДа Эрлан Абдылдаев встречался с генеральным секретарем другой пантюркистской организации — Совета сотрудничества тюркоязычных стран Рамилем Гасановым, обсудив с ним подготовку к 6-му саммиту организации, который прошел в Кыргызстане, и ко II Всемирным играм кочевников¹.

В апреле 2018 г. Анкару посетил с официальным визитом президент Кыргызстана Сооронбай Жээнбеков, который вступил в должность главы государства в ноябре 2017 г. Визит ознаменовался подписанием президентами двусторонних документов о сотрудничестве в сфере экономики, инвестиций, сельского хозяйства, спорта, социального обеспечения, а также в области информации и печати. На пресс-конференции, которая состоялась после церемонии подписания, Эрдоган отметил, что «Кыргызстан для Турции особая страна»².

Вместе с тем еще с 2016 г. наблюдалось известное осложнение взаимоотношений Кыргызстана и Турции. Причиной этого явился спор по поводу организации «Хизмет», которую возглавляет опальный турецкий религиозный деятель Фетхуллах Гюлен. Власти Турции обвиняют его в организации вооруженного переворота 16 июля 2016 г.

Отметив, что влияние «гюленовцев» сильно в Кыргызстане, Турция призвала власти страны запретить их деятельность. Однако тогдашнее руководство КР отказалось выполнить просьбу Анкары. А. Атанбаев как президент страны заявил, что турецкие власти вмешиваются во внутренние дела Кыргызстана, раскритиковав их по этому поводу.

¹ Независимая газета. 14.03.2016.

² URL: <https://rus/azaltik/kyrgyzstan-turkiye-erdogan-jeenbekov/29155588.html> (дата обращения: 18.03.2019).

Такая реакция была связана с тем, что в Кыргызстане действует ряд образовательных, культурных и благотворительных организаций, которые, как считается, открыты последователями Гюлена. Самая крупная из них — сеть международных образовательных учреждений «Себат» — в 2017 г. прошла перерегистрацию как местная организация и получила новое название — «Сапат».

После этого отношения Кыргызстана и Турции заметно охладели. В итоге ранее часто встречавшиеся друг с другом руководители двух стран практически не провели ни одной встречи¹.

Вот почему ожидалось, что одной из главных тем, затронутых в ходе визита нового президента Жээнбекова в Анкару, будет вопрос о последователях Гюлена в Кыргызстане.

И действительно, президент Турции в своей речи отметил, что движение «подозреваемого в организации военного переворота 2016 года» Фетхуллы Гюлена представляет также угрозу для Кыргызстана, в связи с чем он призвал президента Кыргызстана принять меры в отношении приверженцев этого течения². Но С. Жээнбеков не ответил на призыв Эрдогана по поводу школ Гюлена и свою позицию не озвучил. Однако он подчеркнул, что сотрудничество с Турцией будет усилено и что данный визит придаст двусторонним отношениям новый импульс.

Турция — Таджикистан

Турция признала Таджикистан в 1991 г., и в 1992 г. были установлены дипломатические отношения между странами. То, что Таджикистан этнически ближе к Ирану, не помешало Турции налаживать связи с этой страной. Визиты премьер-министра Эрдогана в Таджикистан в октябре 2003 г. и президента Гюля в мае 2009 г. оказались в целом недостаточными для продвижения отношений, которые остались ограниченными лишь этими визитами. Товарооборот между обеими странами на 2010 г. составил всего 420 млн долл.³

¹ URL: <https://rus/azaltik/kyrgyzstan-turkiye-erdogan-jeenbekov/29155588.html> (дата обращения: 18.03.2019).

² Там же.

³ Turk Dış Politikası cilt III. 2001–2012. S. 476.

Только в 2012 г. президент Таджикистана совершил ответный визит в Турцию. В результате лидеры двух стран подписали декларацию о создании Совета сотрудничества высшего уровня между Турцией и Таджикистаном. Таким образом, отношения вышли на новый уровень¹. В рамках деятельности ТИКА² Таджикистан получил материальную помощь в объеме 90 млн долл.

Проведенный в феврале 2017 г. в Душанбе в рамках девятого заседания межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству бизнес-форум «Турция — Таджикистан» наконец стал действенной платформой для углубления межгосударственного сотрудничества и улучшения экономических инвестиционных и торговых связей двух стран³.

Форум подвел итоги взаимодействия двух стран за 25 лет, которые были признаны «прагматическими и впечатляющими». На территории Таджикистана было зарегистрировано свыше 80 турецких компаний в сфере торговли, текстиля, строительства жилых комплексов, торговых центров, водоканализационных и инфраструктурных систем. Плодотворным оказалось также сотрудничество с Турцией в сфере транспорта и дорожного строительства. И, как подчеркнул выступивший на форуме вице-премьер Турции Тургул Тюркеш, «за эти годы достигнуты прекрасные результаты во всех областях». «Мы видим, — сказал он, — как воплощенные в реальность экономические проекты соединяют две страны. Уверен, что наша дружба и солидарность приведут к появлению еще большего числа взаимовыгодных масштабных проектов»⁴.

Необходимо отметить и новые связи между Турцией и Узбекистаном в последние годы.

Возобновление дружественных отношений между двумя странами началось в 2012 г. после того, как Турция предприняла не-

¹ URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-tacikistan-siyasi-iliskeri.tr.mfa> (дата обращения: 19.03.2019).

² URL: <https://www.dunya.com/tacikistanda-altin-ve-pamukta-isbirligi-imkanlarimiz-cok> (дата обращения: 19.03.2019).

³ URL: <http://tpp.tj/2017/02/16/dusanbe-prinamaet-biznes-forum-turciya-tadzhikistan> (дата обращения: 19.03.2019).

⁴ URL: <http://tpp.tj/2017/02/16/dusanbe-prinamaet-biznes-forum-turciya-tadzhikistan> (дата обращения: 24.03.2017).

которые дипломатические шаги для нормализации отношений, итогом чего стал визит президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Узбекистан в ноябре 2016 г., вскоре после смерти Каримова. В октябре 2017 г. Мирзиёев совершил ответный визит в Турцию, став первым с 1999 г. руководителем Узбекистана, посетившим страну, что дало новый импульс двусторонним отношениям: страны подписали совместную декларацию, повысив взаимные связи до «всеобъемлющего и стратегического» уровня. Узбекистан упростил визовые процедуры, а затем вновь ввел безвизовый режим для граждан Турции. Президент Эрдоган снова посетил Узбекистан в конце апреля — начале мая 2018 г., и тогда стороны установили новый формат диалога — Совет стратегического сотрудничества высокого уровня — с целью интенсификации восстановления каналов сотрудничества и коммуникации между двумя братскими народами.

Визит президента Узбекистана в Турцию произошел в то время, когда Ташкент продолжал свои экономические реформы и осторожно открывался для внешних инвестиций и многостороннего сотрудничества. Поэтому неслучайно, что Эрдоган и Мирзиёев обсудили прежде всего вопросы, связанные с укреплением многопланового узбекско-турецкого взаимодействия, главным образом в торгово-экономической сфере. Руководители двух стран отметили необходимость проведения регулярных заседаний двусторонней Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, что позволит максимально эффективно использовать имеющиеся возможности и реализовать новые взаимовыгодные совместные проекты в перспективных областях. Переговоры были сосредоточены на важности расширения транспортных связей и создания мультимодального международного транзита через Узбекистан и Турцию в Европу. Узбекская сторона выразила заинтересованность во внедрении лучших практик Турции в интенсивном садоводстве, рыбоводстве, животноводстве и селекции. После переговоров лицом к лицу два президента председательствовали на первом заседании Совета стратегического сотрудничества Турции и Узбекистана высокого уровня. В ходе заседания стороны рассмотрели широкий круг вопросов, включая сотрудничество в области политики, безопас-

ности и обороны, экономики и торговли, инвестиций, туризма, энергетики, транспорта и транзита, сельского и лесного хозяйства, культуры, образования, науки и техники, инноваций, здравоохранения, а также в других сферах, представляющих взаимный интерес¹.

По итогам заседания Совета стратегического сотрудничества Эрдоган и Мирзиёев подписали совместное заявление с изложением основных задач по расширению межгосударственного сотрудничества. Турецкий президент подчеркнул, что Турция «всегда готова оказать поддержку Узбекистану в процессе всеобъемлющих реформ»². Одной из приоритетных задач, объявленных лидерами Турции и Узбекистана на предстоящий период, является доведение взаимного товарооборота до 5 млрд долл. Действительно, двусторонняя торговля значительно активизировалась за последующие три года: она выросла с 1,2 млрд долл. в 2016 г. до 1,7 млрд долл. в 2018 г. и 2,2 млрд долл. в 2019 г. В Узбекистане насчитывается более 1300 предприятий с участием турецкого капитала, которые реализуют инвестиционные проекты в сферах строительства, энергетики, текстильного производства, сельского хозяйства, пищевой промышленности, туризма и услуг. Особенно заметен рост сотрудничества в транспортном секторе: в 2019 г. объем автомобильных перевозок вырос на 33%, железнодорожным транспортом — на 17%, воздушным транспортом — на 42%. Кроме того, была введена в эксплуатацию вторая парогазовая установка Навоийской ТЭС с участием турецкой компании Calik Enerji [МИД Узбекистана, 2020a; 2020b]. Для дальнейшего стимулирования контактов между деловыми кругами двух стран президент Мирзиёев провел встречу с руководителями ведущих турецких компаний и банков. Стремясь убедить турецкое бизнес-сообщество вкладывать больше средств в Узбекистан, узбекский президент заверил их, что в стране будут созданы необходимые правовые и институциональные условия для гарантирования доходности инвестиций.

¹ Новый этап стратегического партнерства между Турцией и Узбекистаном. URL: <http://Eurasian-reseach.org.publication/new-stage-in-turkey-uzbekistan-stratejik-partneship> (дата обращения: 15.04.2021).

² Hurriyet Daily News. 2020.

Поскольку стороны подтвердили свое стратегическое партнерство и приверженность укреплению политического диалога, для них также было важно согласовать позиции по региональным и международным проблемам, представляющим взаимный интерес, особенно в период обострения напряженности во всем мире. Как заявил турецкий президент, Турция высоко ценит то, что «наши отношения с Узбекистаном, основанные на крепких братских связях, поднялись до уровня стратегического партнерства». Переговоры показали, что Турция и Узбекистан разделяют схожие взгляды по наиболее актуальным вопросам региональной и международной повестки дня, в том числе в рамках ООН, Организации исламского сотрудничества и Тюркского совета. Лидеры двух стран договорились укреплять сотрудничество в противодействии современным угрозам и вызовам¹.

Характеризуя российско-турецкое взаимодействие на центральноазиатском направлении, можно утверждать, что в XXI в. кардинально изменились подходы России и Турции к региону, а также отношения между двумя странами.

В XXI в. Центральная Азия снова стала восприниматься как зона жизненно важных интересов России и как ее естественная сфера влияния. Соответственно, любое несогласованное с Москвой внешнее проникновение или вмешательство в эту сферу, как подчеркивается российским исследователем, профессором И. Звягельской, расценивалось как геополитический вызов и угроза российским интересам².

Поэтому важно было определиться с потенциалом партнерства и масштабами сотрудничества с другими региональными участниками, которые имеют свои интересы в Центральной Азии, в частности с Турцией. В 2000-е гг. в Анкаре осознали необходимость пересмотреть политические подходы к странам Центральной Азии. Ставка была сделана на реализацию более реальных проектов и на отказ от чрезмерно амбициозных планов в отношении этих республик. Примечательно, что Турция и Россия позиционируют себя в качестве двух великих держав в Евразий-

¹ Hurriyet Daily News. 2020.

² Звягельская И. Д., Макаров Д. В. Восприятие Россией политики Запада в Центральной Азии. М.: Логос, 2003. С. 106.

ском регионе, которые способствуют поддержанию здесь мира и сохранению стабильности. Как подчеркивает доктор политических наук Дина Малышева, сотрудничеству Турции и России в центральноазиатском регионе благоприятствует ряд объективных факторов:

- выгодное географическое положение Турции, которая контролирует Черноморские проливы и играет роль своеобразного моста между Европой и Азией, что открывает перед Россией и странами Центральной Азии дополнительные возможности в плане реализации собственных экономических и политических интересов;
- Россия и Турция, продвигая каждая свои проекты региональной кооперации и создавая атмосферу доверия и взаимной заинтересованности всех участников интеграционных процессов, способствуют снижению напряженности в регионе;
- Турция и Россия как крупные евразийские государства со значительным мусульманским населением способны играть роль посредников в отношениях между странами Центральной Азии, Западом и миром ислама;
- многовекторная политика, взятая на вооружение всеми центральноазиатскими государствами, может быть использована Россией и Турцией для углубленного сотрудничества со странами региона в двустороннем формате¹.

Есть несколько направлений, по которым открываются перспективы для российско-турецкого взаимодействия.

Во-первых, это сотрудничество двух стран в рамках евразийской интеграции. Может быть поставлен вопрос о возможных взаимоотношениях Турции с Евразийским экономическим союзом².

¹ URL: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/politiks/rossiya-i-turtsiya-v-tsentralnoy-azii-partnerstvo-ili-sopernichestvo> (дата обращения: 17.08.2022).

² Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), подписанный Россией, Казахстаном и Белоруссией, вступил в силу 1 января 2015 г. В 2015 г. к нему присоединились Армения и Кыргызстан. ЕАЭС был создан на базе таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии как международная организация, обладающая международной правосубъектностью. В рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение согласованной или единой политики в ключевых отраслях экономики.

По мнению бывшего министра иностранных дел Турции Яша-ра Якыша, ЕАЭС представляет интерес для Турции, поскольку является динамично развивающейся авторитетной организацией, находящейся в непосредственной близости от нее. Участие в проекте позволит государствам — членам ЕАЭС повысить продуктивность экономики. Турция получит возможность нарастить объемы торговли с этими странами. С другой стороны, по мнению турецкого дипломата, Турции будет нелегко отказаться от глубокой экономической интеграции с ЕС, даже если она получит возможность вступления в ЕАЭС. Страна не может состоять в двух таможенных союзах, поскольку это противоречит самой логике таких объединений¹.

В августе 2017 г. министр экономики Турции Нихат Зейбекчи сообщил о намерениях Анкары подписать таможенное соглашение с ЕАЭС, создав зону свободной торговли². И это заявление прокомментировал директор Института ЕАЭС Владимир Лепехин, который подчеркнул, что структуры Евразийского экономического союза ведут переговоры с целым рядом стран (их более полутора десятков) о расширении экономического взаимодействия в формате присоединения этих стран к ЕАЭС в качестве формирования евразийской зоны свободной торговли (ЗСТ). Такие соглашения уже имеются у ЕАЭС с Вьетнамом, указал Лепехин. Расширяется экономическое сотрудничество с Сербией, Ираном, Египтом, Монголией, Таиландом. Ведутся переговоры о расширении сотрудничества с Азербайджаном и Турцией. «ЕАЭС и Россия становятся все более привлекательными партнерами для соседей, — подчеркнул директор ЕАЭС, — поскольку в мире (мы видим это на примере санкций США и ЕС по отношению к самым разным странам, и ВТО здесь не обеспечивает равноправное партнерство) по факту начинаются и обостряются торговые войны с применением странами Запада метода кнута и пряника (против ИРИ, ЕАЭС и пр.). Евросоюз уже фактически закрыл свой рынок продовольственным товарам из-за рубежа, в связи с чем у Турции возникли серьезные проблемы для экспорта своей сельхозпродук-

¹ URL: <http://ru/valdaiclub.com/> Может ли Турция вступить в ЕАЭС. 10.01.2017.

² URL: <https://azeri today/articles/835/> Вступит ли Турция в ЕАЭС. 22.08.2017.

ции. В такой ситуации расширение торговых и иных экономических связей Турции с Россией и другими странами ЕАЭС — активный и перспективный процесс, который будет нарастать.

Вероятно, что первым этапом этого процесса станет подписание Турцией Соглашения с ЕАЭС, предусматривающего особый таможенный режим для большой группы товаров. А в дальнейшем Турция может претендовать и на статус наблюдателя в ЕАЭС, по примеру Молдовы.

Разумеется, в структурах ЕАЭС мнение Армении по многим вопросам является решающим (что естественно для ситуации, когда решения в Союзе принимаются методом консенсуса), но нужно иметь в виду и то, что это — экономический союз, не касающийся вопросов политики. Экономический прагматизм — та платформа, которая создает условия для развития торговых связей ЕАЭС с любыми соседями, будь то Турция, Азербайджан или любая другая страна», — сказал В. Лепехин¹.

Еще одной потенциальной сферой взаимодействия между Турцией и евразийскими государствами является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая охватывает почти все страны ЕАЭС. Турция проявляет, как указывалось выше, большой интерес к участию в ШОС, поскольку она становится политическим партнером с такими государствами, как Россия, Китай и сможет не только оставаться наблюдателем всех процессов, проходящих на огромных территориях, но и играть активную роль в формировании здесь системы региональной безопасности, а также осуществить участие в многовекторных энергетических проектах².

После предоставления Турции статуса партнера по диалогу в рамках ШОС в июне 2012 г. уже в июле 2012 г. бывший в то время премьер-министром Эрдоган обратился к президенту России В. В. Путину с предложением о принятии Турции в ШОС на основе полноправного членства. В ноябре 2016 г. Эрдоган вновь вернулся к данной теме. Так, отвечая на вопрос, может ли Шанхайская пятерка стать альтернативой ЕС, он ответил: «А поче-

¹ Там же.

² URL: [http://www.SDE \(Stratejik Düşünce Enstitüsü\) org.tr./köşe yazıları](http://www.SDE (Stratejik Düşünce Enstitüsü) org.tr./köşe yazıları) (дата обращения: 21.08.2022).

му бы и нет?», что породило начало новой дискуссии по данному вопросу¹.

Это заявление Эрдогана было положительно воспринято как в Китае, так и в России. Спикер китайского МИД Генг Шуанг и член обороны Совета Федерации российского парламента А. Путков в своих выступлениях указали, что «можно зажечь зеленый свет на пути Турции в ШОС» и, таким образом, с того периода, когда Турция говорила о полном членстве в организации, она впервые получила положительный ответ².

Российский посол в Турции А. Карлов, давая оценку российско-турецким отношениям накануне визита в Россию турецкого премьер-министра в декабре 2016 г., напомнил о том, что Турция является партнером по диалогу в этой организации. Он, в частности, указал: «Мы, с точки зрения российской стороны, подчеркиваем, что готовы к сотрудничеству с Турцией как на двусторонней, так и международной платформе. И Казахстан, и Китай подтверждают, что хотят видеть Турецкую Республику членом ШОС. Все полностью связано с решением Анкары»³. Вместе с тем, как подчеркивал турецкий политолог С. Кохен, на вопрос, может ли Турция стать полноправным членом ШОС, следует ответить, что это очень сложно, потому что Турция — член НАТО и против этого выступят ее союзники⁴.

В октябре 2017 г. посол Турецкой Республики в России Х. Дириоз высказал мнение, что вступление Турции в ЕС ни в коей мере не противоречит интеграции с Шанхайской организацией сотрудничества. И, таким образом, в настоящее время Анкара продолжает взаимодействие со странами по обоим направлениям⁵.

По мнению турецкого эксперта по внешней политике Эрдема Эрена, проблемы в отношениях с Евросоюзом подтолкнули Турцию к поиску новых альтернатив членству в ЕС. Он полагает, что

¹ URL: http://www.star.com.tr/acik_gorus/turkiyenin-sanghay-isbirligi-mumkun-mu-haber — 1164134 (дата обращения: 21.08.2022).

² Ibid.

³ URL: <http://www.sabah.com.tr/dunya/2016/11/30/andrey-karlov-sanghay-isbirligi-orgutu-konusunda-kazar> (дата обращения: 22.08.2022).

⁴ Milliyet. 12.11.2016.

⁵ URL: <http://www.infoshos.ru/ru/18087>. Турция взяла курс на вступление в ШОС. 07.03.2018 (дата обращения: 22.08.2022).

в экономическом, политическом, военном и культурном плане членство в Шанхайской организации сотрудничества привлекательно для Анкары. Эрэн не исключил, что в случае вступления в ШОС Анкара может стать «мостом» между Организацией и Западом, а также странами Ближнего Востока и балканскими странами.

Поиск партнеров среди разных политических и экономических альянсов может стать хорошим выходом для государств, которые опасаются остаться в изоляции в случае, если прежние союзники окажутся недостаточно надежными. Налаживая отношения с ШОС, Турция показывает Западу, что намерена проводить сбалансированную внешнюю политику.

В настоящее время Турция имеет статус партнера по диалогу в ШОС. При этом перспективы ее полноправного членства в Организации окончательно не ясны. «Стать полноправным членом ШОС в ближайшее время для Турции невозможно. Тут, скорее, речь идет о повышении статуса Турции в организации до наблюдателя. Не стоит забывать, что в Организации существует определенный мораторий на расширение. Недавнее вступление в ШОС Индии и Пакистана изменило структуру организации, и теперь ей потребуется определенное время для интеграции новых участников, в течение которого новые члены приниматься не будут», — пояснил заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ Владимир Евсеев¹.

При этом, как считает большинство экспертов, вступление в ШОС для Турции в долгосрочной перспективе — вполне реальный сценарий. Анкара хорошо понимает, что многовекторная политика выгодна стране, и по этой причине будет стараться выстроить более сбалансированные отношения на международной арене.

Наряду с сотрудничеством в рамках евразийской интеграции открываются перспективы для российско-турецкого взаимодействия в области энергетических проектов, а также военных и дипломатических ведомств двух стран в сфере поддержания региональной безопасности.

¹ Ibid.

И, наконец, имеются определенные возможности для совместной деятельности России и Турции в сфере противодействия преступности, незаконному обороту наркотиков, нелегальному перемещению людей, товаров, оружия. Подобное взаимодействие может быть осуществлено по линии правоохранных структур обеих стран.

Таким образом, совместная работа на центральноазиатском направлении России и Турции, несмотря на наличие разнонаправленных, а порой и сталкивающихся интересов, не только возможна, но и продуктивна. С одной стороны, накопленный опыт длительного сосуществования центральноазиатских республик с Российской Федерацией (в частности, ориентированные на Россию элиты, прочные экономические связи, российские инвестиции в стратегические проекты), с другой стороны, социокультурные и религиозные факторы, сближающие страны Центральной Азии с Турцией, дают Москве и Анкаре возможность выработать общие принципы и подходы к стабилизации обстановки в этом регионе.

Турция и Россия как крупные евразийские государства со значительным мусульманским населением способны играть роль посредников в отношениях между странами Центральной Азии, Западом и миром ислама. Исходя из всего этого, можно утверждать, что Турция является для России больше партнером, чем соперником в Центральной Азии, и сторонам так или иначе придется сотрудничать.

11 ноября 2022 г. в Самарканде прошел саммит Организации тюркских государств. Тема саммита — «Новая эра тюркской цивилизации: на пути к общему развитию и процветанию». В мероприятии приняли участие президенты Турции, Узбекистана, Азербайджана, Казахстана и Кыргызстана. Кроме того, в качестве наблюдателей были представлены Венгрия и Туркменистан в лице премьер-министра Венгрии В. Орбана и главы верхней палаты парламента Туркменистана Г. Бердымухамедова. Организация тюркских государств (до 12 ноября 2021 г. — Совет сотрудничества тюркоязычных государств или Тюркский совет) — межгосударственная организация, созданная с целью расширения взаимодействия тюркоязычных стран в сфере политики, экономики, науки, образования, транспорта и туризма.

Переименование Тюркского совета в Организацию тюркских государств в ноябре 2021 г. в Турции предполагает превращение данного механизма в более обязывающую структуру с упором на политико-дипломатическое направление. Перечень направлений, заданных на саммите 2021 г. в Стамбуле, продолжил рассматриваться и на форуме в Самарканде.

2023 г. объявлен Годом расцвета тюркской цивилизации, и это не просто декларативный лозунг. Он подкрепляется принятой на саммите 2021 г. Концепцией тюркского мира до 2040 г., охватывающей сферы политики и безопасности, экономики и отраслевого развития, принцип инфраструктурной взаимосвязанности, расширения контактов между людьми. К тому же в Самарканде была одобрена Стратегия развития ОТГ на период реализации вышеназванной концепции. Было принято решение об учреждении Тюркского инвестиционного фонда с уставным капиталом до 500 млн долл.¹

Особое внимание участники уделили теме транспортной взаимосвязанности тюркских государств, в частности, необходимости дальнейшего развития Транскаспийского международного коридора «Восток — Запад».

Вопрос энергетики также стал одним из ключевых. На саммите Эрдоган указал на то, что тюркские государства находятся на пересечении стратегических экономических коридоров, назвав, например, трубопровод «Баку — Тбилиси — Джейхан» одним из самых успешных энергетических проектов.

Любопытная история произошла вокруг Турецкой Республики Северного Кипра (признана только Турцией). Глава турецкого МИД М. Чавушоглу, а затем и сам Эрдоган заявили, что она стала третьей страной-наблюдателем в ОТГ. Впрочем, затем эта новость была опровергнута представителями Узбекистана и Казахстана, которые подчеркнули соблюдение международных норм права и свою поддержку территориальной целостности всех государств.

Организация тюркских государств стоит только в самом начале своего пути, однако цели выдвигаются далекоидущие.

¹ В. Панфилова. Анкара объединяет Центральную Азию // Независимая газета. 10.11.2022.

В то же время продолжается культурно-гуманитарное давление Турции на страны Центральной Азии путем формирования идеи по переходу тюркских государств на общий алфавит, продвижения общей истории тюркских народов и постепенного внедрения концепции «Шесть государств — одна нация».

Вместе с тем можно отметить, что ОТГ — это региональная организация с высоким потенциалом, объединяющая народы тюркского мира. Поэтому все страны-участники заинтересованы в развитии и углублении процессов сотрудничества, ориентированных на ОТГ.

Возвращаясь к анализу совместной работы на центральноазиатском направлении России и Турции, следует отметить, что, несмотря на наличие разнонаправленных, а порой и сталкивающихся интересов, взаимодействие не только возможно, но и в высшей степени продуктивно. Накопленный опыт длительного сосуществования центральноазиатских республик с Российской Федерацией в рамках единого социально-экономического пространства Советского Союза, а с другой стороны, социокультурные и религиозные факторы, сближающие страны Центральной Азии с Турцией, дают Москве и Анкаре возможность выработать общие принципы и подходы в оформлении тенденций развития этого региона.

5.4. Турция и Южный Кавказ в XXI веке

После окончания холодной войны отношения Турции с Южным Кавказом прошли за 10 лет три этапа развития: первый этап (1991–1993 гг.) — полный большого волнения; период 1993–1995 гг., породивший взаимный оптимизм и большие надежды, и период 1995–2001 г., когда стало очевидно, что в отношениях Турции с регионом имеются определенные ограничения и проблемы¹.

Хотя риторика Турции была честолюбивой, к концу 90-х гг. стало ясно, что ей не хватает инструментов, необходимых для обоснования столь высоких целей. Вместе с тем в подходе Турции

¹ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul, 2013. S. 463.

к Евразии появился новый руководящий принцип: нельзя свободно усиливать рычаги своего влияния в регионе, не считаясь с интересами России, так как из-за такого курса Турция может потерять позиции, которые уже имеет. Внешняя политика Партии справедливости и развития (ПСР), пришедшей к власти в 2002 г., охарактеризована как «новая» и подчеркивает исторический фон Турции и ее региональные обязанности. Этот фон выдвигает на первый план географию, которая определяется границами ответственности Турции и включает прежде всего соседние с Турцией страны и ее ближайшее окружение, в том числе Южный Кавказ.

В таком контексте очевидно, что для достижения цели «ноль проблем с соседями», ставшей приоритетной во внешней политике, на первый план выдвигаются такие утверждения, как «безопасность — баланс демократии», «внешняя политика на региональном уровне», интеграция с соседями и «беспроигрышное решение вопросов». Наряду с этим, чтобы достигнуть целей внешней политики, в Турции была разработана концепция более активных дипломатических отношений, называемая «ритмичной дипломатией». Южный Кавказ рассматривался в ней как «Ворота Турции в Центральную Азию» и как крупнейшая зона в Черноморском регионе. Другими проблемами, периодически привлекающими внимание к Кавказу, являлись расхождения на тему отношений с Российской Федерацией, интерес США к региону и его влияние на Турцию, а также вопросы по энергоносителям.

Турция и государства Южного Кавказа

Можно говорить о бесспорном приоритете Азербайджана в турецкой политике по сравнению с остальным Южным Кавказом. Азербайджан близок Турции по языковому, религиозному, культурному и этническому признакам. Для того чтобы осуществить свои цели в отношениях с этой страной, Турция делает все возможное, в том числе и использует «мягкую силу», чтобы удержать здесь свое влияние. Базовым лозунгом взаимодействия является принцип: «две страны — одна нация». Отношения Анкары и Баку внешне избавлены от резких измене-

ний. Однако вплоть до августовской войны 2008 г. на Кавказе турецко-азербайджанские связи переживали некоторый застой. Так, после визита премьер-министра Эрдогана в Азербайджан в июне 2005 г. было решено открыть чартерные рейсы Азербайджан — Турецкая Республика Северного Кипра. И хотя туркам-киприотам был обещан въезд на территорию Азербайджана по их паспортам, это обещание не было выполнено. Рейсы прекратились, и азербайджанская сторона объяснила это «давлением Запада»¹.

В апреле 2006 г. в ходе визита в Азербайджан президента Турции Сезера были рассмотрены такие вопросы, как газопровод Баку — Тбилиси — Джейхан, железная дорога Карс — Тбилиси — Баку, и стороны обещали взаимную поддержку по этим вопросам. Однако, несмотря на это, не были подписаны какие-либо соглашения или протоколы, был лишь сделан акцент на поисках путей углубления «отношений». В этом же году азербайджанский президент Ильхам Алиев несколько раз посетил Турцию, однако его визиты не получили особого внимания в турецком общественном мнении и СМИ. То есть в этот период турецко-азербайджанские отношения «потеряли динамику 90-х годов»².

Вместе с тем важность и значимость Азербайджана оказывают определяющее влияние на отношения Турции с другой страной региона — Арменией. У турецко-армянских отношений есть существенные проблемы, в том числе утверждения о так называемом «геноциде», территориальные претензии, увеличившиеся после Декларации о независимости Армении и принятия ее конституции. Важным препятствием на пути нормализации отношений является вооруженное вторжение Армении в Нагорный Карабах. Представляется, что пока проблема Нагорного Карабаха не будет решена, Армения не сможет установить стабильные отношения со своими соседями, включая Турцию. А это означает, что важные региональные проблемы, связанные с Арменией, останутся нерешенными. Вместе с тем Турция пыталась решить эти проблемы с точки зрения «мягкой силы». Хотя граница с Арме-

¹ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul, 2013. S. 480.

² Ibid. S. 481.

нией закрыта Турцией и Анкара поддерживает требование Баку относительно нагорно-карабахского конфликта, контакты между Арменией и Турцией начались еще до подписания протоколов о нормализации отношений (которые будут рассмотрены ниже).

В 2003 г. бывший на тот период министром иностранных дел Гюль на различных международных форумах встречался и с армянским коллегой Осканьяном (Ozkanyan). В апреле 2005 г. премьер-министр Эрдоган направил письмо президенту Армении Кочарьяну, в котором предложил исследовать события 1915 г. путем создания совместной комиссии историков из представителей двух стран. Полуофициальный ответ, пришедший из Армении, был следующий: «Вначале установление нормальных отношений, а затем может быть создана комиссия, которая обсудит все вопросы»¹.

Нельзя не отметить деятельность гражданских обществ двух стран, постоянно рассматривающих вопросы открытия границ. После убийства в Стамбуле 19 января 2007 г. главного редактора газеты «Агос» (Agos) Хранта Динка реакция в Турции и тот факт, что на церемонии похорон 100 тысяч человек шли со слоганами: «Все мы Хранты, все мы армяне», вызвали большую положительную реакцию в Армении².

Другим важным шагом стала реконструкция по решению Министерства культуры и туризма армянской церкви Святого Креста на острове Ахтамар (Ван) в 2007 г. и начало в ней месс в 2010 г.³ Армянские туристы, посещающие Турцию, и рост количества армян, ищущих работу в Турции, — все это подтверждает действенность политики «мягкой силы», проводимой Турцией. Подобные контакты стали рычагами, которые позволяют начать переговоры, отодвигая исторические проблемы за кулисы.

Другой страной, занимающей важное место в региональной политике Турции, является Грузия. В контексте своей политики на Южном Кавказе Турция уделила пристальное внимание Грузии, которая в связи с напряженностью в армяно-азербайджанских отношениях приобрела роль своеобразного моста, соединяю-

¹ Ibid. S. 493.

² Ibid.

³ Ibid. S. 496.

щего Турцию с самым важным для нее региональным партнером — Азербайджаном, а также с тюркоязычными странами Центральной Азии. Общая 114-километровая граница с Грузией обеспечивает наиболее прямой и стабильный сухопутный маршрут из Турции на Кавказ и в Центральную Азию. За счет усилий Запада сегодня Грузия участвует в энергетических проектах (газопровод Баку — Тбилиси — Джейхан, нефтепровод Баку — Тбилиси — Эрзурум) и транспортных проектах (железная дорога Баку — Тбилиси — Карс). Фактически она приобрела статус транзитной страны, обслуживающей Турцию, выполняет роль коридора между Турцией и Азербайджаном¹. Грузия, в свою очередь, воспринимает Турцию как проводника на пути ее интеграции в ЕС и НАТО. Турция в полной мере реализует собственную политику в отношении Грузии в соответствии со стратегией «мягкой силы». Она все заметнее внедряется в грузинскую экономику, распространяет свое влияние на культуру, образование и военно-политическую жизнь Грузии².

Таким образом, Южный Кавказ оставался в начале XXI в. в зоне первостепенных интересов Турции.

8 августа 2008 г. Грузия вторглась в Южную Осетию. В результате Россия ввела свои войска на территорию Грузии, чтобы обеспечить безопасность гражданам как Южной Осетии, так и Российской Федерации. Действия России по отпору грузинской агрессии и последующее признание руководством РФ Южной Осетии и Абхазии независимыми государствами кардинально изменили ситуацию в регионе. Грузино-южноосетинский конфликт имел большой моральный и психологический эффект, а также политические последствия. Был приостановлен транзит азербайджанских углеводородов по территории Грузии. Оператор магистральных экспортных труб, проходящих по территории Грузии и Турции, принял решение закрыть нефтепроводы Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса на то время, пока сохраняется напряженность в регионе. Надо отметить, что British Petroleum еще за несколько дней до начала вооруженного конфликта в Грузии закрыла неф-

¹ URL: <http://www.diplomat.am/load/public/1/5-1-0-783>. Политика "мягкой силы" Турции в отношении Грузии (дата обращения: 12.09.2022).

² Там же.

тепловод из-за пожара на его секции в Центральной Анатолии (по одной из основных версий — в результате действий курдских сепаратистов). Нетрудно предсказать, что война в Грузии сделала потенциальных инвесторов в будущие энергетические проекты более осмотрительными в оценках здешних рисков. Это, разумеется, плохая новость для Анкары, стратегическая задача которой — превратить страну в средоточие энергетических потоков и таким образом усилить геополитическое влияние на Кавказе¹.

События в Южной Осетии показали, как Россия позиционирует себя на Кавказе и каких политических целей она рассчитывает достигнуть. Политика М. Саакашвили в Южной Осетии и последующий российский ответ разрушили статус-кво, так недолго существовавший на Южном Кавказе. В итоге результаты 6-дневной войны подтолкнули Турцию к необходимости выработать новую стратегию в регионе на фоне российской политики сильного регионального лидера. Кризис на Кавказе поставил Турцию перед затруднительным и нежелательным выбором между поддержкой своих союзников и сохранением активно развивающихся торговых связей с Россией.

В самый разгар российско-грузинского противостояния премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган совершил два молниеносных визита: первый — в Москву, второй — в Тбилиси. Маршрут дипломатического вояжа Эрдогана в общих чертах совпадает с географией поездок других международных посредников. Однако за всплеском внешнеполитической активности премьера стоит и отсутствующий у других визитеров фактор: война явно выветвила определенную двусмысленность политики и уязвимость геополитической позиции Анкары на Кавказе.

В ходе встречи в Москве 13 августа 2008 г. с президентом России Дмитрием Медведевым Эрдоган выдвинул идею создания своего рода альянса — «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». По его словам, «платформа должна иметь географическую основу... преследовать цель установления мира и безопасности в регионе, обеспечения экономического сотрудничества и энергетической безопасности». Из Москвы Эрдоган

¹ Международная реакция на кавказские события в августе 2008 г. М.: ИВ РАН, 2008. С. 96.

прибыл в Тбилиси, где речь снова зашла о данном проекте. Таким образом, в стремлении разрядить кризис Анкара выступила с предложением создать «Платформу стабильности и сотрудничества» с целью формирования основ региональной безопасности с участием Турции, России, Грузии, Армении и Азербайджана.

Позже, во время официального визита Эрдогана в Баку, он изложил идею платформы и азербайджанскому президенту. Некоторые российские средства массовой информации поспешили сообщить, что визит Эрдогана в Москву — это жест, призванный продемонстрировать турецкую поддержку России. В действительности необычайная дипломатическая активность турецкого премьера — это отчаянная попытка исправить пошатнувшуюся позицию Турции в результате кавказского кризиса и найти способ защитить национальные интересы страны в новой геополитической обстановке. Выход турецкое руководство видело в создании региональной системы безопасности и сотрудничества — своего рода Кавказского пакта. И в Москве, и в Тбилиси, и в Баку Эрдоган делал упор на том, что благосостояние всего региона зависит в первую очередь от крупномасштабных проектов по добыче и транспортировке энергетических ресурсов¹.

Профессор международных отношений Ближневосточного технического университета Анкары Ихсан Даги подчеркивает, что «Грузия является непреложной частью всей кавказской и центральноазиатской политики Турции и центральной составляющей ее претензий на роль энергетического коридора»². «С другой стороны, — добавляет он, — Россия важна и нужна для турецкой экономики. На карту поставлена экономическая стабильность Турции»³.

Между Россией и Турцией чуть было не разгорелась настоящая таможенная война, когда в конце августа на российской границе были задержаны тысячи грузовиков. Причиной задержек послужило ужесточение таможенного режима российской стороной, последовавшее вслед за разрешением Анкары (прав-

¹ Международная реакция на кавказские события в августе 2008 г. М.: ИВ РАН, 2008. С. 93.

² Eurasianet. 11.09.2008.

³ Ibid.

да, после недолгого отказа) на проход через Проливы в Черное море американским военным кораблям. С точки зрения турецких обозревателей, новые ограничения были четким предупреждением Анкаре не принимать ошибочную сторону в грузинском конфликте¹. В свою очередь Анкара поспешила опровергнуть заявление госминистра правительства Турции К. Тюзмена, который призвал к аналогичным ответным шагам в отношении российских товаров.

Продemonстрированное Москвой и Анкарой нежелание раздувать таможенный конфликт свидетельствует о том, что Россия и Турция не были заинтересованы в обострении двусторонних отношений. Москва на фоне критики со стороны Евросоюза и США и под угрозой введения санкций из-за событий в Грузии явно смягчила свою позицию и стремилась продемонстрировать максимальное дружелюбие, чтобы не оказаться в изоляции. У Анкары, в свою очередь, было слишком много в России бизнес-интересов, что также заставляло ее отказываться от резких шагов.

Между тем турецкое руководство заняло осторожную позицию по грузинскому вопросу. Хотя публично Турция и призывала к соблюдению территориальной целостности Грузии, она воздержалась от присоединения к более жесткой риторике, которая звучала из Вашингтона и Брюсселя.

Премьер-министр Турции Эрдоган, давая оценку противостоянию США и России по кавказской проблеме и месту в этом конфликте Турции, заявил следующее: «Сейчас после грузинских событий нас хотят подтолкнуть к одной из сторон: некоторые — к США, некоторые — к России. А между тем одна из них — наш самый близкий союзник — США, а другая — Россия, с которой мы имеем важный торговый объем, в первую очередь в энергетической сфере. Я не позволю, чтобы Турция была полностью отодвинута к одной из сторон. Турция будет действовать, исходя исключительно из национальных интересов. Сейчас Россия для нас важный энергетический источник, и у нас высокий уровень развития торговли. И нельзя пренебрегать Россией, когда рассматриваются наши экономические и торговые отношения.

¹ Cumhuriyet. 02.09.2008.

Турция сама будет искать баланс в направлении собственных интересов»¹.

Преобладающее мнение турецкой элиты озвучил турецкий политолог А. Биранд. Он писал следующее: «Грузия — это страна, которая завоевала сердце турецкого общества. Но и Россия стала одним из главных элементов нашей повседневной жизни. Из потребляемого нами природного газа 65% приходит из России. И если наши дома отапливаются, заводы работают — все это благодаря российскому газу.

В Россию мы осуществляем ежегодно экспорт на 10 млрд долларов. У турецких подрядчиков в России имеются проекты на миллиарды долларов.

Каждый год в Турцию приезжают сотни тысяч российских туристов, которые оставляют здесь миллионы долларов.

Таким образом, Россия для нас важный рынок, которым нельзя пренебрегать.

Но это не все.

Россия сейчас действительно гигант, находящийся рядом с нами. Этот гигант закончил переходный период после распада СССР и начал действовать по возвращению прежних позиций в мире.

Другими словами, закончился период однополярного правления США. В мире Вашингтон больше не единственный хозяин. Москва, по крайней мере на Кавказе, начала движение к двухполярному миру».

Анкара, таким образом, по мнению Биранда, оказалась между двумя составляющими.

«С точки зрения здравого смысла и долгосрочных интересов не может быть и речи о том, чтобы Турция повернулась к России спиной. То есть мы должны искать пути, чтобы жить в мире и дружбе с этим гигантом.

Но мы не можем повернуться спиной и к Грузии. Мы не можем отдалиться от грузинского фронта, который поддерживают США и ЕС.

¹ Milliyet. 02.09.2008.

Будет нелегко, иногда мы будем переживать кризисы, но в конечном итоге найдем выход»¹.

Тема создания «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе», предложенная Турцией в Москве, обсуждалась также весьма активно во время последовавшего вскоре визита министра иностранных дел России в Турцию. С. Лавров на итоговой пресс-конференции со своим турецким коллегой А. Бабаджаном отметил следующее: «Мы подтвердили обоюдную заинтересованность в наращивании двустороннего и многостороннего диалога по всем аспектам закавказской проблематики. Ценим стремление Турции продвигать этот процесс, именно в этом контексте обсуждали предложение Анкары о создании «Платформы стабильности» и сотрудничества на Кавказе. Расцениваем эту идею позитивно, поддерживаем стремление выработать механизмы для ограничения конфликтного потенциала региона, повышения уровня его стабильности. Разумеется, на данном этапе необходимо создать соответствующие условия для этого, включая ликвидацию последствий агрессии против Южной Осетии. Но мы абсолютно согласны с нашими турецкими партнерами, что основу для такого взаимодействия можно и нужно закладывать уже сейчас. Мы договорились продолжать консультации на уровне министров, на уровне наших заместителей, экспертов в целях наполнения этой инициативы конкретным содержанием»².

По итогам визита министр иностранных дел Армении Э. Налбандян заявил о готовности установления дипотношений с Турцией без выдвижения предварительных условий, открывая путь к нормализации связей двух стран. Такой подход диктует обстановка, складывающаяся в этом регионе.

В ходе встречи президент Армении С. Саргсян высоко оценил предложение Анкары по созданию «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Нормализация отношений соответствует интересам Еревана и Анкары. Война в Грузии продемонстрировала хрупкость связей Еревана с миром и одновременно слабость ставки только на одну транзитную страну. Если

¹ Milliyet. 03.09.2008.

² Zaman. 02.09.2008.

же в них участвовала бы Армения, экспорт углеводородов на Запад не прекратился бы ни на минуту. Ведь через Армению в Турцию могли бы быть построены страховочные ответвления транзитных газо- и нефтепроводов.

По подсчетам экономических экспертов, из-за закрытости границы и непрямого грузооборота с Турцией Армения ежегодно несет убытки в 300–400 млн долл. Выступая на ежегодном совещании послов, С. Саргсян подчеркнул, что «не забывая прошлое, мы должны смотреть в будущее, формировать повестку дня, представляющую обоюдный интерес, и начать контакты без предварительных условий».

Таким образом, на Кавказе начинается новая геополитическая игра, которая может не только изменить политические векторы, но и создать центр силы, а единые интересы могут преодолеть противоречия, даже многовековые.

В результате «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК) начала работу как форум для неформального диалога государств региона по общим для них проблемам. Первая экспертная встреча прошла на уровне заместителей министров иностранных дел России, Азербайджана и Турции и директоров департаментов МИД Армении и Грузии в Хельсинки на полях ОБСЕ 4 декабря 2008 г. Вторая (от всех стран присутствовали заместители министров) — в Стамбуле 26 января 2009 г. Обсуждение перспектив ПССК выявило разногласия. Стороны согласились, что нет условий преждевременно институционализировать Платформу.

Очередная встреча на уровне замминистров иностранных дел прошла в Стамбуле 20 апреля 2009 г. Турецкая сторона попыталась придать дополнительный импульс ПССК и предложила провести встречу на высшем уровне. Но это предложение не было принято. К весне 2009 г. оформились позиции сторон по отношению к ПССК. Россия сохраняла положительное отношение к ПССК, но вряд ли могла поддерживать все турецкие предложения по конкретным механизмам работы. При этом для России был важен региональный формат работы по сложным кавказским вопросам. Грузия же увидела для себя возможность постепенно «интернационализировать» в рамках Платформы пробле-

му Абхазии и Южной Осетии. Грузинская сторона настаивала на привлечении к работе Платформы внешних сил. В Армении быстро пропал первоначальный интерес к работе Платформы, поскольку Ереван не увидел для себя реальных выгод от участия. Армянская сторона, сославшись на «большую занятость» МИДа республики, не приняла участия в пятисторонних консультациях в Стамбуле. Азербайджан, чью первоначальную реакцию можно назвать «позитивной, но сдержанной», все больше смещался в сторону сдержанности.

На апрельской встрече 2009 г. в Стамбуле представители стран-участниц ПССК пришли к выводу о нереалистичности в условиях существования межгосударственных противоречий в регионе проведения по предложению турецкой стороны встречи в формате ПССК на высшем уровне и возможности скорой активизации практической деятельности Платформы.

После этого работа ПССК перешла в пассивный режим. Турецкая сторона сделала попытку активизировать ее в 2010 г. и провести 1 февраля очередное заседание. Но к тому времени уже «буксовал» процесс нормализации отношений между Турцией и Арменией.

Турецкая сторона не отказывается от инициативы ПССК. Однако работы в новом формате не ведутся с 2009 г. Вместе с тем в двусторонних контактах со своими партнерами Анкара постоянно обсуждает возможность возобновления инициативы ПССК при создании благоприятных условий.

После августовской войны 2008 г. Турция приложила немало усилий по активизации своей политики на Южном Кавказе. Начались контакты с Арменией, когда Анкара направила приветственное послание Саргсяну в связи с избранием его президентом. В свою очередь Саргсян, заинтересованный в налаживании отношений с Турцией, дал положительный ответ и пригласил турецкого президента Гюля на матч между турецкой и армянской командами. Гюль принял предложение и стал первым турецким президентом, посетившим Армению. Таким образом началась «футбольная дипломатия». В ходе трехчасового пребывания Гюля в Армении президенты заявили, что «готовы приложить совместные усилия для формирования благоприятного климата по

устранению проблем между двумя странами»¹. 14 октября 2009 г. по приглашению турецкой стороны состоялся визит армянского президента в Турцию, где прошел ответный матч между футбольными командами двух стран. Это событие наряду с тем, что обеспечило возможность политических контактов на высшем уровне, было важно с точки зрения первого визита в Турцию президента Армении после завоевания ею независимости².

10 октября 2009 г. в Цюрихе состоялась церемония подписания министром иностранных дел Турции А. Давутоглу и Армении Э. Налбандяном протоколов об установлении дипломатических отношений и о развитии двусторонних связей между Турцией и Арменией. В церемонии приняли участие министр иностранных дел РФ С. Лавров, госсекретарь США Х. Клинтон, главы МИД Франции и Словении Б. Кугинер и С. Исбогар, а также комиссар по вопросам внешней политики и безопасности ЕС Х. Солана. Это стало результатом неофициальных встреч представителей МИД Армении и Турции весной 2009 г. при посредничестве швейцарской стороны.

С самого начала было ясно, что у этих соглашений будет непростая судьба. Например, на самой церемонии стороны решили не делать публичных выступлений, т.к. они неминуемо проявили бы существовавшие противоречия в интерпретациях сторон. Турецкая сторона считала необходимым реализовывать протоколы после общих усилий «по нормализации обстановки в регионе в целом», армянская же сторона воспринимала это как отсылку к нагорно-карабахскому урегулированию и настаивала на отсутствии каких-либо предварительных условий. Поэтому церемония ограничилась лишь кратким выступлением министра иностранных дел Швейцарии³.

21 октября 2009 г. А. Давутоглу представил цюрихские протоколы в турецкий парламент (ВНСТ). При этом в своей вступительной речи в парламенте он подчеркнул, «что не видит процесс решения без связи с проблемами Азербайджана и Нагорного Караба-

¹ Milliyet. 07.09.2009.

² Zaman. 14.10.2009.

³ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul, 2013. S. 502.

ха»¹. Представители оппозиционных партий ВНСТ заявили, что до тех пор, пока Армения не изменит своей позиции в отношении территориальной целостности Турции и не закончится оккупация азербайджанских земель, они выступают против установления дипломатических отношений с Арменией и открытия границ².

В Армении вокруг подписанных документов развернулась жесткая внутривластная борьба. 12 февраля 2010 г. состоялась формальная процедура передачи протоколов на рассмотрение Национального собрания Армении. 25 февраля Национальное собрание внесло соответствующие нормам международного права изменения в закон республики «О международных договорах», которые регламентируют право армянской стороны в любое время до вступления в силу подписанного ею договора не становиться его участником и де-юре закрепили за руководством Армении право отзыва своей подписи под цюрихскими протоколами.

Подписание цюрихских протоколов вызвало негативную реакцию Азербайджана, который настойчиво дал понять, что ни о какой нормализации отношений не может идти и речи до тех пор, пока нагорно-карабахский вопрос остается нерешенным. Азербайджан грозился поднять цену на нефть и газ, экспортируемый в Турцию, и протянул руку России, чтобы показать Анкаре, что у него есть и другие варианты³.

Осенью 2009 г. в азербайджанской столице дело дошло даже до сожжения государственных символов Турецкой Республики. А министр иностранных дел Азербайджана заявил: «Нормализация отношений между Арменией и Турцией до разрешения нагорно-карабахского конфликта противоречит национальным интересам Азербайджана и бросает тень на братские отношения между Турцией и Азербайджаном»⁴.

Анкаре удалось разрулить ситуацию, правительство Эрдогана дало задний ход в вопросе нормализации отношений с Арменией,

¹ Hürriyrt. 21.10.2009.

² Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul, 2013. S. 504.

³ URL: <http://www.Stratford.net/analytics/geopolitics/azerbaydzan-i-turtsiya-razvivayut-voennie-svyzi> (дата обращения: 12.09.2022).

⁴ URL: <http://https://www.meydan.tv/en/site/politics/22943>. Turkey's Referendum and Turkish-Azerbaijani Relations (дата обращения: 14.09.2022).

но вместе с тем высказало азербайджанским властям свои настоятельные пожелания. Суть их сводилась к тому, что Баку должен оставаться в орбите определяющего влияния Турции, не присоединяясь ни к каким евроатлантическим или евразийским интеграционным объединениям¹.

Таким образом, несмотря на все предпринятые усилия, на конец 2011 г. не произошло никаких подвижек по вопросу протоколов, а официальные турецко-армянские отношения стали еще более напряженными, чем до рассмотрения этих протоколов².

На протяжении 2010 г. предпринимались усилия, чтобы преодолеть застой в турецко-азербайджанских отношениях, порожденный подписанием цюрихских соглашений, и вновь создать благоприятную атмосферу в двусторонних связях. В результате визитов на высшем уровне в июне 2010 г. было заключено двустороннее соглашение, призванное снять проблемы в отношении цен на нефть и газ, а в августе 2010 г. между президентом И. Алиевым и президентом Турции А. Гюлем был подписан «Договор о стратегическом сотрудничестве и взаимной помощи». Соглашение подтверждает курс на развитие всестороннего сотрудничества между двумя странами, налаживание масштабного, многоуровневого взаимодействия.

Процессы евроатлантической и евразийской интеграции обошли Азербайджан стороной. В республике это называют политикой «гибких альянсов», соблюдения дистанции от иных, помимо турецких, центров силы. Крупным проектом стал нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, открытый в июле 2006 г. В конце 2006 г. был введен в эксплуатацию газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум, газовые поставки по которому начаты летом 2007 г. Фактически все, что добывается на азербайджанских месторождениях, направляется транзитом через Грузию в Турцию для дальнейшего распределения между конечными потребителями. Турция отчасти сумела стать крупнейшим энергетическим хабом на пути из региона Центральной Азии и Каспия к Европе.

¹ URL: <http://https://www.meydan. tv/en/site/politics 22943. Turkey's Referendum and Turkish-Azerbaijani Relations> (дата обращения: 14.09.2022).

² Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul, 2013. S. 464.

Только по нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джейхан с начала его эксплуатации в середине 2006 г. до 1 июля 2014 г. в турецкий средиземноморский порт было доставлено без малого 250 млн тонн углеводородов¹.

Часть получаемых Азербайджаном доходов от нефтяного экспорта возвращается в Турцию в виде капиталовложений. Среди инвестиционных проектов азербайджанских компаний в Турции выделяется строительство нефтеперерабатывающего завода в Измире. Объем капиталовложений в проект, где контрольный пакет принадлежит дочерней структуре Госнефтекомпании Азербайджан (SOCAR Turkey Energi) и госнефтефонду Азербайджана (State Oil Fund of Azerbaijan), оценивается в 5,7 млрд долл.² По прогнозам турецких аналитиков, азербайджанские инвестиции в энергетический сектор Турции к 2018 г. должны были составить около 15 млрд долларов, в то время как инвестиции самих турецких компаний — не превысить 3 млрд долл.³

Кризис по ценам на природный газ, как указывалось, стало возможно преодолеть только соглашением, подписанным в июне 2010 г. в ходе переговоров в Стамбуле на Конференции по сотрудничеству и росту мер доверия в Азии между президентом Алиевым и премьер-министром Эрдоганом. Наряду с упорядочиванием цен между лидерами двух стран было подписано соглашение о строительстве нового газопровода по поставкам азербайджанского газа с месторождения Шахдениз⁴. А 26 декабря 2011 г. стороны договорились о начале строительства ТАНАР. И на первом этапе этот газопровод должен был сооружаться при участии азербайджанской нефтяной компании (SOCAR) и турецкой (ТРАО), причем в дальнейшем предусматривалось участие в проекте других международных нефтяных и газовых компаний и консорциумов⁵.

¹ URL: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2014/07/21/азербайджано-турецкие-отношения-рос.> (дата обращения: 15.09.2022).

² URL: <https://www.meydan.tv/en/site/politics/22943-Turkey-Referendum-and-Turkish-Azerbaijan-Relation> (дата обращения: 15.09.2022).

³ Ibid.

⁴ Hürriyet. 08.06.2010.

⁵ Türk Dış Politikası cilt III 2001–2012. İstanbul, 2013. S. 483.

В рассматриваемый период развиваются и военные связи Azerbaijan и Турции. Основы турецко-азербайджанских отношений прослеживаются с первых лет независимости. В 1992 г. два государства подписали соглашение об установлении связей в военном образовании.

А после неудачи в попытке восстановить отношения с Арменией Турция, чтобы снова убедить Баку в важности двусторонних отношений, установила стратегическое партнерство с Azerbaijanом в декабре 2010 г. Договор, состоявший из 23 статей и 5 глав, гарантировал взаимную поддержку в случае, если одна из сторон становилась предметом «военного нападения или агрессии». После установления стратегического партнерства произошел значительный рост в сотрудничестве между Турцией и Azerbaijanом в двух сферах: производство и продажа оружия и военные учения. В 2011 г. странами был подписан договор о совместном производстве реактивной артиллерии калибра 107 мм и 122 мм. Спустя год турецкая корпорация механической и химической промышленности продала Azerbaijanу боеприпасы стоимостью более 600 000 долл.¹

Проводились и совместные военные учения. В 2011 и 2012 гг. вооруженные силы двух стран организовали антитеррористические и тактические учения в Турции. Стороны договорились проводить такие учения на ежегодной основе. 1–5 мая 2017 г. азербайджано-турецкие военные учения прошли на военном полигоне в одном из районов на востоке Azerbaijanа.

По мнению руководителя общественного объединения «Военные журналисты» У. Джафарова (Баку), азербайджано-турецкие учения имеют важное значение для вооруженных сил Azerbaijanа. «Турецкая армия является одной из передовых среди ВС стран НАТО. У нас есть чему поучиться у турецких военных. Налаживание оперативной совместимости с ними очень важно и для развития сотрудничества с армиями других стран НАТО»².

¹ URL: <http://stratfor.net/analytics/geopolitics/azerbaydzhan-i-turtsiya-razvivayut-voenniye-svyazi> (дата обращения: 15.09.2022).

² URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/05/10/turecko-azerbaydzhanskie-uchniya-komu-ugrozhaet-igra-muskulami> (дата обращения: 15.09.2022).

Вместе с тем Джафаров не считает, что усиление азербайджано-турецкого военного сотрудничества будет способствовать повышению рисков эскалации конфликтов вокруг Нагорного Карабаха. «Напротив, это будет играть сдерживающую роль. Всем, в первую очередь Армении, станет понятно, что политически запретить результаты, достигнутые в ходе предыдущей войны, невозможно и затягивание переговоров бессмысленно», — подчеркнул военный эксперт.

Руководитель российского Центра военного прогнозирования А. Цыганок (Москва) считает, что совместные военные учения двух соседних стран не являются неожиданностью для России. «Турция и Азербайджан — союзники, и они вправе проводить совместные военные учения. Но, с другой стороны, Турция — член НАТО, и Россия, конечно же, внимательно отслеживает ее действия. В Армении дислоцирована российская база, Москва и Ереван являются членами ОДКБ, и я не исключаю, что две страны обсуждают проведение этих учений между Баку и Анкарой. Кроме того, если эти учения предназначены для устрашения Армении, то они к желаемому эффекту не приведут», — сказал российский эксперт¹.

С ним согласен и российский востоковед А. Малащенко. Понятно, что в конфликте с армянами турки будут поддерживать азербайджанцев. Чего они и не скрывают. Для Азербайджана эти учения — демонстрация тюркской солидарности и показатель того, что он не пешка в руках России, а ведет свою политику. Для Турции это участие важно в рамках той многомерной игры, которую она ведет на нескольких фронтах.

Малащенко подчеркнул также, что никакого реального воздействия на урегулирование конфликта учения не окажут. «Здесь поезд ушел. Карабахский конфликт — это надолго, этот конфликт будет продолжаться», — заключил российский ученый².

Если посмотреть на картину отношений стран треугольника (Россия — Турция — Иран) с государствами Южного Кавказа, то она будет достаточно пестрой. Россия имеет дружественные

¹ Ibid.

² Ibid.

партнерские отношения с Арменией, осуществляет взаимовыгодное разноплановое сотрудничество и политические контакты на высшем уровне с Азербайджаном, стремится внести полезный вклад в решение нагорно-карабахской проблемы. В то же время из-за известных событий и линии руководства Грузии российско-грузинские отношения находятся в определенном кризисе.

Турция, в свою очередь, имеет дружественные, партнерские отношения с Азербайджаном, в целом неплохие отношения с Грузией, стремится внести свой вклад в урегулирование региональных конфликтов в регионе в рамках Платформы стабильности и сотрудничества. С третьей страной региона — Арменией — отношения Турции пока не налажены, препятствием является ее линия на поддержку позиции Азербайджана по Нагорному Карабаху.

Что касается Ирана, то у него нет особо резких перепадов в отношениях со странами Южного Кавказа. Ирано-азербайджанские отношения имели много взлетов и падений. Вместе с тем в последнее время между Ираном и Азербайджаном начали развиваться некоторые крупные проекты. Одним из таких проектов является транспортный коридор Север–Юг, который может предоставить много возможностей как для Азербайджана, так и для Ирана стать транзитными путями между Европой и Индией.

Наиболее дружественные отношения Иран поддерживает с Арменией. Между двумя странами развиваются проекты, которые не только важны с точки зрения двусторонних отношений и экономики двух стран, но и нацелены на укрепление их позиций в регионе¹.

Отношения Ирана с Грузией развивались достаточно сложно и неоднозначно. Основным препятствием был прозападный курс Саакашвили, когда Грузия выступала в поддержку военных действий США на Ближнем Востоке. Вашингтон, в свою очередь, также рекомендовал Тбилиси не слишком сближаться с Тегераном².

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу, что пестрота и неоднозначность отношений стран Южного Кавказа между собой и с тремя ключевым игроками данного региона — Турци-

¹ Barrow, Keich. International Railway Journal. January 24, 2013.

² Schirte Michael. US Warns Georgia on Continuing Deals with Iran. The New York. November 28. 2006.

ей, Россией и Ираном создает значительные трудности на пути превращения Южного Кавказа в зону стабильности и сотрудничества.

Что касается турецкой политики на Южном Кавказе, сейчас очевидно следующее: геополитические амбиции такого регионального игрока, как Турция, могут повышаться либо понижаться, но вряд ли ей удастся установить в регионе какой-либо свой порядок в силу отсутствия, как показал опыт «арабской весны», необходимого для «большой игры» политического авторитета.

5.5. Развитие японо-турецких отношений в период правления в Турции ПСР

В 2024 г. будет отмечаться 100-летие установления дипломатических отношений между Турцией и Японией. Это событие было зафиксировано в документах Лозаннской конференции 1922–1923 гг., посвященной подписанию мирного договора с Турцией после Первой мировой войны.

Несмотря на то, что установление дипломатических отношений между Японией и Турцией заняло довольно много времени — с 1875 г., когда Япония официально заявила о намерении подписать договор о дружбе с Османской империей, до 1925 г., когда в обеих странах были открыты посольства — и Токио, и Анкара проявляли стремление к развитию взаимовыгодных связей и контактов, что объективно диктовалось интересами обеих стран. Но процесс налаживания двусторонних связей протекал очень медленно и неровно — в результате за истекшие десятилетия отношения между странами в экономической, политической и культурной областях не достигли того уровня развития, который в полной мере соответствовал бы значимости каждой из этих стран, их потенциальным возможностям и их положению в мире в целом.

Политические отношения между Турцией и Японией заметно отставали от экономических, что обе стороны стремились изменить. Этому способствовали многочисленные взаимные визиты официальных представителей стран, двусторонние пе-

реговоры о развитии экономического сотрудничества, а также внешние объективные обстоятельства, повлиявшие на их отношения¹.

В конце XX — начале XXI вв. с активизацией японо-турецких контактов начался новый этап сотрудничества между двумя странами. Оба государства с окончанием биполярной конфронтации искали пути усиления своей роли на международной арене.

Можно утверждать, что с приходом к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития поиски результативного взаимодействия между двумя странами имели конкретные достижения. Во внешней политике Турции наметились новые тенденции, которые определялись тремя основными факторами: новым пониманием идентичности Турции и ее роли в мире, стремлением к нормализации отношений с другими странами и усилению ее позиций в соседних регионах. Провозгласив «принцип многовекторности» внешней политики страны, Анкара намеревалась установить и поддерживать дипломатические отношения с большим количеством государств и выстроить такую их архитектуру, при которой отношения между странами носили бы не конкурирующий характер, а взаимодополняли бы друг друга.

Как отмечается в исследовании Международного института ближневосточных и балканских исследований (IFIMES), «после прихода ПСР к власти в 2002 году в Турции осознали необходимость использовать свое геостратегическое положение в качестве моста между тремя континентами. <...> Фактически за последние два десятилетия Турция стала региональной силой и фаворитом как Востока, так и Запада»².

Турция, заинтересованная в расширении сфер своего влияния, стремилась стабилизировать отношения не только с соседними ближневосточными странами, но и с государствами дальнего зарубежья, в том числе с Японией.

¹ Подробно об этом см. Ледовская О. А. Япония и Турция: долгий путь к взаимовыгодному партнерству в XXI веке. М.: ИВ РАН, 2022.

² Analysis. 2023 to mark the 100th anniversary of the Republic of Türkiye: Will Türkiye Organize Early Presidential and Parliamentary Elections? URL: <https://www.ifimes.org/en/researches/2023-to-mark-the-100th-anniversary-of-the-republic-of-turkiye-will-turkiye-organize-early-presidential-and-parliamentary-elections/5114>? (дата обращения: 25.12.2022).

В 2000 г. между Японией и Турцией был подписан План по развитию отношений между двумя странами в XXI веке, предусматривавший расширение экономических, политических и культурных связей. В рамках этого плана 2003 г. был объявлен годом турецкой культуры в Японии.

Рост числа визитов на высоком и высшем уровнях между двумя странами (за период с 2003 по 2019 г. состоялось более 40 визитов) свидетельствовал о повышении статуса Турции среди японских внешнеполитических партнеров. В ходе многочисленных двусторонних встреч были зафиксированы сходные или близкие позиции сторон по вопросам, связанным с реформированием Совета Безопасности ООН (обе страны выступают за расширение его состава, подчеркивая, в частности, что, «учитывая изменения, происходящие в мире, судьба человечества не может и не должна быть «отдана на милость пяти стран-победителей»¹); по вопросам ядерного нераспространения (обе страны являются основателями совместной платформы по ядерному нераспространению и участвуют в Инициативе по ядерному нераспространению и разоружению); по вопросам борьбы с терроризмом; по вопросам помощи развитию странам третьего мира и др.

Последовавший в 2006 г. обмен официальными визитами премьер-министра Японии Коидзуми Дзюньитиро в Турцию и президента Турции А. Гюля в Японию (это был первый в истории Турции официальный визит президента страны в Японию) придал импульс развитию прежде всего экономических отношений, особенно в области двусторонних инвестиций.

В мае 2013 г. во время визита премьер-министра Японии Абэ Синдзо в Турцию была подписана «Совместная декларация об установлении стратегического партнерства между Японией и Турецкой Республикой»², целью которой было придать новое каче-

¹ Подробнее об этом см.: Мир больше пяти. URL: <https://russian.rt.com/world/article/918878-erdogan-reforma-sovet-bezopasnosti-oon>; Япония и Совет Безопасности ООН. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-sovet-bezopasnosti-oon-ambitsii-tokio-poubavilis/> (дата обращения: 25.10.2021).

² Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership between Japan and the Republic of Turkey. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000004160.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

ство двустороннему сотрудничеству в политической, экономической, научно-технической, культурной, гуманитарной и других областях. В декларации нашло свое отражение важное значение, которое стороны придавали проектам экономического сотрудничества (строительство тоннеля «Мармарай» под проливом Босфор, реконструкция моста в заливе Измит, строительство Синопской атомной станции)¹. В этом отношении крупные совместные проекты, такие как Мармарийский тоннель в Стамбуле, строительство мостов через Босфор явились примерами того, как Япония делает упор на использование мягкой силы на Ближнем Востоке в дополнение к своей возросшей роли в вопросах международной безопасности. Эти проекты были важны для Японии по нескольким причинам. Во-первых, инвестиции *JBIC* (*Japan Bank for international cooperation*) перевешивали любые вклады европейских банков. А во-вторых, названные проекты обеспечили определенную степень символизма в качестве связующего звена с Азией.

Двусторонние экономические и политические отношения имеют огромный потенциал для их развития, однако существует ряд сдерживающих факторов. Они состоят в различиях целей, которые стороны стремятся достичь в этом партнерстве, несовместимости точек зрения и выгод, которые рассчитывает извлечь каждая из сторон, в различных подходах по ряду международных проблем глобального и регионального характера.

Несмотря на стремление Японии играть более значимую роль в международных отношениях в регионе Ближнего Востока, она продолжает оставаться в русле американской политики и традиционно следует за позицией США в отношении вопросов международной безопасности, не выходя за рамки американской стратегии на Ближнем Востоке.

После начала Турцией операций против сирийских курдов в январе 2018 г. произошло серьезное ухудшение отношений Анкары с США². Это не могло не повлиять на то, что Япония не под-

¹ Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership between Japan and the Republic of Turkey. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000004160.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

² Подробно об этом см.: Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М., 2017. С. 383.

держала позицию Турции в вопросах безопасности на Ближнем Востоке, в частности, в вопросах содействия окончанию вооруженных столкновений в Сирии. Обе страны согласились придерживаться позиции сотрудничества на Ближнем Востоке в соответствии с принципами ООН и НАТО. Япония выразила готовность оказать поддержку Турции только в отношении преодоления кризиса, связанного с беженцами из Сирии. В ходе официального визита президента Турции Р. Т. Эрдогана в Японию в октябре 2015 г. премьер-министр Японии Абэ Синдзо высоко оценил роль Турции как страны, которая больше всех других стран в мире принимает сирийских беженцев, и подчеркнул готовность Японии «действовать вместе с Турцией для достижения мира и стабильности в этом регионе», а также подтвердил намерение Японии выделить 810 млрд долл. для поддержки беженцев¹.

Существуют расхождения между двумя странами в отношении проблем в Восточной Азии. Турция так же, как и с Японией, имеет развитые отношения с Китаем и занимает нейтральную позицию в территориальном споре между Токио и Пекином в отношении островов Сэнкаку, поэтому стремится не быть вовлеченной в напряженные отношения между Китаем и Японией. В территориальном споре между Японией и Южной Кореей относительно острова Такэсима Турция также предпочитает оставаться нейтральной, т.к. имеет глубокие корни отношений с Южной Кореей.

Япония заняла привычную нейтральную позицию и в связи со сбитым турецкими ВВС российским самолетом СУ-24 в ноябре 2015 г., ограничившись заявлением генерального секретаря японского правительства Суга Ёсихидэ о «необходимости проявления хладнокровия всеми сторонами.<...> Япония внимательно следит за ситуацией и надеется, что все стороны, как члены мирового сообщества, опираясь на объективную истину, будут действовать хладнокровно и по-прежнему будут проявлять сплоченность перед лицом терроризма»². При этом необходимо отметить, что турецкие деловые круги в тот период не исключали опреде-

¹ Asahi Shimbun. 08.10.2015.

² Цит. по: Asahi Shimbun. 23.11.2015.

ленной возможности того, что новым партнером Турции в проекте строительства атомной станции «Аккую» вместо России могла бы стать Япония¹.

В октябре 2019 г. вооруженные силы Турции начали запланированную сухопутную операцию «Источник мира» к востоку от реки Евфрат в Сирии с целью уничтожить курдское ополчение вдоль северной границы Сирии. Одновременно турецкие самолеты наносили удары по предполагаемым позициям сирийских курдских сил в городе Рас-эль-Айн. Турция утверждала, что пыталась обезопасить свои границы и уничтожить террористов. Эти действия встретили мощную негативную реакцию со стороны мирового сообщества. США с самого начала операции отказались поддержать ее, начали выводить свои войска из северных территорий Сирии и выступили с резкой критикой действий Турции. Япония заявила о поддержке позиции США и европейских государств и решительно осудила турецкую военную операцию в Сирии. Министр иностранных дел Японии Мотеги Тосимицу, в частности, подчеркнул в своем заявлении: «Япония глубоко обеспокоена тем, что последняя военная операция затруднит урегулирование сирийского кризиса и приведет к дальнейшему ухудшению гуманитарной ситуации. Япония еще раз подчеркивает свою позицию о том, что сирийский кризис не может быть решен никакими военными средствами»².

В 2022 г. обе страны заняли солидарную позицию в отношении пуска баллистических ракет Северной Кореей в сторону Японского моря. Позиция Японии заключается в том, что «ракетные пуски КНДР являются прямым нарушением действующих резолюций Совета безопасности ООН»³, в связи с чем северокорейской стороне был выражен решительный протест. Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу в беседе с японским министром иностранных дел Хаяси Есимасу высказал озабоченность Турции по

¹ Турецкие бизнесмены потеряли веру в российское правительство. URL: <http://vz.ru/economy/2015/12/2/781512.html> (дата обращения: 25.10.2018).

² Countries unite to resist the Turkish operation in Syria. // NBC News. 10.11.2019.

³ КНДР запустила в сторону Японского моря баллистическую ракету. URL: https://polit.ru/news/2022/03/05/North_Korea/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 05.04.2022).

поводу запуска ракеты в марте 2022 г. и выразил поддержку позиции, занятой Японией¹.

Одним из вопросов, требующих согласования позиций Токио и Анкары, явился уйгурский фактор². Первоначально позиция Японии полностью соответствовала интересам Турции, которая исторически позиционировала себя как защитника интересов тюркоязычных народов, предоставляя убежище десяткам тысяч китайских уйгуров. Однако Анкара начала проявлять избирательность и сдержанность в вопросах поддержки подобных инициатив. Таким образом, позиции Токио и Анкары в данном вопросе не встретили взаимопонимания с точки зрения предсказуемости и последовательности действий сторон³.

Еще одним вопросом, влияющим на политический диалог между Японией и Турцией, стал вопрос иммиграции из Турции. В Японии находится определенное количество как турецких, так и курдских беженцев. Эти беженцы сталкиваются с серьезными проблемами, поскольку японское правительство принимает очень мало просьб о предоставлении убежища, что означает, что многие из этих людей живут в постоянной неопределенности в обществе, где они не говорят на языке, не имеют права работать и сталкиваются с неоднозначным будущим. Представители курдской диаспоры прибыли в Японию в целях получения статуса беженцев, ссылаясь на нарушение прав человека в Турции и Ираке, однако до сих пор ни один из них не добился успеха в своем ходатайстве из-за японской системы предоставления убежища. Некоторые из них получили визы через брак с гражданином Японии, другие получили «специальное разрешение на пребывание» — визы, которые должны продлеваться каждые три месяца, пока их заявление или апелляция на получение статуса беженца находится на ста-

¹ Министры иностранных дел Турции и Японии обсудили двусторонние связи, сотрудничество. URL: <https://www.yenisafak.com/en/news/turkish-japanese-foreign-ministers-discuss-bilateral-ties-cooperation-3587293> (дата обращения: 05.04.2022).

² Подробно об этом см.: Олег Парамонов. Самая «прояпонская» страна смотрит в сторону Пекина. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/samaya-proyaponskaya-strana-smotrit-v-storonu-pekina/> (дата обращения: 15.10.2021).

³ Там же.

дии рассмотрения¹. Большинству лиц с турецким гражданством, которые искали убежища в Японии в течение последних нескольких лет, было отказано в рассмотрении их дел.

В январе 2019 г. турецкая сторона выразила обеспокоенность в связи с новой политикой Токио в отношении трудовой миграции. Это было вызвано тем, что в декабре 2018 г. парламент Японии принял законодательные поправки, которые впервые в послевоенной истории фактически отменили запрет на использование в стране иностранной рабочей силы. Власти были намерены ввести новую систему широкого найма рабочих-иммигрантов, которых будут использовать в 14 секторах экономики, где ощущается нарастающая нехватка рабочих рук. Это в первую очередь строительство, сельское хозяйство, уход за больными и престарелыми, судостроение. Но в контексте вступавшего в силу в Японии 1 апреля 2019 г. закона о предоставлении вида на жительство для иностранцев было распространено уведомление с предварительным списком стран, включающим Турцию, из которых не будут приниматься рабочие. В связи с этим 31 января 2019 г. в МИД Турции был вызван посол Японии Миядзава Акио и до его сведения была доведена позиция турецкой стороны, что «такое положение дел противоречит духу стратегического партнерства между странами, их дружественным отношениям», и была выражена надежда на то, что «в самом скором времени данное решение (о включении в список Турции — ред.) будет пересмотрено»². Эти активные действия турецкой стороны привели к тому, что Япония достаточно оперативно исключила Турцию из числа стран, из которых запрещена трудовая миграция. 2 апреля 2019 г. в коммюнике МИД Турции было выражено удовлетворение «решением властей Японии исключить Турцию из числа стран, работники которых не смогут въезжать в страну из-за вступившего 1 апреля 2019 года закона о порядке выдачи вида на жительство. Этот шаг соответствует духу дружественных

¹ Число мигрантов в Японии невероятно мало для страны Большой семерки, и ожидается, что оно кардинально не изменится, оставаясь примерно 0,2% от общей численности населения архипелага с 1990-х гг. и по прогнозам до 2030 г.

² Посол Японии вызван в МИД Турции в связи с политикой о трудовой миграции. URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2019/01/31/mot-posol-yaponii-vyzvan-v-mid.html> (дата обращения: 15.02.2020).

отношений между Турцией и Японией, с которой сложились исторические и долгосрочные связи»¹.

Еще одна постоянная проблема в сообществе беженцев в Японии — напряженность между представителями курдской и турецкой диаспор. В 2015 г. произошла стычка между турецкими гражданами и курдами перед посольством Турции, когда группа курдов вывесила прокурдский флаг. Такая напряженность отражает этнический конфликт в Турции и Сирии между турками и курдами, но большинство японцев не обращают внимания на эту ситуацию, что, по мнению Хаммонды Келли, эксперта по Восточной Азии университета Арканзаса, возможно, указывает на то, что хотя Министерство иностранных дел Японии считает свои отношения с Турцией важными, обычные японские граждане не в полной мере осведомлены о сложностях региональной политики на Ближнем Востоке. Келли отмечает, что «отсутствие знаний об исламе создает препятствия для мусульман, живущих в Японии. Большинство немусульманского населения Японии, как правило, знакомо с хорошо известными исламскими доктринальными практиками, такими как воздержание от свинины и алкоголя. Однако очень немногие люди осведомлены о мусульманском населении Японии или о том, что многие мусульмане в Японии являются выходцами из Турции. Часто изображения мусульман в СМИ похожи на голливудские изображения и подчеркивают негативные стереотипы»².

Правительство Японии отреагировало на это, запустив ряд программ, направленных на повышение осведомленности о мусульманской религии и мусульманах. Например, в 2001 г. Коно Ёохэй, который возглавлял в то время МИД Японии, представил «Инициативу Коно» — план, направленный на укрепление и развитие двусторонних отношений с мусульманскими национальными государствами при одновременном обучении японцев так называемому «мусульманскому миру». При этом следует иметь в виду,

¹ Турция удовлетворена решением Японии по закону о трудовой миграции. URL: https://tass.ru/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 15.02.2020).

² Kelly Hammond. Turkey and Japan are Old Friends. Can They Foster New Beginnings? URL: <https://newlinesmag.com/essays/turkey-and-japan-are-old-friends-can-they-foster-new-beginnings> (дата обращения: 15.10.2021).

что после 11 сентября 2001 г. в Японии стали более негативно реагировать на мусульман и проявилась тенденция к более тесному сотрудничеству с США в борьбе с терроризмом. На имидж Японии среди мусульман также повлияло значительное присутствие с 2004–2008 гг. подразделения вооруженных сил Японии в Ираке во время второй иракской войны (крупнейший военный контингент, отправленный за пределы Японии в период после окончания Второй мировой войны).

Анализируя развитие двусторонних экономических связей, следует подчеркнуть, что они не были главным приоритетом ни для одной из стран и что до сих пор объем двустороннего экономического сотрудничества значительно меньше, чем мог бы быть, исходя из потенциала стратегического партнерства Японии и Турции.

В настоящий момент динамика экономических отношений двух стран положительная, несмотря на пандемийные ограничения: в 2021 г. объем двусторонней торговли вырос по сравнению с 2020 г. и достиг более 4 млрд долл. Японский экспорт в Турцию составил более 3,9 млрд долл., а турецкий экспорт в Японию — 435 млн долл. Общая доля турецкого экспорта в общем импорте Японии составляет всего 0,06%¹. Вместе с тем с 2011 г. японский экспорт демонстрирует неуклонное снижение.

Торговый баланс между Японией и Турцией характерен для торговли Японии с другими странами, что соответствует проводимой экспортно ориентированной политике страны. Основные статьи экспорта из Японии — это коммуникационное оборудование, автомобили, продукция машиностроения, железо и сталь, двигатели, химическое и оптическое оборудование, ядерные реакторы и котлы, транспортные средства, электрическое, электронное оборудование; оптические и фотоприборы, медицинские аппараты и приборы и т.д.

Из Турции в Японию ввозились в основном рыба, морепродукты, листья табака, обработанные продукты питания, крупы, мука, крахмал, молочные продукты, эфирные масла, хромированная сталь, ковровые изделия, изделия из стекла.

¹ Region Middle East. URL: http://Turkey.www.mofa.go.jp/region/middle_t/turkey/data.html (дата обращения: 25.12.2022).

Япония, как известно, предъявляет очень высокие требования к импортируемой продукции. Для турецких экспортеров невыгодно проходить долговременный и затратный процесс стандартизации. При этом особые трудности представляет собой контроль сельскохозяйственной продукции до ее импорта в Японию с точки зрения применения химикатов. Помимо существования специальных квот в отношении пищевых продуктов, японская таможня проводит тщательный контроль импортируемой продукции. Как отметил президент Турции Р. Эрдоган на встрече турецко-японских бизнесменов, организованной Советом по внешнеполитическим связям Турции и японской федерацией бизнеса в Токио 1 июля 2019 г., «Мы рады, что на нашем рынке есть японская продукция. В то время как японская промышленная продукция может свободно поступать на турецкий рынок, наша сельскохозяйственная продукция высокого качества находится под режимом тарифов и сталкивается с другими проблемами, отличными от тарифов»¹. Турция, как известно, традиционно является самодостаточной сельскохозяйственной страной, где сельскохозяйственный сектор обеспечивает четверть занятости и почти 10 процентов ВВП страны. Занимая седьмое место в мире по величине производства широкого спектра зерновых, фруктов и овощей, масличных семян и чая, продуктов животноводства и рыболовства, ее сельское хозяйство является очевидной и важной областью для взаимной выгоды обеих стран. Япония же — крупнейший нетто-импортер сельскохозяйственной продукции в мире по причине относительно небольшой доли обрабатываемых в стране земель. Кроме того, из-за демографического старения населения здесь ощущается нехватка сельскохозяйственных рабочих, а японские фермы не являются промышленно развитыми и остаются небольшими по мировым стандартам. По тем же причинам, вызванным высоким потреблением морских продуктов на душу населения, Япония также является крупнейшим нетто-импортером морских и рыбных продуктов, несмотря на то, что она островная страна

¹ Turkey-Japan economic cooperation more important in times of trade protectionism. URL: <https://www.dailysabah.com/business/2019/07/02/turkey-japan-economic-cooperation-more-important-in-times-of-trade-protectionism> (дата обращения: 16.10.2020).

и обладает непосредственной близостью и доступом к океану. Продовольственная самодостаточность — серьезная проблема для населения Японии и приоритет государственной политики. По мнению Скотта Моррисона, профессора японского университета Акита, «обе стороны отмечают возможность того, что сельское хозяйство может стать основой для стратегической программы, учитывая деликатный вопрос о поставках продовольствия (особенно для японской стороны)»¹.

Кроме того, новым фактором, повлиявшим на сокращение объема японо-турецкой торговли, явилось увеличение доли Китая и Южной Кореи в общем объеме торговли Турции, главным образом в ущерб торговым отношениям с Японией². Это касалось торговли готовой продукцией, промышленным сырьем и материалами. По мнению специалистов, «торговые отношения Турции с тремя азиатскими «тяжеловесами» неизбежно вызовут изменения в отношениях между этими странами и Турцией в ближайшем будущем»³.

В Турции функционирует компания «*Toyota Turkey*», которая является лидером турецкого экспорта и самым крупным предприятием в Турции, экспортирующим более 80% своей продукции в более чем 100 стран. При этом компания обеспечивает 20% производства автомобилей в Европе. Несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, завод продолжал работать на полную мощность. В настоящее время кроме таких крупнейших японских компаний, как «*Toyota*», «*Isudzu*» и «*Honda*», в Турции работает большое количество японских фирм в области энергетической и химической промышленности.

В качестве положительного примера сотрудничества между частными секторами Турции и Японии можно привести достижение договоренности о партнерстве между крупной японской текстильной компанией «*Maribeni*» и одним из крупнейших экс-

¹ Scott Morrison. Japan and Turkey: The Contours and Current Status of an Economic Partnership/ Free trade Agreement// Insight Turkey. Spring 2014. Vol. 16. No. 2. P. 192.

² ORSAM. Japan — Turkey Dialogue on Global Affairs. // Report. No. 207. March 2017. P. 51.

³ K. Ali Akkemik. Is Turkey Turning Its Face Away from Japan to China and Korea? Evidence from Trade Relations.// Perceptions. Spring 2016. P. 58.

портеров текстиля Турции — компанией “*Saide Tekstil*”. Также успешно продвигаются проекты в фармацевтике. Фармацевтическая компания “*Takeda*”, крупнейшая в Японии и 15-я в мире, успешно наладила маркетинг в Турции, где фармацевтический рынок быстро развивается (в отличие от перенасыщенного европейского рынка) и становится для Японии ключевым развивающимся рынком.

Существует большой потенциал для кооперации между Турцией и Японией в сфере авиации и аэрокосмической индустрии. Япония продвигает во всем регионе свою космическую программу, в которой особое внимание уделяется запускам спутников для секторов технологий и безопасности. Так, запуск на орбиту 15 февраля 2014 г. созданных в Японии компанией “*Mitsubishi Electric*” спутников связи “*Turksat 4A*” и “*Turksat 4B*” для спутникового оператора “*Turksat AS*” с космодрома Байконур расширил коммуникационные возможности связи Турции в 3 раза и создал возможности для трансляций телевизионных передач по большому периметру Европы, Азии, Ближнего Востока, Африки. Спутник “*Türksat-4A*” стал важной вехой в этом отношении, поскольку был произведен японской компанией с участием турецких инженеров, прошедших обучение в Японии.

Федерация экономических организаций Японии Кейданрен стремится к расширению и диверсификации двусторонних экономических связей и созданию равных условий для японских компаний по сравнению с другими иностранными инвесторами в Турции, а также созданию «деловой среды, которая ведет к бесперебойной и эффективной корпоративной деятельности». Кроме того, в федерации подчеркивают важность снижения или отмены тарифов на японские промышленные товары, смягчения и упрощения процедур и требований, предъявляемых к разрешениям на работу, а также укрепления прав интеллектуальной собственности¹.

В связи с этим важное значение приобретают переговоры между Турцией и Японией о подписании соглашения о свободной

¹ Scott Morrison. Japan and Turkey: The Contours and Current Status of an Economic Partnership/ Free trade Agreement// Insight Turkey. Spring 2014. Vol. 16. No. 2. P. 187.

торговле. Подобные соглашения подписываются для устранения или сокращения торговых барьеров. Турция, как известно, входит в Таможенный союз Европейского сообщества с 1996 г. и не может единолично заключить соглашение о свободной торговле с третьими странами.

Переговоры Японии с ЕС по этому вопросу начались в 2014 г. и завершились подписанием в июле 2018 г. соглашения о свободной торговле Японии с ЕС, которое вступило в силу 1 февраля 2019 г.¹ Официальные переговоры между Японией и Турцией об аналогичном соглашении начались в декабре 2014 г. и шли параллельно с переговорами с ЕС и активно продолжаются в рамках переговоров о ЗСТ (зонах свободной торговли). По состоянию на январь 2021 г. было проведено 17 раундов переговоров (в 2020 г. никаких переговоров не проводилось). Япония, как ожидается, может получить определенные преимущества от этого соглашения, рассматривая Турцию как центр для будущих поставок на рынки Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Европы. В этом отношении важное значение приобретает использование молодой рабочей силы Турции, т.к. сама Япония не может войти на рынки этих стран.

Привлекает внимание существенная неуравновешенность между Турцией и Японией в области экономического сотрудничества. Так, например, отмечается односторонность инвестиций, т.е. осуществление всех финансовых потоков происходит только с японской стороны. Турция не имеет прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Японии, и очень сложно найти турецкие фирмы, осуществляющие бизнес-проекты в Японии. Это в некоторой степени объясняется объективными причинами: для иностранных фирм, желающих работать на японском рынке, существуют ограничения, связанные с культурными традициями, образом жизни, предпочтениями японских потребителей. Кроме того, стоимость создания предприятия в Японии (включая стоимость рабочей силы, рабочие места, налоги и т.п.) очень высокая.

Отмечается определенный рост количества японских компаний, зарегистрированных в Турции. Так, если в 2014 г. в Турции

¹ Соглашение о свободной торговле между ЕС и Японией в цифрах и фактах. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6067664> (дата обращения: 05.10.2020).

действовали 183 японские компании, то по состоянию на 2021 г. их количество возросло до 257, в то время как в Японии действовали только 5 турецких компаний. В Японии также есть много ресторанов и небольших предприятий, которыми управляют турецкие граждане. Японские компании в Турции действуют в следующих секторах: строительство, автомобилестроение, машиностроение и электротовары. Продолжая работать в этих областях, японский бизнес в Турции в настоящее время расширяется в банковском, страховом, медиа- и продовольственном секторах.

Турция, в свою очередь, заинтересована в японских инвестициях, технологиях и инновациях, в участии японского капитала в энергетических проектах, создании совместных предприятий с продукцией с высокой добавленной стоимостью.

Необходимо отметить, что замедление темпов экономического обмена между двумя странами сказывается и на инвестициях. Одной из причин этого явились неблагоприятные экономические условия, переживаемые Японией. Другая причина заключается в недостаточно привлекательных и выгодных условиях бизнес-среды в Турции, а именно: отсутствие соответствующего уровня экономической и политической стабильности, прозрачности, качества продукции, инфраструктуры наряду со сложными бюрократическими процедурами¹.

Турецкая сторона постоянно подчеркивает необходимость привлечения дополнительных инвестиций из Японии. Так, президент Турции Эрдоган, выступая в июле 2019 г. на встрече, организованной японской федерацией экономических организаций (Кэйданрен), подчеркнул актуальность переговоров между двумя странами о новых инвестиционных проектах, приведя пример разницы между инвестициями Японии в Турцию и другие страны. По его словам, японские инвестиции в турецкую экономику в последние 10 лет составили 3 млрд долл., что является недостаточным, учитывая тот факт, что прямые инвестиции Японии в Китай достигают 73 млрд долл., а ее общий объем инвестиций

¹ Türkiye Japonia iş konseyleri (Турецко-японский деловой совет) // Japonya Ülke Bülteni (Бюллетень по Японии). DEİK, March 2012. URL: <https://www.deik.org.tr/turkiye-asya-pasifik-is-konseyleri-turkiye-japonya-is-konseyi?pm=28> (дата обращения: 25.10.2019).

по всему миру оценивается в 965 млрд долл.¹ Расширению японских инвестиционных проектов в Турции должна способствовать объявленная в 2017 г. Министерством экономики, торговли и промышленности Японии (*METI*) заинтересованность правительства в зарубежных инвестициях как одном из приоритетных направлений политики Японии. Министерством были выделены три основные «столпа» «Новой стратегии роста Японии» (*New Growth Strategy of Japan*): 1) поддержание конкурентоспособности японской промышленности за счет активной политики в области инвестиций и занятости, 2) увеличение зарубежных инвестиций японских компаний в целях роста акций японских компаний на зарубежных рынках и 3) стимулирование международных деловых операций посредством политики стабилизации поставок электроэнергии, снижения ставки корпоративного налога посредством обеспечения поддержки инвестиций в Японии, а также посредством соглашений об экономическом партнерстве². Как заявил министр экономики Турции Н. Зейбекчи, «Турция является страной, которая имеет наилучшие в мире возможности для японских фирм»³. По его мнению, «японские фирмы будут зарабатывать больше в Турции по сравнению с другими странами, принимая во внимание 84 млн населения страны, а также тот факт, что турецкий рынок не ограничивается только географическими пределами своей страны, а находится в центре Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии, Кавказа и Балкан, что предоставляет широкие возможности для японских партнеров в качестве рынков сбыта»⁴.

В этом контексте следует отметить наметившийся формат укрепляющегося сотрудничества Турции и Японии в Централь-

¹ Рамин Абдуллаев. Турция рассчитывает на рост японских инвестиций. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/турция-рассчитывает-на-рост-японских-инвестиций/1519913> (дата обращения: 15.07.2019).

² ORSAM. Japan — Turkey Dialogue on Global Affairs // Report. No. 207. March 2017. P. 54.

³ Turkey has best opportunities for Japanese firms. URL: <https://thefrontierpost.com/turkey-best-opportunities-japanese-firms/> (дата обращения: 15.07.2019).

⁴ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Turkey-s-economy-minister-seeks-japan-trade-pact-this-year> (дата обращения: 15.07.2019).

ной Азии, разделение ответственности с Анкарой в продвижении сотрудничества Токио с регионом, где Токио стремится укрепить свои позиции, используя турецкий опыт. Япония активно реализует бизнес-проекты и лоббирование в странах региона главным образом с участием турецких предприятий. Как заявил бывший министр экономики Турции З. Чаглаян, «важен не только экспорт грузов между двумя государствами. Что действительно имеет значение, так это расширение взаимных инвестиционных связей и использование турецких и японских возможностей в области ведения бизнеса в развивающихся странах»¹.

В 2014–2015 гг. в регионе Центральной Азии возник ряд японо-турецких и более широких консорциумов в сфере инфраструктуры, энергетики, химической промышленности, значительная часть которых реализуется на территории Туркменистана, Казахстана, Узбекистана. Взаимодополняющий характер этих проектов заключался в том, что японская сторона обычно отвечает за финансирование и в ряде случаев предоставляет технологии, а турецкие компании выступают как субподрядчики. В осуществлении японо-турецких проектов в Центральной Азии уже были достигнуты положительные результаты, в частности, в Туркменистане (строительство крупнейшего в Центральной Азии завода по переработке хлопка, а также текстильных предприятий, строительство газохимического комплекса по переработке природного газа, строительство завода по производству карбамида; строительство «под ключ» нового цеха по производству серной кислоты и др. проекты). Японско-турецкий тандем в Центральной Азии активно действует в Узбекистане (строительство и модернизация ТЭС), Казахстане (строительство сейсмостойкого подвесного моста), Дубае (строительство метро).

Все вышеуказанные примеры говорят о том, что Япония намерена сотрудничать с Турцией в Центральной Азии, проводя активную и динамичную политику в этом регионе, тем самым все сильнее вовлекаясь в мировые интеграционные процессы. Экономическое сотрудничество Японии и Турции в Центральной Азии

¹ Турция хочет установить зону свободной торговли с Японией. URL: https://www.unitrade.su/novosti/turtsiya_khochet_ustanovit_zonu_svobodnoy_torgovli_s_yaponiey.htm (дата обращения: 15.12.2015).

во многом обусловлено тем, что во внешней политике стран Центральной Азии наметились новые тенденции, которые определяются тремя основными факторами: новым пониманием идентичности каждой из республик и ее роли в мире, стремлением к нормализации отношений с другими странами и усилением их позиций в соседних регионах.

Следует отметить важное значение Соглашения о техническом сотрудничестве между Турцией и Японией, подписанного в октябре 2020 г. в Анкаре, которое расширяет возможности двустороннего сотрудничества между Турецким агентством по сотрудничеству и координации ТИКА и Японским агентством международного сотрудничества JICA. Соглашение предусматривает техническое сотрудничество двух стран в комплексных проектах, таких как меры по ликвидации последствий стихийных бедствий, создание турецко-японского научно-технического университета, помощь сирийским беженцам и поддержка третьих стран в сотрудничестве между ТИКА и JICA.

Необходимо также остановиться на нескольких несостоявшихся проектах, которые были заявлены обеими сторонами как имеющие особую значимость для двух стран и с которыми обе стороны связывали большие перспективы будущего сотрудничества.

В первую очередь это относилось к сотрудничеству в конструкции атомной станции в Синопе с первоначальной стоимостью в 22 млрд долл. и с мощностью 4500 МВт, на месте строительства которой были начаты геодезические и сейсмические исследования при участии японской компании “*Mitsubishi Heavy Industrie*”s. В консорциум по реализации проекта АЭС «Синоп» наряду с турецкой государственной энергокомпанией “*Elektrik Uretim AS*” (EUAS) входили японские “МНІ” и “*Itochu Corp.*”, а также французские “*AREVA*” и “*Engie.*” Данный проект вызвал серьезную критику как в самой Японии, так и за ее пределами. В первую очередь это было связано с тем, что Анкара запросила разрешение на обогащение урана и получение плутония. Данное условие было включено в соглашение, несмотря на то, что это создавало возможность получения Турцией материалов, пригодных для создания ядерного оружия. Кроме того, была и опасность строительства АЭС в сейсмически неблагоприятном районе Турции.

Инициатором прекращения сотрудничества в этом проекте стала японская сторона. Еще в 2018 г. появилась информация о намерении возглавляемого японцами консорциума выйти из проекта. В частности, в апреле 2018 г. издание *Nikkei* сообщило, что “*Itochu*” выйдет из проекта, в то время как “*MHI*” и другие инвесторы продолжат технико-экономическое сотрудничество до лета 2018 г. Остальные члены японского консорциума отказались от проекта в декабре 2018 г. после того, как не смогли достичь соглашения с правительством Турции об условиях финансирования: консорциум “*Atmea*” поднял стоимость Синопского атомного проекта до 44 млрд долл. (т.е. в два раза). У турецкой стороны таких денег не было. В качестве причины были указаны новые, более строгие стандарты безопасности, введенные из-за катастрофы на Фукусиме, а также падение стоимости турецкой лиры. При этом специалистами отмечалось, что даже при наличии недостающей суммы в 12,5 млрд долл. строительство Синопской АЭС вообще никогда не окупилось бы. Этот несостоявшийся проект АЭС на Черноморском побережье Турции в определенной мере помог российско-турецкому атомному сотрудничеству в строительстве АЭС «Аккую», которое базируется на модели «build-own-operate» (строительство–эксплуатация–передача (СЭП), что позволяет инициатору проекта возместить свои инвестиционные и эксплуатационные расходы и отличает этот проект от проекта в Синопе.

Второй несостоявшийся проект касался создания моторов для танков и комплектующих в производстве нового поколения танков «*Altay*», который был произведен японской компанией с участием турецких инженеров, прошедших обучение в Японии (разработка танков проходила совместно с Ю. Кореей). В перспективе Турция была намерена наладить с японскими компаниями производство моторов для вертолетов, беспилотников и инфракрасных датчиков, а также энергоустановок для подводных лодок и кораблей. Несмотря на то, что обсуждение возможной кооперации в этой области проходило на высоком уровне, стороны отказались от данного проекта. Поводом для прекращения переговоров стал действующий в Японии запрет на военный экспорт в такой чувствительной для японского общества сфере, как военно-техническое сотрудничество. Когда в 2011 г. правитель-

ство Ноды Ёсихико под давлением Вашингтона и национально-го ОПК объявило о смягчении существовавшего на протяжении десятилетий запрета экспорта продукции военного назначения, в Турции, не имеющей в силу ряда политических причин доступа к западным военным технологиям, начали рассматривать Токио как перспективного партнера в сфере ВТС. В качестве основной причины отказа от проекта указывалось на заявленную Анкарой возможность экспорта перспективного танка "Altay" в Пакистан и Азербайджан, что противоречило новым подходам Токио к экспортному контролю, так как попытки поддержать национальный ОПК за счет сотрудничества с Турцией могли нанести существенный вред собственным национальным интересам.

Крайне актуальным вопросом экономического сотрудничества между двумя странами является сотрудничество в предотвращении стихийных бедствий, в частности землетрясений. В декабре 2018 г. между двумя странами было подписано «Соглашение о сотрудничестве по уменьшению ущерба от стихийных бедствий».

В реализации внешнеполитической стратегии Японии в отношении Турции придается особое значение развитию культурно-гуманитарного сотрудничества между двумя странами как постоянного и самого результативного компонента общения между народами Японии и Турции. В сфере науки и образования происходит динамичный обмен студентами и преподавателями вузов. Один из примеров сотрудничества между научными и академическими кругами двух стран — плодотворные совместные археологические исследования на протяжении более 30 лет в Турции в районе Каман-Калехоюк, а также участие японских археологов в проекте по созданию там археологического музея. Перспективным проектом турецко-японского культурного сотрудничества стали раскопки в Турции на территории археологических памятников Гобеклитепе и Карахантепе, которые в 2018 г. были зарегистрированы в качестве объекта Всемирного наследия. К 100-летию установления дипломатических отношений между Японией и Турцией в 2024 г. обе стороны подтверждают проект создания Турецко-Японского университета науки и технологий (TJU) в Стамбуле, где планируется обучение студентов турецкому и японскому языкам и основам культурного наследия обеих

стран¹. Это даст возможность использовать их в качестве персонала для совместных турецко-японских предприятий.

При анализе современного состояния и перспектив японо-турецких отношений можно констатировать, что стратегическое партнерство между двумя странами явилось стабилизирующим фактором международной обстановки. Обе страны пользуются сильнейшим влиянием как на региональном, так и на мировом уровнях, обе стали важнейшими опорами выстроенной США в послевоенный период мировой системы альянсов. Если бы две столь крупные державы совместно выступали по ключевым проблемам, это имело бы важное политическое значение. Как пишет американский журнал *“National Review”*, «выбор этих двух стран будет значить очень много еще и для США, которым будет крайне сложно сохранять свое влияние как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке, не имея близких рабочих отношений с обеими странами»². Взаимопонимание двух стран по даже относительно небольшим проблемам, касающимся Азии или других регионов, стремление найти точки соприкосновения для политического диалога важны и полезны для смягчения и ликвидации очагов острых конфликтов в Азии, что отвечает национальным интересам обеих стран. Однако, по мнению японских и турецких экспертов, требуются усилия по налаживанию прочного и конструктивного политического диалога между ними по глобальным вопросам³. В этой связи следует упомянуть состоявшиеся двусторонние консультации по международным проблемам на двух встречах на высшем уровне в 2022 г. Первая — встреча премьер-министра Японии Кисиды Фумио с президентом Турции Р. Т. Эрдоганом на 77-й сессии ГА ООН 20 сентября 2022 г. Также состоялись две встречи министров иностранных дел Японии и Турции Хаяси Ёсимасы и Мевлюта Чавушоглу в Анталии в марте и в сентябре 2022 г. в Токио (во время государственных похорон бывшего премьер-министра

¹ Ministry of Foreign Affairs of Japan URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/turkey/index.html (дата обращения: 05.10.2022).

² National Review. 05.10.2010.

³ Atsuko Higashino. Relations between the EU, Turkey and Japan: dissonances in the strategic triangle. URL: <https://f1000research.com/articles/10-171> (дата обращения: 20.10.2021).

Японии Синдзо Абэ). Характерной чертой двусторонних переговоров на этих встречах явилось намерение двух сторон ускорить обсуждения, направленные на скорейшее завершение переговоров по Соглашению об экономическом партнерстве между Японией и Турцией (ЕРА), отсутствие которого, по мнению сторон, остается главным препятствием для расширения экономических отношений между странами.

С 2014 г. Турция смогла особенно заметно увеличить свое влияние в Азии, которое кристаллизировалось в ее новой стратегии, направленной на усиление связей в этом регионе. В этом отношении обе страны связывают перспективы расширения политических и экономических связей в контексте провозглашенной МИД Турции в августе 2019 г. инициативы «Новая Азия», которая преследует четыре цели: 1) улучшение межгосударственных отношений, 2) расширение торгового потенциала частного сектора, 3) укрепление академического сотрудничества и 4) развитие взаимодействия между обществами. Очевидно, что сотрудничество двух стран в таких регионах, как Ближний Восток, Центральная Азия и Африка приведет к более тесным стратегическим связям между ними.

По мнению японской стороны, «хотя Турция определенно опоздала», ей следует больше взаимодействовать с Азиатско-Тихоокеанским регионом для его дальнейшего развития. Принимая во внимание тот факт, что Европа остается самым важным торговым партнером Турции как традиционно, так и исторически, Токио считает, что «Анкаре стоит задуматься о смещении экономической тяжести мира в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. <...> Проникнуть на азиатский рынок непросто, потому что он уже хорошо развит.<...> Но для дальнейшего развития Турции, чтобы сохранить динамизм, ей необходимо больше взаимодействовать с Азией; Японией, Индией, АСЕАН, Кореей»¹. Высоко оценив новую азиатскую политику Турции, которая только начала охватывать этот регион, Япония

¹ Турция, Япония — ‘два государства, одно сердце’: японский посланник. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-japan-two-states-one-heart-japanese-envoy-159249> (дата обращения: 10.01.2021).

называет перспективным совместное взаимодействие двух стран в этом направлении¹.

Японские и турецкие эксперты подчеркивают, что внешне-политические интересы и стратегические политические цели Японии и Турции не пересекаются и не сталкиваются ни в каких областях, вызывающих серьезную озабоченность². В этом контексте Турция часто упоминается как один из наиболее перспективных кандидатов на партнерство, особенно с учетом ее глубоких знаний и опыта в работе на Ближнем Востоке и в Центральной Азии с точки зрения взаимодействия двух стран в этом регионе.

Таким образом, следует признать, что стратегическое партнерство между Японией и Турцией становится примером «нового» развития геополитической ситуации в Азии, предполагающей многополярный подход в международных отношениях, который дает возможность обеим странам повысить их политический вес на международной арене. Япония предложила свою кандидатуру в качестве своего рода посредника между Ираном и «пятеркой+1». Стремление Токио расширить свое влияние в регионе по этим вопросам выгодно Турции, которая заинтересована в участии других стран, помимо США, в стабилизации положения на Ближнем Востоке.

Принимая во внимание тот факт, что политическая роль Турции на международной арене в последнее время значительно возросла, Япония, заявляя «о стремлении установить с Турцией бесприоритетные отношения»³, определяет ее в качестве важного стратегического партнера в Восточном Средиземноморье, регионе Черного моря, а также на Ближнем Востоке.

¹ Ibid.

² Selcuk Esenbel. Turkey's Changing Foreign Policy Stance: Getting Closer to Asia? URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-changing-foreign-policy-stance-getting-closer-asia> (дата обращения: 15.02.2020).

³ Asahi Shimbun. 28.10.2013.

5.6. Турция и страны Африки в период правления ПСР

Первые попытки «проникновения» Турции на Африканский континент предпринимались еще в 1950-х гг., активизировались при премьер-министре Т. Озале (1983–1989 гг.), а в 1998 г. был утвержден первый официальный программный документ «План действий в отношении Африки», предложенный министром иностранных дел страны И. Джемом (1997–2002 гг.). Приход к власти Партии справедливости и развития ознаменовал открытие новой страницы в отношениях Анкары с регионом.

В числе ключевых интересов, определяющих интенсификацию турецкой политики в странах Африки, — стремление расширить географию деятельности турецкого бизнеса за счет выхода на новые рынки, укрепить свои региональные и международные политические позиции, распространить религиозно-культурное влияние путем популяризации успехов своей «особой модели демократического ислама».

В идеологическом плане Турция позиционирует себя как «афро-евразийская держава». Этот новый географический параметр турецкой регионалистики был закреплен в программном документе правящей партии «Политическое видение Партии справедливости и развития до 2023 года. Политика, общество и мир». Согласно ему, регион Афро-Евразии включает в себя обширное пространство от Балкан до Кавказа, от Центральной Азии до Африки, а сама Турция названа «центром процесса нормализации социальной и политической динамики» в данном регионе. В отношении Африки особо подчеркивается, что она «стала краеугольным камнем нашей глобальной внешней политики»¹. Концептуально понятие «Афро-Евразия» более нигде не закреплено, однако оно уже стало неотъемлемой частью политического дискурса. В речах первых лиц данный термин используется как универсальный инструмент для доказательства «исключительного геополитического значения Турции для глобальной мировой си-

¹ Political Vision of AK Parti 2023. Politics, Society and the World // AK Parti. URL: https://www.akparti.org.tr/english/akparti/2023-political-vision#bolum_ (дата обращения: 11.01.2023).

стемы» и акцентирования общности культурно-географических связей с потенциальными партнерами на международной арене. В экспертной среде с 2016 г. на ежегодной основе¹ по турецкой инициативе организуется Международный конгресс афро-евразийских исследований, провозглашаемая цель которого — объединение аналитиков для обсуждения общих проблем региона и выработки методов и подходов к их решению.

В отношении стран Африки Турция позиционирует себя в качестве дружественной державы, продвигающей антизападную риторику, осуждающей колониальную политику европейских стран, готовой выступать в качестве «рупора всех нуждающихся и угнетенных». Активно используется игра на позитивных аспектах османского прошлого, которое преподносится как «золотое время мирного сосуществования всех народов».

Стратегия Турции в отношении стран Африканского континента имеет долгосрочный характер и предполагает интенсификацию военно-политических, экономических и культурно-гуманитарных контактов.

Политическое взаимодействие

2005 г. был объявлен в Турции Годом Африки и фактически стал отправной точкой для политической активизации на африканском треке. В том же году Анкара получила статус наблюдателя при Африканском союзе, а в 2008 г. была объявлена стратегическим партнером данной организации.

В политической сфере Турция делает ставку на частый обмен визитами на высшем уровне, увеличение количества дипломатических представительств, углубление сотрудничества в рамках международных организаций (прежде всего ООН), создание механизмов взаимодействия по линии внешнеполитических ведомств, межпарламентское сотрудничество².

¹ Мероприятия уже прошли в Северной Македонии, Казахстане, Турции, Испании, Венгрии, Турецкой Республике Северного Кипра.

² Hazar N. Turkey in Africa: the implementation of the Action Plan and an evaluation after fifteen years. ORSAM // Report. No. 124. July 2012. P. 16.

Наиболее репрезентативными примерами политического взаимодействия Турции и Африки на площадке ООН являются две конференции по Сомали (2010 и 2012 гг.), Четвертая конференция по наименее развитым странам (2011 г.). Турция не только выступила в числе инициаторов данных масштабных мероприятий, но и, стремясь зарекомендовать себя в качестве выразителя африканских интересов, активно продвигала наиболее острые вопросы, отвечающие нуждам континента¹. Среди прочих тем международных встреч — проблемы здравоохранения, туризма, расширение участия женщин в общественной жизни, функционирование медиа и СМИ и др.

В рамках курса на упрочение кооперации с региональными структурами (и в первую очередь с Африканским союзом) турецкое руководство дает старт новым международным форумам, которые становятся традиционными, предлагая свою территорию как площадку для свободного и равноправного диалога.

Самым значимым является Саммит сотрудничества Турции и Африки на высшем уровне, по итогам которого разрабатывается концептуальный документ, своеобразная «дорожная карта» для дальнейшего развития отношений. Первый такой саммит прошел в Стамбуле в 2008 г., в нем приняли участие представители 50 африканских стран, в т.ч. 6 президентов, 5 вице-президентов и 6 премьер-министров, а также представители 11 международных и региональных организаций, включая Африканский союз. Второй саммит сотрудничества, состоявшийся осенью 2014 г. в Экваториальной Гвинее, стал важной вехой на пути упрочения доверия африканских партнеров по отношению к Турции. Некоторые африканские лидеры, посетившие первую встречу в Стамбуле в 2008 г., имели еще подозрения и опасения в том, что касается серьезности намерений Турции продвигать национальные повестки дня африканских стран на международных площадках и обсуждать проблемы стран Африки на глобальном уровне. Отражением таких настроений стала приветственная речь президента Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианга на церемонии открытия саммита: «Мы хотим напомнить об ожиданиях после Стам-

¹ Колесникова М. А. Внешняя политика Турецкой Республики в Африке: дис. ... канд. п. наук: 23.00.04. / Моск. гос. лингвист. университет. М., 2021. 170 с.

бульского саммита 2008 года. Правительство Республики Экваториальная Гвинея благодарит Турецкую Республику за трезвый взгляд и желание сотрудничать с Африкой. Однако договоренности, достигнутые в 2008 году, не были воплощены в реальные проекты. Поэтому надеемся, что нынешний саммит в Малабо придаст нашему сотрудничеству новый импульс»¹. Примечательно, что турецкое руководство скорректировало к этому периоду свою позицию и устами Р. Т. Эрдогана заявило о «новой стадии кооперации». «Пришло время придать нашим отношениям новый импульс, с учетом пунктов декларации, которую мы примем и которая станет краеугольным камнем в здании нашего сотрудничества, — заявил Р. Т. Эрдоган. — Мы хотим сфокусировать внимание на сельском хозяйстве, образовании, занятости, торговле, энергетике, транспорте, и я должен признать, что мы готовы к самой тесной кооперации»².

Третий саммит, сроки которого были неоднократно перенесены с 2019 г., состоялся в декабре 2021 г. в Стамбуле. В нем приняли участие 16 африканских лидеров и более 100 министров различного профиля. На фоне продолжающейся пандемии коронавируса основными темами встреч стали вопросы здравоохранения, безопасности, «общего развития и процветания». Подписанная по итогам мероприятия декларация определила ключевые направления турецко-африканского сотрудничества до 2026 г. Следующий саммит — по принципу ротации — должен пройти в одной из стран Африки.

Турция активно стремится к расширению своего присутствия в региональных организациях, объединяющих государства Африки. На сегодняшний день интересы Турции через ее посольства представлены в Африканском союзе (с 2005 г., посольство в Эфиопии), Экономическом сообществе стран Западной Африки ECOWAS (с 2005 г., турецкое посольство в Нигерии), Восточно-африканском сообществе ЕАС (с 2010 г.), Общем рынке Восточной

¹ Обианг и Эрдоган: сотрудничеству Турции и Африки нужен новый импульс. URL: http://e-guinea.ru/news/main_news?id=560 (дата обращения: 11.01.2023).

² Turkish PM Erdoğan sees \$50 billion in African trade. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-pm-erdogan-sees-50-billion-in-african-trade.aspx?pageID=238&nid=38502> (дата обращения: 10.02.2023).

и Южной Африки COMESA (с 2012 г., посольство Турции в Замбии), Экономическом сообществе государств Центральной Африки ECCAS (с 2013 г., турецкое посольство в Габоне)¹.

Политические усилия Турции подкрепляются ее дипломатическим присутствием в регионе. В настоящее время Турецкая Республика имеет 43 посольства в Африке² (в 2009 г. их было всего 19³). В свою очередь, в Турции функционируют дипломатические миссии 37 стран Африканского континента⁴.

Одним из ключевых политических инструментов при выстраивании двусторонних отношений Турции со странами Африки является поддержание прямого диалога с африканскими лидерами в ходе личных встреч. В течение 20 лет Р. Т. Эрдоган посетил порядка 30 африканских государств (некоторые из них впервые за всю историю турецкого президентства), охватив все субрегионы континента: Тунис, Судан, Египет, Алжир, Ливию, Эфиопию, Джибути, Сомали, Кот д'Ивуар, Гану, Нигерию, Гвинею, Сенегал, Нигер, Кению, Танзанию, Уганду, Экваториальную Гвинею, Габон, Чад, ЮАР, Мадагаскар, Мозамбик, Замбию, Мавританию, Мали. Такое рекордное количество визитов для неафриканского лидера (некоторые страны Р. Т. Эрдоган посещал дважды) указывает на стратегическое значение, придаваемое его администрацией Африке.

В свою очередь, в Турции за это время побывали с официальными визитами президенты Буркина-Фасо, Мали, Кот-д'Ивуара, Габона, Сенегала, Чада, Бенина, Гвинеи, Эфиопии, Сомали, Сьерра-Леоне, Нигерии, Гамбии. При этом на церемонии инаугурации турецкого президента в 2018 г. присутствовали 5 глав стран Африки (Бенин, Того, Ливия, Сомали, Эфиопия), еще 3 стра-

¹ Sub Saharan Africa. Turkey-Africa relations. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkey-africa-relations.en.mfa> (дата обращения: 11.01.2023).

² По материалам сайта Министерства иностранных дел Турции. URL: <http://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa> (дата обращения: 25.03.2023).

³ Озер Э. Черный континент в ожидании светлого будущего. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-06-27/5_7016_africa (дата обращения: 21.02.2023).

⁴ По материалам сайта Министерства иностранных дел Турции. URL: <http://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa> (дата обращения: 25.03.2023).

ны были представлены премьер-министрами — Марокко, Габон, Нигерия¹.

В контексте межпарламентского диалога основными формами взаимодействия являются контакты групп дружбы, межпарламентские визиты, участие турецких делегаций в работе конференций Африканского парламентского союза.

Военное и военно-техническое сотрудничество

В последние 10 лет Турция значительно активизировалась на военном треке. Постепенно растет турецкое военное присутствие в Африке, а турецкие компании все более склонны расценивать континент как перспективный рынок для поставок своей продукции.

В 2017 г. в Сомали была открыта первая турецкая зарубежная военная база. Данный объект, на территории которого также был возведен Университет обороны, получил название ТУРКСОМ и позволяет обучать на своей территории более 1500 военных одновременно². Открытие турецкой военной базы в Могадишо оценивается многими аналитиками как возможная поворотная точка в решении длящегося десятилетиями вопроса о стабилизации ситуации в Сомали. Турция, тренируя на данной базе местные силы национальной армии, не только способствует обучению сомалийцев самостоятельно противостоять экстремистским угрозам (в первую очередь в лице отрядов «Аш-Шабаб»), но фактически с нуля создает вооруженные силы в этой стране. Еще одним важным аспектом выступает прямая возможность вхождения на африканский рынок вооружений, где турецкая оборонная промышленность способна предложить свою продукцию. «Опорная точка» в Могадишо в перспективе может позволить Анкаре снабжать оружием обученную турками сомалийскую армию и продавать свою продукцию в другие страны³.

¹ Кто присутствовал на церемонии инаугурации Эрдогана. URL: <http://www.lragir.am/index/rus/0/politics/24483/37896> (дата обращения: 21.02.2023).

² Sharma S. Turkey scrambles for Africa: Ankara eyes new empire in old backyard. URL: <http://www.middleeasteye.net/news/turkey-scamble-africa-1794375465> (дата обращения: 21.02.2023).

³ Свистунова И. А. Региональная политика Турции: стратегия в отношении стран Африки // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4(49). С. 78.

В обход запрета ООН Турция в 2019 г. подписала соглашение с Правительством национального согласия (ПНС) Ливии о военном сотрудничестве на поставку беспилотников, бронетехники, отправку военных специалистов (в том числе сирийских наемников). Особенно важно, что данный документ предусматривает создание турецкой военной базы на ливийской территории, а Анкару наделяет мандатом «на защиту ПНС и столицы». Помимо этого, турецкая сторона в соответствии с соглашением также получает право обучать и оснащать полицию, действующую на контролируемой ПНС территории, содействовать созданию нового военного разведывательного агентства и формированию сил для охраны турецких компаний, которые будут работать в Ливии¹. В августе 2020 г. Турция, ПНС и Катар подписали трехсторонний протокол о создании координационного центра военной подготовки и сотрудничества в Мисрате. Основная цель — создание и обучение новой регулярной ливийской армии под контролем ПНС. Вместе с тем во многих российских² и зарубежных³ источниках отмечается, что речь идет о полноценной базе для дислоцирования кораблей военно-морского флота Турции. Таким образом, можно заключить, что Турция не только готовит прочную базу для долгосрочного закрепления на ливийском театре военных действий, но и в борьбе за энергоресурсы Восточного Средиземноморья идет на сознательную эскалацию в регионе.

По данным 2022 г., Турция имеет соглашения в области безопасности с 30 государствами Африки, в 20 из них проводится обучение профильных сотрудников (спецслужбы, военные, жандармерия, береговая охрана, полиция). Военные атташе представлены в 19 странах континента. К числу основных турецких институтов, участвующих в развитии военного и военно-

¹ См.: ПНС подписало с Турцией соглашение, дающее Анкаре право прямого вмешательства в Ливии. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/pns-podpisalo-s-turciey-soglashenie-dayushchee-ankare-pravo-priamogo-vmeshatelstva-v-livii-tv-1029366355> (дата обращения: 21.02.2023).

² См., например: Лавров А., Крецул Р. Ливия разграничения: почему государству грозит новая вспышка войны. URL: <https://iz.ru/1050726/anton-lavrov-roman-kretcul/liviia-razgranicheniia-pochemu-gosudarstvu-grozit-novaia-vspyska-voiny> (дата обращения: 21.02.2023).

³ См., например: Yasar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa. 06.2022. SWP Comment. 7 pp.

технического сотрудничества, относятся Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Агентство по оборонной промышленности.

Активизация Турции в военной сфере в последние годы превратила ее в одного из самых многообещающих «восходящих» поставщиков оружия на африканский рынок. Африканские страны больше всего заинтересованы в покупке турецкой бронетехники, военно-морской техники, пехотного вооружения и — в особенности — беспилотников. Среди называемых африканскими партнерами плюсов поставляемой турецкой продукции низкие цены, короткие сроки доставки, легкость в управлении, отсутствие политической обусловленности («турки не требуют ничего взамен»). Обратной стороной последнего пункта являются скандальные прецеденты¹, когда турецкое оружие используется в том числе против мирного гражданского населения представителями африканских элит для достижения не всегда легальных целей.

Основными импортерами турецкой военной продукции являются Тунис, Нигерия, Ливия, Египет, Руанда, Буркина-Фасо, Гана, Марокко, Уганда, Сенегал. Среди присутствующих на африканском рынке турецких компаний — Katmerciler, Baykar, ASELSAN, BMC, Nurol Makina, Otokar, TAI. Вместе с тем, несмотря на положительную динамику (в 2021 г. экспорт в Африку оценивался в 460,6 млн долл. США по сравнению с 82,981 млн долл. США в 2020 г.), доля Турции на африканском рынке оружия по-прежнему невелика — 0,5%.

Участствует Турция и в миротворческих миссиях. По данным ООН, актуальным на конец декабря 2022 г.,² Турция представлена 111 военнослужащими в Ливане (UNIFIL), 43 полицейскими и 1 штабным офицером в миротворческой миссии в Южном Судане (UNMISS), 12 полицейскими и 17 штабными офицерами в Мали (MINUSMA), 11 полицейскими и 2 штабными в Демократической Республике Конго (MONUSCO). Еще более ограниченный контин-

¹ См., в частности: Щегловин Ю. Б. О военном соглашении между Турцией и Эфиопией как факторе, влияющем на турецко-египетские отношения. 16.12.2022. // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=92956> (дата обращения: 26.02.2023).

² Troop and police contributors. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (дата обращения: 21.02.2023).

гент участвует в миротворческих операциях в ЦАР (MINUSCA), Абее (UNISFA), Судане (UNITAMS), Сомали (UNSOM и UNSOS). Ранее турецкие специалисты были также задействованы в Дарфуре (UNAMID), Кот д'Ивуаре (UNOCI) и Либерии (UNMIL).

Торгово-экономические контакты

В целях укрепления двустороннего экономического сотрудничества и поддержания постоянного диалога между представителями деловых кругов в 2008 г. была создана Турецко-Африканская торговая палата. В том же году Турция стала 25-м нерегиональным членом Африканского банка развития¹, что предоставило турецким компаниям новые возможности для участия в крупных инфраструктурных проектах на континенте.

Основными игроками на африканском поле остаются так называемые «анатолийские тигры» — представители исламских бизнес-кругов из Анатолии, поддерживающие правящую Партию справедливости и развития. Организационно они входят в две крупные ассоциации: ТУСКОН (до 2016 г.) и МЮСИАД, который на сегодняшний день контролирует основной поток деятельности турецких бизнесменов в Африке. В 2016 г. на ежегодном бизнес-конгрессе MUSIAD-EXPO проблематика турецко-африканского сотрудничества, ранее не звучавшая столь открыто и отчетливо, впервые стала центральной темой данного масштабного мероприятия. Р.Т. Эрдоган, в свою очередь, определил в качестве цели МЮСИАД перезагрузку отношений с африканскими партнерами, активное вовлечение в экономическое поле африканских государств и повышение товарооборота (в особенности с бизнесменами из Нигерии, Ганы, Кот д'Ивуара и ЮАР)².

Не менее значимая структура, контролирующая внешнеэкономическую деятельность турецкого частного сектора светского характера, — Комитет внешнеэкономических связей Турции (ту-

¹ Board Approves Turkey's Application for AfDB Membership. URL: <http://www.afdb.org/en/news-and-events/article/board-approves-turkeys-application-for-afdb-membership-2534/> (дата обращения: 21.02.2023).

² Колесникова М. А. Турецкий полумесяц над Африканским континентом. Тула: Аквариус, 2018. С. 124.

рекая аббревиатура — DEIK). Согласно пересмотренной в 2014 г. стратегии деятельности организации, основная цель DEIK — реализация «бизнес-дипломатии» через создание и включение в свою структуру бизнес-советов со странами-партнерами, фондов, институтов и выдающихся деятелей экономики¹. В настоящее время в Африке под патронажем DEIK функционируют 45 двусторонних деловых советов. Кроме того, DEIK неизменно выступает в качестве одного из главных организаторов всех масштабных бизнес-форумов на высшем и высоком уровнях. В их числе — Турецко-африканский экономический и бизнес-форум, который неизменно объединяет министров торговли и экономики Турции и африканских стран и служит важной площадкой для продвижения деловых интересов. Ожидается, что в 2023 г. форум пройдет в четвертый раз.

Одной из важных задач Турецкой Республики на экономическом направлении является ее превращение в транспортный «хаб», связывающий Африку с другими частями земного шара. В этой связи авиасообщение с континентом развивается усиленными темпами: в настоящее время компания «Турецкие авиалинии» регулярно совершает 60 прямых рейсов в различные города 41 африканской страны. В 2012 г. именно «Турецкие авиалинии» первыми из крупных международных авиаперевозчиков открыли сообщение с сомалийской столицей Могадишо.

Промежуточные количественные итоги торгово-экономического сотрудничества между Анкарой и государствами Африки представляются значительными. По данным 2022 г., подписано более 40 торгово-экономических соглашений. Заключены договоры о свободной торговле с Марокко (с 2021 г. вновь введены определенные ограничения в отношении ряда экспортных статей), Египтом, Тунисом, Маврикием, Суданом (в процессе ратификации). В более чем 30 странах открыты торговые представительства Турции. Основным преимуществом турецких поставщиков, по оценке африканских партнеров, является то, что они предоставляют «европейское качество по азиатским ценам». Общая сумма всех проектов, реализованных на сегодняш-

¹ Официальный сайт DEIK. URL: <https://www.deik.org.tr/deik-about-deik> (дата обращения: 21.02.2023).

ний день турецкими подрядчиками в Африке, составляет около 70 млрд долл. США¹. Размер прямых турецких инвестиций достигает 7 млрд долл.² Товарооборот между Турцией и Африкой продолжает расти. В 2022 г. он достиг отметки в 33,2 млрд долл. США (в 2002 г. — 3 млрд долл.), при этом на страны Тропической Африки пришлось 13 млрд долл. США (против 750 млн долл. в 2002 г.)³.

Турецкое проникновение в Африку привлекло внимание других акторов, которые выразили желание организовать сотрудничество с Турцией. Ряд стран, включая Францию, предложили проект кооперации по линии Турция — ЕС по вопросам осуществления совместных торговых миссий в Африку в целях сдерживания Китая как возрастающей по своему влиянию державы на континенте и недопущения выигрыша Китаем выгодных африканских контрактов⁴. На этом треке, в свою очередь, представители турецкой политической элиты провели консультации по вопросам взаимодействия с руководством США, Испании, Великобритании, Швеции, Норвегии, Италии и некоторых других государств ЕС.

Хотя торговля Турции со странами Африки составляет одну десятую от китайско-африканского товарооборота, по оценке авторитетного американского дипломата Д. Шинна, турки значительно продвинулись на континенте, что диктует необходимость рассматривать турецкое проникновение в Африку в более широком контексте наравне с американским и китайским экономико-дипломатическим присутствием в регионе⁵. Более того, в последние годы возросло число прецедентов, когда турецкие компании «перехватывали» победу в тендере у своих китайских соперни-

¹ Aksoy H., Cevik S., Yasar N. Visualizing Turkey's Activism in Africa // Cats NETWORK. URL: <https://www.cats-network.eu/topics/visualizing-turkeys-activism-in-africa> (дата обращения: 27.02.2023).

² Там же.

³ Statistical Tables and Dynamic research. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=dis-ticaret-104&dil=2> (дата обращения: 27.02.2023).

⁴ Aras B. Turkey's policy in Africa. URL: http://www.gmfus.org/wpcontent/blogs.dir/1/files_mf/1381164221Aras_TurkeysAfricaPolicy_Oct13.pdf (дата обращения: 27.02.2023).

⁵ Olander E. As China & other BRICS slow their investments in Africa, Turkey ramps up. URL: <http://www.chinaafricaproject.com/podcast-china-africa-turkey-david-shinn/> (дата обращения: 27.02.2023).

ков. Так произошло, в частности, в Эфиопии, Уганде и Танзании в рамках проектов по строительству железной дороги, Экваториальной Гвинее и Руанде (строительство гражданских городских объектов)¹.

Гуманитарное измерение

Турецкое руководство, превратив страну за последние несколько лет из получателя в одного из крупнейших мировых доноров гуманитарной помощи, активно продвигает идею о своей «особой модели» официальной помощи развитию (ОПР) и гуманитарном аспекте как детерминанте своей политики на международной арене. Основными тезисами «гуманитарно ориентированной политики» в период правления ПСР стали ответственность за судьбу простых людей; честный, открытый, равноправный диалог и бескорыстная помощь; равнодушие к проблемам нуждающихся («Турция — символ свободы в сердцах всех угнетенных»); противодействие экспансии неокOLONиализма («Турция — не самая богатая, но самая щедрая», «Турция — рука совести в мире»).

Практическое воплощение нового гуманитарного политического курса подтверждается статистическими данными. Начиная с 2004 г. Турция последовательно увеличивала свой вклад в оказание международной гуманитарной помощи. К 2013 г. затраты по данной статье расходов возросли почти в 16 раз (с 190,1 млн долл. США до 3 млрд долл. США). В 2013–2015 гг. Турция занимала в глобальном рейтинге самых «щедрых стран» мира (по данным британской организации Development Initiatives и отчетам ОЭСР) третье место, в 2016, 2020 и 2021 гг. — второе, с 2017 по 2019 гг. — первое². Последние два года Анкара сохраняет лидирующие позиции в списке стран по соотношению объема оказанной гуманитарной помощи к ВВП (5,6 млрд долл. США).

¹ Inanc Y. S. The Turkish construction companies outfoxing China in Africa // Middle East Eye. 05.02.2023. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-africa-construction-companies-outfoxing-china> (дата обращения: 27.02.2023).

² Turkish Emergency Humanitarian Assistance // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. 2022. URL: <http://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkey.en.mfa> (дата обращения: 20.02.2023).

Главным официальным «проводником» турецкой политики в Африке является Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), представляющее собой институт сопряжения государственных, частных и гражданских усилий. Будучи проводником государственной политики, ТИКА активно привлекает к реализации своих проектов представителей крупного предпринимательства, а также взаимодействует с различными НПО, организуя масштабные пиар-акции, нацеленные на привлечение внимания обычных граждан к проблемам гуманитарного характера. Такая устойчивая трехсторонняя связь служит козырем в руках турецких политических лидеров, желающих продемонстрировать «демократическое лицо» республики. Кроме того, развивая в своих проектах идею помощи «от государства к человеку», ТИКА тем самым создает инфраструктуру доверия среди простых африканцев, что упрощает Анкаре процесс «вхождения» на континент. Тематический охват деятельности агентства чрезвычайно широк: здравоохранение (программы подготовки медицинских специалистов младшего и среднего звена, поставки вакцин и лекарств, строительство и оснащение госпиталей), доступ к питьевой воде, образование (организация профессиональных курсов, стажировок, школ по подготовке технических специалистов среднего звена, возведение научно-исследовательских и образовательных комплексов), сельское хозяйство (сооружение «банков генетических данных», создание ирригационных систем, питомников) инфраструктурные проекты по прокладке дорог, реконструкции зданий государственного значения и многое другое. Важным аспектом деятельности ТИКА также является содействие сохранению многообразия культурного наследия, которое относится к османскому прошлому. Наиболее ярким примером в этом отношении может служить о. Суакин (Судан), который арендован турецкой стороной сроком на 99 лет с целью комплексного восстановления инфраструктуры и исторических памятников. Некогда остров служил важным перевалочным пунктом для паломников, направляющихся из Африки в Мекку, и сейчас Турция стремится возродить его роль как важного центра международного религиозного туризма.

Особенным примером и своеобразным индикатором гуманитарно ориентированной политики Анкары является Сомали —

«ворота» Турции в Восточную Африку и плацдарм для закрепления турецких стратегических позиций на Африканском Роге. В 2011 г., когда в Сомали разразился голод, турецкое руководство заявило о солидарности с бедствующим населением этого государства и объявило себя главным спасителем «своих африканских братьев». По линии государственных и неправительственных организаций был осуществлен целый комплекс мер, направленный на реанимирование этого государства. Сумма только добровольных пожертвований составила около 500 млн долл. США¹. Такой оперативный отклик турецкой стороны на разразившуюся в Восточной Африке гуманитарную катастрофу был удостоен высокой оценки со стороны мирового сообщества. По заявлению помощника координатора по гуманитарным вопросам ООН в Сомали К. Клейшмидта, «за несколько месяцев турки сделали больше, чем любая другая страна или группа помощи за 21 год»². По оценке посла Сомали в США Абукара Армана, «Эрдоган стал даже популярнее президента переходного федерального правительства Шарифа Шейха Ахмеда и нынешнего президента Сомали»³. Турция по сей день продолжает активно участвовать в решении гуманитарных проблем в Сомали. Ее вклад настолько велик, что многие аналитики говорят о турецком опыте государственностроительства (state-building).

В числе основных присутствующих в Африке турецких НПО следует назвать Достели (Dosteli), Йерйюзу Докторлары (Yeryuzu Doktorlari), Джансую (Cansuyu), Международное движение Красного полумесяца, Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи, при этом особенно активна их деятельность в сфере оказания медицинских услуг. Кроме того, обращают на себя внимание их усилия по созданию кюлие (комплексы, включающие в себя мечеть и окружающие ее здания социального, ре-

¹ Somali'ye 1 milyondolarkatki. URL: <http://www.sabah.com.tr/Gundem/2012/06/02/somaliye-1-milyon-dolar-katki> (дата обращения: 27.02.2023).

² Ipek V. The 2011 landing of Turkey on Somalia: the "state to people" aspect of Turkish foreign policy towards sub-saharan Africa // *European Scientific Journal*. 2014. No. 3. P. 440.

³ Arman A. Erdogan: The hero of Somalia. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2015/01/visit-erdogan-somalia-2015121124331818818.html> (дата обращения: 27.02.2023).

лигиозного и торгового назначения), традиция существования которых относится к периоду Османской империи.

Особое место в стратегии продвижения «мягкой силы» на континенте занимает образовательная политика. В целях повышения интереса африканской молодежи к турецкой учебной системе реализуются государственные стипендиальные программы, на ежегодной основе действует программа обучения дипломатов. В Африке развернута широкая сеть школ, выпускники которых впоследствии формируют прослойку местной элиты, положительно относящейся к Турции. Большая часть таких учебных заведений (около 40 стран континента) была создана на средства известного проповедника и мультимиллиардера Ф. Гюлена, после разлада с которым (обвинен Р. Т. Эрдоганом в причастности к попытке государственного переворота в 2016 г.) турецкими властями было принято решение о разворачивании кампании по переводу школ дипломатическими усилиями в ведение специально созданного государственного фонда «Маариф». В настоящее время под патронажем «Маариф» действует 191 школа в 25 странах Африки, при этом подавляющее число работников рекрутируется из числа местных¹.

Главным проводником культурной политики в регионе является Фонд Юнуса Эмре, созданный при поддержке государства (численность представительств в Африке планируется довести до 24, в н.в. — 10). В основу его деятельности положен принцип некой прежней «османской культурной общности», Турция при этом преподносится как наследница «лучших османских традиций» и продолжательница идей Великой Порты².

Тезис «общности религиозных связей» на практике реализуется Управлением Турции по делам религии (Diyanet). Данная структура, обладая значительным финансовым потенциалом и организационными возможностями, планомерно расширяет свое присутствие в африканских странах, увеличивает количество грантов по образовательным программам исламской теологии

¹ См.: Официальный сайт фонда «Маариф» — URL: <https://turkiyemaarif.org/> (дата обращения: 26.02.2023).

² Аватков В. А., Чулковская Е. Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре — «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. 2013. № 2(22). С. 121.

для африканских студентов и содействует расширению на Африканском континенте сети школ наподобие турецких имам-хатиб, в которых наряду с предметами, изучаемыми в государственных средних учебных заведениях, преподается ислам и осуществляется подготовка имамов¹. Кроме того, представители руководящего звена Управления на регулярной основе проводят саммиты и двусторонние консультации с духовными лидерами африканских стран с мусульманским населением.

Практические результаты подтверждают грамотность избранной Турцией гуманитарной стратегии: в конце 2018 г. Р. Т. Эрдоган был объявлен самым влиятельным мусульманином года по оценке Исламского центра стратегических исследований (вторым стал король Саудовской Аравии Салман ибн Абдул-Азиз, третьим — король Иордании Абдалла II)². Показательно, что на церемонии оглашения результатов особенно были отмечены заслуги турецкого президента по оказанию помощи мусульманам в Сирии и Африке (в частности — в Сомали). Вслед за таким высоким результатом в 2018 г. нигерийская исламская газета также назвала Р. Т. Эрдогана «Мусульманином года-2019», отметив бесспорность выбора, учитывая «влияние и власть, которую он имеет в мусульманском мире и международном сообществе»³.

Итоги, вызовы и перспективы

Отмечая очевидные успехи Турецкой Республики на африканском направлении, необходимо учитывать ряд негативных факторов, лимитирующих ее активность на континенте.

Прежде всего, это ограниченность материальных возможностей Турции, усугубляющаяся неоднозначной социально-

¹ Мосаки Н. З. Образовательная экспансия Турции в Африке. URL: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=1869&t_no=1870&ob_no=1874 (дата обращения: 27.02.2023).

² Dünyanın en etkili Müslümanı Recep Tayyip Erdoğan. 24.10.2018. // Sabah. URL: <https://www.sabah.com.tr/dunya/2018/10/24/dunyanin-en-etkili-muslumanierdogan> (дата обращения: 27.02.2023).

³ Kavak G. Nigerian daily names Erdogan Muslim Personality of 2019. 11.01.2020 // Anadolu Agency. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/nigerian-daily-names-erdogan-muslim-personality-of-2019/1699261> (дата обращения: 27.02.2023).

экономической динамикой внутри страны и все большим вовлечением Анкары в проблемы Ближнего Востока и Северной Африки. В разрезе экономических проблем заслуживает внимания растущее недовольство национальных предпринимателей в отдельных странах Африки расширяющейся активностью Турции, что приводит к ущемлению местного малого и среднего бизнеса¹.

Кроме того, необходимо учитывать высокую конкуренцию со стороны других присутствующих на континенте акторов (Китай, Индия, США, страны ЕС). Прямая конкуренция с ними может затянуть турок в непосильную (в первую очередь по экономическим соображениям) гонку, а их успехи могут привести не только к «оттягиванию» потенциальных союзников, но и стать фактором, негативно отражающимся на имидже Турции в регионе как более слабого игрока.

Значительным фактором являются афропессимистические настроения среди определенной части турецкого крупного бизнеса. Несмотря на риторику Р. Т. Эрдогана и активное привлечение представителей бизнес-элиты к африканским турне президента и масштабным форумам, далеко не всегда ведущие предприниматели готовы уделять повышенное внимание новому направлению турецкой внешней политики, предпочитая стабильное развитие торгово-экономических связей с традиционными партнерами. Это подтверждают цифры официальной статистики: в 2022 г. только 8% общего внешнеторгового оборота ведущих турецких предприятий пришлось на страны Африки (из них 67% — на страны Северной Африки), в то время как безусловными лидерами остаются Европейский союз (42,1%), страны Ближнего и Среднего Востока (18,7%), Азиатско-Тихоокеанского региона (15,7%)².

Правительства отдельных стран Магриба с недоверием относятся к идеологической близости Турции к религиозно-

¹ В частности, в Марокко из-за сильного дисбаланса в двусторонней торговле на законодательном уровне было принято решение о возвращении таможенных пошлин на 1200 категорий турецких товаров, несмотря на имеющееся соглашение о свободной торговле.

² Рассчитано автором по данным: Statistical Tables and Dynamic research. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=dis-ticaret-104&dil=2> (дата обращения: 27.02.2023).

политическому движению «Братья-мусульмане». В частности, именно такая тенденция в выборе партнеров стала одной из определяющих причин раздора Турции с новыми политическими силами Египта, пришедшими к власти в 2013 г. Четко прослеживается деление на два лагеря в Ливии, где Турция поддерживает близкого к исламистскому течению Ф. Сараджа.

Среди других проблем в сфере гуманитарного сотрудничества следует отметить нехватку турецких специалистов по Африке — историков, культурологов, филологов, антропологов, что неизбежно отражается на выработке взвешенных подходов к пониманию специфики региона и четких перспектив в отношении дальнейшего упрочения Турции на континенте.

Говоря о среднесрочной перспективе, следует полагать, что пока Р.Т. Эрдоган и/или его идеологические последователи находятся у власти, африканский вектор по-прежнему будет прочно вплетен во внешнеполитическую ориентацию Анкары. Данное положение подкрепляется прежде всего тем обстоятельством, что «африканский проект» напрямую ассоциируется с Р.Т. Эрдоганом и его партией.

Что касается взглядов оппозиционных политических партий на африканскую политику Турции, то на сегодняшний день можно констатировать отсутствие у них какой-либо специальной программы на этом направлении. Прослеживаются отдельные комментарии о необходимости упрочения связей с Египтом, пересмотра политики в отношении Ливии, редкие заявления касательно наиболее крупных стран региона. Вместе с тем, вероятно, новые политические силы в случае прихода к власти едва ли будут готовы «свернуть» наработанные успехи в Африке, особенно на экономическом направлении.

Заключение (послесловие)

В предвыборной программе ПСР 2023 года, в которой были обозначены основные контуры видения «Столетие Турции», подчеркивалось, что во внешнеполитической деятельности курс на развитие отношений как со странами Запада, так и с Россией сохранится. В контексте продолжающегося конфликта на Украине Турция, согласно планам ПСР, и далее будет придерживаться «политики нейтралитета». В предвыборном документе ПСР также отмечалось, что Турция активизирует контакты со всеми сторонами сирийского конфликта, чтобы добиться урегулирования ситуации в этой стране. Отношения с соседними странами, согласно программному документу, будут укрепляться «на основе уважения национальных интересов, сотрудничества, процветания, стабильности и мира». При этом подчеркивалось, что Турция продолжит «самым активным образом» проводить политику по укреплению безопасности границ, борьбе с терроризмом и защите суверенных прав.

Таким образом, ориентированный на многовекторность нынешний внешнеполитический курс Анкары с большой долей вероятности сохранится. А это означает, что и вектор развития российско-турецких связей не будет подвержен каким-либо серьезным коррективам. Для российского руководства Р. Т. Эрдоган является «привычным» и «предсказуемым» партнером, с помощью которого можно решать как региональные, так и международные вопросы. В свою очередь Анкара понимает, что позиция Москвы является важным фактором в контексте турецкого присутствия в регионах Центральной Азии, Кавказа, Черноморского бассейна и Ближнего Востока. С участием России и Турции соз-

дан международный формат взаимодействия по сирийскому направлению, у государств есть опыт двустороннего сотрудничества по Нагорному Карабаху. Турция сохраняет интерес к посредничеству в украинском конфликте, видя в этом возможность укрепления своих позиций на международной арене. Выступив инициатором в процессе создания регионального механизма под эгидой ООН, нацеленного на решение проблем, связанных с глобальной продовольственной безопасностью, Турция получила дополнительную возможность заявить о себе как об ответственном глобальном игроке.

В сложившейся международной ситуации можно предположить, что Турция под руководством Р. Т. Эрдогана будет и дальше проводить во многом самостоятельную внешнюю политику. Отношения Турции с Соединенными Штатами и странами ЕС, к которым у нее сохраняется целый ряд претензий, в том числе по вопросам военно-технического сотрудничества и борьбы с терроризмом, кардинальных перемен, судя по всему, не претерпят. Однако сохранение прежнего курса турецкой внешней политики не означает, что и инструментарий турецкой дипломатии останется прежним.

Список литературы

Аватков В. А., Чулковская Е. Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре — «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. 2013. № 2(22).

Азербайджан вернул контроль над Карабахом // Независимая газета. 25.12.2020.

Беленькая М., Кривошеев К. Турция переступает через ООН. Президент Эрдоган выступил против объединения Кипра // Коммерсантъ. № 127. 22.07.2021.

Бингол Х. Ф. Россия и Турция: энергия сотрудничества. Взаимодействие в сфере энергетической политики. М.: Политическая мысль, 2010.

Болдырев А. В. Политика Турции на Чёрном море в период грузино-югоосетинского конфликта (август-сентябрь 2008 г.) // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М.: ИВ РАН / ИБВ, 2010.

Власова К. Греко-турецкое противостояние и его влияние на регион Восточного Средиземноморья // Современная Европа. 2021. № 3.

Волкова С. Л. Торгово-экономические связи Турции с Ираном на современном этапе // Мусульманский мир на исторических рубежах России / Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5. М., 2017.

Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов / П. Гудев, И. Ибрагимов, Ю. Квашнин [и др.] // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3(66).

Гаджиев А. Г. Итоги президентских выборов в ТРСК и роль Кипрской проблемы во взаимоотношениях между Турцией и ЕС // Институт Ближнего Востока. 07.05.2010.

Гаджиев А. Г. Стамбульский саммит ПСЮВЕ и Турция // Институт Ближнего Востока. 28.06.2010.

Горбунова Н. М. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы / Н. М. Горбунова, И. И. Иванова // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2(12). С. 72.

Графов Д. Б. Лоббирование интересов Турции в США при администрации Д. Трампа // Восточная аналитика. 2020. Вып. 4.

Гудев П. А. Международное право или битва за права / Борьба за Восточное Средиземноморье. Интересы и амбиции. Коллективная монография / Под ред. И. Д. Звягельской // ИМЭМО РАН. М.: Аспект Пресс, 2022.

Демирель Н. Основы политики Турции в Черноморском регионе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 6 (72). 2020. № 3.

Звягельская И. Д., Макаров Д. В. Восприятие Россией политики Запада в Центральной Азии. М.: Логос, 2003.

Иванова И. И. «Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016)». М.: Аспект Пресс, 2017.

Иванова И. И. Турция и кипрский вопрос: напряжение сохраняется // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2018. Вып. 4.

Иванова И. И. Российско-турецкие отношения в вопросе сирийского урегулирования / Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография. Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2021.

Искендеров П. Россия и Турция в контексте кипрской проблемы // News Front. 17.02.2017.

Исламов Д. Саммит Организации тюркских государств в Самарканде: между иллюзией и реальностью // РСМД. 23.11.2022.

Кандахарян Ш. Активизация турецкого фактора в Ливане // Аз-дак, Бейрут. Май 2012.

Кестем С. Ближневосточная дилемма Турции. Региональное правительство Курдистана и ИГИЛ // НП «Российский совет по международным делам» (РСМД). 08.08.2014.

Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, 2007.

Колесникова М. А. Внешняя политика Турецкой Республики в Африке: дис. ... канд. п. наук: 23.00.04. / Моск. гос. лингвист. университет. М., 2021.

Колесникова М. А. Турецкий полумесяц над Африканским континентом. Тула: Аквариус, 2018.

Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г. Монтрё (Швейцария). Приложение / Турция между Европой и Азией. М.: Крафт+ / ИВ РАН, 2001.

Ледовская О. А. Япония и Турция: долгий путь к взаимовыгодному партнерству в XXI веке. М.: ИВ РАН, 2022.

Лихачев В. Состояние и перспективы российско-турецких отношений в энергетической сфере. РСМД, 16 декабря 2016 г.

Международная реакция на кавказские события в августе 2008 г. М.: ИВ РАН, 2008.

Новые известия. 12.01.2005.

Орлов А. С. Об усилиях Турции по признанию Турецкой Республики Северного Кипра // Институт Ближнего Востока. 28.09.2022.

Панфилова В. Анкара объединяет Центральную Азию // Независимая газета. 10.11.2022.

Рамм А. Беспилотный мир: в Карабахе заработал российско-турецкий центр // Известия. 01.02. 2021.

Свистунова И. А. Турция, Сербия, Босния и Герцеговина: второй трехсторонний саммит // Институт Ближнего Востока. 03.05.2011.

Свистунова И. А. Турецко-иранские отношения // Турция на пути к региональному лидерству. М.: ИВ РАН, 2015.

Свистунова И. А. Турция и сирийский кризис: вызовы и возможности для внешней политики Анкары // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1 (48).

Свистунова И. А. Региональная политика Турции: стратегия в отношении стран Африки // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4(49).

Свистунова И. А., Квашнин Ю. Д. Турецко-греческие противоречия как константа региональной политики // Борьба за Восточное Средиземноморье. Интересы и амбиции. Коллективная монография / Под ред. И. Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. М.: Аспект Пресс, 2022.

Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003./ Под ред. А. Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2003. Т. 3.

Совместная декларация «Об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой от 6 декабря 2004 г.». Анкара.

Современная Турция: тренды развития и значение для России. Научный доклад. М.: ИМЭМО РАН, 2019.

Стародубцев И. И. К вопросу о старте реализации Турцией проекта Канала «Стамбул». Часть 1. 27.06.2021.

Сулейманов А. Проблемы Кипра: История и современность // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2.

Суховеркова А. Кипр: потухший свет в конце тоннеля? // Regnum. 15.03.2017.

Турецкая военная машина: сила и слабость / Под ред. М. С. Барабанова и Р. Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2017.

Ульген С. Место под солнцем или пятнадцать минут славы? Новый внешнеполитический курс Турции. М.: Московский центр Карнеги, 2010.

Ульченко Н. Ю. Не только институты: что стоит за изменением траектории роста экономики Турции во втором десятилетии XXI в. // Восток (Oriens). 2022. № 3.

Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / Отв. ред. В. В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2014.

Уразова Е. И. Евразийское направление внешней политики Турции при правительстве Партии справедливости и развития (ПСР) / Турция в новых геополитических условиях. М., 2004.

Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., 2012.

Шлыков П. В. Популизм в политической культуре Турции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. Т. 13. 2021. № 2.

Щегловин Ю. Б. О военном соглашении между Турцией и Эфиопией как факторе, влияющем на турецко-египетские отношения. // Институт Ближнего Востока. 16.12.2022.

15 Temmuz Darbe Girişimi ve Millet'in zaferi // Cumhurbaşkanlığı Genel Sekreterliği. Ankara: Cumhurbaşkanlığı Yayınları, 2016.

ABD ülke profili; Rusya ülke profili; Federal Almanya ülke profili; Çin ülke profili; Irak ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. 2020.

Ashri K. Titanic Shift in the Republic of Turkey from Stasis to Homonoia/ Perspectives on Turkey's Multi-regional role in the 21st century. Edited by Mujib Alam. New Delhi: KW Publishers Pvt Ltd, 2015.

Ayden M. Turkey and the Central Asia // Central Asia Survey. Vol. 15. No. 2. June 1996.

Barrow, Keich.// International Railway Journal. January 24, 2013.

Başbakan Erdoğan Beyrut ziyareti ışığında // ORSAM. Arabik. 10.08.2009.

Coşkun A., Ülgen S. Political Change and Turkey's Foreign Policy.// Working Paper. Wash., Carnegie Endowment For International Peace. November 14, 2022.

Dağıstanlı, Mustafa Alp. Irak Savaşı'nda Türk Dış Politikası / Birikim Dergisi. Sayı: 169. Mayıs 2003.

Darıcı, Ali Burak. Türk Dış Politikası ve ABD İlişkileri / Türk Dış Politikası. Ed.: Hasan Acar. Ankara, 2020.

Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2010.

DPT. Temel ekonomik göstergeler. Ankara, 1996.

Duygu Çağla Bayram, Özgür Tüfekçi. Turkey's Black Sea Vision and Its Dynamics // Karadeniz Araştırmaları XV/57 — Bahar 2018.

Erdogan's New 'Existential' Test: Municipal Elections on March 31. CSIS. Commentary. March 29, 2019.

Frappi C. Central Asia's place in Turkey's Foreign Policy // ISPI analyses. No. 225. December 2013.

Fuat Aksu, "Kıbrıs Sorunu, Müzakereler ve Türkiye'nin Açmazı", Küreselleşen Dünyada Anayasal Demokrasi, Lefkoşe: Yakınoğlu Üniv. Yay., 2013.

Guven ve İstikrar içinde durmak yok yola devam. Ankara, Parti Bünyesinde, 2007.

Güvenç S. NATO'da 60 Yıl. Türkiye'nin Transatlantik Güvenliğine Katkıları. İstanbul, 2013.

Hakki Öcal “Suriye ve Rusya ile bir adım atmaliyiz”. // Milliyet. 18.12.2022.

Hazar N. Turkey in Africa: the implementation of the Action Plan and an evaluation after fifteen years. ORSAM // Report. No. 124. July 2012.

Hovsepian L. Turkey and Russia: Military-Technical Cooperation Today and Tomorrow // Central Asia and the Caucasus. Volume 12. Issue 3. 2011.

Inanc Y. S. The Turkish construction companies outfoxing China in Africa // Middle East Eye. 05.02.2023.

Ipek V. The 2011 landing of Turkey on Somalia: the “state to people” aspect of Turkish foreign policy towards sub-saharan Africa // European Scientific Journal. 2014. No. 3.

John Kerry, Secretary of State. Remarks With Turkish Foreign Minister Ahmet Davutoglu Before Their Meeting. Brussels, Belgium. June 25, 2014.

Joint Press Availability With President Obama And President Gul Of Turkey. Ankara. April 6, 2009.

K. Ali Akkemik. Is Turkey Turning Its Face Away from Japan to China and Korea? Evidence from Trade Relations. Perceptions. Spring 2016.

Kavak G. Nigerian daily names Erdogan Muslim Personality of 2019 // Anadolu Agency. 11.01.2020.

Kerkük'te Amerikan Askerlerince Gözaltına Alınan 11 Türk Silahlı Kuvvetleri Mensubu. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 111, 5 Temmuz 2003.

Keynote Remarks to the Assembly of Turkish American Associations' Annual Turkish American Conference. April 12, 2014.

Kirişçi K., The Transformation of Turkish Foreign Policy // New Perspective on Turkey. March 2009. № 40.

Kuloglu A. “Türkiye'nin Suriye politikası degisiyor mu?”// Cumhuriyet. 19.02.2022.

Menon R., Wimbush S. E. The US and Turkey: End of an Alliance? // Survival. Vol. 49. No. 2. Summer 2007.

ORSAM. Japan — Turkey Dialogue on Global Affairs // Report. No. 207. March 2017.

Pierini M., Siccardi F. Why the EU and United States should Rethink their Turkey Policies in 2021. Carnegie Europe, January 21, 2021.

Poghosyan B. US — Turkish Relations in the Obama Era. // RUSI Journal, February/March 2013. Vol. 158. No. 1.

Rusya Federasyonu Ülke Raporu 2023. Moskova Büyükelçiliği Ticaret Müşavirliği, 2023.

Schirte Michael. US Warns Georgia on Continuing Deals with Iran.// The New York. November 28. 2006.

Scott Morrison. Japan and Turkey: The Contours and Current Status of an Economic Partnership/ Free trade Agreement// Insight Turkey. Spring 2014. Vol. 16. No. 2.

Şener A. Russian–Turkish Relations in the 21st Century, 2000–2012 // Russian Analytical Digest. No. 125, 25 March 2013.

Sinkaya, Bayran “Arap Baharı Sürecinde İran’ın Suriye Politikası”, SETA Analiz, Sayı 53. Nisan 2012.

Tanır İ. How the Arab Spring is Transforming Turkish-American Relations // Turkish Policy Quarterly. Vol. 10. No. 3. Fall 2011.

Turan I. Advetures in Causal Analysis: The Whys of Turkey’s Deteriorating Relations with Israel//GMF. Analysis. On Turkey Series. Wash., September 15, 2011.

Türk Dış Politikası, cilt II. 1980–2001. İstanbul, 2013.

Türk Dış Politikası, cilt III. 2001–2012. İstanbul, 2013.

Turkish Emergency Humanitarian Assistance // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. 2022.

Türkiye Japonia iş konseyleri // Japonya Ülke Bülteni. DEİK, March 2012.

Üstün K. Türk-Amerikan İlişkileri: 2022’nin Öğrettikleri. Kriter Dergisi. Ocak 2023 / Yıl 7, Sayı 75.

US-Turkey Relations: Summer Doldrums, Autumn Storms? CSIS. Commentary. August 29, 2019.

Uzgel, İlhan. ABD ve NATO’yla İlişkiler / Türk Dış Politikası. Cilt III: 2001–2012. Ed.: Baskın Oran. İstanbul, 2013.

Walker J. W., Alessandri E. Turkey’s Emergence as a Middle Eastern Stakeholder and What this Means for the West // GMF. Analysis. On Turkey Series, Wash., October 10, 2011.

Weitz Richard, Reducing its Dependence on Foreign Arms Suppliers, Turkey Enhances Its Strategic Autonomy // Turkey Analyst. Vol. 3. No. 14. 30.08.2010.

Winrow. Turkey and the Post Soviyet Central Asia. L., 1996.

Yasar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa. 06.2022. SWP Comment.

Yeşiltaş M. Türk-Amerikan İlişkilerinde Tarihsel Döngü. Kriter Dergisi. Temmuz-Ağustos 2021 / Yıl 6, Sayı 59.

Zaman A. Recep Tayyip Erdogan's Lurch towards Islam: An Electioneering Tactic or His True Face Revealed // GMF. Analysis. On Turkey Series. Wash., January 27, 2011.

Zeyrekli S. Türkiye'nin Orta Politikasında Demirel' in Rolü. // Electronic Journal of Political Studies. June 2013.

Сведения об авторах

Болдырев Андрей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва.

Васильева Екатерина Александровна — преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока, МГИМО (У) МИД России, Москва.

Волкова Светлана Леонидовна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры ближневосточных языков, Военный университет им. князя А. Невского Министерства обороны РФ, Москва; научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва.

Гаджиев Амур Гаджибабаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва.

Горбунова Наталья Максовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН, Москва.

Иванова Инесса Ильинична — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва.

Колесникова Мария Александровна — кандидат политических наук, доцент МГЛУ, Москва.

Ледовская Ольга Андреевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, Москва.

Свистунова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва.

Ульченко Наталия Юрьевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва.

Summary

This study is devoted to the analysis of Turkish foreign policy during the reign of the Justice and Development Party (AKP), founded at the beginning of the 21st century under the leadership of Recep Tayyip Erdogan and came to power in 2002.

The relevance of the study lies in the fact that today the Turkish factor has begun to play an important role in almost all issues of the regional and international agenda, especially in the events and processes taking place in the Middle East, the Black Sea region, Transcaucasia and Central Asia. Ankara seeks to form its own foreign policy course, determine its interests on a wide range of issues, as well as fairly firmly defend its positions in the international arena, just as it happened during the Ottoman Empire. Türkiye over the past two decades has gained significant influence in the volatile region surrounding it.

The presented work is built according to the problem-chronological principle. The first chapter is devoted to understanding the goals and objectives, as well as the fundamental principles and priorities of the foreign policy of modern Turkey, which claims to be one of the centers of geopolitical influence in a polycentric world. Particular attention is paid to the evolution of the tools used in solving foreign policy tasks facing Turkish diplomacy. It is emphasized that at present the Turkish foreign policy thought continues to move away from the dogmatic attitudes of idealism towards the pragmatic worldview of realism. Rapid response to the situation and events in the region through the use of elements of “soft” and “hard” power has become an integral feature of Ankara’s regional policy in recent years. Turkey not only strengthened its regional importance by expanding its influence on neighboring countries, but also declared itself as a player with claims for permanent participation in the system of global governance.

The second chapter is devoted to the analysis of the economic prerequisites for Turkey’s foreign policy turn during the period of

the AKP. The original periodization of the economic history of the Republic of Turkey is presented, as well as changes in the geographical structure of the country's foreign trade that have taken place over the past two decades. The dependence of the policy of "target markets" on the foreign policy and economic course of the country is noted.

The third chapter deals with Russian-Turkish relations; both political, trade, economic, cultural and humanitarian ties, as well as contacts between the two countries in such sensitive areas as security, defense and military-technical cooperation have been studied. Attention is drawn to the peculiarities of the development of bilateral relations in the context of the Syrian crisis, the Nagorno-Karabakh conflict and the special military operation in Ukraine. It is noted that the favorable development in bilateral relations in the XXI century, largely determined by the increased level of mutual trust in the political sphere, the economic interest of the parties in interacting with each other and cross-cultural understanding.

In the fourth chapter, the authors analyze Turkey's relations with Western states, and also consider Ankara's policy regarding the Cyprus issue and its position regarding the problems of the Balkan Peninsula and the Black Sea straits. Separately, Turkish-American relations are considered, the development of which during the period of the AKP took place along a zigzag trajectory: from attempts to "reset relations" and the search for a new "model" of partnership to growing tensions and the emergence of a number of new insurmountable contradictions. The ambiguous nature of the development of Turkey's relations with the European Union is noted, which, as a result of the emergence of new variables, such as illegal migrants, regional conflicts, disputed deposits in the Mediterranean Sea, etc., have become even more complex.

In the last chapter, readers are presented with a detailed analysis of the eastern vector of Turkey's foreign policy at the present stage. The concepts and approaches that dominate Ankara's policy in the African, Middle East, South Caucasus, Central Asian and East Asian directions are considered. Turkey's relations with Iran, Egypt and Libya, with the countries of the Persian Gulf and Israel are studied separately. Particular attention is paid to the evolution of Turkey's Middle East policy in the context of the events of the "Arab Spring" and the

ongoing Syrian crisis. The characteristic of Turkey's cooperation with the countries-guarantors of the Astana process on Syria is given. It is noted that the order of building interaction with these countries demonstrates the independence of Ankara and its ability to diversify foreign policy ties.

A wide range of issues discussed in this monograph allows us to give a complete picture of the features of the foreign policy of the Republic of Turkey in the period from the beginning of the 21st century to the beginning of the 21st century. and until an important date in the history of the country — 2023, when it celebrates the centenary of its founding.

Content

Authors' team	5
From the editor (foreword)	6
Introduction	9
CHAPTER 1. EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF TURKISH FOREIGN POLICY DURING THE AKP GOVERNANCE . . .	12
CHAPTER 2. ECONOMIC PREREQUISITES FOR TÜRKİYE'S FOREIGN POLICY TURN DURING THE AKP PERIOD	23
2.1. Economic factor in Türkiye's foreign policy during the period of the AKP	23
2.2. Dynamics of the geographical structure of Türkiye's foreign trade as a reflection of its changing foreign policy priorities	41
CHAPTER 3. RUSSIAN-TURKISH RELATIONS	69
3.1. Bilateral political cooperation	69
3.2. Economic aspects of Russian-Turkish relations.	92
3.3. Russia and Türkiye: Aspects of Military-Technical Cooperation in the 21st Century	104
CHAPTER 4. WESTERN VECTOR OF TURKISH FOREIGN POLICY. . .	119
4.1. Türkiye and the United States during the AKP period	119
4.2. Türkiye–EU: evolution of approaches to the development of relationships (2002–2023)	138
4.3. Türkiye and Greece during the AKP period	146
4.4. The Cyprus issue in Türkiye's foreign policy during the period of the AKP	157
4.5. Türkiye's Balkan policy during the period of the AKP	171
4.6. The Black Sea Straits in Türkiye's Foreign Policy in the 21st Century.	179

CHAPTER 5. THE EASTERN VECTOR OF TÜRKİYE'S FOREIGN POLICY 192

5.1. Türkiye's Middle East policy under the AKP.	192
5.2. Dynamics of development of relations between Turkey and Iran in the 21st century.	205
5.3. Türkiye and Central Asia under the AKP.	236
5.4. Türkiye and the South Caucasus in the 21st century.	261
5.5. The development of Japanese-Turkish relations during the reign of the AKP in Turkey	280
5.6. Türkiye and African countries during the reign of the AKP .	303
Conclusion (afterword)	321
Bibliography	323
About the authors	331
Summary	332

Authors' Team

From the editor (foreword) — A. Gadzhiev

Introduction — N. Ulchenko, A. Gadzhiev

CHAPTER 1

1.1 — A. Gadzhiev

CHAPTER 2

2.1 — N. Ulchenko

2.2 — S. Volkova

CHAPTER 3

3.1 — I. Ivanova

3.2 — N. Ulchenko, I. Ivanova

3.3 — A. Boldyrev

CHAPTER 4

4.1 — I. Svistunova

4.2 — A. Gadzhiev

4.3 — I. Svistunova

4.4 — E. Vasilyeva

4.5 — I. Ivanova, E. Vasilyeva

4.6 — A. Boldyrev

CHAPTER 5

5.1 — E. Vasilyeva, N. Gorbunova, I. Ivanova

5.2 — I. Ivanova

5.3 — I. Ivanova

5.4 — I. Ivanova

5.5 — O. Ledovskaya

5.6 — M. Kolesnikova

About the authors

Andrey Boldyrev — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Ekaterina Vasilyeva — Lecturer at the Department of Languages of the Near and Middle East, MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

Svetlana Volkova — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Middle Eastern Languages, Prince A. Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow; Researcher at the Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow.

Amur Gadzhiev — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Natalya Gorbunova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Inessa Ivanova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Maria Kolesnikova — Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Moscow State Linguistic University, Moscow.

Olga Ledovskaya — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Center for Study of Common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Irina Svistunova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Natalia Ulchenko — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Научное издание

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ (2002–2023 ГГ.)

К 100-ЛЕТИЮ РЕСПУБЛИКИ

Редактор и корректор *Н.А. Сидоркина*

Верстальщик *Н.А. Кильдишева*

Оформитель *П.А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 25.09.2023. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 21,13. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>